
Александр Иванович Егоров

ПОВЕСТИ

*ДОКТОР ВАТСОН И
ПОЛКОВНИК МОРАН*

ЛЮБОВЬ ХОЛМСА

Бишкек 2016

*ДОКТОР ВАТСОН И
ПОЛКОВНИК МОРАН*

Доктор Ватсон

Дорогой читатель! Ты, конечно же, читал «Записки о Шерлоке Холмсе», и именно это сподвигло тебя взять в руки эту книгу. И хотя здесь ты не найдешь новых рассказов о великом сыщике, но наша книга также расскажет о страстях и пороках людских, кои направили и ее персонажей на путь преступлений.

Мне всегда было интересно, что движет человеком, идущим неправедным путем, что толкает его на это? И хотя в обществе принято считать, что только люди из низших слоев становятся на скользкий и опасный путь, но это не так, я сам до знакомства с м-ром Холмсом так же заблуждался довольно длительное время, но, став участником описанных м-ром Дойлом событий, вынужден был поменять это расхожее мнение, мало того, нам встречались люди, ставшие преступниками, но при этом, если хотите, не потерявшие врожденного благородства.

В свое время я отдал почтенному м-ру Конан Дойлу довольно обширный материал о Ш. Холмсе, и даже не знаю, как выразить ему свою благодарность за то, что он смог систематизировать, донести до читателя и обессмертить все то, что я записывал на ходу, можно сказать, бездумно, не имея достаточного времени на тщательную обработку своих заметок. При этом меня, как человека несправедного любопытства, всегда интересовала и оборотная сторона любого раскрытого м-ром Холмсом преступления, а именно: как пойманный нами убийца оказался в такой неприглядной для добропорядочного англичанина роли? Ведь не был же этот человек рожден преступником! Что же заставило его так измениться к худшему? Часто преступники сразу после поимки начинали изливать нам свою душу, нередко это

были люди, которые не питали к своему ремеслу никакой любви, и мне порой казалось, что при поимке они даже испытывали некоторое облегчение, но были и такие, что, кроме ненависти к нам, других чувств после поимки они не выказывали, но это были первые чувства, и как мне тогда казалось, вполне естественные. Вместе с тем, как говорил наш друг инспектор Лестрейд, напуская на себя важность, что пойманный нами грабитель оказался весьма интересным типом. Этим сообщением он сразу меня заинтриговывал, и я принимался подробно расспрашивать уважаемого инспектора, но именно в этот момент м-р Лестрейд удваивал собственную значимость и отвечал крайне туманно и запутанно на мои расспросы. Но мы-то с Холмсом знали, что наш инспектор - славный трудяга, выбившийся из самых низов, просто никудышный рассказчик, как бы он ни маскировал это. И наш разговор обычно заканчивался так: «Дорогой доктор! Думаю, вам намного интересней будет узнать все из первых уст, и, если вы желаете, то я могу устроить вам встречу с Н., и вы сможете с ним побеседовать сами, а я не могу терять драгоценное время».

Мне трудно было отказаться от столь заманчивых предложений, ибо, повторюсь, я был снедаем загадкой, что довело человека до преступления. И, как правило, спустя некоторое время ко мне прибегал мальчишка-посыльный от инспектора с приглашением побеседовать с заключенным, я тут же брал блокнот и карандаш и отправлялся в участок. Поверь, читатель, мне приходилось слышать и простые истории, настолько обычные и скучные, что описывать их, значило бы, воровать твое драгоценное время! Но были истории, настолько занятные и увлекательные, что не записывать их, хотя бы кратко, я считал невозможным для себя. Когда записок этих набралось достаточно, я попытался облечь их в литературную форму, но видно, я не писатель, я понял тщетность своих намерений, но если ты сейчас держишь эту книгу в руках, то значит, кто-то решил взяться за этот труд и донести до тебя все то, что послужи-

ло подоплекой в судьбе людей, ставших преступниками. С ними мы давно знакомы благодаря блестящим описаниям великого мастера детективного жанра м-ра Конан Дойла. А вот путь их к преступлениям, пусть и извилистый, но сопряженный с радостями, потерями, любовью и ненавистью, пусть опишет тот, кому попадутся мои записи об откровениях этих весьма неоднозначных личностей.

Автор

Не буду описывать, какими путями попали ко мне в руки записки д-ра Ватсона, но показались они мне в высшей степени интересными, я как мог, упорядочил их, и решил, что все-таки стоит донести до читателя все то, что оставалось доселе неизвестным...

Я выбрал несколько, на мой взгляд, достойных персонажей, и одним из них стал полковник Моран. Судьба этого человека при ближайшем ознакомлении просто завораживает, столько всего в ней переплелось. Не знаю, смогу ли я передать все тонкости мотивов его поступков, но, тем не менее, попробую. В рассказе «Пустой дом» персоне полковника Морана из общего объема повествования представлена лишь самая малая толика строк, но именно они дают широкий простор для полета фантазии всякого думающего человека.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АФГАНИСТАН

Однажды утром, спустя несколько дней после ареста Себастьяна Морана, ко мне явился рассыльный мальчишка от инспектора Лестрейда с просьбой посетить его участок в первой половине дня. Не мешкая, я собрался и пришел в начале десятого к инспектору в участок. М-р Лестрейд радушно встретил меня, усадил в кресло для посетителей, предложил чаю, вежливо отказавшись, я поинтересовался у него, чему обязан столь любезному приглашению. Инспектор, выдержав небольшую паузу, и напустив на себя многозначительный вид, объявил, что п-к Моран хотел бы побеседовать со мной, чему он препятствовать ни в коей мере не хочет, поскольку премного обязан моему другу м-ру Холмсу, но....он, инспектор, был бы чрезвычайно признателен мне, если бы в моем разговоре с п-ком выяснились бы некоторые факты, полезные для расследования, о коих я бы мог сообщить непосредственно ему. Заверив инспектора в том, что я непременно сообщу ему все, что так или иначе будет касаться его расследования в деле об убийстве молодого Рональда Адера, я поднялся с кресла, и инспектор попросил находящегося тут же констебля проводить меня к задержанному п-ку Морану. По дороге констебль мне сообщил по секрету, что по просьбе инспектора Лестрейда полковника доставили из тюрьмы в участок, дабы мне не пришлось ехать в другой конец Лондона для разговора с ним. Я был польщен такой любезностью со стороны инспектора. Подойдя к одной из дверей длинного коридора, констебль отомкнул ее и, извинившись за то, что не предлагает мне войти первым, сам вошел в помещение, окинув его взглядом, и, не заметив ничего подозрительного, пригласил войти и меня. Помещение представляло собой серую невзрачную комнату, размерами 20 футов на 15, со столом и тремя

стульями, на одном из которых за столом сидел п-к Моран, руки, закованные в кандалы, он водрузил на стол, тяжело положив на них свою голову. Мы с констеблем стояли, не издавая ни звука, с любопытством рассматривая поверженного преступника. Через некоторое время, подняв голову, Себастьян Моран окинул нас взглядом, и как бы не замечая констебля, приветствовал меня словами: «Спасибо, что заглянули м-р Ватсон, признаться, я особо и не надеялся на ваш визит».

Я не питал особой симпатии к п-ку, но тем не менее элементарная вежливость требовала ответа, и я сказал, что рад был доставить ему хоть какую то радость, учитывая его сегодняшнее положение. Усмехнувшись, п-к ответил, что он отблагодарит меня за этот визит, если я, запасшись терпением, выслушаю его историю с самого начала. Обещать я ему этого не мог, не узнав сути. П-к выразительно взглянул на констебля, и я, обернувшись к последнему, попросил его оставить нас с п-ком наедине. Констебль заявил, что это против правил, но п-к глядя на меня, спросил:

– Вас устроит слово джентльмена?

– Конечно, - ответил я, хотя отдавал себе отчет, что джентльменом в данной ситуации он не являлся, но привычка верить слову взяла свое.

Констебль собрался уходить, но п-к попросил его снять кандалы, констебль посмотрел на меня, спрашивая моего согласия, я кивнул, и п-к был освобожден от своих оков.

Ожидая, пока констебль выйдет и запрет дверь снаружи, я украдкой рассматривал п-ка: от былой ярости и ненависти в его глазах, которые ими так и пылали, не осталось и следа. Передо мной сидел немолодой, уставший человек с поникшими усами, однако когда Моран встал и прошелся по камере, я обратил внимание на то, что выправку военного он сохранил по-прежнему - был сухощав, ладно скроен, в его движениях не было лишней суеты или усталости, а при взгляде на его плечи можно было думать о его недюжинной силе и ловкости, взгляд его выдавал незаурядную лич-

ность, и в который раз я подумал, что же могло толкнуть этого человека на путь преступлений? Как будто угадав мои мысли, п-к, усмехнувшись, сказал:

– Наверняка ваш друг Холмс много чего рассказал вам обо мне, и, вероятно, мало хорошего, но вы все равно в недоумении, как мог человек моего круга скатиться в такую пропасть?

Выдержав небольшую паузу, он продолжил:

– Да я и сам никогда не мог подумать, что в конце моей жизни будет виднеться виселица ... Но жизнь есть жизнь, и повороты ее столь непредсказуемы, что просто не укладываются в голову. Да, я получил блестящее образование, и меня ждала не менее блестящая карьера, но судьбе было угодно распорядиться иначе. По окончании Итонского колледжа, а затем и Оксфордского университета, меня по просьбе моего отца отправили на службу в Афганистан. Отец мой был уверен, что суровые азиатские будни сослужат мне хорошую службу в становлении характера и формировании физического состояния. И тут надо отдать ему должное, он оказался прав. По прибытии к месту службы я был определен в дипкурьеры, что не могло не польстить молодому человеку, коим я являлся в те далекие времена. Надо заметить, что в курьеры брали далеко не каждого, требования были высоки: кандидат должен был обладать хорошими физическими данными, выносливостью, и что не менее важно, сообразительностью и находчивостью. Вы даже не догадываетесь, доктор, насколько важны были все эти качества в той службе. Вы вообще знаете что-нибудь об Афганистане? Разумеется, кроме географического расположения?

Что-то промывчав в ответ, я предложил п-ку продолжить свой рассказ.

Так вот, доктор, хочу сказать вам, что это Богом забытая страна, и только Англия с ее имперскими замашками нашла в ней свой интерес, а уж следом потянулись туда и все остальные, Россия, Франция и прочие, но собственно,

речь не об этом. Речь о том, в каких условиях мы вынуждены были исполнять свои обязанности. Мы попали в горную страну, населенную полудикими племенами, испытывающими необъяснимую ненависть ко всем инородцам и иноверцам. Впрочем, вполне возможно, что они прикрывают этим свою неодолимую тягу к разбою и грабежам. Не мне их судить, но суть моей службы состояла в том, что я с небольшой охраной должен был доставлять диппочту из одного пункта в другой. Большой охраны выделять не могли, да и не особо она была нужна, гораздо легче было проскользнуть незамеченным небольшой группой. Конечно, почта всегда была срочной и важной, поэтому отдыхать времени почти не было. Вручив пакет и отдохнув не более трех дней, а именно столько нужно лошадям, чтобы прийти в себя полностью, заметьте, – лошадям, а не людям, мы вынуждены были опять скакать день и ночь для того, чтобы доставить пакет вовремя. Довольно часто приходилось передавать что-то и на словах, ибо не все можно доверить бумаге, как вы знаете, доктор. В этих постоянных разъездах, ночевках под открытым небом в жару и холод, а зачастую бывало, что в течение одних суток в адской жаре днем и лютом холоде ночью проходила моя служба. А если сюда добавить постоянные стычки с шайками племен всевозможных национальностей, становится ясным: скучать не приходилось. Именно там научился я той выдержке и хладнокровию, которые пригодились мне в дальнейшем. Во время своего рассказа п-к не спеша расхаживал по камере, иногда как бы забывая о моем присутствии, но вот он присел на свой стул и, уставившись в одну точку, замолчал. Молчание было долгим, но я не прерывал его, история Себастьяна Морана потихоньку завладела мною, и мне не хотелось торопить его. Я решил дать время рассказчику собраться с мыслями, продолжая тем временем разглядывать его неволью, я поймал себя на мысли, что если бы я не знал всех обстоятельств, которые привели моего собеседника в это помещение, то мог бы проникнуться симпатией

к нему. Его взгляд был умен и решителен, лицо открытым, и теперь, когда оно не пылало ненавистью, его можно было назвать даже привлекательным. Конечно же, я знал, что представляет собой Афганистан, знал его климатические условия и географические особенности и, если увязать все это со службой рассказчика, то невольно начинаешь проникаться уважением к его бесспорному мужеству.

– Да-а-а, - усмехнулся полковник, - веселые были деньки. Группы наши старались не тасовать - приживались в них только самые отчаянные и бесстрашные солдаты, других просто списывали в войска, да и не мудрено было не потерять хладнокровия, когда из-за бархана на тебя высказывали дико визжащие пуштуны, размахивая своими кривыми саблями над головами.

Я и сам, как сейчас, помню тот страх, который охватил меня, когда я впервые в горном ущелье попал под обстрел и услышал свист пуль над своей головой, и только ответственность за почту и нежелание показать себя с худшей стороны перед опытными солдатами сопровождения заставили меня взять себя в руки и ответить выстрелами на выстрелы из засады. Вы, доктор, тоже были на военной службе и понимаете, о чем я говорю, наверняка и вы попадали в похожие истории.

Ничего не ответив, я просто кивнул головой, приглашая п-ка продолжить свой рассказ.

– В охрану мне дали отряд, которому довелось сопровождать одного дипкурьера, погибшего в одной из стычек. В отряд входило восемь человек, должен вам заметить, доктор, это были достойные люди и солдаты далеко не из последних. Отчаянные рубаки и отменные стрелки, а уж наездники, каких поискать, да иначе просто и не могло быть! - воскликнул п-к, - и взгляд его потеплел от воспоминаний о своих товарищах.

– Субординация в тех условиях была очень условным понятием, неважно в каком звании был офицер и руководитель отряда, важно было, как он вел себя в бою. Взаимо-

выручка – вот что определяет жизнестойкость всей группы, и каждый должен был, не задумываясь, прийти на выручку товарищу, и от умения каждого владеть своим оружием подчас зависела жизнь всего отряда. Естественно, приняли они меня настороженно, да и в самом деле, как узнать человека, с которым ты ни разу не был в переделке. После того, как капитан батальона охраны, представив меня моим будущим товарищам, убрался восвояси, я остался один на один с их настороженными взглядами и лицами. Решив не пренебрегать для начала своими обязанностями, но и без лишней придирчивости, я внимательно проверил состояние их оружия, а также осмотрел лошадей всего состава. Безусловно, можно было сделать какие-то замечания, но я не стал этого делать, а просто более внимательно смотрел на карабин, казавшийся мне плохо вычищенным, или на слегка стершуюся подкову лошади, смотрел именно так, чтобы виновнику стали понятны его недочеты, и уже на следующий день я для себя отметил, что все недостатки были устранены.

Помолчав немного, п-к продолжил:

– Возможно, я вам покажусь излишне болтливым, доктор, но мне бы хотелось вас более подробно посвятить в свою прошлую жизнь, и, пожалуйста, наберитесь терпения, м-р Ватсон, и поверьте мне, вы никогда не пожалеете об этом, уверяю вас.

Помолчав мгновение, п-к хотел добавить что-то еще, но от дверей послышался звук открывающегося замка, и так и не высказав свою мысль до конца, п-к устоял на пороге, на пороге которой возник инспектор Лестрейд и извиняющимся тоном проговорил мне:

– Прошу прощения, доктор, но вынужден вас прервать, так как п-к Моран нужен мне для некоторых следственных действий.

Я ответил инспектору что, мол, и так злоупотребил его гостеприимством, на что он любезно ответил, что, если у меня возникнет желание, то я смогу продолжить беседу с

п-ком в любое удобное для меня время. Не зная, что сказать, я взглянул на п-ка, который поняв мой взгляд, сказал, что не против продолжить наше общение завтра в это же время. Дел у меня особых не было, и я ответив согласием, откланялся. Выйдя на улицу и сев в стоящий неподалеку кэб, я задумался, что же хотел от меня п-к, ведь не для того же он меня пригласил, чтобы просто рассказать о своей жизни, хотя я не исключал такой возможности. Откинувшись на спинку сиденья, я подумал, что непременно поделюсь этой историей со своим другом Холмсом, мне в высшей степени любопытно было узнать его мнение по поводу происходящего. Доехав до нашей квартиры на Бейкер-стрит, рассчитавшись с кэбменом, я прошел в гостиную, где и застал Холмса сидящим у камина и изучавшим очередной трактат по химии.

– Итак, Ватсон, судя по той скорости, с которой вы прошли в гостиную, у вас есть что рассказать мне о вашем свидании с Мораном?

Я ожидал нечто подобное, поэтому удивления не выказал.

– Присаживайтесь поудобнее, друг мой, закурите трубку, которую я набил для вас, и начинайте свой рассказ, не томите меня.

Весьма подробно я пересказал Холмсу историю п-ка, стараясь не упустить ни одной мелочи, зная дотошность своего друга. С минуту помолчав, Холмс произнес:

– Знаете, Ватсон, мне кажется, что самое интересное в рассказе Морана еще впереди. Из Афганистана он вышел с блестящим послужным списком и рекомендациями, но вот что случилось в Индии, мы совсем не знаем, а именно там и кроется все самое интересное, как раз то, что и толкнуло п-ка на такой опасный путь. Что ни говори, а п-к - натура цельная, и характер у него железный, как и подобает истинному английскому служаке, он закален во многих переделках, из которых выходил пусть и не без потерь, но с честью.

Я просто уверен, что вас ждет увлекательнейший рассказ, жаль, что не смогу присутствовать.

– Почему, Холмс? - спросил я. -

– Давайте пойдем завтра вместе, и вы будете иметь удовольствие лично послушать полковника.

– Вряд ли он захочет меня видеть, ведь как ни крути, а в его поимке повинен я, и чувствую, что этим я нарушил его далеко идущие планы. Давайте не будем рисковать, боюсь, увидев меня, Моран замкнется, и тогда даже вы ничего не узнаете, словом, любезный друг, отправляйтесь завтра один, и потом, сидя у нашего камина, не торопясь, вы посвятите меня в дальнейшее повествование.

Утром в назначенное время я вошел в участок, где меня уже поджидал знакомый констебль, который без лишних разговоров проводил меня в камеру к Себастьяну Морану. Войдя за констеблем, я увидел ту же картину, п-к так же сидел за столом, опустив голову на закованные в кандалы руки, но, увидев меня, тут же встрепенулся, поднял голову, и как мне показалось, легкая тень улыбки пробежала по его лицу.

– Рад приветствовать вас, доктор, - произнес п-к, и по его тону я понял, что он вполне искренен.

– Здравствуйте, п-к, - сказал я ему в ответ. – Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете? Есть ли жалобы на здоровье? Ведь как- никак, я все же доктор.

– Спасибо, м-р Ватсон, но я, дожив до своего возраста, не докучал пока докторам.

Я предложил ему сигару, предусмотрительно захваченную с собой, п-к не стал отказываться, но при этом выразительно посмотрел на свои руки, я попросил констебля освободить его от кандалов и оставить нас наедине. После того как констебль вышел, п-к не спеша раскурил сигару, с наслаждением втянул дым, некоторое время подержал его во рту, выпустил крупными клубами и сказал:

– Спасибо вам, доктор!

Сделав жест рукой, который означал «не стоит благодарности», я поудобней расположился в кресле, всем своим видом давая понять, что готов со вниманием слушать его дальше. Еще раз затянувшись, п-к сказал:

– Вчера я остановился на том, что был представлен отряду своего сопровождения, все это происходило так, как и должно происходить: осмотрев внешний вид и все остальное, я распустил их, приказав находиться неподалеку на случай экстренного выезда, который как раз и не заставил себя долго ждать. Буквально через несколько часов я был вызван в наше консульство, где мне было строго приказано, как можно быстрее доставить его в наше консульство в Пешаваре, то есть в Пакистан. Испросив разрешения исполнять, я направился в казармы, где находились мои люди. Дойдя до расположения, я обнаружил их в полной готовности – оказывается, им уже был дан приказ собраться.

– Я бы не рассказывал вам, доктор, об этом столь подробно, но именно тогда я близко познакомился с одним из своих людей. По странному стечению обстоятельств, я еще при осмотре обратил на него внимание, что-то мне подсказывало, что он не из низов, и я подумал тогда: странно, что этот человек не в офицерском звании. Но поскольку я счел для себя невозможным расспрашивать его, то попросту решил повнимательней присмотреться к нему.

Звали его Джон О*Тул, но на ирландца он мало был похож. Проверив еще раз экипировку своих подчиненных, я отдал приказ выдвигаться рысью. Не буду утомлять вас рассказом о первой половине нашего пути, но через полтора дня мы въехали в одно из ущелий, которых великое множество в тех краях. Ехавший позади меня солдат догнал меня со словами: «Сэр, если позволите, то я проеду вперед». Это был опытный мальй, и я не счел нужным возражать. Положив карабин поперек седла, он сделал нам знак приостановиться, а сам двинулся вперед. Отпустив его на некоторое расстояние, мы двинулись за ним, внимательно наблюдая за его поведением, ожидая условных жестов.

Внезапно он вскинул карабин, раздался выстрел, и со скалы с криком полетел афганец. Тут же со всех сторон раздалась выстрелы, и мы пришпорили коней, выходя из-под обстрела, не забывая стрелять в ответ. Как ни странно, но мы вышли без потерь, однако афганцы быстро организовали погоню, и совсем скоро мы слышали стук копыт. Снова мы пустили наших лошадей наметом, но их лошади были свежее наших, и довольно скоро стало ясно, что от преследования нам не уйти. Оглянувшись, я увидел, что силы наши были примерно равны, противник был численностью не более пятнадцати человек, но у нас было превосходство в умении владеть оружием, как-никак при мне были солдаты регулярной армии, с ее постоянными тренировками и стрельбами. Взвесив все это быстро в уме, я отдал приказ остановиться и открыть огонь по приближавшемуся неприятелю, после нашего залпа четверо из нападавших были выбиты из седел, их оставалось не более 11-12 человек. Крикнув «в атаку!», я вытащил саблю из ножен и бросился вперед, люди мои последовали примеру, и совсем скоро завязалась нешуточная рубка. Надо отдать должное афганцам, может, стрелки они были и неважные, но наездники и рубаки отличные. Признав во мне старшего, на меня ринулись сразу двое афганцев, с диким визгом крутя над головами сверкающими на солнце клинками. Отбив удар первого, я чудом уклонился от сабли, со свистом сверкнувшей прямо над моей головой, круто осадив лошадь, я развернулся и ринулся на нападавших, ближним ко мне оказался огромный афганец в чалме белого цвета, он был пугающе большим, но как оказалось, не совсем проворным. Увернувшись от его удара, я вонзил свою саблю ему в живот, и не успев ее вытащить, увидел над свое головой взметнувшийся клинок второго афганца. Ничто уже не могло спасти меня от неминуемой смерти, как вдруг я увидел, как его чалма зеленого цвета взлетела вверх вместе с его мозгами, которые забрызгали мой мундир. Оглянувшись, я увидел сидящего в седле О-Тула с окровавленной саблей

в одной руке и дымящимся револьвером в другой. Я с благодарностью кивнул ему, в ответ он поднял свой клинок чуть заметно выше. Окинув взглядом поле боя, я увидел, что неподалеку рубился уже один афганец против двоих наших, отбивался он от них с завидной ловкостью, но, видно, поняв, что ему не выстоять, он пустился в отступление, преследовать мы его не стали, как не стали стрелять вслед - он был мужественным человеком, а мы умели ценить это качество даже у врагов. Бегло осмотрев своих людей и убедившись, что, кроме незначительных царапин, потерь мы не имели, я велел оглядеть поле боя и, не мешкая, двинуться вперед. Солдаты начали осматривать поверженных противников, разглядывая их оружие и решая, что взять себе в качестве трофеев. Я не усмотрел в этом мародерства, это были трофеи, добытые в честном поединке. О'Тул склонился над моим противником, от удара сабли которого он меня спас своим выстрелом. Подобрал его саблю, он осмотрел ее со всех сторон и протянул мне со словами:

– Возьмите на память о своей первой стычке, сэр, тем более, что она заслуживает вашего внимания.

Взяв в руки саблю, я не заметил в ней ничего примечательного, она не была украшена драгоценными камнями, ножны также не были верхом ювелирного искусства, единственное - клинок был как бы волнистый на вид. Заметив мой взгляд, О'Тул сказал: «Это дамасская сталь». И в подтверждение, взяв саблю у меня из рук и подняв карабин одного из убитых, он со всей силы рубанул клинком по стволу. После чего он показал мне глубокую зарубку на стволе и тут же продемонстрировал клинок без единой зазубрины. Следом он подцепил этим же клинком чалму одного из убитых и, подкинув ее в воздух, разрубил надвое, потом протянул его снова мне.

– Это слишком дорогой подарок! - воскликнул я, отводя его дар в сторону. – Он по праву принадлежит вам.

– У меня есть такой, а этот пусть будет у вас, сэр, вы имеете право владеть им, не ваша вина в том, что он оказался у

этого громилы – кивнул он в сторону убитого мною афганца. Я уловил одобрительные взгляды моих товарищей, и поблагодарив О, Тула, взял саблю себе. Мы снова двинулись вперед, и я, оказавшись рядом с человеком, спасшим мне жизнь, с чувством произнес: « Я хочу поблагодарить вас за спасенную жизнь, Джон». На что он с улыбкой ответил: «не стоит, я думаю, у вас еще будет возможность отплатить мне той же монетой». И ускакал вперед.

Приподнявшись со стула с видом человека, собравшегося размять затекшие ноги, Моран и правда пересек камеру несколько раз по диагонали, потом, дойдя до оконца, расположенного под самым потолком и зарешеченного, он остановился и принялся раскачиваться с носка на пятку в точности, как бездельник, раздумывающий, в какой клуб ему податься, но было ясно, что п-к что-то вспоминает либо обдумывает, ну уж точно не сегодняшний вечер, ибо и он, и я знали, как он проведет его. Покачавшись таким образом еще пару минут, п-к обернулся ко мне и продолжил:

– Я бы не стал вас утомлять, доктор, таким подробным рассказом об этих событиях, но именно тогда произошло мое сближение с человеком, который тем или иным способом способствовал моему нахождению здесь. Вы можете подумать, что я клянусь его? Нет, доктор, это не совсем так, помимо того, что он спас мою жизнь, он впоследствии стал моим верным товарищем в моих приключениях, и как он и предсказывал, я тоже выручал его из очень тяжелых ситуаций, и этому не стоит удивляться, служба, которой мы были заняты, изначально предполагала это, что он знал лучше меня.

Высказав эту тираду, п-к опять умолк, я было подумал, что он утомлен своими воспоминаниями и предложил остановиться на этом, но Себастьян Моран уверил меня, что все это совсем не так, и он готов продолжить, если только я со своей стороны согласен слушать рассказы человека, находящегося в заключении. Ответив, что мне в высшей степени интересно, что же происходило с п-ком дальше, я

приготовился было слушать далее, но отворилась дверь, и полисмен сказал, что доставлен обед, который я заказал в ближайшем трактире на двоих. Поблагодарив его, я попросил накрыть нам с п-ком здесь же, ибо мне очень не хотелось утруждать штат участка своими просьбами о предоставлении нам помещения для обеда. Опять открыв дверь, полисмен пригласил войти посыльного, который постоянно косясь на п-ка, ловко накрыл стол и счел за лучшее, получив расчет и хорошие чаевые, убраться восвояси. На правах угощающего я пригласил п-ка к столу, на котором, издавая приятный аромат, стояли суп из бычьих хвостов и мясо ягненка в судках, дабы оно оставалось горячим. В термосе был чай. Поблагодарив, п-к, усевшись, принялся за суп. Надо признаться, что я тоже ощущал чувство голода и, не мешкая, принялся за еду. Покончив с обедом, мы сидели, ожидая, когда уберут стол, все это время п-к молчал, если не считать его слов благодарности за обед, на его лице явно проступали признаки каких-то переживаний, и как только мы остались в камере вдвоем, п-к воскликнул:

– Ах, если бы не этот глупый русский мальчишка!!!

Увидев мой удивленный взгляд, а я и в самом деле был удивлен, подумайте сами: слушая рассказ п-ка о егоключениях в Афганистане, вдруг услышать возглас сожаления о каком-то русском мальчишке, конечно же, этот возглас поставил меня в тупик. Увидев растерянность и удивление на моем лице, п-к произнес:

– Всему свое время, любезный доктор, но могу сказать, что перед вами сидит один из самых богатейших людей планеты. Произнеся это, п-к внимательно посмотрел на меня, я понимал, что значит его взгляд, он пытался понять, какое впечатление на меня произвела его последняя фраза. Я был растерян, и п-к, увидев это, расхохотался.

– Нет, нет доктор! Перед вами не сумасшедший! Ну неужели вы могли подумать, что я г свихнулся в одиночке за пару недель?

– Поверьте, мне доводилось бывать и в гораздо худших условиях и не пару недель, и как вы могли видеть, изловили вы меня с м-ром Холмсом не сумасшедшим, а вполне дееспособным. Произнеся эту фразу, п-к опять развеселился. Подождав, пока Себастьян Моран успокоится, я поинтересовался, не угодно ли ему будет продолжить рассказ, на что мой собеседник ответил, что, пожалуй, на сегодня хватит, чем признаться слегка огорчил меня. Но я, не подав виду, постучал в дверь, и через несколько мгновений на пороге появился полисмен, вопрошающе глядя на меня. Я попросил препроводить г-на Морана в его камеру, и, попрощавшись, сказал п-ку, что, если он не против, то я завтра вновь навещу его в это же время. Полковник, весьма учтиво ответив, что рад будет продолжить наше общение, вышел из камеры, я же направился на выход, но тут меня окликнул инспектор Лестрейд, и пригласил зайти к нему в кабинет. Я не мог отказать ему в таком пустяке, и хотя мне не терпелось увидеть Холмса и поделиться с ним услышанным, я зашел в кабинет инспектора. Лестрейд пригласил меня присесть, и, не мудрствуя лукаво, сразу перешел к делу.

– Надеюсь, доктор, вы не забыли о данном вами обещании ставить меня в известность в случае, если п-к Моран расскажет что-либо касающееся дела о пустующем доме? Заверив ин-ра, что прекрасно помню о данном мною слове, но, к сожалению, п-к пока ни разу не затронул преступление, связанное с этим домом, и все его рассказы до сих пор пока касались только его службы в Афганистане.

– По нашим данным, - сказал Лестрейд, - друзья п-ка активизировали свою деятельность, и мы пресекли уже не одну попытку передачи ему в заключение запрещенных предметов. Попадают совершенно не причастные к уголовным делам люди, в основном из бедствующего населения, которые за несколько шиллингов готовы передать в булке хлеба спрятанную пилку или что-то на нее похожее. Оставшиеся на воле дружки арестованных преступников прекрасно понимают, что все передачи будут досмотрены, и

нанимают бедняков, рассчитывая на авось, мы, конечно же, всегда начеку, но чем черт не шутит, вот я и решил поинтересоваться, не рассказывал ли вам чего-нибудь Себастьян Моран, ведь вы же человек неглупый, и, проведя столько времени с м-ром Холмсом, могли бы уловить что-то важное по одному неосторожно брошенному слову.

Мне пришлось разочаровать ин-ра и, раскланявшись, я поспешил к своему другу на Бейкер-стрит. К огромному моему сожалению, я не застал его дома, а м-с Хадсон сказала, что м-р Холмс пошел в библиотеку и его не будет до шести вечера. Я решил скоротать время за чашкой чая и уселся у камина, предусмотрительно растопленного нашей добрейшей и любезнейшей хозяйкой.

Я начал мысленно перебирать рассказ Себастьяна Морана, особенно часто возвращаясь к реплике п-ка насчет того, что передо мной сидит один из богатейших людей планеты... Что он хотел сказать этим? Да и откуда у него богатство, если он говорит правду. Меня обуревали справедливые сомнения насчет его состояния, да и к чему вдруг у него вырвался возглас сожаления о каком-то глупом русском мальчишке? Ответов у меня на эти вопросы не было, да и не могло быть, слишком мало я знал пока о прошлом полковника. Немного погодя, я, заслышав звук открываемой двери и голос Холмса, приветствующий м-сс Хадсон, решил не мучить себя загадками, а все рассказать своему другу и вместе с ним подумать обо всем мною услышанном. Мне стоило большого труда дождаться, когда после всех церемоний Холмс наконец уселся в свое кресло и, закурив трубку, произнес:

– Ну, Ватсон, чем попотчевал вас п-к, хотя по вашему виду легко догадаться, что было вам поведено нечто интересное. Знаете, доктор, наблюдая за вами, я не устаю радоваться, а радуюсь я тому, что не все англичане одинаково чопорны и холодны, есть еще, хотя бы в вашем лице, представители, не скрывающие своей жизнерадостности. Надеюсь, я не обидел вас своими наблюдениями. Заверив

друга, что абсолютно не обижен, я начал свой рассказ, точнее пересказ того, что услышал от Морана. Во время моего долгого монолога м-р Холмс был неподвижен, слушая меня прикрыв глаза, и лишь только поднимающаяся время от времени левая бровь говорила о том, что великий сыщик не спит и ни одна деталь моего рассказа не ускользает от его внимания. Закончив рассказ, я спросил у Холмса:

– Ну! И что вы скажете на все это, дорогой друг?

– Мда, – протянул Холмс, – история принимает занятный оборот, – мы действительно изловили г-на Морана отнюдь не сумасшедшим, а напротив холодным и расчетливым преступником, хотевшим лишиться меня жизни, поэтому я склонен думать, что его слова насчет того, что он один из богатейших людей планеты, были сказаны не просто так, хотя это еще и не говорит о том, что он является таковым на самом деле, вполне возможно, он хочет вас просто заинтриговать и поймать на одну ему известную удочку, где наживкой может быть использовано его мнимое богатство. Хотя он наверняка знает, что вы непременно передаете мне содержание ваших бесед, и на его месте было бы глупо рассчитывать на то, что мы оба купимся на эту приманку. Во всяком случае слегка заинтриговать нас ему удалось, не столько репликой о его богатстве, сколько возгласом сожаления о каком-то русском мальчишке. Именно это меня заинтересовало более всего. Правда, у нас с вами, любезный доктор, минимум информации, но я думаю, завтра мы ее пополним: вы - за счет рассказа п-ка, а я постараюсь выяснить в библиотеке в газетах того времени были ли русские в Индии, и именно в том месте, где проходил службу п-к.

На том мы и порешили. Улегшись спать, я долго ворочался, сон никак не приходил ко мне, я чувствовал, что незря п-к пригласил меня для разговора, ведь он прекрасно знал, что после свершенных им злодеяний он не мог рассчитывать на снисхождение суда, да и я не мог бы ему помочь ничем. Ведь не для того он пригласил меня, чтобы про-

сто скрасить свое одиночество в тюрьме до суда. Хотя и эта версия имела право на жизнь. Себастьян Моран был хоть и не столь таинственной личностью, как профессор Мориарти, но тем не менее даже картотека моего друга Холмса говорила о нем очень и очень скупо. Мысленно я разложил в голове вопросы, которые хотел задать п-ку завтра, и довольный собой наконец-то заснул.

Придя в условленное время в участок и пройдя в камеру в компании уже знакомого полисмена, я застал п-ка в хорошем состоянии духа. Он улыбнулся при виде меня, приподнялся и протянул мне руку, как старый знакомый, чем ввел меня в смущение, все-таки как ни крути, а Себастьян Моран был преступник, и пожимать ему руку не входило в мои планы, но все же я протянул ему руку и ощутил его твердое пожатие, такое пожатие с его стороны могло означать или демонстрацию своих сил и крепости духа, или действительно радость при виде меня как старого и доброго знакомого. Я не стал ломать голову над этим, а просто уселся на свой стул. Обменявшись с п-ком ничего не значащими фразами, я предложил ему перейти к продолжению рассказа. П-к же не торопился приступать к своему повествованию, а начал расспрашивать, как дела за окном? Какова реакция горожан на его арест, особенно в высшем свете? Я заверил п-ка в том, что о нем уже забыли говорить, так как преступления в Лондоне свершаются каждый день, и пресса любит смаковать подробности этих самых преступлений, быстро теряя интерес к ним. П-к поинтересовался тем, какое заметное преступление было совершено в эти дни, когда он находился в камере. Я рассказал ему вкратце историю с пляшущими человечками, она произвела на Себастьяна Морана большое впечатление, и он даже воскликнул:

– Шерлок Холмс действительно великий сыщик! И помолчав несколько секунд, добавил:

– Ну что ж, тем лучше.

– Чем лучше? - спросил я п-ка.

– А лучше тем, что я попался в лапы не зеленому новичку, а маститому сыщику с мировым именем... И загадочно посмотрев на меня, произнес:

– Это достойный противник, - после чего без какого-то либо перерыва спросил:

– Итак, на чем мы с вами остановились?

– На вашем якобы баснословном богатстве и глупом русском мальчишке, – ответил я.

– А-а-а, – протянул п-к, – ну до этого были еще кой-какие примечательные события, о которых я вам сейчас и поведаю.

– После боя с пуштунами нам до Пешевара было еще два дня пути. Проделили мы этот путь без приключений и благополучно добрались до пункта назначения. В дороге я обратил внимание на ловкое обращение с картами моего спасителя О*Тула, на привалах, сразу после того, как мы приняли пищу, он доставал колоду карт и ловко перетасовывал ее одной рукой, или пускал веером из одной руки в другую. Никто кроме меня не обратил на это внимания, видно, всем уже давно приелись его манипуляции с картами, может быть, увидев во мне свежего зрителя, он проделывал такие фокусы, которых я доселе не видывал. Заметив мой интерес, он попросил меня загадать карту и безошибочно вытащил ее из колоды, и проделывал это много раз, и ни разу не ошибся. Когда мы ехали шагом, в его руках тут же появлялась колода карт, и он начинал ее то тасовать одной рукой, то еще что-либо с ней делать, руки у него при этом мелькали, как волшебные, уследить за ними было невозможно. Приехав в Пешевар и вручив кому следовало пакет, я и мои люди получили три дня отдыха. Кто-то завалился спать, кто-то отправился в город, остался в казарме только О*Тул. Я спросил его, почему он сидит в казарме, и бывал ли он в Пешеваре ранее. Он ответил, что, конечно, за восемь лет службы он бывал в Пешеваре и знает его довольно неплохо. Я попросил его быть моим гидом по городу, он ответил согласием, но тут же поинтересовал-

ся, какой Пешевар я хочу увидеть? Признаться, я был удивлен вопросом. Заметив это, он сказал, что есть два Пешевара, впрочем, как и любого другого города, есть чинный и благопристойный Пешевар, а есть еще Пешевар с кабаками, продажными девками, которые танцуют знаменитый танец живота. Есть Пешевар с его кальянами, в которые кладут не только пряные травы, но и пахучий гашиш и опий. После небольшого раздумья, я решил, что видел и слышал уже благопристойный город с его мечетями, минаретами и звуками азанчи, призывающего правоверных на намаз, поэтому я сказал, что хочу видеть второй Пешевар, на что мой товарищ заметил, что там не всегда безопасно, чем задел мое самолюбие, и я решительно сказал: «Идем прямо сейчас!» Мы вышли из казармы, и мой проводник повел меня куда-то кривыми узкими улочками. Наконец мы подошли к какому-то неприметному строению, и мой проводник постучал в дверь условным сигналом. Небольшое оконце отворилось и показалось лицо сторожа, тут же расплывшееся в улыбке при виде О* Тула. За дверью загромыхали многочисленные замки, издавая лязгающие звуки вперемежку с радостными восклицаниями сторожа. О* Тул мне объяснил, что иногда он заходит сюда, когда бывает в Пешеваре, перекинуться в карты или сыграть в кости, а иногда покурить опий, когда нет желания играть. «Лучшего опия вы не найдете во всем Пакистане, - добавил он, - здесь же и отличные танцовщицы, в общем, - заметил он, - место веселое, но ухо надо держать остро, поскольку публика здесь собирается весьма далекая от высшего света». Пока он мне рассказывал все это, мы шли за человеком, открывшим нам дверь. Это был дюжий молодец, за поясом у него торчал угрожающего вида и размера кинжал. Заметив мой интерес к оружию, О* Тул сказал, что этим кинжалом отрезано немало голов в этом заведении. На Аббаса здесь возложены обязанности не только сторожа калитки, он еще смотрит и за порядком, и если напившийся посетитель начинает буянить или жульничать в карты, то он должен быть готовым

к знакомству с этим кинжалом. Тем временем мы подошли еще к одной двери, которую с легким поклоном отворил наш провожатый, приглашая войти вовнутрь. О* Тул сделал жест, предлагая войти мне первым, что я и не преминул сделать, меня сразу поразил какой-то неведомый мне доселе приятный запах, а также звуки не слышанных мною ранее музыкальных инструментов.

В помещении было не слишком светло и встретивший нас юноша, по-видимому, официант, провел нас к стоящему в углу лежаку с подушками и кальяном, жестом пригласив нас располагаться поудобнее. Расположившись полулежа на подушках, я огляделся повнимательней. В центре помещения танцевала танец живота практически обнаженная женщина, по-видимому, она нравилась зрителям, поскольку на площадку летели монеты и раздавались одобрительные возгласы. Прямо напротив нас сидела компания из трех человек, они пили вино, кальяна у них не было, на столе стояли фрукты, вяленое мясо и овощи, было видно, что это путники, привыкшие к путешествиям, весь вид и наряд этой троицы говорил об этом. Один из них одет был чуть побогаче остальных, не намного, но все же. Внезапно он оживился, увидев моего спутника, и толкнув в бок одного из своих, указал на нас пальцем, О* Тул тоже увидел эту троицу и чертыхнулся едва слышно. Человек, который нас увидел, что-то сказал своему товарищу, и тот немедленно встав, направился к нам. Приблизившись, он с поклоном произнес, обращаясь к моему спутнику:

– Исламбек приглашает тебя и твоего друга за свой стол, не огорчай отказом доблестного бека. Не выпрямляясь, он ждал ответа. Секунду-другую подумав, Джон ответил:

– Мы почтем за честь разделить трапезу со столь славным воином, дай нам пару минут, и мы присоединимся к вам. Еще раз поклонившись, гонец отошел от нашего стола. Я, заметив легкую тень тревоги на его лице, спросил Джона:

Что за птица этот Исламбек?

– Такой же бандит, как и все они. Он бек в небольшом селении к северу от Кабула, промышляет грабежами и разбоем. Губит его неумемная страсть к картам и игре в кости. В последний мой приезд в Пешевар, я специально проиграл ему пару монет в карты, чтобы не было шума, бек человек очень невыдержанный и при проигрыше может поднять скандал, в горячах способен снести голову если не сопернику, то кому-нибудь из своих слуг точно. Народ здесь дикий, и нравы такие же. И обратившись ко мне О*Тул сказал: «Сэр, будьте начеку, я постараюсь проиграть ему сегодня еще монету-другую, но все же...» Мы поднялись и направились к столу Исламбека. Завидев нас, двое его товарищей немедленно поднялись, уступая нам место. Приблизившись, Джон, приложив руку к груди и слегка поклонившись, произнес приветствие на английском, к моему удивлению, спрашивая о здоровье самого бека и его близких. Бек слегка поклонившись, заверил нас, что все у него в порядке и поинтересовался нашим здоровьем. Выслушав, он жестом пригласил нас к столу. Подождав, когда мы разместимся, он спросил Джона, как прошла наша поездка? Не было ли проблем в пути? Джон ответил, что путешествие наше проходило спокойно и ничего не случилось.

– Я слышал, что люди Юсупа, не соизмерив свои силы, напали на небольшой караван англичан, и понесли большие потери, погиб и сам Юсуп, и полегло большинство из его отряда. Мне не жаль эту собаку, но у него был клинок Аль-Богацен старинной работы, сейчас уже таких не делают. Минуту помолчав, взглядываясь в наши лица, он спросил:

– Часом не ваш ли это был отряд? Не на вас ли напали люди Юсупа?

Мы заверили Исламбека, что это были не мы, и к смерти Юсупа отношения не имеем. Исламбек хлопнул в ладоши и сказал неизвестно откуда появившемуся официанту что-то на пуштунском, после чего немедленно появились вареное мясо, кувшин вина, свежие фрукты и овощи. Сде-

лав широкий жест рукой бек пригласил нас к трапезе. В пиалах стояло вино, налитое официантом, я было протянул руку к вину, но Джон незаметно толкнул меня в бок, и я протянув руку дальше, взял целый неразрезанный плод граната, протерев его салфеткой, я разрезал плод и, несмотря на голод, начал не торопясь отделяя зернышки, глотать их. Джон не прикоснулся вообще ни к чему, завел разговор с беком об игре.

– Как успехи твои, бек, в игре? Попадались ли тебе достойные противники, и велик ли твой выигрыш? Или ты совсем недавно прибыл в этот славный город и еще не успел ни с кем сразиться?

– Я только вчера прибыл в Пешевар, а до этого караулил со своими людьми один караван, - ответил Исламбек

– И как, удачно? - спросил Джон.

– Не совсем, - смеясь, ответил бек, – хитрый караванщик, чтобы не платить дань, решил провести караван другим путем, но мы его все же перехватили, и помощник караван-баши остался без головы. В назидание его господину, дань я увеличил на треть по сравнению с обычной. Так что я при барышах. Сыграем, Джон? - спросил Исламбек. И тут же задал вопрос, который должен был, по его мнению, заставить нас врасплох:

– Так вы в глаза не видели Юсупа и его Аль-Богацен. Он пытливо заглядывая при этом нам в глаза, но мы ответили твердым отказом.

– Жаль, - промолвил Исламбек, – ну да ничего, такой клинок все равно где-нибудь да выплывет, ему на роду написано переходить из рук в руки. Так что, многоуважаемый Джон, сыграем?

– Ч не в настроении, и только из уважения к храбрейшему Исламбеку готов сыграть партию-другую. Расплывшийся в довольной улыбке, бек, ни к кому не обращаясь, крикнул:

– Карты! И тут же появился юноша с новой колодой. Любопытные взгляды отдыхающих, наблюдавших до этого

за танцовщицей, обратились к нам. В воздухе повисла жажда наживы и алчность с примесью запаха крови. Распечатыв колоду, бек почти так же ловко, как и Джон, принялся тасовать ее, – В нашу обычную? – поинтересовался он у Джона, тот молча кивнул головой.

– Кто сдает? – спросил бек.

– На туза! – ответил О* Тул

И бек, перетасовав колоду еще раз, начал раздавать карты до туза, через пару-тройку карт туз выпал ему, и Джон сказал с улыбкой:

– Вы, как всегда, везунчик! Правила игры были просты, если не сказать, очень просты. Видно, жители пустыни не любили напрягать мозги в какой-нибудь карточной игре, требующей внимательности и анализа. Суть ее заключалась в следующем: тот, кому выпала очередь раздавать карты, спрашивал у соперника:

– Какая карта? Соперник говорил, например, «валет треф», и раздатчик начинал поочередно, по карте раздавать колоду. Кому выпадал валет трефовый, тот и выигрывал. Совсем забыл сказать, что до раздачи оговаривалась величина ставки. В игре могли принимать участие несколько человек, тогда карта заказывалась по очереди среди играющих. Но тут видно был давний спор, и никого из посторонних в игру не приглашали, да и глядя на Исламбека, вряд ли кто из присутствующих выразил бы желание сыграть против него.

Исламбек, перетасовав колоду, спросил, какова будет ставка? Джон, подумав, сказал: «Небольшая, давайте, уважаемый бек, начнем с одного золотого. В ответ бек, рассмеявшись, спросил:

– Что, уважаемый, поиздержался с момента нашей встречи? Кто ж тот счастливчик, который выиграл у вас?

– Не будем о грустном, – сказал О* Тул, – и предложил начать игру, поставив на кон один золотой,

– Ну что ж, воля ваша, уважаемый, какая карта?

– Семерка пик,

– Хорошо, – сказал Исламбек и начал раздачу. Через несколько карт семерка пик выпала Джону, а значит, колода переходила к нему. Взяв колоду и тщательно перетасовав ее, он обратился к беку: «Ну и?» Бек вопрос понял и ответил: «Дама бубен». Джон начал по очереди раздавать карты: беку - себе, беку - себе. Через несколько ходов ожидаемая дама выпала О* Тулу. Бек что-то недовольно проворчал, но держал себя в руках.

– Давайте удвоим ставку, – сказал бек. Джон не возражал. Бек заказал карту, и началась новая раздача, опять ожидаемая карты выпала Джону. Бек начал настаивать опять на удвоении ставки, я понимал, что рано или поздно бек выиграет, и все усилия Джона будут сведены к нулю. Меня так и подмывало дать совет О* Тулу, но я видел по его лицу, что он знает, что делает. Еще раз шесть подряд Джон неизменно выигрывал, беку все труднее удавалось держать себя в руках. На столе уже была приличная кучка золотых, и она побуждала бека соскакать с места, грозно таращить глаза и хвататься за рукоять кинжала. О* Тул оставался спокоен. Наконец на восьмой или девятый раз фортуна улыбнулась Исламбеку, и заказанная карта выпала ему. Радостным воплям его казалось несть числа, но, наконец, взяв себя в руки, он предложил продолжить игру. Джон дал согласие, и игра продолжилась. Джон в отличие от бека не удваивал ставки, да и фортуна отвернулась от него к неопикуемой радости бека и двух его сподручных. Через некоторое время игра пошла с переменным успехом, и уже поздно ночью О* Тул, будучи в проигрыше, заявил, что нам пора уходить. Исламбек, находясь в прекрасном настроении, не стал настаивать на продолжении, а только спросил, придет ли Джон завтра к вечеру, на что Джон ответил, что лицо он подневольное, но если получится, то он рад будет продолжить с беком игру, поскольку сейчас он уходит в проигрыше. Попрощавшись, мы с Джоном вышли на улицу, и я не преминул спросить, почему Джон проиграл? Ведь с картами он умел обращаться намного лучше Исламбека? «Зав-

тра, – сказал Джон,- мы придем снова и вытрясем из бека все его золотые, а может чего и получше. Вы не обратили внимание на кисет, который он прятал под своим задом?»

«Нет – ответил я, где именно я заметил при игре, когда Исламбек был возбужден, он то соскакивал с места, то подпрыгивал, было видно несколько крупных драгоценных камней (с.26), я сидел как раз против него, и их отблески так и бросались мне в глаза.

– Кстати, вы не против будете составить мне компанию? Хотя хочу честно предупредить, что дело это будет небезопасное, но выигрыш мы поделим пополам!

Я бы мог отказаться, но как быть с моим самолюбием, которое никак бы с этим не согласилось, я не хотел, чтобы О*Тул считал меня трусом. К этому времени мы подходили к нашим казармам, и я дал согласие. Распрощавшись, мы разошлись в разные стороны, поскольку, как вы понимаете, офицеры квартировали отдельно от рядового состава.

Я никак не мог взять в толк, зачем п-к рассказывает мне о своих приключения с каким-то О* Тулом, и я прямо заявил ему об этом, правда, в вежливой форме, на что п-к в не менее вежливой форме сказал мне, что я зря тороплю его, и О* Тул в его судьбе не случайный фигурант. Он так и заявил мне: « Если вы, доктор, имеете мнение, что вам это ни к чему, то давайте остановимся и не будем больше продолжать», - все это он сказал обиженным тоном, который ему явно не шел. Представьте себе мужчину, который прошел арестованным за убийство и за покушение на другое убийство, способным на обиды! Видно и п-к понял странность собственного поведения и уже более суровым тоном спросил: «Расходимся? Навсегда?..»

Я был слишком заинтригован его рассказом, чтобы дать согласие, поэтому извинившись за свою торопливость и несдержанность, попросил его продолжать, что он незамедлительно и сделал:

– Уже отойдя от О*Тула на несколько шагов, я вдруг вспомнил и воскликнул:

– Да! М-р О*Тул, что касается клинка, который вы мне подарили. Исходя из сегодняшних разговоров, становится совершенно очевидно, что клинок имеет большую ценность, а значит, как я и говорил ранее я, не могу принять этот подарок. О* Тул рассмеялся и ответил:

– Ну, когда же слетит ваша чопорность с вас, и вы начнете общаться со мной менее выпенным языком. Сэр, я вас очень попрошу не возвращаться к теме дарения клинка. -Он явно поддразнивал меня.

– Завтра мы с вами собираемся посетить известное вам место вместе, рискуя жизнью, а вы вдруг вспомнили про какой-то клинок. Еще раз прошу вас, сэр, забудьте о том, что он подарен вам мною. Вы сами его честно заслужили, - сказав это, он, посмеиваясь, пошел в расположение своей казармы, но вдруг остановился, развернулся и, подойдя ко мне, произнес: «Надеюсь, сэр, вам не надо говорить о том, что вы должны быть завтра вооружены надлежащим образом? – В ответ я кивнул головой, и мы наконец-то расстались.

В назначенный час я был готов к нашему походу, и когда вестовой сказал, что меня ожидает некто Джон О*Тул, я вышел полностью экипированным. За поясом под кителем у меня были засунуты револьвер и нож, сзади так же за поясом был другой револьвер. Спрашивать, как был экипирован Джон, я посчитал за лишнее. Постучав в знакомую уже калитку условным стуком, мы попытались пройти сквозь нее гостеприимно распахнутую Аббасом., но тут он почему-то стал закрывать ее, причем чуть раньше чем прошел Джон. Этой неловкости хватило, чтобы Аббас успел произнести:

– Будьте начеку, в случае вашего выигрыша, вас убьют.

Джон еле заметным кивком поблагодарил Аббаса, и мы прошли в известное нам помещение. Исламбек сидел все за тем же столиком, правда, его окружение увеличилось до пяти человек. Сам Исламбек и его люди так старались изобразить на своих лицах радость от нашего появления,

это навевало на некоторые нехорошие мысли. Поприветствовав друг друга, мы уселись с Джоном на предложенные нам места, но я про себя отметил, что сегодня нас посадили спиной ко входу, это было очень рискованно для нас, но предложить поменяться местами с Исламбеком мы посчитали за лишнее, зная вспыльчивый нрав этого опасного пуштуна, главу одного из кланов. Исламбек сегодня выдержал паузу приличия и подождал, когда мы отведаем блюда, предложенные им же. Вина мы так же, как и вчера, не пили, чем заметно огорчили нашего визави. Игроки принялись оговаривать условия игры, и Джон с упорством истинного ирландца отказывался играть, если ставки будут увеличиваться вдвое. Исламбек наконец согласился и, взяв колоду, начал раздавать карты. Он выиграл несколько партий подряд, и это привело его в отличное расположение духа, но фортуна не может вечно улыбаться одному человеку, если, конечно, он не обладает необычайной ловкостью рук. Сдавать начал Джон, и кучка золотых возле него заметно прибавилась в объеме, обратно пропорционально ухудшалось настроение бека, он, как и вчера, начал размахивать руками, выкрикивать ругательства на своем родном языке, хвататься за рукоять кинжала, рыча при этом, но мы чувствовали, что это пока просто спектакль, и не придавали ему особого значения. Когда накал страстей начал расти все больше и больше, О*Тул проиграл, причем крупно. Исламбек хитрил, он не удваивал ставки, но повышал их если не вдвое, то очень близко к этому, и получилось, что Джон проиграл почти все что выиграл. Колода перешла к Исламбеку, о чем он громкими криками известил всех присутствующих, в чем, собственно, и нужды-то не было никакой, все и так наблюдали за происходящим издалека, хотя некоторые особо любопытные и смелые приблизились непосредственно к столу, правда, храня при этом молчание, несмотря на обуреваемые их чувства восторга или сожаления от закончившейся партии. Сказать, что все были на стороне Исламбека, я не могу, вряд ли он мог угодить всем

своим вспльчивым нравом... Ну, да ладно, Господь с ним, или точнее, дьявол. Игра продолжалась, и опять фортуна улыбалась беку. Джон играл спокойно, и если увеличивал ставки, то совсем понемногу. Бек снова пришел в хорошее расположение духа и азартно метал банк. Продолжалось это довольно долго, но ничего не бывает вечного, он проиграл, и, конечно же, колода перешла к Джону. Взглянув на его лицо, я понял, что сейчас он начнет выигрывать, и выигрывать по-крупному. Джон, не торопясь, достал из внутреннего кармана кисет, вытряхнул его содержимое на стол. Там оказалось пятьдесят монет, где набрал их рядовой, я мог только гадать. При этом он обратился к своему партнеру со словами:

– Уважаемый бек, все это я копил восемь лет, и сегодня я уйду отсюда либо увеличив количество золотых, либо нищим. На что Исламбек со смехом проговорил:

– Тяжело тебе будет жить остаток лет нищим. Его приближенные услужливо захихикали. Исламбек был в прекрасном расположении духа. Началась игра, бек сходу решил перейти к своей уловке и фактически удваивал ставки. Это не было против оговоренных правил, ведь бек действовал хитро, пользуясь испытанным приемом, почти их не удваивая. Но, видно, день сегодня был не Исламбека, он проигрывал раз за разом, я потихоньку оглядывал его окружение и пытался вычислить, кто из них наиболее опасен, но как ни старался, у меня это не получалось, лица у всех были достаточно свирепы, равнодушных среди них не было, и я решил в случае чего обратить все внимание на того, что стоял сзади. Опять бек начал выкрикивать свои проклятия, теперь уже грозя кулаком небу, выказывая свое недовольство действиями аллаха. Вскоре у него закончились монеты, и он из-под ягодицы достал кисет, развязав его и, прикрывая рукой содержимое, извлек достаточно большой необработанный алмаз и сказал О*Тулу :

– Я ценю его в двести золотых!

О*Тул, не торопясь, взял алмаз в руки и, рассмотрев его внимательно, сказал:

– Уважаемый Исламбек, это несколько дороже его настоящей цены, но я не буду противиться. Отсчитав требуемую сумму беку, он протянул камень мне, а сам продолжал метать банк. Фортуна была не на стороне Исламбека, он все чаще лез в кисет, и у меня во внутреннем кармане лежало уже больше десятка достаточно крупных камней, которые после соответствующей обработки могли украсить любую из светских красавиц. Напряжение за столом росло, неожиданно я заметил в дверях стоящего Аббаса: задался вопросом, друг он нам или нет, но, вспомнив о его предупреждении, подумал, что все же друг. Исламбек по-прежнему соскакивал с места, грозил небу кулаком, хватался за кинжал, но было в этом что-то напускное, ведь он не собирался проигрывать, и в случае чего был намерен отнять все это силой. В приоткрытую дверь я увидел начинавший алеть восток, и кивнул на это О*Тулу, в ответ он тоже едва заметно мне кивнул, давая понять, что понял мой взгляд. В семь утра мы должны были быть на утреннем построении. Поменяв последний камень, Исламбек начал удваивать ставки, что было против правил, но Джон молчал, и я понял, что игра близится к концу. Незаметно я просунул руку под китель и сжал рукоять револьвера, направил его на сзади стоявшего пуштуна, не вынимая наружу. Трудно было угадать направление выстрела, но другого выхода у меня не было. Совсем скоро у Исламбека почти не осталось монет для игры, и он вскочил с криком: « Умри, неверная собака!», схватился за кинжал. Поняв, что это был знак к действию его сообщников, я выстрелил через китель в стоящего сзади меня бандита, по его вскрику я понял, что пуля попала в цель, не доставая револьвера, я выстрелил в том же направлении еще раз. Крик раненого и выстрел спрятанного под кителем револьвера слегка ошеломили наших противников, что позволило Джону, выхватив из-за пояса нож, вонзить его в грудь рядом сидевшего бандита.

Сам он, откинувшись на спину, избежал при этом удара саблей, и, достав револьвер, выстрелил наугад напротив себя, туда, где должен был сидеть Исламбек, но бек был хитер, слышав выстрелы он тоже упал на спину и теперь, в спешке откатившись в сторону, доставал свой кинжал. Поняв, что промахнулся, Джон перенес свой огонь на того, кто был рядом с беком, этот бандит был сражен уже прицельными выстрелами. Внезапно вскрикнув, ничком упал один из бандитов, и я увидел торчащий кинжал Аббаса у него между лопаток. Я не ошибся в Аббасе, подумал я, но для благодарностей времени не было - против нас было еще трое опытных в стычках бандитов во главе с Исламбеком. Мы с Джоном залегли за топчан, скрываясь от пуль пуштунов, изредка отвечая им огнем. Вдруг они открыли шквальный огонь, и бек что-то прокричал по-пуштунски.

– Берегись! - крикнул Джон, – сейчас кто-то пойдет в атаку под прикрытием огня! Я понял, что этот кто-то прямо через топчан попытается приблизиться к нам и расстрелять в то время, как остальные не дадут нам высунуть носа. Я лег на спину и сделал это вовремя, тут у края топчана появилась во весь рост фигура одного из бандитов. Не мешкая ни секунды, я выстрелил в него не менее трех раз, он упал на низкий столик и опрокинул своим телом светильник с маслом, стоявший на столе во время игры, занялся пожар, дым валил клубами и разъедал наши глаза, но никто не торопился высунуться. Вдруг О*Тул, высунув ногу быстрым ударом опрокинул стол на наших противников, послышался дикий крик, как видно, оставшееся масло в светильнике попало на одного из бандитов. Так оно и было: не выдержав боли от огня, он соскочил, пытаясь руками сбить пламя, но тут же был сражен моим выстрелом. Оставался Исламбек. На предложение Джона сдаться и убраться восвояси, Исламбек ответил самой непристойной бранью на английском языке. Мы не могли, как и Исламбек, долго прятаться от огня, который подбирался все ближе и ближе. Наконец со стороны Исламбека послышался яростный огонь из двух револьве-

ров, не дающий нам и носа высунуть, затем послышался звук открываемой двери и немного погодя – дикий крик Исламбека. Не мешкая, мы тоже выскочили на улицу, ибо разошедшееся пламя грозило поглотить нас. Слегка обгорелые, мы увидели во дворе лежащего Исламбека с неестественно вывернутой головой и склонившегося над ним Аббаса.

– Это ты его? – спросил у Аббаса Джон. Тот в ответ кивнул головой.

– Дай мне камни. – сказал О*Тул, пренебрегая субординацией и обращаясь ко мне на «ты». Я отдал ему все что было у меня во внутреннем кармане, и Джон, выбрав три самых крупных камня, протянул их Аббасу со словами:

– Это поможет тебе открыть свой духан. И сунув в крепкую руку Аббаса камни, похлопал его по плечу с видом благодарности. После этого мы с ним поспешили в казармы.

Придя на место, мы оглядели друг друга и, конечно же, остались недовольны своим видом. Нам пришлось очень постараться, чтобы пройти незамеченными.

Наутро я был вызван в диппредставительство, где седой дипломат вручил мне пакет и попросил срочно выехать обратно в Кабул. Откозыряв, я подумал: «А бывают не срочные пакеты?» Размышлять на эту тему не хотелось, и я пошел собираться в дорогу, по пути встретив одного из своих солдат, передал через него приказ быть готовыми через два часа. В намеченное время на плацу я осмотрел своих солдат и остался доволен. Выглядели они после отдыха свежими и готовыми к походу. Выехали мы из Пешевара в час пополудни, шли не крупной рысью, я - впереди отряда. Я решил ехать той же дорогой, но догнавший меня О*Тул выразил свое сомнение в правильности моего решения, обосновав это тем, что родственники Юсупа, да и просто желающие завладеть Аль-Богаценом могут подстеречь нас на этой дороге. Он предложил другой путь, я согласился, и Джон повел отряд другой дорогой. К вечеру стало холодать, мы въехали в какое-то ущелье. В горах темнеет рано. Приказав найти удобное место для ночлега, я стал из-

учать карту, хотя занятие это оказалось бесполезным, через четверть часа разглядеть что-либо было уже невозможно. Через полчаса мне доложили, что место для ночлега найдено, и пригласили осмотреть его. Это было ровное плато, почти правильной круглой формы, с одной стороны возвышались отвесные скалы, а с другой - достаточно пологий и открытый спуск, простреливаемый ярдов на триста точно. Я обратил внимание на то, что по центру было видно пятно от костра, и выразил сомнение, стоит ли тут ночевать, если ранее здесь уже кто-то останавливался, и место это пользуется популярностью, хорошо, если только у караванов, бредущих в Индию, но, вероятно, его знают и бандиты. Люди мои, заверив меня, что следы костра небольшие и, скорее всего, это была стоянка для трех человек, не более, принялись размещаться. Быстро перекусив всухомятку, ибо я запретил разводить костер, я назначил в караул двух человек на те места, откуда можно было ожидать нападения. Закутавшись в одеяло и положив рядом карабин, я пытался заснуть, но дьявольский холод не давал мне этого сделать, получалось задремать на несколько минут, не более. Тут послышался звук осыпающихся камней, я было подумал, что часовые делают обход и хотел попробовать заснуть снова, но что-то толкнуло меня поднять голову, я увидел контур не сидящего часового, а человека в чалме и халате. Схватив рядом лежащий карабин, я закричал: «Стой!» Но человек и не подумал подчиниться, и тогда я выстрелил, фигура, секунду покачавшись, упала, и тут же поднялся дикий вой и визг, посыпался град пуль, нападать они могли только со стороны пологого склона, и если судить по вспышкам их ружей, то было их не менее пятнадцати человек. С меня и моих попутчиков сон сняло как рукой, каждый нашел себе укрытие для отражения атаки. Неприятель затих, видно, они надеялись перерезать нас ночью спящих. Я провел перекличку, и оказалось, что не хватает только солдата, который стоял на часах именно там, где я заметил бандита, скорее всего бедолаги уже не было в живых, нас оставалось

семь человек, и положение наше было незавидным. До рассвета было, как минимум, часа четыре. Тут раздался крик:

– Эй, англичане! Отдайте нам Аль-Богацен и можете убираться на все четыре стороны!

Мне очень хотелось этому верить, и я готов был отдать этот злосчастный клинок, но О*Тул выкрикнул в ответ:

– Слишком много хотите! Все равно вы нас не отпустите!

Голова моя лихорадочно работала, мысли проносились с бешеной скоростью. И тут меня осенило. Я приказал сделать залп в сторону неприятеля, что и было сделано, в ответ послышался нестройный огонь противника, но я успел заметить, где расположились бандиты. Склон по правую сторону не был защищен.

– Быстро снимайте с себя шинели, укутывайте копыта лошадей, одеялами закутайте им морды! Через несколько минут приказ был выполнен. Оставалось только надеяться на луну, лишь бы она не выглянула из-за туч. Со всеми предосторожностями мы начали спуск. Вдруг из-под копыт одной из лошадей посыпались камни, и тут же раздался крик на пушту. Мы замерли, и я попросил Джона перевести сказанное, он сказал, что кто-то ругает какого Ахмета, думая, что тот ходит неосторожно. Постояв несколько секунд, мы продолжили спуск, и через некоторое время стояли на дороге. Надо было что-то делать дальше. Отведя лошадей на приличное расстояние, мы вскочили в седла и пустили их галопом, торопясь как можно быстрее ускакать подальше, пока противник нас не хватился. Мы ушли от погони и без приключений доставили пакет.

Мне кажется, пора рассказать подробнее об О*Туле. Лет ему было на вид не более тридцати, хотя на самом деле его возраст составлял 34 года. В армию он попал, с его рассказа, после преступления, он убил претендента на руку своей любимой, был он из зажиточной семьи, но претендент был дворянского звания и имел поместье в их краях, и папаша его возлюбленной отдал предпочтение этому эсквайру.

После убийства соперника он был вынужден бежать и не придумал ничего лучше, как податься в Лондон, где зарабатывал себе на жизнь игрой в карты и кости, причем зарабатывал неплохо, а если его уличали в мошенничестве, то его спасала недюжинная природная сила и умение махать кулаками и пользоваться ножом. Он и меня научил некоторым манипуляциям при игре в карты, но видно я был плохим учеником, если в жульничестве меня уличил этот юнец Рональд Адэр. О*Тул никогда не казался мне до конца искренним. Мне всегда казалось, что он чего-то недоговаривает, даже после всех наших приключений, где мы подвергались смертельной опасности, этот человек не открывался мне до конца, и только перед самым нашим расставанием он раскрыл мне тайну своего пребывания на военной службе. Она меня просто поразила! Я никогда не думал, что преступность в старой доброй Англии приняла такие масштабы. Но об этом позже. Надеюсь, я вас не слишком утомял пустыми рассказами о своих приключениях. Знаете, я хочу вам хоть немного рассказать о своей жизни, о службе в армии, где я подвергался невероятным опасностям, рисковал головой во славу родины. Ведь все говорят, что вот поймали Себастьяна Морана – преступника, убивавшего людей, ну, что ж...с этим не поспоришь, я действительно убивал людей. Я убивал людей еще до того, как стал преступником, я убивал пуштунов, и таджиков и еще каких-то вовсе экзотических киргизов, и за это мое правительство и король вешали мне ордена, а когда мой отец разорился, разве кто-нибудь пришел ко мне на помощь? Хоть кто-то из того же правительства сказал: «Ты храбрый человек, Себастьян Моран, и мы не оставим тебя в нищете». Нет, мне никто ничего подобного не сказал, и только случай сделал меня необыкновенно богатым, и тот же случай толкнул меня на путь преступления. Вы не представляете себе, как может судьба сыграть с человеком злую шутку. Наберитесь терпения, доктор, завтра я начну вам рассказывать об Индии, джунглях, где таятся невероятные хищники,

наводящие ужас на население, расскажу об этой стране с ее необыкновенными людьми. А сейчас уходите, м-р Ватсон, вижу, вам, как и мне, надо отдохнуть. П-к постучал в дверь и на пороге появился полисмен. Себастьян Моран смиренно подставил ему руки и был закован в кандалы, направился к выходу, но на пороге остановился и спросил меня:

– Так мне завтра ждать вас, м-р Ватсон?

Я ответил утвердительно. П-к вышел в сопровождении конвоя, а я еще посидел пару минут и, поднявшись, направился в нашу уютную с Холмсом квартиру. Поднявшись наверх, я как всегда увидел своего друга, обложившегося книгами.

– Дорогой друг, - приветствовал меня Холмс, – надеюсь, вы не зря провели время в кутузке? - На что я ответил, что, кажется, мы с п-ком приближаемся к развязке.

– Кстати, фамилия О*Тул вам ни о чем не говорит? – спросил меня великий сыщик.

– Жаль, п-к уделяет очень много внимания в своих рассказах этому человеку, и частенько в разговорах подчеркивает, что этот человек сыграл заметную роль в его жизни.

Холмс достал из стопки книг, стоящих рядом на его столике, одну из них с названием «Охота на крупного зверя в западных Гималаях» и сказал:

– Вот эта книга, автором которой является Себастьян Моран, может, здесь мы найдем хоть какое то упоминание об этом человеке. Есть еще его книга «Три месяца в джунглях», И вообще, что-то толкнуло меня набрать книг по Индии, меня интересовали рассказы путешественников, военачальников и, конечно же, и книга нашего п-ка. Я бегло все просмотрел, но никакого О*Тула там не упоминается, он всегда пишет о человеке «мой верный помощник», но, судя по всему, это и есть Джон О*Тул, также мне показалось из книги, что они старались не разлучаться.

– Скорее всего вы правы, Холмс, – сказал я, – сегодня я опять слышал рассказ о его приключениях, и Джон О* Тул постоянно фигурирует в них, причем частенько он говорит

о нем, как о человеке, сыгравшем не последнюю роль в его становлении как преступника. Можно только догадываться, каким образом повлиял О*Тул на п-ка, кстати, я не говорил вам о том, как полковник сказал, насколько его поразила размах преступности в Англии? Интересно то, что поражен был этим в связи с расставанием с Джоном О*Тулом. Что вы скажете об этом, Холмс?

– Если верить рассказу О*Тула, в той его части, что он подрабатывал в Лондоне игрой в карты и кости, то может судьба и свела его с профессором Мориарти, но вот зачем профессор отправил его в армию? Для меня это пока загадка, но думаю, что наш друг Себастьян Моран поведаст нам об этом в ближайшем будущем. Вы, наверное, утомлены Ватсон, отправляйтесь спать, а я посижу еще за книгами, и чем черт не шутит, может, и выужу что-нибудь интересное для нас с вами. Я решил прислушаться к совету Холмса и направился в свою комнату.

На следующее утро, выйдя из дома, я отказался от поездки на кэбе, стояла удивительная погода, и я решил немного прогуляться и насладиться солнцем, достаточно редким в Лондоне в это время года. Я шел, с удовольствием подставляя лицо легкому ветерку и солнечным лучам, мне не хотелось думать о предстоящей встрече, но мысли так или иначе возвращались к п-ку Морану и предстоящему свиданию с ним. Что хотел сказать Себастьян Моран своими рассказами? Пытался ли он в коей-то мере обелить себя, или просто хотел излить душу? Размышляя таким образом, я двигался по направлению к участку, внезапно на одном из людных перекрестков на меня наткнулся довольно прилично одетый господин, и сунул мне в руки небольшой пакет со словами:

– Это для п-ка Морана. Машинально взяв пакет в руки и взглянув на него буквально на секунду, я поднял глаза, пытаюсь разглядеть этого человека, но того и след простыл. Покрутив головой по сторонам, я понял тщетность попыток разглядеть его в толпе, сунул пакет в карман и продолжил

свой путь. Переступив порог участка, я увидел поджидавшего меня полисмена, с готовностью вскочившего и приветствовавшего меня со словами:

– Пройдете к г-ну Морану, сэр? Он ожидает в той же камере. Нет, – ответил я, – и спросил: – Инспектор Лестрейд у себя? – Да, сэр. – Будьте любезны, проводите меня к нему. – Есть сэр, – ответил бравый полицейский и жестом пригласил меня следовать за ним. Дойдя до дверей кабинета инспектора, полисмен, постучав, приоткрыл ее и сказал:

– К вам доктор Ватсон, сэр. – Впустите! – раздался голос инспектора и послышался звук отодвигаемого стула. Пройдя в кабинет, я увидел стоящего уже на пороге м-ра Лестрейда с видом радушного хозяина тянувшего ко мне обе руки:

– Дорогой доктор! Рад вас видеть! Проходите, располагайтесь.

Дождавшись, пока инспектор усядется сам, я вытянул пакет из кармана, передал его инспектору и рассказал об обстоятельствах, при которых пакет оказался у меня. М-р Лестрейд внимательно осмотрел пакет со всех сторон и, взяв нож для бумаги, осторожно вскрыл его, откуда выпал небольшой листок бумаги. Водрузив на нос очки, инспектор поднес его к глазам и вслух прочел: «Не отчаивайтесь, ваши друзья помнят о вас». Перевернув листок на обратную сторону и убедившись, что там ничего нет, инспектор обратился ко мне:

– Вы не запомнили внешность человека, передавшего вам пакет? Сможете его описать?

Я был смущен вопросом инспектора, но должен был сказать:

– Видите ли, все произошло так быстро и внезапно, что вряд ли я чем-нибудь смогу вам помочь, да и толпа, знаете ли, – промямлил я.

– Ясно! – сказал Лестрейд, и добавил:

– Надо усилить охрану. Помолчав с минуту, инспектор продолжал:

– М-р Ватсон, Себастьян Моран по-прежнему не касается в своих разговорах темы, касающейся недавнего его преступления? Или может быть он как-то обмолвился вам о своих давних делишках?

– Нет, инспектор, кроме экскурсов в свое прошлое военного, п-к ни о чем больше не говорит.

– Мы заметили некоторое оживление в преступном мире сразу после ареста Себастьяном Морана, вначале все как бы легли на дно, но спустя неделю начались попытки передачи ему в камеру записок подобного рода. Чтобы это означало? На всякий случай мы удвоили свою бдительность, но не исключено, что мы не пресекли полностью всех попыток, и кое-какие записки п-к все же получает. Как бы то ни было, дорогой доктор, я еще раз попрошу вас проявить максимум внимания к рассказам Себастьяна Морана.

– Конечно инспектор,- ответил я приподнимаясь.

– Грэхем! - выкрикнул инспектор, и тотчас дверь открылась и на пороге появился полисмен, сопровождавший меня.

– Надо же – Грехэм, - подумал я, - неплохо было бы и самому поинтересоваться его именем.

–Проводите м-ра Ватсона к п-ку Морану.

Взяв под козырек, Грехэм предложил пройти вперед. Дойдя до нужной нам камеры полисмен выбрав из связки ключей нужный, отпер дверь и предложил войти.

– Спасибо, м-р Грехэм,- поблагодарил я его, и увидел, как полисмен смущенно и благодарно улыбнулся.

Завидев меня, п-к довольно бодро приподнялся со стула и приветливо сказал:

– Рад видеть вас, доктор! И показав на зарешеченное окно, полное солнечного света, произнес:

– Была вам охота сидеть в камере с матерым преступником, когда за стеной такой погожий денек, мне, право, неловко вас держать рядом со мной своими рассказами.

– Думаю, это не последний погожий денек в Лондоне, сэр, и у меня еще будет возможность насладиться таковым

не раз. Присаживайтесь, п-к, – с этими словами я протянул ему заранее приготовленную сигару. С наслаждением понюхав ее, он с видом знатока с ухмылкой произнес:

– Да-а-а....ну тогда давайте и спички, доктор, а то такие считаются здесь запрещенным предметом. Что делать, много здесь запретов и запрещенных предметов, но правила для того и существуют, чтобы кто-то их нарушал. Правда не всем по силам нарушать писанные и неписанные законы, не у всех хватит духа сказать себе:

– Мне тесно жить в жестких рамках, придуманных людьми, и я не буду в них жить! Но человечество всегда пугали люди, стремящиеся раздвинуть эти рамки, будь то ученые или преступники. Ну да Бог с ними со всеми, мы встретились с вами не для диспута, хотя я подозреваю, что вам есть, что сказать по этому поводу, особенно в части преступников. П-к рассмеялся и лукаво посмотрел на меня.

– Я вижу, вы нынче в хорошем настроении, п-к?- спросил я.

– Да, - ответил Моран, - и к тому есть поводы.

– Какие? - поинтересовался я.

– Разные, – уклончиво ответил п-к, - и без перехода спросил:

– Я правильно помню свое обещание начать сегодня рассказ об Индии? Я утвердительно кивнул головой. Затянувшись сигарой и пустив клубы дыма в потолок, п-к погрузился в воспоминания, я не прерывал его, сам наслаждаясь сигарой, если бы не тюремные стены, то со стороны можно было подумать о двух приятелях без слов понимающих друг друга, или поведавших о себе все, и теперь молчавших в раздумьях, что бы еще рассказать интересного из своей жизни. У п-ка были свои воспоминания, я же думал, что же явилось причиной хорошего его настроения, ведь не просто же хороший день. И хотя, почему бы и нет? Ведь, находясь в заключении, человек практически лишен всех радостей жизни, и вполне возможно, что просто солнечный луч, проникший, пусть даже через решетку, уже является радостью

для него. Я же, с нетерпением ожидая продолжения своеобразной исповеди, наконец услышал:

– Восемь лет! Восемь долгих лет службы в этой проклятой Богом стране. Восемь бесконечных лет невыносимой жары и лютого холода, восемь лет постоянного свиста пуль и звона сабель над головой. Восемь, полных опасности и приключений, лет, я провел в Афганистане. Тело мое лишилось намеков на жир, рука моя затвердела, а дух окреп. Я уже не чаял покинуть эту страну, папаша мой, казалось, совсем забыл обо мне, а напоминать и просить его о милости мне хотелось меньше всего на свете. Я боялся выглядеть в его глазах слабаком. И вот однажды меня вызвали в консульство и вручили пакет со словами:

– Капитан Моран (я к тому времени был уже в чинах капитанских), этот пакет надо доставить по назначению, как всегда срочно. И не хотелось мне этого говорить вам, до выполнения приказа, но все же знайте, это ваше последнее задание на территории Афганистана. Приказом по ведомству вы переведены в Индию. Боже правый! Неужели я покину этот ад!?

Не выказав радости, я взял пакет, откозырял и направился к своим людям. Найдя О*Тула, я приказал ему собрать людей и через два часа быть готовыми к выполнению приказа. Джон отправился выполнять, но я, не сдержавшись, остановил его и поделился своей радостью по поводу перевода в Индию. О*Тул поздравил меня и пошел выполнять приказ. Через указанное мною время люди были готовы к выступлению, быстро проверив амуницию, я отдал приказ выдвигаться. Путь наш пролегал в безопасности и без приключений, и когда до места оставалось не более 12 часов ходу, я подумал:

– Неужели мое последнее задание пройдет без происшествий?

– Не подумайте, доктор, что я хочу вам сказать, будто все мои командировки сопровождалась стрельбой и дракой

на саблях, нет, совсем не так, просто я вам рассказываю о наиболее запомнившихся, а запоминаются, как правило, те, которые были сопряжены с пальбой, погонями и прочими «прелестями» моей службы. Так вот, стоило мне только подумать о том, что, может быть, мое последнее задание пройдет без сучка и задоринки, как ехавший рядом со мной солдат указал плетью на высокий холм и стоявшего на нем всадника. Что-то подсказывало мне, что это не к добру, но я отогнал от себя эти мысли, мало ли кто мог стоять на лошади на этом холме? Приказав не задерживаться, я прищпорил коня в направлении реки, обозначенной на карте. Оглянувшись через пару минут на тот холм, я увидел по-прежнему одиноко стоявшего всадника и успокоился. Был бы это разведчик, то, скорее всего, он поспешил бы уведомить своих о нашем продвижении. А так как он остался на прежнем месте, я счел свои опасения напрасными. Через час показалась река, а надо вам сказать, доктор, что спокойных рек в этой стране практически нет, бывают, но в долинах, в горах это были сущие черти, если можно так выразиться. На случай переправы у нас всегда были при себе крепкие веревки, и мы, не мешкая, спешились, добравшись до реки. Я отправил двоих человек искать брод, если таковой найдется, или место поспокойнее для переправы. Сам же огляделся вокруг, у меня не выходил из головы тот одинокий всадник, но сколько я не оглядывал местность, ничто не выказывало нахождение рядом неприятеля. Вскоре вернулись посланные мною люди с докладом о том, что недалеко вниз по течению есть подходящее место для переправы. Взяв своих коней под узду, мы начали выдвигаться вниз по течению, ведомые нашими разведчиками. Добравшись, мы решили дать время слегка остыть нашим лошадям, вода в реке была ледяная, и мы побоялись за них. Один из наших перебрался на тот берег и закрепил веревку за крупный валун лежавший на берегу, с валунами там было все в порядке. Раздевшись, я увязал свою одежду узлом и водрузил ее на седло, а сам, взяв в одну руку кара-

бин и узду, а другой держась за веревку вошел в реку первым, река была не очень широкой, но достаточно бурной. Господи! До чего же холодная была вода, позади через три метра двигался следующий, а за ним О*Тул. Я ступил на берег и тут же раздались выстрелы из-за камней. - Вот оно! - подумал я. Укрывшись за валун, к которому была привязана веревка, я выглянул, пытаюсь определить, откуда ведется огонь. Вспышки появлялись то из-за одного, то из-за другого камня. Следовавший за мной солдат успел выскочить за мной следом и уже лежал в изготовке с карабином рядом со мной. Но вот О*Тулу повезло меньше: пуля попала в голову его коня, и тот увлек его за собой дальше вниз по течению. Огонь был очень плотным, и выскочить ему на помощь было равносильно самоубийству, тем более на мне лежала ответственность за оставшихся в живых, которых, к слову, было всего четыре человека. Перебравшись за более крупный камень, мы устроили круговую оборону и вели прицельный огонь, не давая противнику приблизиться к нам. В какой-то момент неприятель повысил интенсивность огня, не давая нам носа высунуть, потом огонь внезапно стих, и с левого фланга нашего валуна появилась группа из трех человек с саблями наголо и криками «Аллах акбар» они ринулись на нас. Находившийся на левом фланге солдат ловко отбил удар сабли карабином и тут же ударом приклада в висок утомил переднего из нападавших, второго он же встретил тычком ствола в живот, от чего тот сложился пополам, третьего я застрелил из револьвера. Тяжело дыша, мы ждали следующего появления неприятеля, но его не последовало. Бандит, получивший удар в живот стволом карабина, лежал согнувшись, и хватал воздух ртом, выпучив от боли глаза. Я приказал связать его, что мои люди и поспешили сделать. Связав его, солдаты без лишних слов заняли свои позиции и продолжили наблюдать за противником, изредка постреливая в особо ретивых, рискнувших вылезти. Я наблюдал за нашим пленником, отдышавшись

и придя в себя, тот начал окидывать нас злобным взглядом. Я решил допросить его.

– Кто вас послал? - спросил я его. Иногда представители не дружественных нам стран нанимали бандитов, платя им большие деньги за то, чтобы они нападали на нас, отнимали почту, которую потом передавали нанимателям. Я думал, что это как раз тот случай. Пленный только плюнул в мою сторону.

– Знаете, доктор, война есть война, и там нет места для сантиментов, особенно, когда речь идет о собственной жизни и жизни твоих подчиненных. Попросив одного из солдат передать мне нож, я взял его в руку и выразительно посмотрел на пленного. Тот изобразил на своем лице презрение. Я не спеша подошел к нему, повалил на землю и, придавив коленом голову, начал отрезать ему ухо. Бедолага начал верещать так, что его крики слышали осаждающие, и град пуль просто осыпал валун, за которым мы находились. Отрезав ухо, я убрал колено с его головы и показал ухо завывающему пленному.

– Ты хочешь лишиться еще одного уха, а затем и носа? - спросил я его.

– Шейх Омар изжарит тебя живьем и отдаст твоё тело на съеденье бродячим псам, неверный пес! - прокричал он в ответ.

Ничего не говоря, я перевернул его на другой бок, и не мешкая, отхватил ему второе ухо, несмотря на все его вопли, которые, несомненно, снова были услышаны, подтверждением тому был новый град пуль в сторону нашего валуна. Я хладнокровно смотрел на вопившего пленника. А когда тот немного успокоился, я наклонился к нему с целью задать вопрос, но тот, вдруг исказившись в лице, закричал:

– Все скажу, не трогай нос!

– Молодец, - похвалил я его, вытер полый его халата кровь с его лица и задал свой первый вопрос:

– Так кто же нанял вас?

– Мы не наемники, и шейха Омара не интересует содержимое твоей сумки.

– Что же интересует шейха?

Он посмотрел на моего коня, к седлу которого был приторочен Аль-Богацен.

– Шейха Омара интересует только вот этот клинок, который когда-то принадлежал его великому и славному роду. Есть легенда, по которой этот клинок носил сам пророк Мухамед, до тех пор, пока не стал праведником, а потом он передал его одному из предков Омара с завещанием обнажать его только во славу аллаха и защиту веры. Давным-давно клинок был утерян во время одной из битв, и все думали, что его уже не найти, но вот недавно шейх узнал, что очень похожий по описанию клинок носит один из англичан. Омар осторожно начал наводить справки, расспрашивать видевших этот клинок у тебя и пришел к выводу, что именно его отдал когда-то пророк его предку. Это большая святыня и реликвия для правоверных.

– Что же шейх не попытался выкупить ее у меня?

– У шейха была такая мысль, но потом он узнал, что ты не расстался с ним даже во время смертельной опасности, когда родственники презренного Юсупа предлагали тебе жизнь в обмен на эту саблю. Шейх Омар подумал, что слишком много возни вокруг клинка побудит тебя разузнать подробнее его происхождение, и тогда ему и вовсе не видать его. Шейх решил за благо отнять его силой, у него свой человек в вашем представительстве, который и сказал ему о твоей поездке и маршруте, а дальше было не сложным устроить засаду именно здесь, ибо лучшего места для переправы нет.

– Господи! - подумал я, опять этот Аль-Богацен, может, он и действительно принадлежал когда-то пророку, может, он и правда святыня мусульманская, если мне, христианину, от него одни проблемы. Что же делать? Я посмотрел на своих спутников. Один пожал плечами, давая понять, что и приблизительно не знает что делать. Другой сказал:

– Сэр, а может, дождемся темноты и как в тот раз завяжем морды нашим лошадям и, обмотав копыта, опять уйдем незаметно?

– Вряд ли, - ответил я, – в тот раз не было такого нагромождения камней, тут и без повязок можно ноги себе переломать, а уж не видя куда ступаешь и вовсе.

.....Тогда, может, попробуем уйти сами, без лошадей?

– тогда можно с наступлением темноты попытаться уйти в горы, в труднодоступные места, туда, где лошади не пройдут, затаиться там, спрятаться, а потом выйти на караванные пути. Ведь до города осталось совсем ничего и вполне вероятно, что мы встретим, если уж не регулярную нашу часть, то хотя бы обоз, направляющийся в город. В этом что-то было, оставить лошадей как приманку, своим всхрапом и ржанием, они давали бы понять, что отряд здесь, а мы тем временем пробирались бы в горы, но без ответного огня неприятель быстро поймет, что мы ушли. Как быть? И тут солдат, предложивший эту идею, сказал:

– Вы идите, я вас прикрою, а позже нагоню. Сэр, вы только покажите приблизительно место на карте, где вы думаете укрыться. Показав место на карте, я с оставшимися людьми со всей осторожностью, прячась за валунами, короткими перебежками от укрытия к укрытию начали выдвигаться выше в горы. Мы ушли достаточно высоко, до нас доносились звуки редких одиночных выстрелов, потом наступила тишина на некоторое время, и уже под утро, когда только начало светать, раздалась беспорядочная пальба. Мы поняли, что противник обнаружил наше исчезновение, но мы были уже достаточно высоко и надежно укрыты в скалах. Больше суток мы сидели, затаившись, не высывая носа. Иногда я доставал клинок из ножен и смотрел на него при свете звезд, и чем дольше я смотрел на него, тем больше он меня завораживал. Своим волнистым рисунком он как бы гипнотизировал. Кем же был он послан мне? По истечении вторых суток дозорный заметил осторожно пробиравшегося солдата, который остался прикрывать наш от-

ход. Шел он в нужном направлении, и нам оставалось только дожидаться, когда он наткнется на нас, что и произошло довольно быстро. Просидев еще некоторое время, мы стали со всеми предосторожностями спускаться в сторону города. Скажу, что спуск наш занял гораздо больше времени, чем подъем. Боязнь попасть в засаду заставляла двигаться нас очень и очень медленно. Мы спрятались в укрытии недалеко от караванной тропы, ожидая караван или наш обоз, но нам повезло больше, вскоре мы заметили большой отряд наших войск, двигавшийся в сторону города, это был отряд новобранцев, сопровождаемый тремя офицерами и семью сержантами. Естественно, примкнув к ним, мы добрались до цели без приключений. Сдав пакет, я был предоставлен самому себе, люди мои отдыхали, отсыпались. Мне же сон не шел. Я был озабочен судьбой О*Тула. Утонул он в бурных водах? Попал в плен и был замучен? Неизвестность угнетала.

Я потихоньку собирался в Индию, имущества армейского за мной не числилось, состава личного большого тоже не было, я не торопился, зная, что передача всего этого займет не много времени. И вот как-то днем вестовой нашел меня в штабе и сказал, что на улице был задержан подозрительный оборванец, который при задержании вдруг заявил, что направляется к вам, сэр

– Странно! Если честно, то я мало знаком с местными оборванцами, - сказал я. – Но любопытно было бы взглянуть. Где он, этот ваш оборванец?

– Стоит внизу под охраной.

Спустившись вниз, я увидел двоих дюжих солдат и между ними человека, одетого в лохмотья.

– Так это и есть тот человек, который утверждает, что разыскивал меня? - спросил я у вестового

– Да, сэр.

– Ну и что же вы хотели от меня? - спросил я бродягу.

– Мне от тебя ничего не нужно, я принес тебе привет от шейха Омара, - сказал бродяга, и, запустив руку куда-то в

лохмотья, вытащил кисет, принадлежавший О*Тулу. Протянул его мне, это был тот самый кисет, с которым Джон никогда не расставался, который всегда носил на шее. Именно в этом кисете он хранил свои алмазы, выигранные у Исламбека. Взяв его из рук оборванца, я удивился, ощутив, что кисет не пуст. Развязав его, я заглянул вовнутрь и увидел алмазы.

– Отпустите его, - велел я солдатам, что те немедленно и сделали.

– Иди за мной, - приказал я бродяге и направился напрямиком в ближайшую харчевню. Усевшись за стол, я взглянул на своего спутника и тот, поняв мой взгляд, ответил:

– Нет, я не голоден, чаю будет достаточно. Совсем скоро на столе стоял чай и пиалы.

– Что шейх хотел передать на словах?

– Досточтимый шейх велел сказать, что один из твоих воинов, тот, которого унесло течением, жив и находится в наших руках, и только от тебя зависит дальнейшая судьба этого человека, будет ли он жить, или завтра умрет в страшных мучениях.

– Что я должен сделать для того, чтобы сохранить ему жизнь?

– Отдай то, что тебе не принадлежит.

– Речь идет об Аль-Богацене?

– Да.

– Где и как я его передам ему? И где гарантии, что мой человек жив, и останемся ли мы оба живы после передачи?

– Прочти это, - сказал оборванец, протягивая мне клочок бумаги, извлеченный им из одного ему известного места в своих лохмотьях. Это была коротенькая записка, написанная рукой Джона О*Тула которая гласила примерно следующее: «Пошли их к черту, Себастьян». Увидев, что я ознакомился с содержанием записки, бродяга сказал:

– Вечером, как стемнеет, встретимся здесь, и я проведу тебя к Омару, где ты и сможешь обменять клинок на своего человека.

- Ты ничего не сказал о гарантиях
- Гарантией является слово Омар-шейха, и ему ты можешь верить.
- Хорошо, вечером я буду здесь.
- Не забудь то, на что ты будешь менять своего человека.

Я терпеть не мог восточной витиеватости и, ничего не ответив, вышел на улицу. Весь день я провел в раздумьях. Риск был очень велик, можно было остаться без клинка, О*Тула и головы. Можно было бы пойти на встречу не одному, а прихватив с собой взвод солдат, но тогда мы могли бы кроме этого оборванца никого и не найти, ибо я был уверен, что за ним тоже следили, и в случае опасности О*Тул был бы убит, а шейх со своими людьми исчез бы без особых проблем. И опять бы началась охота за клинком, а значит, и за мной, а мне это уже порядком надоело.

– Знаете, доктор, я немного тороплюсь с изложением, мне хочется перейти к рассказам об Индии, поскольку там произошли самые невероятные события, а это последний штрих, если можно так сказать, и он должен завершить нашу афганскую историю с О*Тулом. Итак, вечером, как стемнело, я зашел в чайхану, там уже сидел знакомый мне оборванец, который тут же при виде меня встал и направился к выходу. Я пошел вслед за ним. Немного попетляв кривыми узкими улочками, мы подошли к неприметной калитке, которая после условного стука тут же отворилась, предлагая пройти вовнутрь, что мы и сделали. Перейдя внутренний дворик, вошли в помещение, которое было достаточно ярко освещено. Там меня встретили телохранители Омара, который сидел тут же за низким столиком и потягивал чай, с любопытством разглядывая меня. Это был человек среднего роста, и среднего же возраста, одеждой он практически не отличался от своего окружения, на голове его была чалма зеленого цвета, что говорило о том, что перед нами хаджи, то есть человек, совершивший хадж в святыню мусульман – Мекку. Изъяв у меня все оружие, которое находилось при мне, меня пригласили к столику

шейха, который уже разглядывал Аль-Богацен, преданный телохранителем, при этом губы его шевелились в благодарственной молитве, а глаза благоговейно закатывались. Трясущимися руками он наполовину вытянул его из ножен и со словами «Аллах акбар» поцеловал клинок. Находящееся при этом его окружение завопило «Аллах акбар», и все, как один, упали на колени, уткнувшись лбами в пол.

– Ты даже не представляешь, чем ты владел, англичанин, – сказал Омар-шейх, – ну да это, может, и к лучшему, ни к чему тебе это. Потом он что-то сказал ближнему из людей, и тот вышел из комнаты, минуту спустя вернулся, ведя впереди себя моего друга Джона О* Тула! Вид у него был потрепанный, но сам он был бодр, и жизнь светилась в его зеленых глазах. Мы обнялись. Шейх, глядя на это, сказал:

– Пропадете вы в наших горах и песках, нет у вас нужной твердости. Как можно променять жизнь ничтожного смертного на клинок пророка. Ну да ладно, это ваше дело, а я сдержу свое слово. Садись, англичанин. Я, как и обещал, дарю жизнь твоему другу и тебе. Я слышал, скоро ты покидаешь мою родину? Заметив мой удивленный взгляд, он небрежно махнул рукой, давая понять, что такие сведения являются для него пустяком.

– Так вот, в награду за эту саблю я дам тебе сопровождающих, которые проведут тебя до границы с Индией, оберегая твою жизнь.

– Благодарю тебя шейх, но я буду с отрядом, который отправляют в Дели.

– Хорошо, – сказал шейх, – отряд этот дойдет до границы без происшествий, ну, а дальше твоя жизнь в руках аллаха и твоих собственных. И все-таки, англичанин, я хочу отблагодарить тебя, прими в знак уважения этот клинок, он тоже из дамасской стали и очень хорош. – Сказав это, он взял в руки саблю, лежащую справа от него, и подал ее мне обеими руками. – Ступайте с Богом. Ахмед, проводи.

Поблагодарив шейха за подарок, я и Джон без происшествий добрались до казарм, где он и рассказал мне, как

был подобран на берегу форсируемой реки людьми шейха Омара. Остальное вы уже знаете.

Себастьян Моран замолчал, испытующе глядя на меня. Рассказы п-ка, конечно, произвели на меня некоторое впечатление, но ни в коей мере не удовлетворили моего любопытства в той части, которая касалась его становления на путь преступлений.

– П-к, я надеялся услышать от вас, что же все-таки толкнуло вас на путь преступлений, но вы даже словом не обмолвились на эту тему.

– Т-а-а-к, - протянул п-к – видимо терпение начинает покидать вас, доктор?

Я решил за лучшее промолчать.

– Ну, что ж, м-р Ватсон, - после некоторого молчания проговорил Себастьян Моран, - надеюсь, вы помните дом, в котором вы же меня и схватили?

– Странно было бы его забыть п-к, ведь он стоит напротив нашего дома, где мы квартируем вместе м-ром Холмсом.

– Не сочтите за труд, д-р Ватсон, подниметесь сегодня же на его чердак, и там возле третьей каминной трубы вы найдете брошенный кирпич, вскройте его, и, может быть, там вы найдете малую, очень и очень малую часть того, что толкнуло меня на этот путь. А сейчас, с вашего позволения, я хотел бы вернуться к себе в камеру. Пригласите, пожалуйста, моего стража. Высказав все это, п-к. уставился прямо перед собой, всем своим видом давая понять, что он не намерен продолжать наше общение.

– Грехэм – крикнул я, и тут же послышался звук ключа, отпирающего дверь. На пороге показался наш полисмен.

– Я прошу у вас прощения, п-к, если хоть чем-то обидел вас, - произнес я, прежде чем Себастьян Моран вышел. П-к остановился и, не оборачиваясь, глухо произнес:

– Жду вас послезавтра в это же время.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИНДИЯ

Хладнокровный охотник

Стоит ли говорить о том, что я приложил максимум усилий, чтобы добраться как можно скорее на Бейкер-стрит и увидеть моего друга м-ра Холмса. Кэбмен за обещанное вознаграждение доставил меня по указанному адресу с возможной скоростью. Стараясь не показать своего возбуждения, я постучал в комнату Холмса.

– Входите, Ватсон, - и после того, как я вошел, последовало всегдашнее приглашение присесть.

– Что-то вы сегодня несколько припозднились, друг мой? Наверное, Себастьян Моран поведал вам все-таки причину своего становления на преступный путь?

– А вот тут вы, Холмс, ошиблись, – лукаво улыбнувшись, сказал я своему другу.

– Причиной тому явилось мое нетерпение, которое не получило ответа на вопрос, что же привело п-ка на путь преступления. Но все же кое-что я узнал весьма неожиданное. И я рассказал Холмсу о кирпиче, находящемся за третьей каминной трубой, выслушав меня, Холмс молча курил трубку. Пауза несколько затянулась, и я счел возможным прервать ее:

– Что вы на все это скажете?

– Скажу, что стоит пойти и посмотреть, действительно ли там находится кирпич, о котором говорил Себастьян Моран. И еще, Ватсон, надо убедиться, что это не ловушка и не засада. Не надо забывать, друг мой, что п-к на данный момент, после гибели профессора Мориарти, является первым лицом в преступном мире Англии, и как вы сами зна-

ете, его сообщники ищут пути сношения с ним, и никто не даст гарантии, что они их не нашли. А уж какие они получают от него указания, нам остается только гадать. И потом надо помнить, что п-к длительное время служил в Индии, а тамошний народец - особого толка, он вполне мог обучить его обращению с ядами и способами доставки его жертве или жертвам в нашем случае. Помните дело Кэлвертона Смита с его коробочкой из слоновой кости? Да, эту самую, с помощью которой он хотел отправить меня к праотцам. Я, конечно же, помнил ту злосчастную коробочку и хорошо помнил зловещего Смита который погубил своим ядом молодого и цветущего Виктора Сэведжа.

– Вы думаете, что кирпич может оказаться такой же смертельной ловушкой, какой оказалась присланная вам по почте коробочка с отравленной иглой?

– Я не уверен в этом, Ватсон, но как говорится, бережного Бог бережет. Просто я хочу сказать, что меры предосторожности будут весьма не лишними, мы имеем дело с очень хитрым, жестоким и коварным врагом. Я не знаю, что побудило его сойтись с таким человеком как Мориарти, но, видимо, он преследовал какую-то цель, и ради этой цели, судя по всему, готов пойти на все. Так что, доктор, пока не стемнело, одевайтесь, не забудьте захватить свой «смитвессон», честно говоря, я не думаю, что он пригодится, но все же... Я захвачу фонарь, и давайте поторопимся, доктор.

Не мешкая, мы оделись, я положил свой револьвер в карман, и мы вышли из дома. Постояв на тротуаре, мы внимательно оглядели улицу, чердак пустого дома и, не заметив ничего подозрительного, двинулись вперед. Обойдя дом Кэдмена, мы подошли к чердачной лестнице и, постоянно оглядываясь, начали подъем на чердак. Холмс шел первым и, добравшись до входной двери, мой друг осторожно открыл ее, и тут же раздались громкие хлопки крыльев потревоженных нами голубей. Я инстинктивно схватился за револьвер, в ответ на мое движение Холмс сказал:

– Оставьте свой «смитвессон» в покое, Ватсон, это всего лишь голуби, и это хорошо, значит, чердак пуст от людей, и мы можем смело входить.

Я вытащил руку из кармана и, пытаясь успокоить тревожно бившееся сердце, вошел вслед за Холмсом. На чердаке было достаточно темно, и Холмс зажег прихваченный им фонарь. Немного постояв и оглядевшись, он со смешком сказал:

– По-видимому, доктор, вот та труба, о которой говорил вам ваш друг. Осторожней! Не переломайте себе ноги, дом пустует давно, и здесь валяется куча ненужных вещей, снесенных сюда бывшими жильцами. Приняв все меры предосторожности, мы с некоторым трудом добрались до трубы, указанной мне Себастьяном Мораном. Нагнувшись, Холмс осмотрел пол вокруг трубы и произнес:

– Тут только один кирпич и, видимо, п-к о нем и говорил.

Я наклонился и увидел кирпич, который абсолютно ничем не отличался от сотен и тысяч ему подобных, я хотел было взять его в руки и поднять, но Холмс остановил меня движением руки.

– Спокойно, доктор, давайте-ка мы его внимательно осмотрим для начала, возьмите фонарь и посветите мне, пожалуйста. Холмс передал мне фонарь, а сам вытащил большую лупу, с которой он практически не расставался. Я светил Холмсу, пока он со всех сторон с присущими ему вниманием и дотошностью разглядывал кирпич. Через некоторое время Холмс произнес:

– Видны следы работы с кирпичом, но весьма не приметные, а вот что сделали с ним - то ли тайник, а то ли смертельную ловушку, нам еще предстоит выяснить. Доктор, поставьте фонарь на пол и подержите сумку. С этими словами Холмс достал из кармана холщовую сумку и протянул ее мне. Взяв ее за ручки, я постарался раскрыть ее как можно шире, Холмс же очень аккуратно оторвал кирпич от

пола и так же аккуратно положил его в раскрытую мною сумку. Вздыхнув с облегчением, мой друг сказал:

– Вот как будто и все, осталось расколоть его и узнать, что же это все-таки такое. Мне кажется, доктор, что это все же тайник, не стоит ставить ловушку на чердаке пустого дома и ждать возле нее добычу. Скорее всего, Себастьян Моран что-то прячет здесь, а что, мы попробуем с вами выяснить. Давайте спускаться, Ватсон. Покинув чердак и дом, мы быстро пересекли Бейкер-стрит и поднялись к себе. Поставив сумку с кирпичом на стол, Холмс снял пальто, взял еще раз лупу в руки принялся вновь осматривать кирпич. Внимательно оглядев его со всех сторон, Холмс отложил лупу в сторону, попросив меня отойти чуть подальше. Затем взял кирпич в обе руки, положил на колено и слегка надавил на его края обеими руками. Кирпич неожиданно легко разломился на две половинки, и из него выпал на пол с глухим стуком сафьяновый мешочек синего цвета, затянутый у горловины золотым шнурком. Мы переглянулись с Холмсом и уставились на этот мешочек. Холмс без колебаний поднял его с пола, взвесил в руке, произнес: «Достаточно тяжелый для его размера», и развязав его, заглянул вовнутрь, после чего поднял на меня глаза и снова взглянул туда же. Затем перевернув, высыпал его содержимое на стол, и тут же над столом в свете свечей и каминного огня заиграли сотнями разноцветных огоньков, несомненно, драгоценные камни. Они были оправлены в тончайшей работы изделия. Здесь были кольца, серьги, кулоны. Чтобы ни говорили убежденные бессребреники, но игра света хороших камней, несомненно, завораживает. Я любовался ими, я смотрел, как причудливо искрятся они, но меня вернул в реальный мир голос моего друга:

– И как, вы говорите, сказал Моран? - Что мы найдем очень и очень малую часть того, что толкнуло его на путь преступлений?

– Именно так, – ответил я, отводя взгляд от стола, на котором лежало содержимое сафьянового мешочка.

– Тогда это действительно веская причина для людей его сорта.

– Дорогой друг, не забывайте, что п-к по рождению был джентльменом. И я уверен, что не только алчность и жажда наживы толкнули его на этот путь.

– Возможно, доктор, возможно, - сказал Холмс, беря со стола перстень с крупным сапфиром в обрамлении бриллианта поменьше. Оглядев его со всех сторон, покручивая так и эдак, Холмс протянул его мне со словами:

– Обратите внимание, доктор, на орнамент, нанесенный на само кольцо, и на расположение бриллиантов: видите, как несимметрично они рассыпаны вокруг сапфира? В Европе так не делают. Индийские же ювелиры очень быстро переняли европейскую моду на изготовление изделий такого рода, и уже, наверное, порядка двух столетий следуют ей. Скорее всего, этому перстню уже много лет. И сделали его на Востоке. Интересно, как же он попал к нашему п-ку?

Мне нечего было ответить Холмсу на этот вопрос.

– Да, доктор, вас ждет увлекательная история. На какой день Себастьян Моран назначил вам свидание?

– На послезавтра.

– Хорошо! Давайте тогда завтра мы с вами посетим несколько наших заметных ювелирных магазинов и покажем их специалистам ну хотя бы этот перстень и вот тот кулон с изумрудом. Холмс указал на кулон с крупным изумрудом, ограненным в виде сердца и прикрепленным к нему на коротенькой цепочке свисающий рубин, ограненный таким же образом.

– Странное сочетание камней, - произнес я, глядя на кулон.

– А, вы тоже обратили на это внимание!?! Уже одно это говорит о том, что я прав, и что сделано все это не в Европе.

Пока я рассматривал кулон, Холмс взял в руки мешочек, сделанный из сафьяна, и, разглядывая, вертел его в руках.

– Мешок этот сделан тоже не вчера, кожа отличной выделки, и обратите внимание на интересный орнамент, доктор, - произнес Холмс, протягивая мне своеобразный футляр для драгоценностей. Взяв в руки мешок, я принялся разглядывать его. Золотой узор причудливо сплетался в какой-то невероятный рисунок, казалось бы, не имевший никакого смысла, кроме того, чтобы притягивать взгляд своей изящной законченностью. Но присмотревшись внимательней, можно было увидеть что-то наподобие монограммы или, если хотите, вензеля. Буквы не были английскими, но и определенно индийскими в полном смысле их назвать было тоже трудно. Время было позднее, и мы решили отложить все вопросы на завтра.

Наутро, позавтракав овсянкой, приготовленной нам любезной м-сс Хадсон, мы с Холмсом вышли на Бейкер-стрит. Взяв меня под локоть, мой друг сказал:

– Ватсон, я ночью подумал, что нам в первую очередь надо посетить ювелирный дом Эспри. Это почтенное заведение основал Уильям Эспри, гугенот, бежавший из Франции от преследований еще во времена Людовика XIV. Думаю, что там нам дадут исчерпывающую консультацию по интересующему нас вопросу. Смотрите, какой денек Ватсон! Давайте прогуляемся. Благо контора Эспри находится всего в паре кварталов отсюда. Я был не против, и хотя «пара кварталов» оказалась как минимум пятью, я не был в обиде на Холмса, мы шли и разговаривали о всяких пустяках. Погожий солнечный денек не располагал к разговорам на серьезные темы, и мы, словно сговорившись, не касались тех вопросов, которые нас так волновали. Незаметно за разговорами мы подошли к намеченной цели, Холмс открыл дверь и пропустил меня вперед. Войдя, мы оказались в помещении, отделанном дубовыми панелями, потемневшими от времени, прекрасно освещенным - да и как могло быть иначе, торговля драгоценностями не потерпела

бы скудности света. В глубине расположились остекленные прилавки, за коими стояли три человека. При нашем появлении тот, что выглядел постарше и посолидней, вышел из-за прилавка и, подойдя к нам, с возможной учтивостью произнес:

– Добрый день господа! Чем мы можем вам служить?

– Здравствуйте, мистер...

– Эспри, Генри Эспри, сэра, с кем имею честь? Холмс, указав на меня рукой, произнес: - Доктор Ватсон, я поклонился, - и мистер Холмс, ваш покорный слуга. Как только м-р Эспри узнал, как зовут моего спутника, лицо его расплылось в счастливой улыбке.

– Рад, очень рад видеть у себя великого сыщика и его друга, для меня будет большой честью оказать любую услугу людям, нашедшим древнюю корону английских королей. Дело Месгрейвов, в следствии которого вами была обнаружена эта корона, не прошло незамеченным ни одним из ювелиров. Только благодаря вам, м-р Холмс, и вашему другу, это величайшее произведение ювелирного искусства оказалось не утерянным. После этого он долго тряс нам руки с сияющим выражением лица, потом, словно спохватившись, произнес:

– Позвольте представить вам моих сыновей. И не дожидаясь согласия, прокричал:

– Уильям! Ричард! Быстрее сюда! Перед вами люди, нашедшие корону королей Англии, которая считалась безвозвратно утерянной. Это м-р Холмс и его неразлучный друг доктор Ватсон.

Молодые люди учтиво поклонились. Глаза их светились неподдельным уважением.

– Так чем я все-таки могу служить вам, господа, - произнес м-р Эспри после того, как выразил нам крайнюю степень своего уважения. Признаться, мне это не было неприятным.

– Не могли бы вы оценить пару вещей, сэра, случайно оказавшихся у нас с доктором Ватсоном?

– С удовольствием, господа, прошу вас пройти в мой кабинет, где нам никто не будет мешать. Уильям! Ричард! Меня ни для кого нет. Уже закрывая дверь своего кабинета, прокричал м-р Эспри. – Прошу вас, господа, устраивайтесь удобней, - произнес хозяин, указывая на массивные, обитые дорогой кожей, кресла, сам же он уселся за солидный стол, сделанный тоже из дуба. Мне показалось, что вся мебель в кабинете была работы Чиппендейла.

– Я весь внимание, - произнес он, по очереди оглядывая нас с Холмсом.

Холмс молча протянул ему известный вам мешок. М-р Эспри, развязав его, высыпал осторожно содержимое на стол, предварительно застелив его куском темного бархата. Брови его поползли вверх, когда он увидел, какое богатство оказалось на его столе. Выдвинув ящик стола, он извлек из него лупу, и, беря одно украшение за другим, внимательно рассматривал их. Мы с Холмсом сидели молча, наблюдая за реакцией ювелира на драгоценности, найденные нами в тайнике Себастьяна Морана. Оторвав наконец взгляд от украшений, м-р Эспри достал из кармана сюртука платок, вытер вспотевший лоб и, обращаясь к Холмсу, спросил:

– Откуда это у вас, м-р Холмс?. Я ничего подобного никогда не держал в руках. Этим изделиям очень много лет.

– Насколько много? - спросил Холмс.

– Я не берусь утверждать, господа, но вот эта небольшая изящная брошь вполне может быть времен Александра Македонского. Посмотрите на этот цветок, являющийся центральным элементом ее орнамента, видите, как вот эти два лепестка отогнуты в сторону в отличие от всех остальных? Это присуще работам неизвестного мастера Древней Греции, к сожалению, время не сохранило его имени. С некоторых пор ювелиры стали гоняться за натурализмом, т.е. создавать изделия, максимально приближенные к природе. Так, если это был цветок, то он должен походить на настоящий. Здесь же мастер, как вы изволите сами видеть, как будто изогнул два лепестка совсем иначе, как они должны выглядеть

на самом деле. Тем самым, этот, казалось бы пустяк, притягивает взгляд, заставляя нас искать еще какие то несоответствия в орнаменте. Но их больше нет! Все остальное просто идеально! Но задача, поставленная мастером, выполнена! Мы обратили внимание на брошь, и мы внимательно разглядываем ее, а не для этого ли и предназначены украшения!?

Эта, казалось бы, маленькая оплошность мастера никак не хотела отпускать наши глаза, как-то поневоле хотелось найти еще какие-то погрешности в его работе, но придраться больше не к чему. И тогда к тебе приходит мысль о нарочитости этой ошибки. Ведь не мог же мастер такого уровня случайно допустить такую оплошность.

Тем временем мистер Эспри заглянул в нижний ящик своего великолепного стола и извлек оттуда на свет божий увесистый фолиант, раскрыв его он принялся быстро листать страницы и, остановившись на нужной, торжественно воскликнул:

– Вот! Взгляните сюда, милостивые государи! И повернув фолиант к нам, ткнул пальцем в рисованную, как мне показалось, брошь, но я ошибся,

– Взгляните на эту пряжку для плаща, работы, как здесь указано неизвестного мастера Древней Греции. Искусствоведы склонны думать, что голова коня, изображенная на ней, может означать голову известного Буцефала, коня Александра Великого, в ореоле лучей солнца, которые изображены опять же в виде лепестков, и все та же якобы оплошность: два лепестка как бы слегка загнуты не в ту сторону, самую малость, но как это бросается в глаза. Я думаю, что брошь, принесенная вами, и эта пряжка, сделаны одним и тем же человеком. До нас дошли считанные единицы его творений, но эта ваша брошь не известна специалистам, поверьте мне на слово, она не фигурирует ни в одном из каталогов.

– А сколько может стоить такая вещь? - задал вопрос Холмс

– Смотря кому вы ее будете предлагать: кто-то оценит ее на вес, знающий человек, искусствовед, скажет, что ей цены нет, – и после небольшого молчания добавил:

– Наш ювелирный дом готов вам предложить очень высокую цену за эту вещицу. Готов начать переговоры немедленно.

– Прошу прощения, сэр, но ничего из того, что вы видите, продаже не подлежит. Что вы можете сказать по поводу остального?

М-р Эспри перебрал лежащие перед ним на столе драгоценности, одну за одной разглядывая в лупу, после чего, отложив лупу в сторону, произнес:

– Эти изделия сделаны позже, чем брошь, о которой мы говорили, но все они тоже довольно старинной работы, не европейской, это точно, скорее всего, сделано это в Индии или Персии, огранка и шлифовка камней с некоторыми погрешностями, в те времена не было такого оборудования, как сейчас, но камни сами по себе превосходные. Все это вместе стоит больших денег, очень больших. Если вы мне оставите эти изделия на некоторое время, я смогу более точно указать цену.

– Благодарим вас, сэр, но более точной оценки нам скорее всего не потребуется. Позвольте откланяться и попросить прощения за отнятое время.

– Ну что вы, господа! Рад буду, если мои скромные познания помогли вам хоть чем-нибудь. М-р Эспри сложил обратно все в мешок и протянул его Холмсу. Ювелир поднялся из-за стола, как только мы с Холмсом начали вставать из кресел, забежав вперед нас, он открыл нам дверь своего кабинета, а затем, дойдя до входных дверей своего салона, он попрощался с нами у порога и заявил, что всегда будет рад нас видеть, и готов оказать любую помощь и консультацию, если таковые нам потребуются. Еще раз поблагодарив нашего гостеприимного и, несомненно, компетентного хозяина, мы вышли на улицу. Не сговариваясь, мы повернули в сторону Бейкер-стрит и зашагали по тротуару.

– Что скажете, Ватсон?

– Что можно сказать, Холмс? Рассказ почтенного ювелира произвел на меня впечатление, но меня интересует другое

– Откуда у вашего друга эти вещи? - опередил меня Холмс.

– Пока я затрудняюсь на это ответить

– Надо полагать, что вы тоже, как и я, думаете, что эти безделушки из Индии, и вас интересует вопрос, как они попали к полковнику.

– Именно так, друг мой.

– Боюсь, что сами мы не найдем ответа, никто кроме Себастьяна Морана нам этого не скажет. Я прочитал его книги, и, конечно же, нигде и намека нет на какие-либо сокровища.

– Может, книги были написаны до их появления?

– А вы думаете, он бы их описал и указал место, где они спрятаны? - со смешком сказал Холмс.

– Нет, я уверен, что книги были написаны им до сокровищ. Хотя с чего это мы с вами взяли, что они существуют, эти несметные сокровища? Может, Себастьян Моран просто морочит нам голову?!

– Не думаю, по характеру, насколько я могу судить, это суровый человек, и не будет он заниматься этим.

– Ладно, так или иначе, скоро выяснится, есть они или нет их. Но меня больше всего интересует, для чего он нам раскрыл свой тайник? Ведь он мог передать все это своим сообщникам. Скажем, для организации своего побега. Хотя, может, он и смирился со своей участью.

– Вряд ли, но соглашусь с тем, что какую-то цель он все же преследовал.

Некоторое время мы шли молча, но внезапно Холмс остановился и воскликнул:

– А знаете, доктор! Ведь Александр Македонский закончил свой поход, насколько мне помнится из курса школьной истории, как раз перед входом в долину Ганга, а там рукой подать до западных Гималаев, и именно в них охотился наш п-к, о чем он и написал книгу, а значит, ему приходилось пересекать местность именно там, где закончил свой индийский поход Александр. Давайте скорее пойдёмте в публич-

ную библиотеку и посмотрим что говорят историки по поводу окончания похода Александра.

Остановив проезжающий мимо кэб, мы велели кэбмену отвезти нас в публичную библиотеку, что он и не замедлил сделать. Стоило нам войти в холл библиотеки, как навстречу нам из-за конторки вышел человек с улыбающимся лицом и, еще не дойдя до нас, воскликнул:

– М-р Холмс! Чем могу служить на сей раз?

– Здравствуйте, Джеральд, мы с моим другом доктором Ватсоном хотели бы почитать что-нибудь о походе Александра Македонского в Индию, если быть более точным, то об окончании его похода в Индию.

– Пройдите, пожалуйста, в зал и располагайтесь, а я сейчас лично подберу то, что вам нужно.

Войдя в читальный зал, мы с Холмсом выбрали стол у окна и, расположившись за ним, стали ожидать прихода Джеральда, к счастью, он не заставил себя долго ждать и скоро на нашем столике появилось несколько книг разных авторов по-своему трактующих поход Александра в Индию, а также его завершение. Пересмотрев все, что нам попало на стол, я остановился на Квинте Курции Руфе и его «Истории Александра Македонского». Холмс же взял себе «Жизнеописание Александра» Плутарха. Каждый из нас углубился в изучение выбранной им книги. Я сразу заглянул в оглавление, где отыскал окончание похода Александра в Индию, другие весьма впечатляющие действия великого полководца на тот момент меня не интересовали. Из описания историка я узнал, что Александр закончил свой поход именно там, где и говорил Холмс, также я узнал, что он оставил вместо себя сатрапов, наделив их частью богатой добычи. К тому времени как я ознакомился с этой частью трудов историка, Холмс закончил просматривать Плутарха. Попрощавшись с гостеприимным Джеральдом, мы покинули этот храм знаний и отправились к себе на квартиру, зайдя по дороге в небольшой ресторанчик, в котором подавали отличные бифштексы, мы плотно пообедали и, пребывая в отличном

расположении духа, наконец-то добрались до нашей уютной гостиной. Устроившись поудобней каждый в своем кресле, мы закурили, думая об услышанном и прочитанном. Первым, как всегда, молчание нарушил Холмс:

– Итак, Ватсон, что вы можете сказать обо всем, что мы с вами узнали за сегодняшний день?

– Думаю, что нашему п-ку посчастливилось наткнуться на сокровищницу одного из сатрапов Александра.

– Можно сказать и так доктор, но как тогда объяснить соседство изделий гораздо более позднего времени? – сказал Холмс, – и я никак не возьму в толк, для чего Себастьяну Морану нужно, чтобы об этом узнали мы? Ведь не думал же он в самом деле, что мы не попытаемся узнать, что за безделушки он оставил в своем тайнике? Скорее всего, он был уверен, что мы попытаемся разузнать о них все возможное. Но вот для чего?

– Может, он хочет сделать вас своим наследником?

И мы вместе посмеялись этой шутке.

Повеселившись, я задумался о предстоящей мне завтра встрече с п-ком Мораном, признаться, после всего, что я узнал за сегодняшний день, мне не терпелось скорее его увидеть.

– С вашего позволения, доктор, я направляюсь к себе, где хочу продолжить серию интересных опытов, которые позволят мне пополнить ранее изданный трактат некоторыми дополнительными любопытными сведениями.

– Удачи вам, м-р Холмс

– А вам я советую хорошенько выспаться перед вашей встречей с п-ком.

– Спасибо, именно так я и поступлю.

Следующая встреча с п-ком Мораном прошла по уже известному сценарию. Единственное, что я отметил, так это приподнятое настроение моего, если можно так сказать, собеседника. При виде меня он вышел из за стола и, прибли-

зившись, протянул мне руку и с радушием гостеприимного хозяина, как бы нелепо это ни звучало, предложил мне расположиться поудобнее в крайне некомфортном тюремном стуле. Сегодня п-к встречал меня уже без кандалов, вид он имел опрятный, был тщательно выбрит и держался неприужденно. Видимо, начинает привыкать к тюремной обстановке, - подумал я.

– Как ваши дела, доктор? – спросил меня Себастьян Моран после того, как я расположился за столом.

– Благодарю вас, п-к, надеюсь, и вы в добром здравии? Хотя вопрос этот явно лишний, видно и так по вам, хочу заметить, что для узника вы выглядите сегодня на редкость замечательно. Позвольте поинтересоваться, с чем это связано?

– М-р Ватсон, вам, конечно, известно, что я окончил Оксфорд и Итон? Ну и, конечно, вам известно, какое внимание там уделяют спортивным упражнениям. – Я кивнул головой в знак согласия - И знаете, доктор, я был далеко не последним в гимнастических упражнениях и в некоторых единоборствах, а вот командные игры, те, где надо полагаться на своих товарищей, я, признаться, не очень жаловал. Лучше надеяться на себя. Не правда ли доктор? – и, не дождавшись моего ответа, продолжал, - так вот я решил делать гимнастику по утрам, и заметил, что не утратил гибкости, да и силенка кой-какая у меня имеется. Затем, Помедлив самую малость, Себастьян Моран сказал:

– Ладно, доктор, что это мы все обо мне! Расскажите вы, как провели время, которое мы с вами не виделись? – и, усмехнувшись, тут же добавил:

– Надеюсь, день вчерашний, да и позавчерашний, прошли плодотворно? Понравились вам с м-ром Холмсом те вещицы, которые я укрыв в тайнике?

– Вы же прекрасно понимаете, сэръ, что эти вещи не могли не понравиться нам с м-ром Холмсом. Да и вряд ли найдется человек, которому бы они не понравились, – искренне сказал я, – но, как вы понимаете, п-к, у нас с Холмсом воз-

никли кой-какие вопросы, на которые хотелось бы услышать ответы.

– А что? Знаменитый сыщик и его ученый друг доктор не нашли никаких ответов? – с известной долей ехидства поинтересовался Себастьян Моран.

– Ну, на какие-то вопросы мы с м-ром Холмсом ответы нашли, но, признаюсь честно, не на все, – сдержанно ответил я п-ку.

– Позвольте полюбопытствовать, доктор, что же вы можете сказать по поводу найденного? – опять с ехидцей спросил п-к.

– Начнем с того, что некоторые изделия можно смело отнести к эпохе Александра Великого, на этом основании можно было бы предположить, что вы в своих походах к западным Гималаям наткнулись на сокровищницу одного из сатрапов, оставленных Александром, но некоторые изделия изготовлены позже, много позже, что, если и не заводит нас в тупик, то дает простор многим версиям, которые рассматривать просто не имеет смысла. – Говоря все это, я внимательно следил за Себастьяном Мораном, в глазах которого по мере изложения наших с Холмсом предположений загорелось некоторое уважение. – К тому же, я полагаю, вы и сами мне обо всем расскажете. Усмехнувшись своей обычной усмешкой, п-к ответил:

– Ну, всего, положим, я вам не расскажу. Кое- что, вам и мистеру Холмсу, придется додумывать самим, причем голову вам придется поломать изрядно. Конечно, я вам расскажу о том, как эти безделицы оказались в моих руках. Но, если позволите, мне бы хотелось поведать все по порядку. Можно, конечно, изложить все на бумаге, но я не большой любитель писанины, – произнеся все это, Себастьян Моран внезапно расхохотался, а потом добавил:

– Но вам, доктор, я разрешаю перенести на бумагу все наши разговоры.

– Весьма благодарен вам, п-к, – в тон ему ответил я с известной долей иронии,

– Иронизируете, доктор? Понимаю.... Но как знать, может, последующие мои рассказы заставят вас это сделать.

– Интригуете, п-к? Не скажу, что это у вас получается плохо, сэр, но хотелось бы поскорее добраться до сути,

– Похвально, доктор, что вы честны и не скрываете вашего интереса к моему рассказу! – торжествующе воскликнул Себастьян Моран.

– Мы все же говорим с вами о разных вещах, п-к, – постарался я, как можно жестче, ответить ему, – меня не интересуют сокровища как таковые, мне важно понять, каким образом вы – боевой офицер, встали на путь преступлений. Неужели нравственная сторона вопроса для вас важнее материальной?

– Полноте, доктор! Я вам не верю! Не лукавьте! Неужто вы и в самом деле абсолютно равнодушны к деньгам и драгоценностям?! – воскликнул г-н Моран – многие бы просто сошли с ума, увидев то, что довелось увидеть мне, – конечно, я не утверждаю, что с вами произошло бы именно это, но думаю, что окажусь прав, если скажу, что равнодушным вы бы точно не остались, окажись рядом с этими сокровищами в другой обстановке, которая дала бы вам шанс стать их единственным обладателем.

– Послушайте, п-к!- сказал я, подпустив достаточно металла в голосе, – я пришел сюда не за тем, чтобы обсуждать степень моей алчности. Сובлаговолите перейти к делу, если вам, конечно, это угодно.

– Прошу вас не обижаться, доктор, – спохватился Себастьян Моран, – но если бы вы действительно видели то, что довелось видеть мне,..... И секунду помолчав, он добавил загадочно:

– Хотя чем черт не шутит, может, вы и правда сможете это увидеть, благодаря способностям вашего друга. И опять знакомая усмешка промелькнула на его губах.

– Итак, как я вам и говорил, с последним моим заданием закончилась служба в Афганистане, и я был переведен в Индию для дальнейшего ее прохождения. Без особого труда я

выхлопотал перевод туда же для моего подчиненного, а точнее теперь уже близкого друга Джона О*Тула. Через два дня в Дели вышел отряд пополнения для гарнизона, который стоял рядом с Дели, и мы благополучно, без приключений добрались до места назначения. Дежурный по гарнизону офицер устроил меня на квартиру, сказав, что завтра к обеду я должен предстать в канцелярию лично для получения указаний и краткого объяснения моей дальнейшей службы. К обеду я был готов, не без помощи О*Тула, в лучшем виде предстать пред ясные очи начальника канцелярии. Войдя в приемную, я попросил секретаря доложить начальству о моем прибытии. Секретарь скрылся за высокими дверями буквально на минуту, и, выйдя, сказал, что меня ждут. Растворив дверь, он жестом предложил мне войти. Войдя в огромный кабинет, я увидел громадный стол его хозяина, способный поразить впечатлительных индийцев до глубины души. За этим столом восседал высокий худощавый человек в мундире, с лентой через плечо и множеством орденов. Неприятного впечатления он не производил, но вид его был достаточно суров. Подойдя ближе к столу, я представился и протянул пакет, где были мои бумаги. Предложив мне сесть, он специальным ножом вскрыл пакет и углубился в изучение находящихся там бумаг. У меня было время оглядеться, чем я, собственно, и занялся. За спиной у начальника висели портреты царствующих особ во весь рост, а так же портрет вице-короля. Ряд шкафов из неизвестного мне дерева, изготовленных с большим искусством и вкусом, украшенных гербами Англии, стояли вдоль стены. Тяжелые бархатные шторы спасали кабинет от жары и, надо заметить, довольно-таки успешно. Сэр Тобиас Фарлейн, а именно так звали начальника канцелярии, сложил мои бумаги обратно в конверт, положил его перед собой и, взглянув на меня небольшими, но пронизательными глазами, промолвил:

– Ну, что ж, господин Моран, бумаги ваши выше всяких похвал, ваше начальство с прежнего места службы отзывается о весьма положительно. - Я склонил голову в знак бла-

годарности. - Надеюсь, что все так и есть. – продолжал сэра Тобиас.

– Вы в самом деле являетесь смелым, решительным и не лишенным смекалки человеком. Кое-какие слухи о ваших подвигах до нас доходили, и я рад видеть вас. - Я вновь склонил голову.

– Наша курьерская служба работает не очень хорошо, и вроде есть тому объективные причины в виде всевозможных болезней, фансигаров, этих проклятых богом убийц. Да и далеко не всем по душе наше присутствие здесь, поэтому далеко не все пакеты, отправленные нами, доходят по назначению. – Встав из-за стола и подойдя к окну, полковник отодвинул тяжелую портьеру и глядя в окно продолжил, – буду краток. Учитывая ваш опыт службы в Афганистане, капитан Моран, я бы хотел попросить вас поставить здешнюю курьерскую службу на должный уровень. Вы вправе выбраковывать имеющихся сейчас в наличии солдат сопровождения и набирать отвечающих вашим требованиям из других подразделений. Мне не надо вам говорить, насколько важна курьерская служба, поэтому, думаю, начальство пойдет нам навстречу в этом вопросе. Отойдя от окна и снова расположившись за столом, он взглянул на меня и продолжил:

– Прежний начальник убыл на пенсию, сейчас там за старшего дельный сержант, но требуется офицер с вашим опытом. В помощь вам будет дан лейтенант, в этом году закончивший Сэндхорст, толковый малый, не последний из выпускников этой военной академии, ему будет полезно находиться рядом с вами. Передвинув мой конверт с места на место, сэра Тобиас закончил разговор:

– Это все. Вас проводят в подразделение роты сопровождения, я надеюсь на вас, капитан. Встав и откозыряв, я направился к выходу. Закрыв за собой дверь, я поинтересовался у секретаря:

– Не будете ли вы так добры объяснить мне кто такие фансигары?

– Богом проклятые убийцы, – воскликнул то,т – члены секты душителей. Это их капитан Уильям Слимман называет самыми кровожадными бандитами в истории человечества. Ему поручено покончить с ними, вот и сейчас он рыщет где-то в поисках этих нелюдей. Упаси вас Бог, сэр, от встречи с этими ублюдками.

– Спасибо. Постараюсь избежать встречи, – поблагодарил я его и спросил:

– Кто покажет мне место расположения роты охраны дипкурьеров?

– Сержант этой роты дожидается вас у входа в канцелярию, сэр.

Еще раз поблагодарив секретаря, я вышел из здания канцелярии, и тут же увидел сержанта в форме кавалериста армии ее величества. Завидев меня, тот подошел и, откозыряв, спросил:

– Капитан Моран?- и, не дожидаясь ответа, представился:

– Сержант Гриммерс, на сегодняшний день старший в роте сопровождения, сэр.

– Отлично, сержант! Ну что ж, пойдёмте, взглянем на ваших орлов.

– Не всех можно назвать таковыми, сэр, но в общем и целом ребята неплохие.

Добравшись до плаца, я увидел стоявшую роту. При виде меня солдаты подтянулись, да и как им было этого не сделать, если команду дал совсем юный лейтенант, весь просто с иголочки, в нем сразу можно было узнать выпускника знаменитой академии. Доложив, что рота к осмотру построена, он представился:

– Лейтенант Скотт, сэр.

Обойдя строй, я не заметил серьезных нарушений, попусту разглядывать подчиненных смысла не было, ибо определить кто из них кто, на плацу невозможно, а томить людей под палящим солнцем для каких-то нелепых смотрин я счел излишним.

– Что у нас по плану, сержант?

– Четверо ждут приказа оправиться в сопровождение, остальные на плановые занятия, стрельба, вольтижировка, сэр.

П-к Моран замолчал на секунду, а потом воскликнул:

– Зачем я вам все это рассказываю?! Господи! Да кому это интересно! Прошу прощения, доктор, видно старею, – улыбнулся п-к, – скажу одно, благодаря стараниям моим и неоценимой помощи О*Тула, рота вскоре приняла совершенно другой вид, и люди подобрались на редкость хорошие. Все это дало мне возможность переложить часть своих обязанностей на лейтенанта Скотта, и сержанта Гриммерса, который и правда оказался очень дельным парнем.

Встав из-за стола, п-к молча прошелся по камере, остановился и продолжал свой рассказ уже стоя

– Не буду утомлять вас воспоминаниями о службе, доктор, тем более, вы сами служили в колониях и имеете достаточно полное представление об этом, скажу одно: времени свободного у меня появилось больше, и скука постепенно начала овладевать мною. Те приемы и балы, которые устраивали наше начальство и английские коммерческие компании были не совсем мне по душе, я подозревал, что несколько одичал в Афганистане и старался не пропускать ни одного из этих мероприятий, но доктор, я там откровенно скучал. И вот однажды, вернувшиеся из командировки люди рассказали, что одно из селений, находящихся не так далеко от города затерроризировал тигр-людоед, селение потеряло свыше десяти человек и люди боятся даже днем покидать свое жилище.

Вспомнив этот эпизод, п-к заметно оживился, жестикуляция его стала энергичней, глаза загорелись, двигаясь по камере, он продолжал:

– Расспросив как можно подробнее одного из солдат, бывшего в командировке и лично слышавшего рассказы жителей этой деревни, я решил отправиться туда и помочь жителям избавиться от этой напасти. Утром следующего

дня я, О*Тул и тот солдат выехали в сторону этой деревни. К обеду мы добрались до места, и детвора проводила нас к старейшине. Тот рассказал через солдата-переводчика, что тигр первую жертву подстерег за пределами деревни, это была женщина, возвращавшаяся с поля одна. Заслышав ее крики, мужчины побежали на помощь, но не успели, они нашли только растерзанное тело бедняжки. Точно таким же образом тигр погубил еще троих жителей, а в последнее время он осмелел до того, что начал таскать людей прямо из хижин, что наводит на них панический ужас. Круглыми сутками в деревне бодрствуют люди, по ночам жгут костры и бьют в барабаны, шумят трещотками, но это не помогает, и буквально за два дня до нашего приезда семья его брата лишилась мальчика тринадцати лет. Тигр его похитил прямо из хижины. Родные только услышали дикий крик ребенка. Утром все мужчины деревни, вооружившись копьями и палками, пошли на поиски, но обнаружили лишь окровавленные тряпки, бывшие некогда одеждой ребенка. Люди говорят, что деревня проклята богами и собираются покинуть насиженное место. Закончив свой рассказ, староста спросил с надеждой в голосе:

– Зачем саиб спрашивает меня об этом?

– Я хочу убить этого тигра, но без вашей помощи мне будет трудно это сделать, – сказал я ему.

– Что от нас требуется саибу? – уже с большим интересом спросил он.

– Мне нужно знать, где чаще всего видели этого тигра, это первое, а второе - мне потребуются загонщики. Чтобы люди не боялись, ты им скажешь, что с ними пойдут двое моих вооруженных ружьями людей.

– Хорошо, саиб, к вечеру я буду знать, где зверя видят и слышат чаще всего, и расскажу тебе об этом, а пока ты и твои люди отдохните с дороги в хижине, куда проводит вас мой сын.

Он жестом подозвал сидящего неподалеку паренька что-то сказал ему на хинди и предложил нам следовать за

мальчиком. Тот довел нас до одной из хижин, жестом предложил располагаться и убежал куда-то. Не успели мы разложить свои вещи и расположиться сами на циновках, как в хижину внесли несколько блюд с рисом и овощами. Подкрепившись, мы обсудили, как лучше добыть этого тигра, опыта в этом деле ни у кого из нас не было, но слышать про охоту на тигров мы, конечно, слышали, и кой-какое представление имели, хотя должен вам сказать, доктор, что были мы на тот момент совершенными профанами в этом деле, вследствие чего эта моя первая охота чуть было не стала и последней, но все по порядку.

Полковник присел на стул, потом снова вскочил...По всему было видно, что эти воспоминания доставляют ему удовольствие, на секунду он остановился, по-видимому вызывая в своем воображении все детали той незабываемой охоты,

– Вскоре пришел и сам староста, - продолжал п-к Моран, – с поклоном он вошел в хижину и сказал о том что чаще всего тигра видели в небольшом распадке, где вероятнее всего он отдыхал после охоты, кстати, неподалеку от этого распадка были найдены останки некоторых из его жертв. Я предложил ему пойти и взглянуть на это место, но он в испуге замахал руками и что-то очень быстро залопотал на своем языке. Переводчик сказал, что он говорит о том, что скоро стемнеет, и он ни за что на свете не пойдет показывать это злосчастное место. Нам стоило огромных трудов уговорить его. Взяв свои карабины и сунув за пояс револьверы, предвзвительно продемонстрировав все это старосте, дабы снять с него хоть часть страха, мы двинулись вчетвером в сторону места, где чаще всего и видели этого убийцу . Жители молча провожали нас глазами. Видимо, в душе осуждая за такой рискованный поступок. Идти пришлось не так уж долго, тигр давно уже перестал бояться жителей деревни и смотрел на них, как на свою добычу. Пришли мы туда засветло и довольно скоро обнаружили множество следов этого зверя. Оглядев все, мы прикинули, как расставить загонщиков. И

решили сразу посмотреть пути возможного отступления. Пройдя примерно с милю, я увидел невысокое, но раскидистое дерево с толстыми ветвями. Подумав, что удобнее всего будет устроить засаду именно на этом дереве, я сказал Джону, чтобы завтра он расставил и направил загонщиков таким образом, чтобы тигр вышел на это дерево, а тут я его встречу сидя на одной из его веток. Джону ничего не надо было объяснять два раза, я мог быть уверен, что завтра он сделает все наилучшим образом. Возвращались мы назад в сумерках, и уже на подходе к деревне услышали рык, это не был рык, возвещающий о присутствии хозяина территории, предназначенный для заблудившихся сородичей, это был просто рык проснувшегося животного, но и этого было достаточно для того, чтобы на какое-то мгновение в джунглях зависла тишина, замолкли стайки обезьян, скачущих по верхушкам деревьев, затихли птицы, на какое-то мгновение показалось, что даже насекомые и те примолкли, и тут же в деревне загремели трещотки и гулко зазвучали барабаны. Наш провожатый затрясся в жутком страхе, да и мы невольно схватившись за свое оружие, остановились как вкопанные, тревожно оглядываясь по сторонам. Успокоившись, мы ускорили шаг и скоро оказались в деревне. Множество костров, разведенных жителями, уже пылали меж хижин. Поужинав остатками риса и овощей, я предложил свои спутникам прилечь для отдыха, но Джон сказал, что они с Питером, так звали нашего солдата-переводчика, будут патрулировать деревню с оружием в руках для того, чтобы вселить бодрость ее жителям, я не возражал и улегся спать. Честно сказать, м-р Ватсон, сон долго не шел ко мне, я прислушивался к каждому шороху, сжимая в руке свой «смит и vesson», но в конце концов меня разморило и я заснул. Проснувшись, я увидел сидящих в хижине своих людей и старосту деревни.

– Как прошла ночь, Джон? – спросил я О*Тула,

– Спокойно, сэр. Жители приписывают это спокойствие нашему появлению, они в своем воображении наделили тигра сверхъестественными способностями и считают его не

совсем тигром, сэр, а неким духом, посланным им как наказание богами. Теперь люди готовы оказать нам всяческую помощь в охоте, сэр.

– Прекрасно, ребята, благодарю вас...

Тут что-то быстро заговорил на своем птичьем, тогда еще незнакомом мне языке, староста.

– Что он говорит, Питер?

– Он говорит, что пока еще солнце не очень высоко, надо начинать облаву, сэр.

– Скажи ему, чтобы он шел к своим людям, а я через пару минут буду готов.

Попросив Джона полить мне на руки из приготовленного кувшина с водой, я умылся, обтерся приготовленным полотенцем. Нацепил на себя пояс с саблей, подаренной мне шейхом Омаром, сунул за тот же пояс револьвер, взял карабин и вышел к жителям деревни. При виде меня, вооруженного до зубов, они захлопали в ладоши и что-то радостно прокричали. Еще раз уточнив план действий и расположение загонщиков для облавы, уточнив время начала, я отправился к облюбованному вчера дереву. Входить в джунгли одному было не очень приятно, и я чуть было не позвал с собой Питера, но вовремя опомнившись, отказался от этой затеи: нельзя было показывать свой страх перед жителями. Добравшись до своего дерева, я залез на третий снизу сук и сел в ожидании. Немного погодя послышались звуки трещоток, крики людей и выстрелы из карабинов. Я напрягся и замер. Звуки, издаваемые загонщиками, и выстрелы моих солдат постепенно приближались, но не так быстро, как мне хотелось бы, ноги мои затекли без движения, взглянув на пальцы руки, охватывающие цевье карабина, я увидел, как они побелели от напряжения.

– Расслабься, - приказал я себе, но это плохо получалось.

Я ждал появления тигра. Но как я его ни ожидал, появился он внезапно. Выскочил из кустов прямо на небольшую поляну перед деревом, на котором я устроился в засаде. Зверь тревожно оглядывался в сторону звуков. На какое-то

мгновение он замер, прислушиваясь. И за эти мгновения я успел его рассмотреть, до него было не более двадцати ярдов.

– Доктор! – воскликнул Себастьян Моран, – я не видел до тех пор животного красивее, и в то же время внушающего такого уважения к себе, как тигр. Он был прекрасен! Шерсть его блестела на солнце, а клыки, которые он показывал, как бы в презрительном оскале, были очень белыми, приподняв одну из своих огромных лап, он вслушивался в джунгли.

– Не меньше десяти футов, – подумал я, прицеливаясь и нажимая курок. Выстрел прозвучал неожиданно для нас обоих, куда вошла пуля, я не мог сказать с уверенностью. Тигр взвизгнул и подпрыгнул в воздух, легко перевернувшись, рухнул на землю.

– Вот и все, – подумал я, глядя на распростертого на земле тигра, и положил карабин на колени.

– Но как же я ошибался, доктор! Внезапно он вскочил и кинулся к дереву, на котором я сидел, потеряв бдительность, это было для меня совершенной неожиданностью.

На секунду я растерялся, а когда пришел в себя, увидел тигра, несущегося к дереву большими скачками, миг - и он уже карабкается по стволу. Времени у меня не было вскидывать карабин, и я просто ткнул прикладом ему в морду, целясь в глаз. Видимо, удар мой был точен, и он, зарывав от боли, упал с дерева. Рассказывая все, это п-к как бы переживал все заново, изобразил жест и как будто вновь ткнул тигра прикладом карабина в глаз изо всей силы. Я подумал, глядя на это:

– Силы, видно, еще немало в этом старике. -

Второй попытки добраться до меня я ему не дал, пустив пулю прямо в голову. Он вторично упал на землю и забился в конвульсиях, я не отпускал карабин от плеча до тех пор пока на поляне не показался Джон с жителями деревни. После этого я спустился с дерева. Завидев своего заклятого врага поверженным, жители не без опаски приблизились к нему и окружили тесным кольцом, самый смелый ткнул труп палкой в живот, не увидев никакой реакции с его стороны, завопил во все горло и начал неистово бить тушу изо всех сил.

Это был брат старосты, потерявший пять дней назад своего сына. Тут же к нему присоединились все остальные, крича во все горло, они начали бить его палками, пинать и плевать. Джону стоило немалых трудов отогнать их от нашего трофея.

– Как вы сэр? – спросил меня Джон,

– Нормально, спасибо, – ответил я устало, сказывалось нервное напряжение.

Кто-то из жителей деревни достал кресало и трут и пытался добыть пламя

– Для чего оно ему сейчас? – спросил я у подоспевшего Питера. Тот задал на хинди этот же вопрос старосте, стоявшему рядом.

– По нашим обычаям надо опалить тигру усы, чтобы дух его не преследовал нас. Без усов у него не будет его нюха, и он не сможет нас найти. Это необходимо сделать, саиб! Вы посмотрите, какой он большой. Мы таких раньше не видели.

– Может отогнать их, сэр? – спросил Питер, но я только махнул рукой.

Привязав убитого тигра к срубленному стволу бамбука, толпа с радостными криками двинулась в деревню. Женщины и дети, оставшиеся в ней, встретили нас не менее радостными криками. Тигра уложили на площади, он был просто огромен, больше десяти предполагаемых мною футов, и женщины пугливо поглядывали на него, дети же радостно бегали вокруг, один маленький храбрец ухватил его за уши и, теребя, приговаривал что-то. Мне и без переводчика было понятно, что лопочет этот малец. Взяв его на руки, я несколько раз подкинул малыша в воздух, а затем посадил его на тигра, чем вызвал опять восторг у жителей.

Себастьян Моран замолчал на какое-то время, на лице его играла улыбка, он переживал вновь свой давнишний триумф, ведь он был победителем в схватке со зверем, и скорее всего жители деревни оказывали ему всяческий почет и уважение в тот день. Словно угадав мои мысли, п-к продолжил:

– Да.., в деревне устроили большой праздник по этому случаю, и мы занимали самые почетные места на нем. Три дня жители не отпускали нас, они сняли шкуру с тигра, выделали ее, и когда мы уезжали, преподнесли ее мне со всеми почестями и множеством благодарных слов. Распрощавшись с вышедшими нас провожать благодарными жителями и старостой, мы двинулись в обратный путь. К нашему приезду слухи об убитом мною тигре уже достигли ушей практически всех англичан Дели.

Шкура тигра покрыла практически весь пол моей комнаты. Мои приятели-офицеры специально приходили ко мне посмотреть на нее, ибо она действительно производила впечатление своими размерами. Через пару дней вице-король давал бал по случаю прибытия министра по делам колоний со своей семьей. Бал обещал быть замечательным. Военный министр приказал быть всем офицерам, не занятым по службе, в обязательном порядке. Делать было нечего, и я, приведя себя в надлежащий вид, отправился ко двору. Дворец был иллюминирован превосходно, уже на подходе чувствовалась какая-то особая праздничная атмосфера. И мое негативное отношение к балам, к удивлению, куда-то исчезло само собой.

– Наверное, это от удачной охоты, – подумал я. Войдя в зал, я ощутил к себе повышенное внимание со стороны мужчин, многие подходили позвать руку и сказать, что трофей, добытый мною пять дней назад, просто великолепен, а мое мужество, выказанное при этом, вызывает искреннее уважение. Дамы, если и не показывали свой интерес так открыто, как мужчины, то задерживали взгляд на мне чуточку дольше, чем требовало того приличия.

– Хочу сказать вам, сэр, что это в коей-то мере льстило моему самолюбию, – добавил Себастьян Моран после непродолжительной паузы в своем рассказе. – Зал был полон блестящих красавиц, слегка загоревших под солнцем Индии, никакие притирания и мази не помогали скрыть этот, по их мнению, недостаток. Я же находил этот загар очаро-

вательным. Их сопровождали и еще совсем юные смешливые выпускники академий и сурового вида старшие офицеры, давно забывшие свою бесшабашную молодость.

– В общем, доктор, все сверкало и блестело: позументы и галуны наших офицеров, ордена на груди заслуженных вояк, драгоценности прекрасных дам. Все, как одна, вытаскивали из своих шкатулок самое что ни на есть лучшее, одели на шеи, вдели в свои прелестные ушки, а уж как повернуться, чтобы выгодно показать свои серьги или диадемы, украшающие их головки, по-моему, они знают с рождения.

– Надо же, – подумал я, – а полковник-то наш не столь и далек от лирики, вот уж неожиданность! Все стояли небольшими группками по несколько человек, кто-то переходил от одной компании к другой, кто-то кого-то подзывал, – обычная предбальная суэта. Оркестр состоящий сплошь из аборигенов, гордость губернатора, тихонько наигрывал вальсы, слуги, весьма колоритно одетые, разносили напитки. Взяв бокал с легким вином, я отошел к одному из раскрытых настежь окон, из которого тянуло вечерней прохладой, и наблюдал за всем этим весельем. Настроение мое постепенно улетучивалось: «Наверное, я не создан для светской жизни», – подумал я.

Тут оркестр внезапно смолк, и в дверях показался адъютант генерал-губернатора и громко объявил:

– Леди и джентльмены! Генерал-губернатор, вице-король Индии, лорд Александр Аддерли!

Все расступились, и в дверях показался генерал-губернатор с женой и двумя дочерьми-подростками. За ними шел министр по делам колоний лорд Маутбетан, его так же сопровождали супруга и еще очень подвижный мальчик лет одиннадцати с живыми глазами, а чуть сзади шла девушка лет двадцати, – Знаете доктор, столько лет прошло, но до сей поры с моего языка готовы сорваться самые лестные эпитеты по отношению к этой девице, – проговорил п-к с задумчивым видом, – она была удивительно прелестна. С первого взгляда вам совершенно ясно было, что перед

вами особа очень неординарная, даже в бальном платье она не походила ни на одну из виданных мною женщин. Она была по-настоящему хороша в бальном платье, но, глядя на нее, вы сразу понимали, что в охотничьем костюме она будет выглядеть не хуже, и что костюм этот она оденет не только для того, чтобы покрасоваться.

– Доктор, вам, наверное, приходилось читать в романах такие выражение как «походка пантеры», «грация лани» и прочую ерунду? – вдруг неожиданно спросил у меня г-н Моран,

– Признаться, приходилось, п-к, но ничего, кроме улыбки, это у меня не вызывало, – признался я.

– У меня, сэр, писанина подобного рода просто вызывала отвращение, – поддержал меня собеседник, – но поверьте, доктор, в тот момент, глядя на нее, я вспомнил все эти эпитеты, и они показались мне весьма уместными.

– Не скажу, что все прямо-таки замерли в изумлении: кто-то просто скользнул по ней взглядом, кто-то совсем не обратил на нее внимания, но меня она поразила. У меня к тому времени опыт общения с дамами был очень мал, да и не всегда это были дамы, сэр. Наверное, мой вид выдавал мои чувств, которые так и бурлили в моей душе: я почувствовал прикосновение к своей руке и услышал голос, принадлежавший моему приятелю Райану Остину, капитану королевских гусар:

– Не вырони бокал, дорогой Себастьян, – со смешком проговорил Райан. Я заставил себя улыбнуться как можно непринужденнее. В это время оба почтенных семейства заняли специально для них приготовленные диваны и кресла, и музыка зазвучала вновь. Кавалеры приглашали дам, и совсем скоро зал заполнился кружащимися в вальсе парами.

– Если хочешь, я могу тебя представить, – предложил Райан.

– Как-то не совсем удобно, – промямлил я.

– Брось! – настаивал мой приятель, – я являюсь троюродным племянником лорда Маутбетана, а это племянница его жены, Анна Хогарт, в пятнадцать лет ставшая сиротой, и сейчас она на попечении у лорда и его жены. Пятнадцать лет она прожила в имении в Сассексе, где вела себя словно мальчишка на радость своему покойному отцу, который очень сильно хотел вместо нее видеть наследника мужского пола. Она прекрасно держится в седле, довольно-таки неплохо стреляет, и самое главное, она еще не прониклась духом светской жизни, провинциальная непосредственность никак не выветрится, к огорчению леди Маутбетан, из ее прелестной головки.

– Так что, дорогой Моран, – Райан схватил меня за руку, – набери побольше воздуха в легкие, и следуй за мной, – он буквально потянул меня к месту, где сидели виновники торжества, вокруг которых стояли махараджи и князья из индийской знати, тоже приглашенные на бал. Приблизившись к дивану, на котором восседал министр с женой и сыном, Райан, слегка поклонившись, сказал:

– Позвольте поприветствовать, милорд, вас и вашу супругу на земле древней Индии.

– А-а-а, Райан! – улыбнувшись, воскликнул лорд Маутбетан, – рад тебя видеть, губернатор весьма лестно отзывался о тебе, буду рад сообщить об этом твоему отцу.

– Райан, Райан! – закричал соскочивший мальчик, вцепившись в руку моего друга, – а ты покатаешь меня на слоне?

– Конечно, Джерри, я сам выберу для тебя самого большого и красивого слона, – улыбнулся Райан.

В это время леди Маутбетан внимательно разглядывала меня в лорнет, несколько не смущаясь тем, что я краснел как мальчишка под ее взглядом.

– Кто это с тобой, Райан? – спросила леди Маутбетан,

– Позвольте представить вам моего друга капитана Себастьяна Морана.

Я поклонился присутствующим.

– Кем вам доводится г-н Огастес Моран, бывший нашим посланником в Персии? – спросил лорд Маутбетан

– Это мой отец, милорд, – ответил я с почтением.

– Я знаком с вашим отцом, прекрасный человек. Я склонил голову в знак благодарности, подняв ее, увидел, что взгляд жены лорда стал еще внимательней.

– Райан! – опять закричал мальчик, – а это не про твоего друга вчера рассказывали за столом о том, как он убил огромного тигра?

– Про него, Джерри, про него, – улыбнулся Райан.

– А ты возьмешь меня с собой на охоту? – уже обращаясь ко мне, прокричал Джерри.

– Джеральд! – сурово произнесла мамаша, – веди себя прилично.

– Я думаю, что мы уговорим м-ра Морана взять тебя на охоту, как только ты приедешь в Индию в следующий раз, Джерри.

И тут впервые заговорила Анна:

– Прошу прощения, м-р Моран, а вправду убитый вами тигр настолько большой, как об этом вчера говорили за столом?

– Люди склонны преувеличивать, мисс Хогарт – поклонившись, ответил я. – Я пришлю вам завтра его шкуру в подарок, и вы можете сами оценить его размеры.

– Весьма любезно с вашей стороны, м-р Моран, – вымолвило это прелестное создание, – но это ваш трофей, а мне бы хотелось добыть свой личный, подобного рода.

– Анна, – возмущенно воскликнула леди Маутбетон, – охота на тигров – это не занятие для молодых леди,

– Но, тетушка!

– Нет, и еще раз нет, – твердо заявила тетя Анны Хогарт.

Но тут вмешался стоявший рядом раджа.

– Не сочтите бестактным мое вмешательство в разговор, госпожа – с поклоном сказал он. – Но на той неделе я устраиваю большую охоту на тигров, которых развелось не-

сколько больше, чем нужно, в одном из моих угодий, и они начинают досаждают местным жителям, похищая их скот. Буду счастлив, если вы согласитесь принять мое приглашение на участие в этой охоте.

При этих словах глаза Анны радостно заблестели.

– Но это же очень опасно! – воскликнула супруга министра,

– Ну, мамочка, – подал голос Джерри.

– Не беспокойтесь, госпожа, – раджа в поклоне продолжал, – в охоте участвуют обученные слоны, загонщики и стрелки, подобные капитану Морану, опасности никакой нет. – Я поклонился радже с чувством благодарности за признание моих скромных заслуг в присутствии Анны Хогарт. И неожиданно для себя, обратившись к тетушке м-с Хогарт, произнес:

– Леди Маутбетан, не считите за дерзость, но позвольте пригласить вашу очаровательную племянницу на тур следующего вальса, – сказал я, и тут же получил легкий одобрительный тычок в бок от Райана.

– Я не против, капитан, если, конечно, мисс Хогарт тоже даст на то свое согласие, – поворачиваясь в сторону племянницы, ответила почтенная леди.

– М-сс Хогар, позвольте пригласить вас на вальс, – сказал я, с поклоном, соблюдая все правила приличия и стараясь быть предельно вежливым.

– С удовольствием, м-р Моран, – с благосклонной улыбкой кивнула головой мисс Хогарт.

– Поверьте, доктор, я увидел при этом не одно разочарованное лицо стоящих рядом офицеров, видимо, ожидавших того же самого, что и я, – с самодовольной улыбкой произнес Себастьян Моран. После небольшой паузы п-к вдруг сказал:

– Я хотел бы остаться один, доктор, надо бы привести в порядок свою память.

Поняв, что п-к хочет остаться один на один со своими воспоминаниями, я откланялся, пожелав ему спокойной ночи.

Я не торопясь шел по тротуару, размышляя об услышанном, сколько всего собрано в этом человеке, если судить по тому, как резко он прекратил сегодня наше общение, да еще на таком моменте, из этого можно сделать вывод, что такие чувства, как нежность и привязанность, и может даже нечто большее, не были чужды ему в прошлом. Так что же превратило молодого блестящего офицера в матерого преступника? Уже не первый раз я задавался этим вопросом, и понимал всю тщетность моего стремления самому найти на него ответ. Его мог дать только сам Себастьян Моран. Добравшись до нашей с Холмсом квартиры на Бейкер-стрит, я расположился в кресле, дожидаясь м-ра Холмса, и незаметно для себя задремал. Мне снились оскалившиеся тигры, задравшие хобот, трубящие слоны. Затем они куда-то исчезали, и в моем дремлющем сознании проносились стайки бабочек немислимых расцветок. Потом они собрались все вместе: слоны и шедшие мирно тигры, над ними, никуда не улетаая, порхали бабочки. Внезапно они все начали проявлять беспокойство, тигры нервно оглядывались и, скалясь, показывали зубы, слоны задирали хобот и хлопали ушами, бабочки ускорили свое кружение в одном им ведомом танце. Вдали показался человек, по мере его приближение начала угадываться фигура п-ка Морана. Все бросились врассыпную, когда он приблизился, но он продолжал идти, и, подойдя ко мне спросил, вперив в меня свой пронзительный взгляд:

– Где этот сыщик? Я устал его искать! На сей раз он не уйдет от меня, так ему и передайте! -- Мне стало очень неуютно под этим взглядом, я не знал, что ответить ему... Мои переживания были прерваны бодрим голосом вошедшего в комнату человека, нарушившего мою дремоту:

– Простите, сэр! Но не имею ли я честь говорить с м-ром Холмсом, сэр? - в дверях стоял человек в одежде кэбмена.

– Нет, сэр, я не являюсь м-ром Холмсом, но если вы согласитесь его подождать, то я уверен, что вы его увидите совсем скоро, – ответил я вошедшему.

– Дорогой друг! Опять вы не узнали меня! – услышал я голос Холмса и его задорный смех.

– Я уже оставил попытки распознавать вас во всяком вошедшем, – смиренно ответил я.

– Будьте любезны подождать меня, доктор, сейчас я сниму с себя эту одежду и присоединюсь к вам. Признаться, она мне слегка надоела за день. Должен заметить, Ватсон, что труд кэбмена весьма нелегок, ну да ладно, об этом потом. Смотрите, опять не засните, – и снова смех Холмса. Окончательно стряхнув с себя остатки дрёмы, я стал вспоминать в деталях свой сон, как он был хорош до появления в нем п-ка Морана. Чтобы все это значило?

– Итак, дорогой друг, чем вас удивил Себастьян Моран на сей раз? – спросил входя Холмс.

– Вы не поверите, но Себастьян Моран, кажется, был влюблен в молодости.

– Уж не шутите ли вы, доктор!?! – воскликнул Холмс.

– Я бы и сам не поверил, если бы не слышал этого от него самого! По правде сказать, он не говорил, что был влюблен, но надо было видеть его лицо, когда он рассказывал о некой Анне Хогарт!

– Уж не племянница ли это лорда Маутбетана, бывшего министра по делам колоний?

– Я не устаю удивляться вашей памяти, Холмс, – воскликнул я.

– Была какая-то не очень хорошая история, связанная с ней и неким русским вельможей, путешествовавшим по Индии. Насколько я помню, из-за этой истории мисс Хогарт покинула Индию и отправилась напрямик в Америку.

– До этого п-к пока не дошел в своих рассказах. Он взял манеру редакторов приключенческих журналов, всякий раз обрывает свой рассказ на самом интересном месте, оставляя меня в раздумьях над его развитием, и заставляя меня, как мальчишку, ждать продолжения.

– Думаю, Ватсон, развитие событий будет чрезвычайно интересным. Не сомневаюсь,, п-ку есть что рассказать из

своей жизни, и как мне кажется, вы начинаете проникаться к нему симпатией.

– Так и есть, Холмс, когда узнаешь про его службу в Афганистане и охоту на тигра в Индии, по неволе начинаешь испытывать уважение к храброму человеку, но стоит мне вспомнить, при каких обстоятельствах его задержали, то сами понимаете...

– Ватсон, мне не настолько интересно его прошлое, для меня было важно избавить общество от опасного преступника, но я с интересом слушаю все, что вы мне рассказываете об этом человеке.

Я рассказал свой сон Шерлоку Холмсу, на что он сказал:

– Не верю в сны, но лучше бы этот не оказался вещим.

На этом мы попрощались и разошлись по комнатам.

* * *

– Вы не представляете, доктор, как была она хороша в танце! – после обычных приветствий продолжил свой рассказ Себастьян Моран, – человек - занятное существо, м-р Ватсон, после вчерашнего нашего разговора, оставшись в одиночестве, я вспомнил все события того времени, до мелочей, хотя всю последующую жизнь я упорно старался изгнать все это из памяти. У каждого человека есть свой скелет в шкафу, у меня их, доктор, как вы понимаете, достаточно, но именно этот, если можно так выразиться, заставил страдать мою душу больше всех остальных. – грустно промолвил п-к и задумался.

– Не хочу показаться грубым, – решил я вывести его из задумчивости, – но, полагаю, вы сумели найти взаимопонимание со своей душой.

– Не торопите меня, доктор Ватсон, – рассмеявшись молвил Себастьян Моран - хотя я вас вполне понимаю. Вам не хочется, как вам кажется, терять время попусту? Уверю вас, доктор, вы не теряете свое время попусту, за каждую

минуту, проведенную здесь, вы будете вознаграждены более чем щедро.

– Я уже слышал это неоднократно, и поверьте, п-к, не алчность заставляет меня приходиться сюда.

– Понимаю, сэр. Хотя, может, и зря, я так уверовал в способности вашего друга, и вполне может случиться так, что вы ничего не получите.

– Знаете п-к, мне уже слегка начинают надоедать ваши намеки и недомолвки, – слегка раздраженно заметил я ему, – давайте все меркантильные речи оставим на потом. Еще раз повторюсь: я здесь не для заработка.

– Прошу прощения, сэр, я никоим образом не хотел вас обидеть, мне в высшей степени неловко за допущенную мною бестактность.

– Хорошо сэр, но ради Бога, давайте вы не будете упоминать впредь ни о каком вознаграждении.

– Так и будет, доктор. Еще раз прошу прощения, с учтивым поклоном еще раз попросив прощения, п-к продолжил свои воспоминания:

– Двигаясь в танце м-с Хогарт, живо интересовалась подробностями моей охоты на тигра. Мне пришлось пересказать все перипетии того события, причем я старался сделать это без хвастовства. Я чувствовал, что могу спугнуть ее лишним бахвальством.

– Как я хотела бы добыть такой же трофей! – воскликнула она. Я с изумлением взглянул ей в глаза.

– Не смотрите на меня так. Я в своем уме. Поверьте, м-р Моран, я стреляю не хуже вас, и в охоте на лисиц в Англии вряд ли уступила бы вам хоть в чем-нибудь. Если леди Маутбетан не отпустит меня на охоту, устраиваемую раджой, я все равно сбегу. Согласитесь ли вы в таком случае взять меня с собой?

– Я рискую вызвать гнев леди Маутбетан этим необдуманным поступком

– В противном случае вы можете вызвать, если и не гнев с моей стороны, то уж неудовольствие точно.

– И как вы себе это представляете?

– Думаю, вы сможете найти подходящий мне мундир офицера?

– Труда это не составит, до охоты еще три дня, и за это время я раздобуду вам мундир – ответил я, прикидывая в мыслях на ее точеную фигурку мундир своего лейтенанта Скотта.

– Ну вот и все! Под видом лейтенанта королевских войск я и приму участие в этой охоте. И не пытайтесь меня отговорить, не то я буду вынуждена обратиться к кому-нибудь из присутствующих офицеров, – сказала она, обводя взглядом мужчин, стоящих рядом с четой Маутбетанов. Этого мне хотелось меньше всего

– Договорились, – ответил я, понимая и холодея в душе от возможных последствий этого моего безрассудного поступка.

– Я рада, что не ошиблась в вас, сэр - с улыбкой произнесла м-с Хогарт. Танец окончился, и я проводил м-с Хогарт к дивану, где было в сборе все семейство. Как только м-с Хогарт присела, я, повернувшись к леди Маутбетан, поблагодарил ее за разрешение на танец. Леди с величавой, но одобрительной улыбкой кивнула мне в ответ, и, обращаясь к радже, видимо, продолжила разговор:

– Так вы утверждаете, князь, что охота с загонщиками и слонами совершенно безопасна?

– Для людей, сидящих на слонах, – да, госпожа. Слон не дает возможности хищнику нападать на людей, находящихся на его спине. При виде тигра, он всегда идет в атаку, стараясь затоптать его или пронзить своими бивнями. Довольно часто случается так, что именно слон, а не охотники является причиной гибели опасного зверя.

– Пожалуй, я соглашусь на ваше предложение посетить ваши владения, князь, но участвовать в охоте, – увольте.

Я испытал разочарование, дело казалось уже решенным, и мне подумалось, что просить мундир у Скотта не будет надобности. Мысли мои опять вернулись к вероятным последствиям нашего тайного сговора с м-с Хогарт.

– Тетя Маргарет! – вмешалась м-с Хогарт, – я надеюсь, на меня ваше решение не участвовать в охоте не распространяется?

– Анна! Пора бы тебе уже остепениться и выбросить из головы мальчишеские забавы.

– Охота на тигра - это не мальчишеская забава, госпожа, - вмешался раджа.

– Ну уж точно, и не девичья! – воскликнула тетя Маргарет.

– Я все равно приму участие в этой охоте, тетушка! – упрямо произнесла Анна Хогарт.

– Ну почему мой бедный брат не внял моим советам по твоему воспитанию?! Зачем ему нужно было гонять по своим лугам за лисицами вместе с тобой? – и чуть спокойнее леди Маутбетан продолжила:

– Дорогая, мы обсудим этот вопрос дома, а сейчас почему бы тебе не потанцевать еще с капитаном Мораном?

Пары выстраивались по центру зала для следующего вальса, щелкнув каблуками и склонив голову, я пригласил м-с Хогарт на танец. Милостиво протянув мне руку, девушка поднялась с дивана, и мы зашагали с ней к стоящим парам. Приняв первую позицию, Анна произнесла:

– Считайте вопрос решенным, – и, заметив мой недоуменный взгляд, продолжила, – я знаю свою тетю, и дома она точно уступит мне в моей просьбе.

– Вы уверены в этом? – с надеждой спросил я.

– Абсолютно, сэр! - Со смехом ответила Анна, и мы ушли с головой в танец. Тем не менее бал подходил к концу, кареты разъезжались, леди Маутбетан, сославшись на мигрень, покинула бал вместе со всем семейством. С уходом м-с Хогарт мне ничего не оставалось, как тоже отправиться восвояси.

Утром, едва проснувшись, я велел посыльному призвать ко мне Джона О*Тула, и как только он явился, велел ему упаковать шкуру добытого нами тигра и отправить ее м-с Хогарт. Ближе к обеду я получил записку, посланную Ан-

ной с лакеем. В ней говорилось, что она чрезвычайно благодарна мне за подарок, но он чуть было не испортил все дело, поскольку леди Маргарет, увидев истинные размеры этого животного, его клыки и когти, всерьез задумалась об участии дорогой племянницы в охоте. Но все решилось благополучно, и мы увидимся у раджи или в дороге к нему. Я был несказанно рад этому известию. За службой время пролетело быстро, и вот уже приглашенные на охоту в назначенный день стали собираться у дворца губернатора, все были готовы и только ждали выхода самого губернатора. К его чести надо сказать, что ждать себя он не заставил, и вскоре колона тронулась в путь. Лорд Маутбетан, его жена, губернатор с женой ехали в карете, дети же их и Анна - верхом, девочки были в амазонках, Джеральд в охотничьем костюме, в точности, как у взрослых. Все испытывали радостное возбуждение, какое обычно бывает у людей перед охотой. Кто-то говорил о своем оружии и спрашивал, какое захватил собеседник, кто-то вспоминал различные случаи, произошедшие на охоте. В общем, все как и должно быть, доктор.

П-к встал и прошелся по камере, глаза его начинали сверкать, что присуще всем заядлым охотникам, если они начинают рассказывать одну из своих бесчисленных баек.

– Дорога не отняла у нас много времени, ближе к вечеру мы уже были на месте, т.е. во владениях раджи, который пригласил нас на охоту. Рядом с его дворцом был разбит огромный шатер, в котором было приготовлено угощение для охотников, то есть для нас. Почему-то считалось, что мы якобы в походе, и комфорт был лишним, но это никак не отразилось на настроении присутствующих. Раджа, после того, как все расселись за столом, произнес соответствующий тост за удачную охоту, все подняли бокалы. Надо ли говорить, доктор, что за столом я оказался рядом с м-с Хогарт, которая сочла возможным для себя расположиться чуть поодаль от тетушки Маргарет, но это не мешало леди Маутбетан держать нас в поле своего зрения.

– Тетушка согласилась на мое участие в охоте с одним условием, что я буду сидеть в беседке на слоне, – повернувшись ко мне, сказала Анна, – но в дороге я скажу, что меня укачало и пересяду на лошадь, которую сегодня слуга приведет к вам после ужина. К седлу будет приторочен мой штуцер. При слове «штуцер» брови мои поползли вверх. Завидев это, м-с Хогарт рассмеялась,

– Вижу, вы удивлены? Не стоит, я отлично разбираюсь в оружии и хорошо умею им пользоваться.

– Согласитесь, мисс, есть причины для моего удивления, не каждый день встретишь девушку, которая не понаслышке знает, что такое штуцер. Она снова рассмеялась. И разговор начался ни о чем. Стало темнеть, женщины и дети удалились во дворец, мужчины остались ночевать в разбитых неподалеку палатках. Рано утром всех поднял звук охотничьего горна. Выйдя из палатки, я увидел слугу Маутбетанов, стоявшего напротив входа и держащего под узду прекрасного коня чистой английской породы гнедой масти.

– Мисс Хогарт просила передать вам, сэр – произнес слуга, с поклоном передавая мне поводья благородного животного.

– Записки или что-нибудь на словах м-с Хогарт не передавала?

– Нет, сэр, – еще раз поклонился слуга. Отпустив посыльного, я проверил седельную подпругу, и достал притороченный к седлу штуцер. У моего отца в кабинете были ружья, и мне иногда позволяли их брать, но это были легкие дробовики, или не настолько серьезные карабины как тот, что я сейчас держал в руках. Система его была практически безотказной, даже если винтовка с затвором могла подвести в самый неподходящий момент, то два нарезных ствола штуцера были надежны, калибр не оставлял шансов выжить никакому зверю, если, конечно, пуля угодит в цель. Переломив штуцер, я заглянул в стволы, которые были идеально вычищены, проверил количество боеприпасов к нему, и, оставшись довольным, приторочил все обратно.

Стол был накрыт легкими закусками, где-то неподалеку слышался нетерпеливый лай собак и совсем рядом перешагивались слоны с беседками на спинах, подле которых стояли погонщики с анкасами в руках. После завтрака главный егерь раджи разбил нас по группам, к каждой группе был прикреплен слон, или точнее, мы группами были прикреплены к слонам. Слонов было пятнадцать, это была большая охота. Я оказался в одной группе с лордом Маутбетаном и его племянницей. Леди Маргарет отказалась ехать на охоту, поскольку была наслышана о моих охотничьих подвигах, попросила определить меня в группу лорда и племянницы. Загонщики с собаками давно ушли вперед, через какое-то время каждая группа начала двигаться на свои участки.

Пока Себастьян Моран, расхаживая по камере, вел свой рассказ, я поймал себя на мысли, что он наиболее красочно рассказывает именно об охоте, даже о своих чувствах к м-с Хогарт он не говорил с таким воодушевлением. Глаза его горели, жестикуляция стала более свободна, да и сам он в тот момент мало походил на заключенного, и если бы не скудная обстановка и зарешеченное окно, то можно бы подумать, что два джентльмена собрались побеседовать о таком увлекательном занятии, как охота.

– Отъехав совсем немного от дворца, погонщик вдруг остановил нашего слона, и я увидел, как м-с Хогарт начала спускаться с него. Подскочив, я помог ей, подставив плечо и руку.

– Капитан Моран, – произнес лорд, – м-с Хогарт укачал, и она вынуждена дальнейший путь продолжать верхом, я прошу вас, сэръ, находиться рядом с моей племянницей и всячески оберегать ее.

– Почту за честь, милорд!

Взглянув в сторону Анны, я увидел, как она заговорщически подмигнула мне. Настроение мое поднялось, и дальнейший наш путь мы проделали бок о бок, стараясь говорить о пустяках, тем самым пытаясь не выказать сво-

его волнения от предстоящей охоты. Достигнув нужного места, мы спешили и отдали поводья наших лошадей коноводам, сами же пешим порядком расположились по обе стороны от слона, растянувшись цепью с небольшими интервалами. М-с Хогарт стояла рядом со слоном со штуцером в руках наизготовку, я был по левую руку от нее. Место нашей дислокации представляло собой довольно-таки большую поляну, вытянутую в две стороны и поросшую высокой выгоревшей травой.

– Тяжело будет разглядеть в ней зверя, - подумал я, - и еще больше обратился в слух и внимание. Наконец вдалеке послышался лай собак, мы напряглись, слоны нервно затопали своими огромными ногами, погонщикам стоило немалых трудов удерживать их на месте. Никто ничего не говорил, все замерли, всматриваясь в заросли перед собой. Где-то на левом фланге от нашей группы послышался выстрел, за ним рев раненого зверя, и следом прозвучали еще два выстрела. Украдкой я взглянул на Анну, пальцы на ее руках побелели от напряжения, с которым она держала свое оружие, глаза лихорадочно блестели и тревожно всматривались в траву, колыхавшуюся перед нами. Вот уже справа от нас раздались беспорядочные выстрелы, и дальше по флангу в том же направлении.

– Неужели загонщики не выгонят тигров на нас? - подумал я.

Мы продолжали стоять в напряжении, выстрелы слышались справа и слева от нас, вот уже и лай собак совсем рядом... а тигров все не было. Совершенно неожиданно из травы взметнулось черное, гибкое тело, и тут же выстрелом было отброшено далеко назад в траву..

– Вот это выстрел! – подумал я. – да и калибр. судя по всему, стоящий

Поглядев на рядом стоящую Анну, я увидел дымящийся штуцер в ее руках, с прижатым к плечу прикладом. Как она успела произвести такой выстрел? Причем очень при седельную цельный, не из дробовика, а с нарезного ору-

жия. Все продолжали стоять в ожидании, но нашей группе не повезло, ни один из убитых в тот день тигров не был нашим трофеем. Кроме пантеры, подстреленной м-с Хогарт, добычи у нас не было. Как только егерь протрубил отбой охоте, мы пошли в траву, куда упала пантера. Там мы ее и нашли, она лежала, вытянувшись во весь рост, пуля попала ей точно в грудь. Все поздравляли Анну с таким выстрелом, она принимала поздравления, но я видел по выражению ее лица, что она недовольна.

– В чем дело, – улучив момент, спросил я ее.

– Это совсем не то, чего я хотела, я хочу добыть тигра! И я его добуду, – и, повернувшись ко мне, она посмотрела на меня в упор и спросила:

– Вы мне поможете в этом, капитан Моран?

– Всем, чем смогу, м-с.

– Значит, дело решено, детали оговорим позже, – твердым, не по-девичьи тоном, произнесла м-с Хогарт.

Главный егерь протрубил общий сбор, и мы двинулись с нашим скромным трофеем к его месту. Там уже лежали в ряд шесть убитых тигров, наш скромный трофей вызвал поначалу незлобивые шутки, но когда охотники узнали, кому он принадлежит, то веселье сразу стихло, и все с уважением взглянули на м-с Хогарт. Раджа лично объявил о том, что охота прошла успешно и что он приглашает всех на ужин, который состоится через два часа в том же шатре. Через два часа, в том же шатре, приведя себя в порядок, собрались охотники. Столы были накрыты. Раджа на правах хозяина произнес тост, в котором поблагодарил всех участников, отметил отличившихся, и особо отметил м-с Хогарт. Он долго говорил о выстреле, которым он сразила пантеру. Анна сидела, слегка смущенная под взглядами присутствующих. Раджа обещал лично прислать шкуру убитого ею зверя. Все дружно захлопали в ладоши.

С утра наш караван охотников потянулся домой. Естественно, я ехал рядом с м-с Хогарт, леди Маргарет пробовала пожурить свою племянницу прямо из кареты за то, что

она покинула слона на охоте и подвергла себя опасности, но мы незаметно для нее отстали, попридержав наших лошадей, и оставшуюся часть пути никто не мешал нашему общению. Разговор зашел о том, как добыть тигра.

– Это опасное дело, м-с Хогарт, – попытался вновь убедить ее от этой затеи.

– Ах, оставьте! Неужели вы еще не поняли, что я не отступлюсь от своего? Вы же видели, как я стреляю? Поверьте, не для хвастовства я это говорю, но я набила руку в этом деле при охоте на фазанов, кроликов, и вальдшнепов. Я понимаю, что они далеко не тигр, но я уверена, что и перед ним я не спую.

– Хорошо. Я подумаю, как организовать охоту для вас, но вам придется дать мне слово, что вы будете беспрекословно подчиняться моим указаниям.

– В пределах разумного, сэ-р – рассмеялась Анна, и ударом хлыста послал свою лошадь вперед, оставив меня, я бы даже сказал, в некотором смущении.

После охоты все вошло опять в свою колею, служба отнимала теперь гораздо меньше времени, а стало быть, я больше мог его уделять своим делам. По вечерам в том или ином доме наших чиновников и офицеров высшего командного состава проходили небольшие приемы, на которых я виделся с Анной, мы танцевали с ней, разговаривали о том, о сем, и я все больше убеждался, что с каждым днем меня все сильнее тянет к м-с Хогарт. К тому времени я уже получил очередное звание майора, причем досрочно, за отличную службу и хорошую выучку вверенного мне подразделения. Анна не торопила меня с устройством охоты на тигра, но мысль о ней не выходила у меня из головы. Охоты с загонщиками я не мог устроить по своему желанию, мои солдаты, предупрежденные мною, не привозили сведений о тиграх, донимающих жителей какой-либо деревни. И тут меня осенила мысль поохотиться на тигра с живой приманкой в виде козленка, или еще какой-нибудь живности.

– Вы, наверное, м-р Ватсон, читали мою книгу об охоте? – вдруг обратился ко мне п-к.

– Не хочу вас разочаровывать, сэр, но я не читал ваших книг. Вот мой друг, м-р Холмс, тот внимательно прочел обе ваши книги, и, по-моему, вы это знаете, – не удержался я от небольшой доли язвительности.

– Да, Холмс поймал меня на ту же приманку, что я представлял убитым мною тиграм, но, к слову сказать, не всегда я добывал тигров на приманку, иногда я их побеждал в открытом бою. Ваш друг знает об этом, попросите его рассказать, если он сочтет это возможным.

– Я надеюсь услышать это из первоисточника, если это конечно будет иметь отношение к вопросу, более интересующему меня.

– Один случай будет иметь отношение, доктор, и вы обязательно услышите о нем. Не будем отвлекаться, м-р Ватсон. Как я уже сказал, мне пришла в голову мысль организовать охоту на тигра, используя приманку. Добыть козленка было делом несложным, гораздо сложнее было уйти м-с Хогарт из дома незамеченной, да и сама охота могла продлиться не один день. Я поделился своими мыслями с Анной, и она сказала, что дяде надо будет выехать в Мадрас по делам министерства, а тетушка обязательно будет его сопровождать, поскольку она везде следует за своим супругом. Анна скажется больной и останется на месте. Мы слегка пошутили с ней на счет трогательного отношения леди Маргарет к лорду Маутбетану, но честно говоря, у меня давно появилось легкое чувство зависти к их семейной жизни. На том мы и порешили: как только чета Маутбетанов покинет дом губернатора и отправится в путь, мы отправимся добывать тигра, который уже стал для Анны навязчивой идеей. К тому времени мои люди докладывали мне о слухах, в какой местности чаще всего видят тигров. Выбрав одно из них и прибыв на место, я приказал соорудить на одном из деревьев небольшой помост для того, чтобы мы могли с удобством дожидаться своей добычи. Все было готово.

Оставалось дело за малым, то есть за отъездом министра и его семейства. В душе я надеялся, что этого никогда не случится, и разговоры про охоту тихонько сойдут на нет, и нам не удастся воплотить в жизнь эту авантюрную затею. Но на ближайшем приеме Анна сообщила, что послезавтра лорд с семейством уезжают наконец-то в Мадрас. Глаза ее сверкали, она была возбуждена, и как мне тогда показалось, что не будь вокруг столько народу, она бы кинулась мне на шею и расцеловала. У меня же от этого известия стало холодно в груди, ведь даже при удачно проведенной охоте мне было не избежать неприятного разговора с министром, а уж о разговоре с леди Маргарет мне и думать не хотелось, но деваться было некуда. Буквально через день после отъезда я объявил Анне, что все готово, что местность, где чаще всего последнее время бывают тигры, неподалеку и что ей осталось только покинуть губернаторский дом незамеченной. Охота таким образом могла затянуться с вечера до утра, и надо было придумать что-то, чтобы домашние не хватились девушки и не кинулись на поиски. Анна сказала, что с утра отправит своего слугу на конюшню со штуцером, скажет, чтобы приготовил ее лошадь к поездке и пусть она стоит в деннике оседланная и готовая к выезду. За завтраком она скажется нездоровой, удалится к себе в комнату с просьбой, чтобы ее не тревожили, тихонько покинет дом через окно и будет вовремя в условленном месте. На том и порешили.

Ближе к назначенному времени я ждал в условленном месте, вскоре появилась и м-с Хогарт. Мы тронулись в путь. По дороге я еще раз напомнил ей об обещании слушать меня во всем и просил быть крайне осторожной и предусмотрительной. Получив заверения с ее стороны, я, конечно, в них засомневался, мы продолжили путь, обсуждая тех или иных господ или дам, которых постоянно видели на приемах. У Анны был редкий дар наблюдательности, и она здорово копировала ужимки и манеры поведения своих поклонников, да и некоторых из дам. Я от души смеялся, и со стороны можно было подумать, что парочка молодых

людей отдыхает на прогулке, а не едет с целью убить одного из самых опасных хищников на земле. Смех смехом, а я мысленно перебирал в уме детали предстоящей охоты, и еще раз вспоминал, не забыл ли я чего....Карабин был при мне, «смитвессон» в кобуре, сабля, привезенная из Афганистана висела на поясе,... вроде все на месте. В деревне мы купили козленка, которого я положил впереди себя, и мы тронулись к месту нашей охоты. Анна взяла козленка себе, чему я не препятствовал. Запах козленка перебивал запах человека, и шансы на появление тигра увеличивались.

– Как жалко это милое животное, – проговорила Анна, наглаживая козленка.

– Мы постараемся разделаться с хищником до того, как он прикончит его, – утешил я ее.

Приехав на место, я привязал козленка к дереву, помог м-с Хогарт забраться на помост, сам еще раз осмотрел местность и так же залез на помост. Приманка наша находилась от нас в ярдах двадцати и спокойно щипала траву, мы же ждали появления тигра, сидя на помосте в футах двенадцати над землей. Разговоров мы, понятное дело, не вели. Близость Анны волновала меня и никак не давала сосредоточиться, мне казалось, что при каждом нашем невольном соприкосновении она старается прижаться ко мне плотнее. Мне хотелось оставить мысли об охоте и просто обнять ее, прижать к себе. Я бы так и сделал, если бы был уверен в том, что встречу понимание со стороны м-с Хогарт, а поскольку уверен я не был, то приходилось сдерживать себя. Ночь постепенно близилась к концу, уже начал розоветь восток, но все было тихо вокруг. Тела наши устали сидеть в неподвижности.

– Может, он не придет? – тихонько прошептала мне на ухо Анна.

– Если вчера у него была охота удачной, то может и не прийти.

Но я очень надеялся на появление зверя, лучше было покончить с этим делом сегодня, и тогда не надо было бы устра-

ивать все это еще раз, но от меня мало что зависело, а точнее, абсолютно ничего. Солнце поднялось уже так, что можно было различить и лица друг друга, и козленка, привязанного к дереву, я уже отчаялся и думать о благоприятном завершении нашей охоты, как вдруг козленок испуганно заблеял и начал проявлять признаки беспокойства. Мы замерли. Козленок сильнее стал рваться на привязи, подпрыгивая на длине веревки, освободиться от которой он никак не мог. Сначала мы увидели легкое шевеление кустов, потом показалась голова хищника, глаза его зорко осмотрели местность, бакенбарды его, если можно так выразиться, были не особо большими, отсюда я сделал вывод, что тигр еще молод. Я не ошибся в своих предположениях. Когда он показался весь из зарослей, то оказалось, что он явно уступал в размерах тому, которого я добыл накануне. Краем глаза я посмотрел на Анну, она уже взяла ружье наизготовку, по ее сосредоточенному виду я понял, что она готова была к стрельбе. Я легонько коснулся своей ногой ее ноги, как тут же прогремел выстрел!

Зверь, взвизгнув, подлетел в воздух и упал обратно в кусты. Я повернулся к Анне и хотел похвалить ее за столь меткую стрельбу, но повернувшись, я не обнаружил ее рядом, отдачей от выстрела ее скинуло с нашего помоста, и теперь она лежала на земле. Я спрыгнул к ней на помощь, бросил карабин на землю, и только наклонился над ней, чтобы поднять, как услышал за спиной глухое ворчание. Оглянувшись, я увидел стоящего тигра, поджавшего переднюю правую окровавленную лапу, расстояние до нас было не более десяти футов, я понимал, что даже на трех лапах тигр преодолет его одним прыжком. Нагибаться и поднимать карабин с земли было бессмысленно, расстегивать кобуру с револьвером долго, и тогда я вытянул из ножен саблю, подаренную шейхом Омаром, и надо сказать, сделал я это вовремя.

Зверь почуял опасность в сверкнувшем на утреннем солнце клинке и не сводил с него глаз, хвост его стучал по земле. Вдруг из кустов вышли двое совсем маленьких тигрят, и мяукая, направились к раненому хищнику. Это была самка! И это

было очень опасно! Заслышав своих тигрят, она без раздумий прыгнула на меня. Сделав шаг влево, то есть в сторону ее раненой лапы, я выставил саблю вперед, и она со всего маха наткнулась на нее грудью. Послышался яростный рев. Я почувствовал, как моего правого бока коснулись когти, все-таки уже в прыжке она сумела зацепить меня, не удержавшись на ногах, я упал на землю. Подняв голову после падения, я увидел, как тигрица с саблей в груди пытается встать на ноги. Раздался выстрел, и голова хищника откинулась назад. Это Анна, придя в себя, подняла свой штуцер и выстрелила, пуля попала тигрице прямо в глаз. Упав на землю, тигрица дернулась и вытянулась всем телом. Тигрята кинулись к ней со всех ног. Я поднялся на ноги, рубаха на мне была разорвана, бок саднил, и моя правая штанина была залита кровью. Анна бросила штуцер и стояла в оцепенении. Я подошел к ней и, обняв за плечи, почувствовал, как ее бьет крупная дрожь.

– Милая, – произнес я, – когда бы я смог это произнести, если бы не этот случай, – успокойся, родная.

Она прижалась ко мне всем телом и обняла меня за пояс, я вскрикнул от неожиданной боли.

– Да вы весь в крови! – воскликнула она, откинувшись от меня, – ложитесь быстро, я вас осматрю.

От ее нервозности не осталось и следа. Она быстро стянула с меня рубаху, осмотрела мой бок и произнесла:

– Раны неглубокие, но длинные. Сейчас я перевяжу вас.

Быстро разорвав мою рубаху, она импровизированными бинтами стянула меня по поясу. Заметив кровь на штанине, произнесла:

– Приспустите бриджи!

– Нет, нет, нога в порядке.

– Бросьте стесняться, капитан! – и сдвинула бриджи с правой стороны. Я готов был провалиться от стыда, но, слава Богу, бедро оказалось не задетым, и м-с Хогарт вернула бриджи на место. Я заметил, как секунду спустя, стыдливый румянец заливаает ее шею и поднимается выше к лицу. Как она была хороша!

– Сможете идти? – Анна заглянула мне в глаза.

– Безусловно! – ответил я с возможной бодростью, но застонал, пытаясь подняться.

– Нет, оставайтесь здесь, а я сбегая в деревню за помощью.

Сказано это было тоном, не терпящим возражения, и я остался на поляне, в то время как Анна побежала в деревню. Тигрица лежала вытянувшись во весь рост на траве, а тигрята, мяукая, ползали по ней. В другое время эта сцена вызвала бы чувство умиления, если ее наблюдать в зоосаде, притом, что мама этих тигрят была бы жива.

При этих словах я быстро глянул на п-ка. Заметив мой взгляд, Себастьян Моран усмехнулся и произнес:

– Да, да доктор. Тогда я еще не был таким, каким вы меня арестовали с вашими друзьями. Тогда я еще имел чувство сострадания.

– Не хочу вас обижать, п-к, но зная вас, в это трудно поверить.

– Понимаю, – расхохотался Себастьян Моран.

П-к прервал свой рассказ. Выглядел он в этот момент весьма внушительно. Ноздри его носа были раздуты, глаза сверкали. Рассказчиком он был весьма интересным. В свой рассказ он вкладывал именно те эмоции, которые наверняка испытывал в тот момент там, на поляне, стоя с обнаженной саблей в руке против раненого свирепого хищника. Уверен, тогда в его голове не было и тени сомнения или страха. Поневоле станешь уважать такого человека. Внезапно, успокоившись, он произнес:

– Ну что, м-р Ватсон? Будем прощаться?

Я был огорошен.

– Знаете, сэр, – произнес я с сарказмом, – я только вчера говорил Холмсу о том, что у вас появилась привычка, присущая издателям приключенческих журналов...

– Прерывать рассказ на интересном месте, – перебил меня г-н Моран и рассмеялся.

– Здесь так мало развлечений, доктор, да и с мыслями надо собраться. И потом у меня есть еще кое-какие дела.

– Какие могут быть дела у арестанта? – подумал я, но вопросов задавать не стал. Постучав в дверь, я ждал, когда полисмен отопрет ее. Послышался звук ключа в замке, и через секунду на пороге появился знакомый констебль.

– Прошу вас, сэр, – сделал приглашающий жест рукой, – произнес он. И закрыв дверь, добавил:

– Инспектор Лестрейд просил вас заглянуть к нему на минутку.

Поблагодарив констебля, я направился в кабинет к инспектору.

– Добрый вечер, м-р Лестрейд, – произнес я, переступая порог его кабинета.

– А! м-р Ватсон! – воскликнул инспектор приветливо, – проходите, располагайтесь. Как там м-р Холмс? Надеюсь, в порядке? – и, не дожидаясь ответа, продолжил, – передайте ему мое почтение.

Выдержав некоторую паузу, ин-р спросил меня:

– Уважаемый доктор, вы ничего странного не заметили в последнее время за п-ком Мораном?

– В смысле, сэр? – не понял я.

– Может, что-то изменилось в его поведении?

– Да вроде как нет, если только немного необычное возбуждение. Так это я увязываю с рассказом о его первой любви.

– Простите, сэр, с чем?! – изумился инспектор

– Вы не ослышались, м-р Лестрейд, именно о его любви.

– Хм-м.

Вид инспектора развеселил меня.

– Инспектор, вы задерживаете негодяев, можно сказать, законченных негодяев, и никогда не задумывались о том, что до этого они были просто людьми. Ведь не родился же Себастьян Моран с духовым ружьем фон Хердера в руках.

– Скорее всего, вы правы, доктор, но его величество платит мне жалование не за мои копания в душе задержанных.

– Не обижайтесь, сэр, вы хорошо исполняете свои обязанности, и его величество деньги на ветер не выбрасывает в вашем случае.

– Ладно, оставим первую любовь молодого Морана в покое, а вот что вы можете сказать, доктор, по поводу вот этого?

Инспектор разложил передо мной на столе несколько смятых листов бумаги.

На листах были изображены различные божества индийского пантеона, художником п-к Моран был не таким искусным, как стрелком, но все же на бумаге без особого труда можно было узнать и бога Ганеша, и Шиву и некоторых других. На остальных листах были наброски представителей различных каст и нечто похожее на звездную карту неба.

– Откуда это у вас? И что это?

– Это уборщики камер извлекли из мусорной корзины п-ка Морана и доставили мне, – немного погодя, инспектор добавил:

– А что, п-к не обмолвился вам об этих своих художественных экзерсисах? – спросил инспектор.

– Ни словом! Может, он просто развлекался таким образом.

– Не знаю, что и думать, доктор, – вздохнул Лестрейд, – а не будете ли вы столь любезны, показать это творчество вашему другу, весьма любопытно было бы узнать его мнение.

– С удовольствием, сэр!

– Когда у вас следующая встреча с г-ном Мораном?

– Завтра, инспектор.

– Я очень надеюсь на то, что еще до встречи с п-ком вы передадите мне отзыв м-ра Холмса о его творчестве.

– Если только сегодня вечером я увижу Холмса, то завтра с утра вы будете знать его мнение об этом, – я кивнул

головой в сторону лежащих на столе листов бумаги, – а теперь разрешите откланяться.

– Конечно, конечно, доктор. Не смею вас задерживать.

* * *

Войдя в нашу с Холмсом комнату, я застал того сидящим в кресле и рассматривающим в лупу какой-то кусок материи.

– А, Ватсон! – приветствовал меня Холмс, кладя лупу и материю на стол, – рад вас видеть, дорогой друг.

– Взаимно, Холмс - я улыбнулся своему другу.

– Я прервал ваше несомненно интересное занятие, Холмс?

– Пустяки, доктор, искал улики на оставленном на месте клочке материи. Это терпит. Что у вас?

– У меня вот что – сказал я и выложил рисунки Себастьяна Морана на наш стол, – можете ли вы что-то сказать по поводу всего этого.

– Поскольку вы явились из участка со свидания с п-ком, надо полагать, это его творчество. Ну что ж, давайте посмотрим внимательней.

Беря по очереди каждый лист, Холмс внимательно разглядывал их. Через некоторое время, сложив их вместе, положил на стол и спросил:

– Это Себастьян Моран просил передать их мне?

– Нет, Холмс, это инспектор Лестрейд просил показать вам, а ему это попало в руки от уборщика камеры полковника.

– Это, конечно, не Гейнсборо и не Ромней, да, видимо, и не хотел п-к Моран блеснуть своим талантом художника. Развлекаться таким образом он тоже вряд ли стал бы – задумался Холмс, – а не возникает ли у вас ассоциации, дорогой друг, все это с делом «Пляшущих человечков»?

– Вы хотите сказать, что это криптограмма?

– Нет, это, конечно же, не она, но это может быть ее началом. Вспомните рассказы п-ка о его сказочном богатстве

и его обещание отблагодарить вас, если я окажусь достаточно проникательным и сообразительным. Мне кажется, Себастьян Моран начал потихоньку готовить нам загадку. Мы с вами опять ничего не сможем узнать, и не узнаем до тех пор, пока не получим от п-ка всю криптограмму полностью, а не отдельные ее фрагменты.

– Что мне сказать инспектору Лестрейду завтра при встрече?

– Так все и скажите и попросите его не мешать п-ку рисовать дальше.

– Хорошо. Я так и поступлю.

* * *

Войдя в участок, я спросил у дежурного полисмена, здесь ли инспектор Лестрейд, получив утвердительный ответ, я отправился напрямик к нему. Судя по всему, ин-р ожидал меня. Он не торопясь расхаживал по кабинету, держа в руках листы с рисунками п-ка Морана. Завидев меня, инспектор положил их на стол, и протянув руки, пошел ко мне навстречу.

– М-р Ватсон! Как вы? Как здоровье м-ра Холмса? Что он сказал по поводу рисунков? – засыпал он меня вопросами с порога.

– Я бы хотел присесть, инспектор.

– Простите, доктор, конечно, присаживайтесь. Я всю ночь ломал голову над этими проклятыми рисунками, поэтому с утра так невежлив. Еще раз простите.

– Не стоит, инспектор. И к какому выводу вы пришли?

– Знаете доктор, мыслей всяких хватает, – от простого развлечения арестованного до его обращения в индуизм, – вопросительно взглянув на меня, и не дождавшись одобрения, спросил:

– А что сказал м-р Холмс?

– М-р Холмс, как и вы, затрудняется утверждать что-либо, – инспектор при этих словах слегка приободрился,

ведь не только он один не может ответить на этот вопрос, а и великий сыщик тоже, – но высказал мысль, что это могут быть составляющие будущей криптограммы.

– Позвольте не согласиться с мистером Холмсом, – воскликнул разгорячившийся вдруг инспектор, – при всем уважении к вашему другу, ну разве кто-нибудь будет писать криптограммы сообщникам таким образом, что в них невозможно разобраться. Если бы это была их общая тайнопись, то мы имели бы тому подтверждение, ибо сумели перехватить записки, адресованные п-ку Морану, и поверьте мне, доктор, мне инспектору, находящемуся на службе более пятнадцати лет, на криптограммы эти записки никоим образом не похожи.

– С вами трудно не согласиться, инспектор, тем более что на этой службе вы более пятнадцати лет, но м-р Холмс допускает, что это криптограмма может быть адресована не его сообщникам.

– Кому же еще!?! – воскликнул изумленный инспектор.

– Мне!

– Вам!?! – инспектор присел на стоявший рядом стул.

– Да, мне, – выдержав паузу, я продолжил, – видите ли, инспектор, полковник в разговоре со мной несколько раз упоминал о каких-то сказочных богатствах, найденных им в Индии, и якобы они могут стать моими, если у моего друга и меня хватит смекалки, а для чего потребуется наша сообразительность, не говорит.

– И вы молчали об этом, доктор? – с упреком выдавил инспектор.

– Прошу прощения, инспектор, но о чем было говорить? Лично я и сейчас не уверен до конца в том, что они существуют на самом деле, эти богатства. Да и как все это могло относиться к делу, по которому вы задержали полковника? Вы бы просто посмеялись в душе надо мной, и были бы правы.

– Ваша правда, доктор. Так что же мне делать?

– М-р Холмс просит вас не мешать п-ку продолжать заниматься его художествами, и по возможности передавать рисунки ему, если, конечно, это не помешает следствию.

– Я приму решение позже, – напустив важности, заявил инспектор Лестрейд.

Мне это было не в новинку, и я попросил разрешения удалиться к п-ку Морану. Инспектор не возражал и еще раз напомнил мне об обещании поставить его в известность, если полковник проговорится о чем-либо важном, имеющим отношение к его делу. Еще раз пообещав инспектору сделать это незамедлительно, я прошел в камеру, где меня уже ожидал Себастьян Моран.

* * *

П-к стоял у стены с находящимся под потолком небольшим зарешеченным окном, и, не отрываясь, смотрел на маленький кусочек неба, который проглядывался сквозь решетку. Зрелище было тягостным. Каким бы ни был человек на воле, он приобретает совершенно другой вид, будучи изолированным от общества, это уже не тот злодей, при упоминании имени которого возмущался добропорядочный обыватель. Сидя взаперти, в камере с маленьким оконцем, преступник приобретал уже иной статус, конечно, он не был в глазах общественности мучеником, но сострадание, конечно же, вызывал. Я был средним представителем нашего общества, и мне не были чужды все те чувства, которые испытывала некоторая ее часть.

– Доброе утро, полковник, – приветствовал я его

– Здравствуйте, сэр, рад вас видеть, – улыбнулся он.

– Как продвигаются ваши дела? – неуклюже пытался я спровоцировать Себастьяна Морана на более откровенную беседу.

– Доктор, доктор, – рассмеялся полковник, и, успокоившись, продолжил, – значит, вы в курсе моих занятий?

– Каких, полковник? – я постарался изобразить искреннее недоумение

– Оставьте, м-р Ватсон, я уверен, что этот недалекий инспектор Лестрейд уже успел посвятить вас в мои занятия по рисованию, мало того, я абсолютно уверен, что вы с вашим другом «великим сыщиком и мудрейшим из мудрых» уже рассматривали мои рисунки, – с сарказмом произнес Моран.

– Зря вы полковник отзываетесь с таким неуважением об инспекторе Лестрейде, не хотелось бы вам напоминать, что вы находитесь здесь в некоторой степени благодаря ему, да и мой друг, по вашему выражению «мудрейший из мудрых», тоже приложил к этому руку.

– М-р Ватсон! Сэр! Если бы не Холмс никогда бы этому... - масса презрения выразилась на лице Себастьяна Морана, - инспектору не удалось бы меня поймать. Да и вашему другу я больше не предоставлю такой возможности. Полковник осекся, и быстро взглянул на меня. Сделав вид, что ничего не заметил, я предложил полковнику продолжить свой рассказ. Еще раз взглянув на меня, полковник произнес:

– Вы правы, доктор, не будем отвлекаться. Не сочтите за труд, напомнить мне, на чем я остановился в прошлый раз? Мне стало понятно, что г-н Моран отлично помнит, на чем он остановился, и просто пытается ослабить мое внимание к неосторожно оброненной им фразе, но тем не менее я ответил:

– Вы остались на месте охоты с раной на боку, а мисс Хогарт удалась в деревню за помощью.

– Да, припоминаю... так вот, смотрел я на поверженную тигрицу и начал понимать на жестоком примере всю сущность жизни. Рядом, прижавшись к дереву, дрожал на смерть перепуганный козленок, бестолковые тигрята ползали по убитой матери, ничего не понимая и думая, что она жива и вот сейчас проснется от их мяуканья. А я лежал - виновник всего происходящего, высшее творение нашего Господа всемогущего, пусть и израненный, но все же живой

и наблюдающий все это, не трясущийся от страха, как козленок, и не мертвый, как тигрица. И что-то, доктор, сдвинулось в моем сознании, совсем на йоту, но сдвинулось, я действительно почувствовал себя самым могущественным живым существом на Земле, но не так это почувствовал, как мне старались донести в школе, рассказывая о построенных человеком городах, плотинах и прочей ерунде, а как человек – властелин, царь природы, распоряжающийся жизнями живых существ. Я вспомнил пуштуна, которому резал уши, и раскаянье не мучило меня. И вдруг меня осенило,....да, я сильнее многих! Я хитрее и изворотливей, а значит, я умнее! Я наделен правом свыше казнить или миловать, пусть не все подпадают под это мое право, есть люди более могущественнее, чем я, но зато я силен духом. Я убивал людей, я убивал их без жалости, да, я убивал врагов моего короля, но я понял, что смогу точно так же убить и моих собственных врагов. Врагов у меня на тот момент не было, но я понял, что если они появятся, то им не поздоровится. В романах часто пишут, что человек в возвышенные моменты, скажем, перед совершением подвига или перед смертью во имя Отечества ощущает вдруг необычайный прилив сил и собственной духовности. Я уже не стоял в тот момент перед лицом смерти, я лежал в окружении живых и мертвых существ, втянутых во все это мною, моим разумом и волей, и я ощутил именно тот душевный подъем, о котором нам с вами частенько рассказывали в своих романах разные писаки. Я знал теперь твердо, что не струшу в момент опасности, и что я пойду до конца ради достижения любой цели, которую когда-либо поставлю перед собой, и будет горе тому, кто встанет на моем пути.

– Да-а-а, доктор, – продолжал п-к, – должен сказать вам – это было нечто, блажен тот, кто хоть раз ощутил подобное тому, что ощущал я на тот момент. Не скажу, что это перевернуло всю мою последующую жизнь, но вышел я из той охоты другим человеком, и если бы не ряд досадных не-

доразумений, вполне возможно, что я достиг бы хороших высот в своей карьере.

– Ну да ладно... Господь с ней, с карьерой, – махнул рукой Себастьян Моран, – вернули меня на землю грешную голоса приближающихся людей, которые становились все явственнее, и вскоре на поляну буквально выскочила Анна, а за нею появились несколько индусов, которые замерли при виде тигрицы, но поняв, что она мертва, подошли к ней. Вытаскивать саблю из груди тигрицы нам было некогда, она так и оставалась в ней. Завидев это, индусы завопили от восторга, начали тыкать в мою сторону пальцами и что-то восхищенно лопотать на своем языке. М-с Хогарт пришлось вмешаться, взяв под локоть старшего, и как я понял местного лекаря, она подвела его ко мне и указала на мой разодранный бок. Сняв бинты, сделанные Анной из моей рубахи, он осмотрел мои раны, с улыбкой кивнул головой, давая понять, что ничего серьезного нет, достал из холщовой сумки, висящей у него через плечо, узелок с каким-то целебным порошком, развязал его, захватил щепоть, одной рукой успокаивающе похлопал меня по плечу и присыпал мои раны снадобьем, после чего из той же сумки достал чистый лоскут и обмотал их. После этих манипуляций он, показав пальцем в сторону тигрицы с торчащим из груди клинком, восхищенно зацокал языком. Я показал на тигрицу, потом на свой глаз, а затем на Анну, изобразив при этом стрельбу из ружья, дал понять всем, что смертельный выстрел произвела именно она, чем вызвал еще большую бурю восторга. Они с большей силой начали лопотать и смотреть на м-с Хогарт с огромным уважением. Анне вновь пришлось прерывать их восторженные крики. Указав на меня, она кое-как объяснила им, что меня надо уносить отсюда. Индусы, быстро срубив два бамбуковых ствола, подходящие для носилок, уложили их на землю. Наложив сверху срубленные палки бамбука потоньше и связав все это, получили своеобразные носилки, и со всей осторожностью переместив меня на них, тронулись в путь, прихватив

с собою козленка и двух тигрят, которые отчаянно мяукали в мешках, не желая расставаться с матерью. Двое индусов остались на месте охоты, я понял, что тигрица совсем скоро расстанется со своей шкурой. Благополучно достигнув деревни, наши друзья разместили нас в одной из хижин, где лекарь вновь осмотрел мои раны и остался доволен своей прежней работой. Чуть погода появился староста деревни и заговорил с нами на ломаном английском. Он выразил нам свое восхищение, особенно он восхищался м-с Хогарт. После этого он объявил, что сейчас нам принесут поесть и мы сможем отдохнуть, а если что нам понадобится, то нам стоит только позвать мальчишку, который дежурит за порогом хижины, и староста лично сам исполнит все наши желания. Поблагодарив любезного старосту, который тут же нас покинул, мы взглянули друг на друга, и какая-то неведомая мне доселе сила опять притянула нас. Анна нагнулась ко мне и слегка прикоснулась губами к моей щеке. Голова моя закружилась, отнюдь не от потери крови, смею вас уверить доктор, я обнял ее и прижал к себе так, что чувствовал биение ее сердца. Сейчас, когда я говорю эти слова, они не звучат в моей голове пошло или банально, мне кажется, что я до сих пор чувствую это биение кожей на своей груди. Не знаю, как далеко мы зашли бы, но у меня в сознании вдруг всплыл образ леди Маргарет, и я начал отстраняться от м-с Хогарт, подняв голову, она недоуменно взглянула на меня.

– Я сделала тебе больно? – спросила она, – прости меня, Себастьян, я не хотела.

– Нет, Анна, все в порядке, просто не хочу, чтобы мы оба наделали глупостей, особенно ты. Не хочу, чтобы ты жалела об этом до конца дней своих.

– О чем ты, Себастьян?

Боже! Как она была еще чиста и наивна!

– Нам пора ехать. Если мы задержимся здесь дольше, то тебя кинутся искать, и ты попадешь в щекотливую ситуацию, а я бы этого не хотел.

– Пускай! Я не хочу уходить отсюда. Давай еще часок-другой побудем здесь, где мы вдвоем и нет никакого общества, законы которого мы должны соблюдать. Я не хочу туда!

– Дорогая! Это необходимость. Пусть нелепая, в нашем случае, но это так.

– Себастьян! Милый! Я так хочу тебя поблагодарить за спасение жизни, ведь если бы не ты, мне бы не сдобровать. Я бы уже не видела ни этих пальм, ни облаков, ни твоих добрых заботливых глаз. Спасибо тебе, дорогой!

– Ну что ты, родная! Ведь это твой выстрел прикончил тигрицу, а значит, я должен благодарить тебя.

– Не лукавьте, сэр! - со смехом Анна прикрыла мне ладошкой губы, затем убрав ладошку, быстро приникла своими губами к моим, но образ тетушки Маргарет уже не выходил из моей головы.

Надо двигаться, – отстранил я от себя Анну.

– Ты действительно так рвешься домой? – тон Анны стал намного суше.

– Ты же понимаешь, что надо ехать, зачем ты сомневаешься во мне?

– Не сердись! Просто хотелось побыть с тобой еще совсем немного времени, – и Анна взлохматила мои волосы, – поднимаешься сам? Или позвать помощников?

– Думаю, что смогу это сделать сам, – приподнимаясь и прислушиваясь к своим ощущениям, – ответил я. Бок болел, но я не хотел показывать это Анне, она бы начала настаивать на том, чтобы остаться, но я-то понимал, что нам необходимо было начинать двигаться как можно скорее. Поднявшись на ноги, я позвал мальчишку, и тот, услышав мой голос, пулей помчался за старостой. Совсем скоро в хижину вошел староста и с поклоном спросил, чего желает саиб. Саиб желал, как можно скорее отправиться в путь.

– Ваши лошади будут готовы, саиб, совсем скоро, – опять поклонился староста.

– Пришлите лекаря, – сказала Анна, наверное, в надежде, что тот запретит ехать.

– Не надо лекаря, – остановил ее я, – когда будет готова шкура?

– Не ранее, чем через семь дней, саиб.

– Доставите ее м-ру Морану, – и выгатавив полгинеи, сунул ему в руку, – лучше смотрите за тигрятами, их доставите тоже, и лучше в добром здравии.

– Сделаю все, как вы сказали, саиб, – от его частых поклонов мне уже начало казаться, что он не разгибается во все. Он исчез, пятясь задом. Поклажи у нас не было никакой, кроме оружия, и наши сборы, если их можно было назвать таковыми, много времени не заняли. Совсем скоро за стенами хижины послышался топот копыт и легкое ржание наших лошадей. Мы вышли из хижины, и замерли. Казалось, все жители деревни пришли проводить нас. При нашем появлении вновь послышались возгласы восхищения. Ко мне подошел лекарь и на ломаном английском дал понять, что он вновь хотел бы осмотреть рану. Я ответил ему вежливым отказом. Он, зацокав языком, с неодобрительным видом покачал головой, но настаивать не стал и отошел к остальным жителям. Сесть в седло мне все же помогли двое мужчин. Перед тем, как нам тронуться в путь, я поблагодарил жителей деревни за гостеприимство, и мы с Анной поехали шагом в направлении города. Каждый шаг лошади поначалу отдавался тупой болью в боку, но скоро я приноровился и у меня получалось смягчать ее. Всю дорогу Анна с тревогой смотрела на меня и периодически интересовалась моим состоянием, я же как можно бодрее, с улыбкой отвечал, что все в порядке и для беспокойства оснований нет. К городу мы подъезжали ближе к вечеру, и я, всматриваясь в его окрестности, старался высмотреть признаки поисков, но не было ни групп мечущихся людей, ни тревожных криков.

– Слава Богу, – подумал я про себя, значит, Анны еще не хватились.

На подъезде к городу мы расстались, Анна поехала вперед и оглядывалась на меня до тех пор, пока не скрылась за поворотом, я чуть погодя двинулся следом. Дорога отняла у меня все силы, мне стоило огромных трудов не упасть с лошади у порога своей квартиры. Спешившись, я кое-как добрался до кровати и велел вестовому позвать ко мне О*Тула, тот прибыл со всей возможной скоростью, он один знал, куда и с кем я поехал.

– Все в порядке, сэр? – с порога спросил он.

– Не совсем, Джон, – с гримасой боли ответил я.

– Что случилось? – кинулся он ко мне.

– Осторожней! – воскликнул я, выставив вперед руку, – помоги мне сесть и снять сюртук.

Приподняв меня за плечи, он со всей осторожностью помог мне сесть и начал расстегивать пуговицы одну за другой, сняв с меня сюртук и увидев окровавленные бинты, он присвистнул:

– Значит не все прошло гладко, сэр?

– Не все, Джон.

– И зачем было ехать с бабой на тигра сэр?

– Попридержи язык!

– Прошу прощения, сэр. Позвольте мне все же взглянуть на ваши раны.

– Прежде, чем ты глянешь на них, скажи, есть ли у тебя в ранце какая-нибудь мазь и чистые бинты?

– Конечно, сэр, я всегда готов к походу!

– Незамедлительно неси все это сюда. Да еще вот что, – остановил я его в дверях, – вскипяти воду, чтобы обмыть раны.

– Будет сделано, сэр!

Я мог не сомневаться, что сделано будет все. Потихоньку я стал разматывать бинты сам, увиденное огорчило меня. Те места, что были присыпаны деревенским лекарем, подсохли и взялись хоть и тонкой, но все же корочкой, а вот где порошок не лег, как следует, они текли сукровицей, что очень мне не понравились. Завтра был четверг, а значит,

мой непосредственный начальник должен провести смотр своим подразделениям, надеяться на то, что этого не произойдет, было глупо, это был старый служака и манкировать своими обязанностями было не в его правилах. К тому же он был заботлив по отношению к своим подчиненным, и если на смотре кто-то отсутствовал по болезни, а иной причины и быть не могло, то он обязательно проведывал своего больного подчиненного. Так или иначе, стоять по стойке «смирно», я с божьей помощью, наверное, и смог бы, но пройти в торжественном марше, вряд ли. Надо было придумать правдоподобную историю своей болезни. Пока я размышлял, появился О*Тул с походным ранцем за плечами и тазом горячей воды в руках. Поставив таз и сняв ранец, он приблизился ко мне и взглянул на мой бок, покачал головой, присвистнул снова, и проговорил:

– Ну, что, сэр? Приступим к лечению? – и добавил, – в сущности, рана не страшная, но хлопот доставить может.

Намочив тряпку в воде, он осторожно начал протирать раны, боли особой мне это не доставляло, но ощущения при этом были не из приятных. Закончив с протиранием, он достал мазь, рекомендованную солдатам для смазывания ран, и нанес ее мне на раненый бок, после всего этого туго, как я и просил, забинтовал мой бок чистым бинтом. Уложив меня в кровать, он достал из того же ранца початую бутылку виски и налил хорошую порцию в стакан, стоявший на прикроватной тумбочке.

– Виски не самый лучший на этом свете, сэр, но боль снимет лучше любого лекарства, – и подавая стакан, добавил – выпейте, сэр, и постарайтесь заснуть, а я побуду рядом, на всякий случай.

Выпитый напиток начал приятно расслаблять, и я незаметно погрузился в сон. Это был сон действительно расслабляющий и успокаивающий, не было никаких видений. Проснувшись под утро, я обнаружил сидящего рядом на стуле Джона, он не дремал. Видимо, перед пробуждением я

вел себя беспокойно, и Джон, наклонившись, внимательно смотрел на меня

– Проснулись, сэр? – с участием спросил он, – как спали?

– Спасибо, Джон, – потянувшись и тут же схватившись за бок, скорчив гримасу, ответил я – отлично спал, жаль, не могу сказать того же и о самочувствии.

– Давайте, сэр, осмотрим ваши раны. Надо вас перевязать заново, а то совсем скоро нам на плац, на еженедельный смотр.

Усадив меня на кровати, сняв бинты, Джон тщательно протер мой бок и воскликнул:

– Превосходно, сэр! Через пару дней и следа не будет.

Весьма довольный собой он снова нанес мазь и туго забинтовал смазанный бок заново.

– Вставайте, сэр, я помогу вам одеться.

Бриджи я кое-как натянул на себя, сидя на койке, а уж с кителем мне помог справиться верный Джон. Через некоторое время я уже стоял на плацу и выглядел, как и положено офицеру его величества. Смотр прошел без особых замечаний и нареканий, и по его окончании я отправился к себе на квартиру. В тот же день я получил записку от Анны, в которой она сообщала, что дома заметили ее отсутствие только под вечер, но она сумела выкрутиться, сказав, что гуляла одна неподалеку от дома, также она интересовалась моим самочувствием и спрашивала, когда увидимся. Слуга, посланный с письмом, дожидался ответа. Я написал, что чувствую себя хорошо, и что скорее всего увидимся завтра на приеме у N. Отправив письмо со слугой, я налил себе из бутылки, оставленной Джоном, выпил и снова лег спать. Выспавшись за день, ближе к вечеру я послал за О*Туллом.

– Как самочувствие, сэр? – с порога спросил мой верный товарищ.

– Неплохо, Джон, вот только не знаю, что я буду ночью делать, – указывая на бутылку с виски, я продолжил, – благодаря этому волшебному зелью, я проспал почти весь

день, и теперь боюсь, что ночь покажется мне бесконечно длинной.

– Это дело поправимое, сэр – усмехнулся О*Тул, – желаете прямо сейчас заснуть?

– Ты что? Занялся волшебством за время нашей разлуки?

– Нет, конечно, сэр, но кое-что полезное узнал.

– Джон! Прекращай интриговать! Рассказывай!

– Опий, сэр, простой опий. Посещая курильни Лондона, я и понятия не имел, сколько других свойств имеет это вещество, кроме одурманивания.

– И какие еще свойства ты открыл?

– Прошу прощения, сэр, но я ничего не открывал, это местные жители мне доходчиво объяснили, за что я им очень благодарен, и теперь его наличие в моем походном ранце – обязательно, сэр.

Я специально не запрещал ему говорить «сэр», хотя мы были наедине, парень мог слегка разболтаться без моего присутствия, и немного дисциплины в наших отношениях на тот момент ему не вредило. К его чести будет сказано, он это понял отлично и никоим образом не дал мне понять, что чем-то обескуражен. Да и вообще он был молодчина!

– И ты готов помочь мне заснуть с помощью этого снадобья?- недоверчиво спросил я

– Если вы готовы, сэр – отозвался Джон.

– И тебе не придется для этого надевать колпак фокусника?

Джон рассмеялся:

– Зря вы, сэр, испытываете такое недоверие к этому. Позвольте мне приготовить вам напиток, и завтра вы мне скажете «спасибо», сэр.

У меня не было оснований не верить Джону О*Тулу, и я махнул рукой в знак согласия. О*Тул достал чайную чашку из стола, из рюкзака - небольшой бумажный сверток, развернул его, извлек оттуда небольшой шарик какого-то вещества темно-коричневого цвета, отломил от него крупицу,

положил в чашку и залил кипятком из принесенного чайника, после чего накрыл чашку блюдцем. Через пять минут Джон объявил:

– Ну вот и готово, сэр!

Я с недоверием посмотрел на него.

– Пейте, сэр! Потом скажете «спасибо» – и он впервые улыбнулся так же, как в Афганистане после нашего приключения с Исламбеком. Протянув мне чашку, добавил, – пейте, пейте, вам это пойдет только на пользу.

Приняв чашку из его рук, я принялся мелкими глотками пить терпкий напиток.

– Должен заметить тебе, Джон, что вкус у твоего снадобья не самый лучший.

– Зато эффект, сэр, будет отличным – улыбнулся О*Тул.

Допив напиток, я почувствовал некоторую приятную тяжесть в теле и легкую пустоту в голове. Взбив подушку, Джон аккуратно уложил меня в постель. Взглянув на него с благодарностью, я начал погружаться в сон. Проснулся я с некоторой тяжестью в голове, но и с заметно меньшей болью в боку. О*Тул сидел рядом.

– Как вы, сэр? – спросил он, заметив, что я открыл глаза.

– Спасибо, Джон, – улыбнулся я ему, добавив, – ты и правда знатный лекарь. Мне намного легче.

– Вот видите! – радостно воскликнул Джон, давайте взглянем на ваши раны, сэр

Я уже сам мог сесть в кровати, но развязать повязки мне было затруднительно. Джон ловко развязал бинты и произнес:

– Ну что ж, сэр, все даже лучше, чем я ожидал.

Взглянув на свой бок, я убедился в правоте О*Тула. Раны были затянуты сухой корочкой и имели бледно-розовый цвет.

– Спасибо тебе, Джон, ты здорово помог мне.

– Пустяки, сэр, не стоит благодарности между друзьями, – произнес Джон и пытливо взглянул на меня, пытаюсь понять, какое впечатление произвело на меня слово «дру-

зья». Я просто улыбнулся ему, давая понять, что так оно и есть. Ближе к вечеру О*Тул еще раз обработал мои раны и перебинтовал их потуже. Вечером я уже оделся без его помощи и направил свой путь к дому N, там был небольшой прием для узкого круга людей. Войдя вовнутрь и пройдя в зал, я окинул взглядом присутствующих, но к своему неудовольствию Анны не обнаружил. Подошел лакей с подносом, предлагая мне что-то выпить, машинально взяв бокал, я удалился к противоположной от входной двери стене, и встал там, наблюдая за входящими. Я даже не думал, что за такой короткий промежуток времени так соскучился по девушке. Показался в дверях Райан и с улыбкой направился ко мне

– Ты как часовой на посту, – подходя ближе, произнес он с улыбкой.

– И кого же или что я охраняю? – спросил я.

– Ты не охраняешь, ты ожидаешь, и не вздумай отговариваться, меня не проведешь, – при этих словах он хлопнул меня по плечу. Я скривился и присел от неожиданной боли.

– Что с тобой? – встревожился Райан.

– Напоролся на сук, катаясь на лошади, – ответил я.

– Надеюсь, страшного ничего нет?

– Все в порядке, друг.

– Сейчас тебе полегчает, – Райан направился к двери, в которой показалась Анна.

На правах родственника, хоть и дальнего, он запросто подошел к ней, что-то сказал, скорее всего, поприветствовал, и, взяв под руку, повел ее в мою сторону. Я действительно забыл о боли, глядя на м-с Хогарт, только сердце мое забилося чаще.

– Анна! Помогите раненому офицеру, суровому воину, судя по всему, только ты можешь вернуть его в мир этот, – балагурил мой друг, он слыл за весельчака, и все привыкли к его шуткам, но Анна все же слегка покрылась румянцем.

– Я не хочу постигать тайные методы твоего лечения, поэтому оставляю вас наедине, но помни, Анна, этот суро-

вый воин – мой друг, и я надеюсь, что болезненных методов ты не применишь, - смеясь, он удалился.

– Иногда он бывает невыносим, – и не дожидаясь ответа, – как ты себя чувствуешь, Себастьян?

– Теперь, когда вижу тебя, – прекрасно!

– Я спрашиваю серьезно!

– Все хорошо милая, - я слегка коснулся ее руки. Она незаметно огляделась по сторонам.

– Себастьян! Мне кажется, что губернатор и его супруга не верят в версию моей якобы прогулки. Костюм мой был не в лучшем виде, доказательств у них нет, но надо бы нам быть осторожней.

Полковник встал со стула, прошелся по камере из одного конца в другой, вернулся на ее середину и, подняв глаза к небу, неожиданно громко воскликнул:

– О, женщины! Всего лишь два дня назад она была в моих объятиях! Всего лишь два дня назад она не хотела покидать простой деревенской хижины лишь по той причине, что там был я, а теперь она говорит, что нам надо быть осторожней. Как это понять, доктор? – обращая свой взгляд ко мне, спросил Себастьян Моран.

– Женщины, сэр, – произнес я успокаивающе, – к этому нечего добавить. Надо просто понять, что они непостоянны, и смириться с этим.

– Вы совершенно правы, доктор, но это сейчас мы с вами понимаем, а на тот момент это была моя первая, – полковник несколько замялся, подбирая слово, – привязанность, - нашелся он, – я огорчился поначалу, а потом подумал, что все же она права, и что еще рано выставлять наши чувства напоказ.

– Танцевать я еще не мог, а она не могла отказывать всем, приглашающим ее на танец, она выходила в круг и танцевала то с одним, то с другим кавалером. Я наблюдал за ней и вновь был полон восхищения. Сколько грации и юной силы было в ней! После того как очередной кавалер подвел ее обратно ко мне, она сказала:

– Завтра возвращается из поездки лорд Маутбетан, а с ним и тетушка Маргарет. Уверена, что по прибытии она обязательно спросит меня о «прогулке». Она очень проницательна, – заметив мой вопросительный взгляд, продолжила, – думаю, мне удастся выйти сухой из воды.

– Надеюсь, – проговорил я, – холодея в душе от того, какие ждут меня последствия в обратном случае. Прием тем временем подходил к концу, и гости постепенно расходились по домам. Вскоре и я покинул дом и отправился к себе на квартиру. Улегшись в кровать, я долго не мог заснуть, какое-то дурное предчувствие не давало мне покоя. Я было подумал опять прибегнуть к помощи О*Тула и его волшебного зелья, но сон незаметно сморил меня.

Проснулся я от непонятного шума под моими окнами. Пока я прислушивался и пытался понять, что там происходит, раздался стук в дверь, на мое приглашение войти, в дверях показался вестовой.

– Прошу прощения, сэр, но там какие-то индусы со шкурой тигра и двумя тигрятами говорят, что приехали из своей деревни к вам, и что шкура и тигрята добыты вами, и они хотели бы отдать все это в ваши руки, сэр.

– Да, да, – я начал подниматься с кровати, – попросите их подождать, пожалуйста, я выйду к ним, как только оденусь.

Одевшись, я выглянул в окно и увидел индусов, прибывших из деревни, и кучу зевак, рассматривающих тигрят и слушающих рассказ о нашей с Анной охоте. Индусы так живо вели рассказ, жестикулируя при этом, будто сами наносили удар саблей или стреляли тигрице прямо в глаз из невидимого ружья. Я с ужасом подумал:

– Теперь молву не удержать. Не сегодня-завтра все станет известно и губернатору, и родственникам Анны, в лице лорда Маутбетана, министра наших колоний, а так же ее тетушки – леди Маргарет, и в животе у меня похолодело.

– Ну почему я не сказал индусам в деревне, чтобы доставили шкуру тайно и не болтали языками! Что теперь будет!?! – в отчаянии думал я.

Надо было как можно скорее убрать эту толпу из-под моих окон. Стоило мне высунуться из окна, чтобы пригласить индусов войти, как в толпе раздались аплодисменты и крики восторга. Только этого мне и не хватало в тот момент.

– Я начинаю совершать ошибки, – подумалось мне, надо было отправить Джона или еще кого, чтобы забрали шкуру и тигрят у индусов. Незачем мне было высовываться, но было уже поздно. Имя мое было озвучено, а увязать имя Анны с моим, было делом нехитрым и совсем не сложным. Тем временем индусы с поклоном вошли в мою квартиру, приветствовали меня, сложив руки перед грудью, и, поставив свою ношу на пол, застыли в ожидании, глядя на меня все с тем же восторгом, который в данный момент не льстил моему самолюбию. Сунув им в руки, уж не помню, сколько-то денег, я наконец-то избавился от них и, сев на кровать, тупо смотрел и на тигрят в клетке из прутьев, и на шкуру, смотанную и перевязанную веревкой. Только один вопрос мучил меня:

– Что же теперь будет?

Чтобы как-то успокоить не на шутку расстроившегося п-ка, я предложил ему сигару.

Он с благодарностью принял ее и поспешил раскурить, делал он это очень тщательно и настолько долго, что я предположил, что он нарочно тянет время, давая себе возможность успокоиться. Выпустив очередной клуб дыма, Себастьян Моран взглянул на меня так, словно видел впервые, он не торопился отвести свой взгляд, он просто буравил меня своими глазами. Мне хотелось сказать ему, что это крайне невежливо смотреть так на человека, но потом подумал, что он и сам это знает, а взгляд - это просто испытание меня, своеобразный поединок. Думаю, он хотел понять, чего я стою, таким способом. Скажу честно, мне не совсем легко удалось выдержать этот взгляд, он пытался проникнуть в мое сознание, он просто лез ко мне в душу и надеялся поселить там страх.

Наконец, затянувшись в очередной раз и выпуская дым, п-к проговорил:

- Неплохо, сэр, можно сказать, что совсем даже хорошо.
- А вы, п-к, думали будет иначе?
- Что будет иначе?
- Уверен, мы поняли друг друга.
- С каждым разом мне все интереснее с вами, доктор
- Весьма польщен, сэр, но может быть, вы продолжите?
- Прошу прощения, вот только затянусь еще разок-другой и начну.

Затянувшись еще пару раз, п-к, как и обещал, продолжил свое повествование.

– Так вот... я сидел и думал, что же теперь будет, но сколько не думай, предугадать все невозможно. Я оставил лежать сверток со шкуркой, а сам направился в личный зоопарк губернатора, следом за мной шагал солдат с тигрятами в клетке. Найдя управляющего зоопарком, я попросил его пристроить малюток в его ведомстве. Управляющий был несказанно рад моему приходу. Оказывается, он только позавчера получил письмо от управляющего лондонским зоосадом с просьбой подыскать, по возможности, тигрят. Мой визит избавил его от множества хлопот по добыче этих животных, он долго меня благодарил и усаживал за стол, но мне было не до этого, откланявшись, я покинул его. Признаюсь, пока я шел к своей квартире меня посетила малодушная мысль:

– Может, мне самому отправиться сопровождать какую-нибудь почту? А за это время, может, все и успокоится?

Быстро отогнав от себя такие мелкие мыслишки, я решил зайти в казарму моего подразделения, чтобы отвлечься от бесплодных раздумий, но и там я не смог сделать это. Осматривая саму казарму, порядок в ней, внешний вид солдат, я снова и снова возвращался мыслями к сложившейся ситуации. Я решил отправиться в резиденцию губернатора, чтобы узнать, прибыл ли лорд Маутбетан. Там мне сказали, что ждут его приезда сегодня ближе к обеду. Из резиденции я оправился к себе на квартиру, где, как был одетый, лег в кровать и тупо смотрел в потолок. Я не боялся ни гнева

министра с его супругой, ни гнева губернатора, я просто отчетливо понимал, что мое общение с Анной будет прервано самым жестоким образом. Да и я был хорош! Как мог я подвергать такому риску ее жизнь! Этому не было оправдания в глазах ее родственников. Ближе к вечеру меня навестил Джон О*Тул.

– Разрешите, сэр, – спросил он, открывая дверь.

– Входи, Джон, присаживайся, – пригласил я его, не вставая с постели.

Джон сел на стул, стоящий у стола, вопросительно взглянул на меня, головой указывая на бутылку с виски, стоящую на столе. Я молча кивнул головой. Он наполнил два стакана, один протянул мне, а другой, недолго думая, опорожнил сам, крикнул, втянул носом воздух, и объявил:

– Только что прибыл министр по делам колоний, – выдохнув воздух, произнес он.

– Замечательно, – буркнул я.

– Сэр, если нужна моя помощь, вы всегда можете рассчитывать на меня.

– Спасибо Джон, а сейчас оставь меня, – попросил я его.

Джон молча встал и направился к двери.

– Погоди! – остановил я его, – неси свое зелье, я хочу забыться.

Джон внимательно взглянул на меня, но, ничего не сказав, вышел, и через небольшой промежуток времени вернулся со своим ранцем. На сей раз он не стал заваривать свое зелье в чашке для чая. Он достал толстую трубку с небольшой чашкой на одном конце, в которую и положил маленький шарик опиума. Повернул чашку к огню свечи и быстро начал втягивать воздух через трубку. Как только появился дымок, он передал трубку мне:

– Затягивайтесь и удерживайте дым в легких.

Последовав его совету, я затянулся и удержал дым в легких, это было очень нелегко, хотелось прокашляться, но я держался из последних сил. Наконец не выдержав, я выдохнул и закашлялся. Джон похлопал меня по спине, дал

хлебнуть приготовленного чаю и велел лечь и расслабиться. Как только я положил голову на подушку, меня начали посещать видения. Страхи перед предстоящей беседой с губернатором и прочими отступили куда-то очень далеко, а на их место выступила Анна, которая была в легком платье, ветерок обдувал ее, заставляя это платье облегать фигуру. Она шла мне навстречу, протягивая руки и улыбаясь. Ветер развеивал ее чудесные волосы. Я стоял и ждал ее приближения, замирая от восторга и счастья. Мы тонули с ней в объятиях друг друга, и я еще не был так счастлив никогда. Постепенно эйфория сошла на нет, и я уснул спокойным и глубоким сном.

Проснулся я отдохнувшим, и то ли я находился еще под действием опиума, то ли еще по какой причине, но я чувствовал свою готовность к разговору хоть с самим чертом, а не только с леди Маргарет. На столе стоял кувшин с горячей водой, приготовлено было полотенце и Джон О*Тул правил мою бритву.

– Доброе утро, сэр – приветствовал он меня. – надеюсь, вы в порядке.

– Доброе утро, мой ангел-хранитель.

Джон рассмеялся, и попробовал пальцем остроту бритвы, видно, счел ее недостаточной и вновь продолжил свое занятие. Покончив с бритвой, он предложил:

– Давайте приведем себя в порядок, сэр.

Я молча встал с кровати и сел в предложенный мне Джоном стул. Распарив мою кожу, О*Тул тщательно выбрил меня, потом полил мне на голову холодной водой и дал чистое полотенце. Наблюдая за мной, он одобрительно покачивал головой, а когда я закончил приводить себя в порядок, проговорил:

– Вот теперь, сэр, совсем другое дело.

– Спасибо, Джон!

– И вот что еще, сэр..., не стоит думать, что все пропало при какой-либо потере, крушении надежды или чего-то подобного. Поверьте из моего опыта, – жизнь ничем не

остановить, и уж если ты вздумал оседлать ее, эту жизнь, то лучше держать поводья, как можно крепче, сэр.

Я не стал благодарить его за совет, облаченный в философскую сентенцию, но про себя решил, что я оседлаю эту жизнь и никому не позволю выбить себя из седла. Единственная моя вина была в том, что я подверг риску жизнь племянницы министра по делам колоний, но в конце концов ни один волосок не упал с ее головы, и я дал бы разорвать себя на куски той тигрице, чтобы только не пострадал моя Анна.

– Моя Анна!? – вдруг подумал я, и тут же в голову пришла другая мысль, – а так ли все на самом деле? Ведь не было даже робких признаний! Но мы же были в объятьях друг друга, и никакие слова нам были не нужны! А дадут ли мне возможность после происшедшего во всеуслышание заявить: моя Анна!

– Вряд ли, – подумалось мне, – но я не отступлю!

Я направился в фехтовальный зал, там, быстро переодевшись, отправился на тренировку, где тренер занимался с двумя юными лейтенантами. Завидев меня, он воскликнул:

– А-а-а! Г-н Моран! Рад вас видеть. Вы пришли доставить мне удовольствие работой с вами?

К тому времени я уже выбрал эскадрон для себя, и совсем скоро прозвучало волнующее для всех фехтовальщиков «Ангард!» и начали чередоваться в хорошем темпе «батманы» и «туше». Мы уважали друг друга как противники, старались ни в чем не уступать друг другу: нападали и отступали, наносили колющие и рубящие удары, в конце запыхавшиеся, но довольные, мы отсалютовали друг другу своим оружием.

– Позвольте вас спросить, г-н Моран, – отдышавшись, спросил меня тренер, – почему вы так редко заходите ко мне? Ведь совсем немного тренировок, и вы будете просто недосыгаемы даже для меня, человека, посвятившего этому искусству всю свою жизнь.

– Тогда мне станет совсем неинтересно, – отшутился я.

Вышел я из зала с приятной усталостью в теле и более уверенным в себе. Мне уже хотелось быть вызванным к губернатору, я понимал, что этого не избежать, и теперь уже сам хотел поскорее покончить с этим. Я не дошел до своей квартиры, меня перехватил по пути посыльный из резиденции губернатора с приказом немедленно явиться, понятное дело, хорошее меня там ничего не ждало, но я вздохнул с облегчением и твердо направил свою поступь навстречу судьбе. Стоило мне войти в приемную, как секретарь губернатора, завидев меня, произнес:

– Входите, г-н Моран, вас ждут.

Войдя в кабинет, я увидел губернатора, стоящим у карты и внимательно разглядывающего ее, он походил на полководца, пребывавшего в раздумье, куда отправить свои войска, и ничто не говорило мне о том, в каком состоянии духа он находится. Я стоял у порога, стараясь даже дыханием не прерывать его занятия. Наконец оторвавшись от карты, он посмотрел на меня и произнес:

– М-р Моран..., надеюсь, вы знаете причину своего визита сюда?

– Догадываюсь, ваше превосходительство!

– Послушайте, майор, буду краток, мне нет дела до ваших шашней с кем бы то ни было.

У вас блестящий послужной список, вы отличный офицер, вверенное вам подразделение заслуживает только похвалы. Так как вы могли покинуть расположение гарнизона ради прихоти девчонки?

– Молчите! – пресек он мою попытку объяснить, – вы сможете в полной мере проявить свое красноречие в другом месте, сразу как только выйдете от меня. Вас ждет леди Маргарет, и скажу вам честно, я не хотел бы оказаться в вашей шкуре. Опять взглянув на карту, он продолжал:

– Домашний арест, как вы знаете, является наказанием для офицера за самовольную отлучку, но я думаю, что не буду наказывать вас подобным образом. Вы несколько

расслабились от жизни, далекой от военных действий, а посему я решил послать вас старшим в экспедиции по Индии, граничащей с Тибетом. У нас очень мало информации о тех краях. Очень много белых пятен на картах, которыми мы пользуемся, мы ничего не знаем о реках и ущельях в тех местах. Вам поручается произвести подробные топографические изыскания того района. Топограф, геодезист и картограф, прибывшие из Лондона, ждут, когда вы наберете команду для экспедиции и будете готовы отправиться в любую минуту. В ваших интересах собраться как можно быстрее.

– Количество людей, которых я могу задействовать, сэр?

– Думаю, двадцати человек, кроме перечисленных, вам должно хватить, майор, деньги на экспедицию получите у казначея, боеприпасы и продукты на первое время - у интенданта.

Выполняйте, майор, и пусть Господь хранит вас, ибо дело вам предстоит нелегкое.

Щелкнув каблуками и повернувшись, я направился к выходу, однако перед самой дверью меня остановил голос его превосходительства:

– Навестите леди Маргарет, майор, сделайте это прямо сейчас, и поймите меня правильно, это не просьба.

Замерев, я выслушал все, и не повернувшись, вышел за дверь. Секретарь встретил меня участливым взглядом.

– Да пошел ты к дьяволу! – подумал я про себя, и, хлопнув дверью, вышел. Мною уже начало овладевать знакомое мне возбуждение перед опасным делом, внутренне я уже начал собираться в дальнейшее путешествие, мысли мои уже вертелись вокруг личного состава, кого взять на это нелегкое дело, какой маршрут избрать и прочее. Я решил не откладывать визит к леди Маргарет. Доложив о себе, я отдал фуражку лакею, который меня и проводил к леди Маутбеттан. На горячий прием я и не рассчитывал, но и то, как меня встретила почтенная леди, превзошло все мои ожидания.

Эта дама не сочла нужным даже повернуться в мою сторону, раскладывая пасьянс за ломберным столиком! Не поприветствовав, она сразу перешла в наступление:

– Объясните, г-н Моран, как вам пришла в голову идея потащить за собой на охоту мою племянницу, м-с Хогарт? Я уверена, что вам пришлось приложить немало усилий, чтобы уговорить ее на эту сверхопасную авантюру.

Мне стало понятно, что для всех постараются сделать виновным меня. Но я не хотел так просто отступить, а уж делать из себя виновника тем более. Безусловно, переключать свою вину на Анну я не собирался, но и позволить кому бы то ни было вести разговор с собой таким образом я позволить не мог, а потому я сухо заметил:

– При всем моем уважении лично к вам и вашему супругу, миледи, я бы попросил вас о следующем:

– Не соблаговолите ли вы повернуться ко мне лицом, ибо привык я смотреть в спину только своим убегающим врагам.

Я видел, как застыли ее руки над ломберным столиком, как напряглись ее затылок и спина. Это длилось мгновение, затем повернувшись всем корпусом ко мне, она в упор посмотрела мне в глаза пронизывающим взглядом, надеясь сразить им наповал, но не тут-то было, я выдержал ее взгляд, и мало того, она первой потупила свой взор. Одержав эту маленькую победу, я продолжил:

– Надеюсь, вы понимаете, что я питаю чувства определенного толка к вашей племяннице, это и только это побудило меня устроить для нее охоту, но будьте уверены м-м, что ни одному зверю в мире я ни за что не позволил бы прикоснуться к ней даже кончиком хвоста. Я понимаю, что сейчас совершу огромную дерзость, но все же я прошу руки вашей воспитанницы.

Леди Маргарет в изумлении смотрела на меня. Наверняка она рассчитывала на то, что я униженно буду просить прощения, а тут она встретила такой напор и натиск с моей стороны!

– Вы отдаете отчет своим словам? Уж не пьяны ли вы?

– Я абсолютно трезв и нахожусь в здравом уме, м-м, и еще раз повторюсь. Я прошу у вас руки м-с Анны Хогарт!

– Об этом не может быть и речи! М-с Хогарт нужен человек, уравновешенный в своих поступках и спокойный в мыслях. Что может получиться из союза двух сумасбродов?

– Попрошу не отзываться так в моем присутствии о м-с Хогарт!

– Пока я являюсь опекуном м-с Хогарт, этому не бывать! – как отрезала леди Маргарет.

– К счастью, это продлится не так уж долго, а я терпелив, сударыня, - начал я откровенно дерзить. Она просто вывела меня из себя своим видом вседержательницы.

– Я сегодня же попрошу губернатора засунуть вас в самую дальнюю дыру Индии

– Вы несколько опоздали, м-м, я уже послан в такую командировку...

– Желаю вам благополучно свернуть себе шею, майор, – перебила меня эта злобная фурия.

– Вряд ли вы дождетесь этого, я выйду отовсюду целым и невредимым, ибо мне предстоит жениться на вашей племяннице, а до тех пор я попрошу вас, миледи, как следует следить за моей невестой.

– Вон! Даже не прокричала, а прорычала эта почтенная матрона. Кто бы мог подумать? Я вышел не раскланявшись, опять же хлопнув дверью.

– Хоть бы это была последняя дверь на сегодня, которой мне пришлось хлопнуть, – подумал я про себя. Я покидал апартаменты министра злой, но очень и очень приободренный, вследствие того, что я впервые сказал вслух о своих чувствах к м-с Хогарт, а главное, я понял, что это моя цель, - жениться на Анне, надо было только запастись терпением. В себе я не сомневался.

– А как Анна? – эта простая мысль поразила меня громом, – а она сможет запастись терпением и ждать меня эти годы? Спросить ее напрямую я уже вряд ли бы смог, после сегодняшней беседы с леди Маргарет увидеться с Анной

у меня бы не получилось. Что же делать? Отправить ей записку через слуг? Не получится! Наверняка она находится под неусыпным контролем. Райан! Вот выход! Добравшись до своей квартиры, я отправил посыльного к своему другу с просьбой посетить меня, как можно скорее. Пока не пришел Райан, я писал записку Анне, которую собирался передать ей через него. В записке говорилось о моей любви к ней, и что ради нее я готов перенести все невзгоды предстоящей разлуки, и, конечно же, спрашивал, согласна ли она ждать меня. Запечатав письмо, я стал с нетерпением дожидаться родственника Анны, своего друга, единственную надежду по передаче весточки своей любимой. Ожидание, по счастью, не продлилось долго, совсем скоро в дверь постучали и на мое приглашение войти, дверь распахнулась, и на пороге появился мой друг

– Что случилось, Себастьян? – сразу спросил он.

– Уверен, что ты догадываешься, – откровенно заявил я ему.

– Признаться, да. Так чего же ты хочешь от меня?

– Только ты можешь мне помочь.

– Чем, дружище?

– Многого не попрошу, – произнес я и внимательно посмотрел на него.

– Проси, – без колебаний ответил Райан.

– Я не сомневался в тебе, – облегченно вздохнув, начал я, – передай, пожалуйста, м-с Хогарт небольшое письмо от меня. Конечно же, сделать это надо, не привлекая к себе внимания.

– Это письмо никоим образом не скомпрометирует ее?

– Нет, – ответил я, и вкратце пересказал суть послания.

– Мне достаточно было твоего слова, Себастьян, незачем было пересказывать содержание. Где оно?

Я вручил ему письмо со словами:

– Райан, если вдруг будет возможность, то пусть м-с Хогарт напишет ответ.

– Этого, как ты понимаешь, я обещать не могу.

– Понимаю, что говорю глупость, но...

– Я сделаю все, что в моих силах, – пожал мне руку Райан, и вышел из квартиры.

Мои личные переживания не освобождали меня от обязанностей по службе. Мысли о предстоящей экспедиции начинали овладевать мною. Я представлял себе все сложности, связанные с выполнением поставленной передо мной задачи. Разложив на столе карту, я смотрел на область Индии, граничащую с Тибетом, там было предостаточно неизведанных мест, и что там могло нас ожидать, не ведал никто. Только в одном я был твердо уверен, в том, что вместе со мной отправится и Джон О*Тул, за которым я уже отправил посыльного. Джон, как всегда, не заставил себя ждать долго, и уже совсем скоро мы вместе вглядывались в карту.

– Дело предстоит нелегкое, сэр, – с сомнением качал головой О*Тул.

– Вижу, Джон, вижу, – и, оторвав взгляд от карты, спросил:

– Уж не боишься ли ты, друг мой?

– Я ценю ваше чувство юмора, сэр, но давайте вернемся к карте.

– Да ты никак обиделся? – продолжал я свое.

Настроение мое было приподнятое, несмотря на отсутствие известий, ожидаемых от Райана, но что-то говорило мне, что явится он непременно с чем-то хорошим.

– Ладно, Джон, ты, безусловно, прав, – настроился я на серьезный лад, – зная тебя, я подумал, что ты уже подобрал мысленно в голове людей, с которыми мы двинемся в путь?

– Есть у меня дюжина парней, с которыми я бы отправился не только к Тибету.

– Понадобится чуть меньше двух дюжин, и лучше бы, чтобы остальные были не хуже той дюжины, Джон, что ты держишь в голове. Как тебе наш лейтенант Скотт?

– Он сопровождал с ребятами пару раз диппочту, сэр, и те, кто с ним были в этих поездках худого про него ничего не

говорили, но все же, как бы это сказать, хрупкий он что ли для таких дел.

– А мне, признаться, он симпатичен. Думаю, что следует взять его с собой.

– Оставьте его на роте, сэр, здесь от него толку будет больше, он только-только начал втягиваться в эту службу и срывать его будет нецелесообразно.

– Пусть будет по-твоему. Тогда Гриммерса можно будет взять.

– Это сержант стоит первым в моей дюжине. Сметливый малый, доложу я вам.

– И еще, Джон, желательно, чтобы все отлично понимали, на что они идут, и если бы согласились, то не из-под палки. Одним словом, мне нужны добровольцы.

– Ясно, сэр.

– На сегодня ты свободен, то есть я хотел сказать, что свободен ты на сегодня от общения со мной, но не от обязанностей по формированию личного состава для экспедиции. Иди и начинай проводить работу с личным составом, но помни: нам нужны только добровольцы, понимающие, на что идут.

– Есть, сэр! – козырнув, ответил Джон.

Я опять в одиночестве стал смотреть на карту, мысленно прокладывая маршрут. Это мое занятие было прервано приходом Райана. Стоило ему показаться в дверях, как я накинулся на него с расспросами:

– Ты видел ее? Как она? Ее держат взаперти? Она ответила на письмо?

– Не все сразу, г-н майор, – остудил мой пыл Райан, – начну по мере поступления вопросов. Я виделся с ней, но тетушка старается держать ее в поле своего зрения, и если не подслушивает, то мимику отслеживает. Анна держится молодцом, она не заперта, как ты уже понял, а ответ на твое письмо я принес в устной форме.

– Да не тяни ты! – воскликнул я.

– Дословно это звучит так... дай Бог памяти, – закатив глаза, якобы вспоминая, нарочно дразнил меня мой посланник.

– У тебя есть заместитель в твоём подразделении!? – с шутливой угрозой спросил я его. Я уже понял, что вести он принес хорошие, и поддержал его игру таким образом.

– Только из опасения оставить своих солдат осиротевшими, я скажу тебе все, что велела передать тебе моя кузина, только не приближайся к револьверу и сабле, это мешает восстановлению моей памяти.

– Ну все, – воскликнул я и сделал движение к коврику, на котором висел мой дамасский клинок, – этой саблей я поразил тигра, а теперь она поможет мне освежить твою память!

– Замри и не двигайся, влюбленный нетерпеливец! Ибо я утеряю все сказанное твоей возлюбленной!

Мы были молоды и не упустили возможности повеселиться.

– Повинуюсь! – склонил я голову.

– Итак, велено тебе передать, ... что же все-таки было велено передать-то? – опять начал он, но, посмотрев на меня, продолжил:

– Ты достоин снисхождения, смертный, и я не буду тебя мучить, велено тебе передать, что готовы ждать тебя хоть целую вечность!

Боль в моем боку не исчезла до конца, но несмотря на нее, я кинулся обнимать кузена Анны. Вырвавшись из моих объятий, Райан спросил:

– Ну что? Доволен?

– Еще бы! Спасибо тебе, дружище.

– Не стоит, Себастьян! А скажи-ка ты мне лучше, чем ты вызвал такую неприязнь со стороны тетушки Маргарет. Я подозревал, что она будет настроена против тебя, но чтобы до такой степени!

– Просто не позволил ей разговаривать со мной как с нашкочившим мальчишкой.

– Теперь ясно. Хотя ты дал ей понять, что не всегда возможно говорить с людьми в привычной для нее оскорбительной манере. Позволь пожать твою руку.

Обняв меня, он сказал:

– Знаешь, а я совсем не прочь с тобой породниться.

– Спасибо, Райан, – с чувством произнес я.

Заметив на моем столе карту, он подошел к ней поближе, увидел пометки, сделанные на ней моею рукой, покачал головой и сказал:

– Так вот какую дыру имела в виду тетушка, когда вскользь обмолвилась о том, что тебя ждет какая-то командировка. Не расскажешь ли мне подробнее об этом?

Меня никто не предупреждал о секретности этой экспедиции, и я счел возможным вкратце посвятить его в смысл поставленной передо мной задачи.

– Однако нелегкое дело тебе предстоит. Злобный человек тетя Маргарет.

– Твоя тетя здесь ни при чем, это губернатор для моего блага старается, якобы в этой экспедиции блажь покинет мою голову, и я посмотрю на жизнь иначе.

– Ну что ж, может он и прав, на жизнь ты точно посмотришь иначе, если, конечно, не расстанешься с ней.

– Выпьешь со мной Райан?

– К сожалению, не могу.

Как мне ни хотелось его отпустить, но и у меня были дела, времени до отправки оставалось все меньше. Проводив своего друга, я опять засел за карту, постепенно у меня стал вырисовываться наиболее удобный маршрут. К утру у меня в общих чертах план продвижения экспедиции был готов, большая часть пути проходила по хорошо известным дорогам и шла мимо населенных пунктов, во многих из которых стояли наши войска, и было английское управление. С документом, выданном мне губернатором, сложным назвать его было трудно, он гласил о том, что в пути мне все должны оказывать помощь и содействие. А вот ближе к Тибету нас ждала практически неизведанная страна. Не так давно

было подавлено восстание сипаев, и подавлено оно было несколько более жестоким образом, чем было нужно, я был уверен, что часть повстанцев, скрываясь от гнева метрополии, направилась туда и не преминула рассказать тамошним жителям о подавлении восстания, разумеется, приукрасив события, обеляя себя и расписывая нас самыми черными красками. Меня беспокоило то, что наша экспедиция будет не похожа на летучий отряд, приборы геодезиста, топографа и картографа будут мешать нашему быстрому передвижению в случае опасности, придется полагаться на воинский опыт своих людей и на верность их глаза при стрельбе. Я был молод, но уже закален духом, мне не раз и не два приходилось смотреть смерти в глаза, и до сих пор я с честью выдерживал ее взгляд. Служба в Индии была очень нелегким делом для европейца, людей косила лихорадка и малярия, они погибали в многочисленных войнах и стычках. Каждый три года личный состав уменьшался ровно на треть, это был естественный отбор по сэру Дарвину. В живых оставались только самые выносливые, мужественные, и, наверное, хитрые, поверьте, м-р Ватсон, хотя вы-то должны это знать лучше меня, ведь вы служили полковым лекарем в колониальных войсках, не так ли? – обратился п-к ко мне.

– Доктором, г-н Моран, – поправил я его, – доктором.

– Не обижайтесь, доктор, – слегка смутился п-к, – я не хотел вас обидеть, просто сорвалось с языка то слово, которым между собой называют докторов простые солдаты.

– Спасибо, что не сорвалось слово «коновал», - поблагодарил я п-ка с известной долей язвительности, – и такое слово иногда по отношению к докторам используют солдаты.

– Все-таки обиделись, сэр – разочаровано протянул Себастьян Моран

– Не обращайтесь внимания, п-к – успокоил я его, – это ненадолго. Прошу вас, продолжайте.

– Так вот, когда я вышел к людям, которых отобрал Джон О*Тул, и построил для смотра сержант Гриммерс, то увидел двадцать одного солдата далеко не первого года службы. Это

были люди, которые прослужили в колониальных войсках с их жесткой дисциплиной и непомерными трудностями не менее пяти лет, у большинства на груди висели награды за доблесть и мужество. Это был народ, возрастом ближе к сорока годам, как раз в этом возрасте мужчина становится мудрее, уходит безвозвратно бесшабашная юность, и на смену ей приходит рассудительность вместе с осмотрительностью и осторожностью. Именно в этом возрасте солдат, доживший до него, становится солдатом, он знает цену жизни, и при этом не так боится смерти, он отнимал чужие жизни и не раз рисковал своей. Я не стал расспрашивать каждого в отдельности, что побудило его решиться на эту поездку в неизведанные края, возможно, кому-то надоело торчать в гарнизоне и подвергаться неизбежной, практически ежедневной муштре, возможно, кто-то хотел подзаработать денег, ведь за успешное окончание командировки было обещано вознаграждение. У каждого были свои причины, а в душу к англичанину лезть нельзя, особенно солдату, душа солдата, как и его мундир, застегнута на все пуговицы, и не всякому он раскроет ее, да мне и не особо были важны их побуждения.

– Сержант!

– Есть, сэр – подал голос Гриммерс.

– А где наши гражданские?

– У себя по квартирам, сэр.

– Вы разве не передавали им мой приказ быть на построении и осмотре?

– Передавал, сэр!

– И где же они, позвольте вас спросить? Почему не в строю?

– Не могу знать, сэр!

– Немедленно в строй их. А вам по возвращении пять суток гауптвахты за недолжное отношение к своим обязанностям.

– Слушаюсь, сэр – козырнул Гриммерс,

– Рядовой Бабкок!

– Есть, сэр – откликнулся тот.

– Быстро за нашими учеными.

Бабкок, как я понял, был самым легким на подъем. Пока не пришли наши гражданские, я осмотрел обмундирование и оружие своих людей. Я понимал, что это было лишним, и, что каждый из них со всей ответственностью отнесся к своей личной экипировке, дорога предстояла дальняя. К тому времени подоспел и Бабкок с мужами от науки. Они с явным неудовольствием встали в строй. Дождавшись, когда они хоть как-то выровняются, я предложил им представиться. Первым оказался геодезист. Вид он имел достаточно бодрый, а загар на его лице говорил о том, что бывал он и раньше в колониях его величества.

– Джек Аттвуд, геодезист, – представился он.

Я стоял и молча смотрел на него в ожидании, что он добавит «сэр», но он спокойно выдержал мой взгляд, судя по нему, паузу он держал бы до бесконечности, а поскольку он был гражданским, то идиотом в конце концов выглядел бы я. Выходя из неловкого положения, я еще раз окинул взглядом его пробковый колониальный шлем с двумя козырьками и сеткой, прикрывавшей шею, френч полувоенного образца и добротные башмаки.

– Бывали в колониях ранее? – поинтересовался я.

– В Африке, Занзибаре, – опять без добавления «сэр».

Его немногословность и уверенный взгляд не могли не imponировать, и я перешел к следующему. Это был невысокий упитанный мужчина возрастом ближе к пятидесяти. Его красноватый в прожилках нос, пивной животик выдавали любителя вкусно покушать и с удовольствием выпить. Такие люди обычно бывают безобидны, в трудные минуты их чувство юмора способно поднять настроение всей команде. Одет он был примерно так же, как и геодезист, хотя френч на нем сидел несколько нелепо. Его скорее можно было представить в неряшливом сюртуке и где-нибудь в лондонском пабе, нежели в такой форме в Индии.

– Одли. Джек Одли. Топограф, – представился он.

Глупо было дожидаться от него добавления «сэр», поэтому я сразу поинтересовался:

– Бывали в колониях?

– Имел честь работать на Кипре, – произнес он и тяжело вздохнул, видно, вспоминая пыльных гречанок и молодое вино.

Я молча кивнул и перешел к оставшемуся ученому мужу. Это был худой, и желчный с виду человек, худоба увеличивала зрительно его рост. Одет он был в цивильное платье, поношенное, но аккуратное и чистое. Поймав мой взгляд, он произнес:

– Артур Берч. Картограф.

– Работали в колониях?

– В этом не было необходимости, – ответил он, и, заправ нос, продолжил:

– Я правил карты в Королевском обществе.

Особого желания продолжать с ним беседу не было, и я, отойдя от него, вновь встал перед строем и, обращаясь к солдатам, спросил:

– Джентльмены! Все ли вам ясно по существу нашей экспедиции? Есть ли ко мне вопросы?

– Никак нет, сэр! – гаркнули они в один голос.

– Сержант Гриммерс!

– Есть, сэр!

– Еще раз проверьте амуницию личного состава, а также лошадей, все ли они подкованы и готовы к походу. Завтра на рассвете выдвигаемся, – сказал я, – и еще, проследите лично за тем, как загружены ослы оборудованием наших гражданских членов экспедиции.

– Есть, сэр.

– Личному составу отдыхать.

– Есть, сэр, – гаркнул личный состав.

– Вас попрошу остаться, господа, – повернулся я к гражданским, те в недоумении переглянулись.

– Я не стал подрывать ваш авторитет перед рядовым

составом, но я как начальник этой экспедиции, – я подчеркнул слово «начальник», – хочу, чтобы мои приказы выполнялись беспрекословно. И если я сказал, чтобы вы были на построении и осмотре, то это означает то, что вы должны были встать в строй вместе со всеми, а не дожидаться отдельного приглашения, сидя по своим квартирам.

– А не кажется ли вам, сэр, что вы слишком молоды для того, чтобы нам приказывать, – подал голос желчный картограф Артур Берч.

– Нет, сэр, не кажется, и не кажется по многим причинам, и совсем скоро вы поймете, что находитесь не в архивах Лондонского королевского общества, а несколько в иных условиях, и дай Бог, чтобы вы это поняли раньше, чем потеряете жизнь, сэр, – и очень жестко добавил, – вам лично это ясно, сэр?

– Есть, сэр, – невпопад ответил обескураженный картограф.

– Вот и отлично. Надеюсь, джентльмены, мне не придется завтра с утра посылать за вами?

– Никак нет, сэр, – в шутку гаркнул м-р Одли, чем слегка смягчил неловкую обстановку.

– На сегодня можете быть свободны, но я настоятельно рекомендую вам, м-р Берч, экипироваться должным образом, то есть сменить одежду на более удобную и подходящую. Всем еще раз проверить, все ли вы захватили в дорогу. Откозыряв, я и сам отправился готовиться в путь. Придя домой, я быстро упаковал все необходимое для путешествия, отправил все это с посыльным О*Тулу, который знал, как поступить со всем этим, и сел писать письма. Кузенов и кузин своих я практически не знал, поэтому письма мои были только двум адресатам: Анне и отцу. Анне я писал, что завтра уезжаю, что невероятно буду скучать по ней, и что буду ждать нашей с ней встречи.

Отца в своем письме я ставил в известность, что убываю в командировку, и известий от меня некоторое время не будет. Просил его также не беспокоиться и уверял, что ничего

страшного со мной не случиться. Несмотря на суровый вид моего отца и достаточно жесткое прививание мне дисциплины с самого юного возраста, я питал к нему настоящую сыновнюю любовь и огромное уважение. Старик честен, справедлив и умен. Исходя из своего огромного жизненного опыта, он давал мне очень верные советы и наставления, за что я всегда был ему благодарен, и что греха таить, иногда я очень скучал без него. Одно из написанных мною писем с посылным отправил в канцелярию, чтобы оттуда его переправили моему отцу, а с другим я отправился в офицерский клуб, где надеялся застать Райана, чтобы он при случае вручил еще одно послание от меня Анне. Райана я застал в клубе за игрой в карты, не отвлекая его, я занял свободный диван и попросил свежую газету, понятие свежести было очень условным, газеты доходили до нас с задержкой примерно в месяц. Я не большой любитель прессы, поэтому бегло просматривал принесенную мне газету и вполглаза наблюдал за игроками. Раздался возглас Райана:

– Джентльмены, я чист, – и это означало, что он проигрался и покидает компанию.

Я помахал ему рукой со своего места и он, увидев мой жест, направился ко мне.

– Много проиграл? – поинтересовался я

– Не очень, – махнул он рукой с деланной беспечностью.

По его расстроенному лицу я понял, что он лукавит. Место за игровым столом, освобожденное Райаном было свободно, и я поспешил его занять, попросив друга дожидаться меня непременно. Подойдя к столу, я поприветствовал присутствующих и попросил принять меня в игру.

– С каких пор вы пристрастились к картам? – спросил капитан Эртон, гусар, – ранее вы не баловали нас своим присутствием за этим столом.

– Завтра мне предстоит дальняя командировка, – посмотрев в сторону капитана, сказал я, – вот и решил, что, может, мне повезет, как новичку, а деньги в дороге лишними не бывают, как вы знаете.

– Ну что ж, милости просим, – доброжелательно произнес гусар, – заодно еще раз проверим истину, так ли уж в самом деле везет новичкам.

Мне действительно везло, я даже не применял ни единого трюка, которым меня обучал Джон О*Тул. Карта сам шла мне в руки. Держал ли в руках колоду я или кто-то из игроков, карта все равно шла мне. Поначалу все с некоторой долей юмора относились к моим выигрышам, но постепенно, раз за разом, когда банк начинал увеличиваться, шуток за столом становилось все меньше. Напряжение росло по мере того, как рос банк, который держал капитан Эртон. В банке была уже приличная сумма, и, уловив ажиотаж за нашим столом, стали подходить другие офицеры, они стояли молча и наблюдали за игрой. Гусар держал банк последний круг, уже несколько сотен фунтов лежало на столе. И мне никак не хотелось, чтобы эти деньги, а среди них были и деньги Райана, ушли к нему. Оставалось только рисковать, и я, прикинув приблизительно, что у меня было в карманах и в банке, решил пойти ва-банк.

– На все, – кинул я короткую фразу.

– Не бойтесь, майор? – спросил банкومت, – для первого раза вы и так в выигрыше, можете уйти после игры в прибылях.

– Я сел испытать судьбу, а не за парой фунтов, сэр, – может быть чуточку резче, чем требовалось, ответил я.

– Ваше право, сэр, – безразлично сказал Эртон, – так на все?

– Да.

– Держите карту.

За столом и вокруг него повисла тишина, банкومت и я понимали друг друга без слов, в ответ на мой взгляд он кидал мне карту и продолжал вопросительно ждать следующий призыв. Взяв последнюю карту, я понял, что банк я сорвал, но мне вдруг захотелось немного поиграть на нервах присутствующих, я обвел мутным взглядом зевак, затем игроков и остановился на банкомете, точнее, на его руках. Верите, док-

тор, но я заметил едва заметную дрожь в пальцах его левой руки, именно ею он держал колоду. Вряд ли кто еще увидел то, что увидел я. В глазах его стоял алчный блеск, тусклый, видимый только мне, скорее всего я даже не увидел его, а почувствовал. Он уже ждал, что я молча брошу карты на стол и с убитым видом начну подниматься из-за стола, но я положил карты на стол рубашкой вниз. И все увидели выигрышную комбинацию. Вдохнули разом все присутствующие, у банкмета выпала колода из рук, он с ненавистью взглянул на меня.

– Что-то уж слишком везет новичку, – сделав акцент на слове «везет», выдавил он из себя.

Я решил не обращать внимания на этот его выпад.

– С вашего позволения джентльмены, – потянулся я к деньгам.

– Вы уверены, майор, что эти деньги облегчат ваш путь? – с определенной интонацией произнес он.

– Прошу прощения, капитан, если не угодил вам своим выигрышем, – я все еще не хотел конфликта, но капитан был настроен иначе.

– Такой выигрыш мне и правда неугоден.

– Выигрыш одного всегда неприятен другому, – пытался я все же сгладить ситуацию.

– Вы обвиняете меня в жадности? – вскричал капитан Эртон, – и это после того, как вы сами обманом сорвали банк!?

– Бог свидетель, капитан, что это не так, – отрываясь от денег и смотря ему в глаза, я продолжал, – я всячески старался избежать скандала, но вы этого так и не поняли.

– Я так понял, вы вообще мастер избегать трудностей, – ухмыльнувшись, с издевкой сказал капитан, – мне не понятно, за какие заслуги вы получили майора в таком возрасте, сидя в гарнизоне и избегая вылазок к неприятелю. Или убивая с дерева тигров, вы заслужили это звание?

Это уже было слишком.

– Надеюсь, среди присутствующих найдется пара ваших друзей, готовых стать секундантами, – сказал я и, повернувшись к Райану, – м-р Остин, окажите мне честь?

– Безусловно, сэр, – с готовностью ответил тот.

Присутствующие пытались уговорить нас, взывая к здравому смыслу, я готов был свести на нет этот скандал, если гусар извинится, о чем и сообщил ему и всем остальным.

– Вы и тут пытаетесь избежать... – со смехом воскликнул он.

– Все! Хватит! – ударил я по столу кулаком, – мы будем драться немедленно! Выберите себе секунданта и удалимся куда-нибудь, где нам никто не сможет помешать.

Капитан поднялся и с ним встал один из игроков, тоже гусар.

– Вы будете секундантом моего противника? – спросил я его.

– Да, сэр, если с вашей стороны не поступит никаких на то возражений.

– Отлично, – сказал я, соглашаясь, – поскольку оскорблен я, то за мной выбор оружия, и пусть это будут сабли.

– Не забывайте, майор, я гусар! – вдруг проявил он благородство, – может, выберите другой вид оружия?

– Спасибо, сэр, но прошу вас не беспокоиться о моем выборе.

– Ты хорошо подумал, Себастьян? – шепнул мне на ухо Райан, – гусары - рубаки еще те.

В ответ я кивнул ему головой и направился к выходу, следом за мной шагал Райан, а за нами оба гусара.

– Джентльмены! – обращаясь к нам, сидя уже в седле, сказал секундант моего противника, – я знаю место, где нам никто не сможет помешать.

– Указывайте дорогу, сэр.

Теперь уже гусары двигались впереди, а мы следовали за ними.

– Сколько ты проиграл, Райан? – спросил я ехавшего рядом друга.

– Зачем это тебе сейчас, – изумился тот.

– Хочу отдать тебе эту сумму, а оставшуюся, если что пойдет не так, отправь моему отцу.

– Брось! Все будет хорошо!

– Надеюсь, но все-таки... и вот еще что, – достал я из внутреннего кармана письмо Анне, – при любом исходе, прошу тебя, передай это м-с Хогарт.

– Будет сделано.

Гусары привели нас на большую поляну, совсем неподалеку от города. Сняв кители, мы оба остались в одних белых рубашках. Вытянув свою саблю из ножен, мой противник со свистом, от одного плеча, а потом от другого, рассек воздух. Я проделал то же самое и секундант противника спросил нас обоих:

– Готовы, джентльмены? – и увидев утвердительные кивки, – Ангард!

Прервав рассказ, п-к взглянул на зарешеченное окно под потолком и воскликнул:

– М-р Ватсон, а за окном-то уже темно! Должен вам сказать, сэр, что слушать вы умеете, как никто, мне бы уже давно надо остановиться, но я потерял за рассказом контроль над временем, а вы еще и не кушали сегодня!

– Так же, как и вы, господин п-к.

– Я не веду такой размеренный образ жизни, какой ведете вы, уже очень давно, и не поесть целый день мне не в новинку, а вы, поди, голодны?

– Признаться, да, п-к, но не настолько, чтобы прерывать ваш рассказ.

Себастьян Моран замахал руками, и быстро заговорил:

– Нет, нет! Что вы! Я не допущу, чтобы мой единственный слушатель терпел из-за меня голод. Собирайтесь, сэр, и идите ужинать. Завтра я непременно дорасскажу вам, как прошла дуэль, а сейчас не смею вас более задерживать, и крикнул:

– Констебль!

Провернулся ключ в замке, открылась дверь и показалась голова полисмена в каске.

– Прошу вас, – обратился я к нему, – подождите минутку, – и уже п-ку:

– Вы не слишком утомляетесь во время нашего общения?

– Что вы, доктор, ведь я же о вас пекусь, – и добавил, лукаво усмехнувшись, – если честно, то сегодня я хотел еще засветло продолжить работу над своими рисунками.

– Хорошо, п-к, значит, до завтра?

– Да, сэр, я буду вас ждать здесь, хотя с удовольствием и сменил бы место наших встреч.

Вежливо улыбнувшись на его незамысловатую шутку, я удалился. Выходя из камеры, я вспомнил, что хотел обязательно навестить, после свидания с п-ком, инспектора Лестрейда и поведать ему о неудачно оброненной полковником фразе о том, что не даст себя больше никому поймать.

Инспектора не оказалось на месте, и я, решив навестить его завтра с утра, о чем уведомил его помощника, отправился на Бейкер-стрит. Зайдя в квартиру, я услышал игру Холмса на скрипке, он играл что-то из Паганини. Музыка была возвышенной, и я подумал о том, что у моего друга хорошее настроение. Оно могло быть связано с окончанием его химических опытов по определению почвы из различных мест методом быстрого тестирования. Я осторожно прошел в комнату, стараясь не отвлекать своего друга от его занятия, к слову сказать, играл Холмс очень хорошо. Закончив, он опустил скрипку и, увидев меня, воскликнул:

Ватсон! Давно ли вы здесь, друг мой!

– Достаточно долго, Холмс, чтобы понять, что вашу статью приняли в журнал Лондонского королевского общества.

– Bravo, Ватсон! Но все же интересно, как вы догадались об этом?

– Начнем с того, что последние вечера вы полностью посвящали своим опытам, и с каждым разом лицо ваше

было все более оживленно, из чего я сделал вывод о том, что опыты ваши продвигаются успешно. Ну а вчера, спросив м-с Хадсон, куда вы убыли так рано, я получил ответ: «М-р Холмс решил навестить Лондонское королевское общество». Рассказывая все это Холмсу, я постарался передать интонацию м-с Хадсон и, видно, мне это удалось, если судить по смеху, который я вызвал у своего друга, – так я далек от истины, сэр?

– Нет, Ватсон, вы попали в точку, еще раз повторяюсь, сказав вам, что вы обладаете способностями к дедуктивному методу, – и не возвращаясь более к этому, Холмс спросил: – Ну, что нового поведал вам п-к Моран?

– Да как вам сказать, Холмс, – я немного интриговал, проговорив это, – вроде все те же рассказы о его любовных переживаниях, да о сборах в поездку к Тибету, но была одна неосторожная фраза с его стороны.....

Я видел что Холмс достаточно заинтригован, и не торопился говорить дальше, тщательно раскуривая свою трубку.

– Мне кажется, Ватсон, что вы заразились привычкой своего друга, Себастьяна Морана, прерывать рассказ на самом интересно месте, – язвительно заметил Холмс.

Не выдержав задуманной паузы, я рассмеялся точному замечанию моего друга, и, попросив прощения, продолжил:

– П-к Моран сегодня обронил фразу, которая, как я думаю, заинтересует вас и нашего друга инспектора, он сказал, что никогда больше не предоставит вам возможности изловить его.

– Мой бог! – воскликнул Холмс, – неужели он сбежит, и мне снова придется отправиться в путешествие на три года! Ну уж нет! Вы рассказали Лестрейду об этом?

– Я не застал его на месте, но сделаю это с утра.

– Обязательно, Ватсон! Обязательно! И скажите ему, чтобы он удвоил усилия по охране этого старого лиса. Мне кажется, инспектор не понимает до конца, кто содержится у него под стражей.

– Мне кажется, Холмс, что с по-ка глаз не спускают.

– Вот Ватсон, вы тоже недооцениваете этого убийцу. Неужели вы думаете, что п-к, этот хладнокровный охотник, что бы там ни было отличный вояка, и обладатель несметных сокровищ, с его слов, пойдет спокойно на виселицу и не постарается ее миновать, сбежать из-под стражи!? – и сам себе отвечая, великий сыщик воскликнул:

– Не верю!! Обязательно постарается ускользнуть, ведь если ему верить, то рисковать у него есть ради чего.

– Я думаю, что вы несколько преувеличиваете возможность побега Себастьяна Морана.

– Я первый порадуюсь своему заблуждению, но боюсь оказаться правым. Все же не забудьте завтра предупредить инспектора Лестрейда.

– Конечно, Холмс, сразу по прибытии в участок навещу нашего друга.

– Будем надеяться, что он предпримет должные меры.

С тем мы и расстались, пожелав друг другу спокойной ночи.

С утра, как только я вошел в участок, сразу направился к инспектору Лестрейду. К счастью, он оказался на месте, как всегда вскочив из-за стола с радостным возгласом:

– А, доктор Ватсон, – он направился ко мне и услужливо пододвинул стул, предлагая присесть. Поблагодарив инспектора, я поудобней расположился, и только приготовился начать свой рассказ, он перебил меня:

– Мой помощник сказал мне, что вчера вы искали меня, доктор, к сожалению, служба требовала моего присутствия в другом месте, – с важностью сказал он – так, с какой целью вы искали меня, м-р Ватсон?

– М-р Лестрейд, вчера п-к Моран случайно обронил фразу, которая заинтересовала своим тайным смыслом меня и моего друга, я счел своей обязанностью довести ее до вашего сведения.

– Так что же там такого сказал г-н Моран? – опять перебил меня инспектор.

– А сказал он следующее: никогда больше не дам возможности изловить меня кому бы то ни было.

– К чему это он? – сдвинул брови инспектор.

– Наш с вами друг, м-р Холмс, думает, что п-к готовит побег.

– Ну уж на сей раз наш друг видит опасность там, где ее нет, – рассмеялся м-р Лестрейд, – вы сами, доктор, имеете возможность каждый день видеть, под какой охраной находится арестованный.

– Я так ему и сказал, но все же он просил передать вам, чтобы вы усилили меры по его охране.

– Успокойте нашего друга, доктор, – самодовольно улыбнулся Лестрейд, – п-к Себастьян Моран в надежных руках. Так и передайте м-ру Холмсу. Что-либо еще интересного, на ваш взгляд, пока не сказал полковник?

Я понял намек и поспешил откланяться, уже закрывая дверь, я услышал, как инспектор говорит помощнику:

– Нет! Вы слышали? Великий сыщик м-р Холмс считает, что п-к Себастьян Моран готовит побег!

После чего раздался дружный смех инспектора и его помощника.

– Хотелось бы мне, чтобы вы оба оказались правы, – подумал я и направился в камеру, где меня уже ожидал п-к Моран.

– Доброе утро, доктор

– Здравствуйте, п-к. Как вы себя чувствуете?

– Отлично! Надеюсь, вы запаслись терпением? – и без перехода, – как там ваш друг, м-р Холмс?

– Спасибо п-к, м-р Холмс в порядке и велел передать вам привет и выразить надежду, что более никогда вас не увидит.

– Ясно, – ухмыльнулся Себастьян Моран, – ваша дружба с сыщиком не проходит для вас даром, доктор. Спасибо за привет от Холмса, сэр, передайте ему, что пути господни неисповедимы, и чем черт не шутит, когда Бог спит, может еще и свидимся.

В этих его словах явственно слышалась угроза, о чем я тут же холодно заметил п-ку:

– Не в вашем положении угрожать моему другу, сэр.

– Боже, меня сохрани, – с деланной гримасой воскликнул Моран, – лучше напомните, доктор, на чем я вчера остановил свое повествование?

– На дуэли с гусаром, сэр – ответил я и задумался. Может, мне следует прервать общение с Себастьяном Мораном и покинуть его навсегда?.. Но все же я сдержал себя и приготовился слушать, однако сигары, припасенной для п-ка, я доставать не стал. Он основательно разозлил меня, но виду я не подавал.

– Точно, с капитаном Эртоном! – и после непродолжительной паузы п-к продолжил, – знаете, доктор, дуэль с соотечественником несколько отличается от рубки на саблях с врагом его величества. Во втором случае ты испытываешь желание убить человека, который является врагом всех твоих знакомых, то есть если ты его убьешь, ты получишь похвалу от командования, от своих знакомых, их уважение к тебе вырастет еще на некоторую толику. Когда ты дерешься с врагом, ты не задумываешься о его семье, родственниках или близких. В случае дуэли с соотечественником и сослуживцем тебя начинают посещать все эти мысли, которые могут очень сильно мешать в поединке, и уверенней себя будет чувствовать тот участник, который будет лишен этих мыслей или быстрее избавится от таковых. Судя по тому, как повел себя после «Ангарда» мой соперник, мысли подобного рода его совершенно не терзали. С его стороны не последовало никаких притопов, никаких движений, свойственных всем фехтовальщикам в начале любого поединка, будь он даже тренировочным. Видимо, гусар думал, что перед ним с саблей в руке стоит человек не часто берущий ее в руки и не посещающий фехтовальный зал. К тому же мне с трудом удалось парировать его первый секущий удар.

– Майор! Вы отнимаете мое время, я хочу успеть к карточному столу засветло, – со зловещей улыбкой, пытаюсь

меня испугать, проговорил мой противник сквозь плотно сжатые зубы.

– Извинитесь, капитан, и вы успеете вволю наиграться сегодня и в последующие дни, в противном случае я этого гарантировать вам не могу, – ответил я на его выпад, стараясь разозлить его как можно сильнее.

– Да вы наглец, сударь!

– Капитан! Вы еще должны дослужиться до майора, помните об этом, – возрастом он был старше меня, но по чину таковым являлся я, и это очень его раздражало, как я понял еще в клубе. Реакции долго ждать не пришлось

– Ах ты, выскочка! Ну держись!

И на меня посыпался град ударов, перемежающихся уколами. Я был готов к такому развитию событий, да и прежние мои соперники обладали врожденной хитростью азиатов, их финты были куда изощреннее и коварней финтов гусара. Не скажу, что мне было легко парировать все удары. Конечно же, нет! Да и напряжение сказывалось, правда, я уже не смотрел на капитана Эртона как на соотечественника и сослуживца, я видел перед собой врага, не в чалме и азиатском халате, но все же врага, скалившего на меня зубы в предвкушении рокового удара, который он изо всех сил старался нанести. Уяснив, что бурным натиском меня не сломить, он перешел к другой тактике. Теперь он не наносил круговых рубящих ударов, ударов с проносом тоже стало намного меньше, теперь м-р Эртон начал финтить, делая ложные замахи и выпады, ожидая что я непременно попадусь на один из них, и знаете, он оказался прав.

Прервав свой рассказ, п-к Моран неожиданно спросил меня:

– Доктор, а вы не захватили сегодня сигары для меня?

Мне стало стыдно за свою минутную слабость, и я, краснея, достал сигару, приготовленную для моего собеседника.

– Спасибо, доктор – улыбнулся Себастьян Моран, – и занялся сигарой.

Раскурив ее как следует и выдохнув дым, п-к спросил:

– Вы не заметили у меня небольшой шрам над левой бровью, сэр?

Я пригляделся к указанному п-ком месту и утвердительно кивнул головой.

– Эту метку оставил капитан Эртон, подловив меня, на казалось бы примитивный финт. Капитан сделал короткий замах для удара справа, я выставил свой клинок, чтобы парировать удар, но неожиданно гусар нанес мне удар гардой, простой удар в голову, точно, как в уличной драке кулаком, только кулак был защищен гардой, что намного усилило силу удара. Я не ожидал этого и чудом сохранил равновесие, в следующий момент уже отражая укол, направленный точно в мое сердце. Кровь заливала мне лицо, и мой секундант потребовал остановить дуэль, что, собственно, было по правилам дуэльного кодекса, однако я сказал, что все в порядке, вытер кровь рукавом и продолжал поединок, только теперь уже я нападаю, а капитан вынужден был защищаться. Теперь уже я наносил круговые, длинные и колющие удары. Капитан поплыл, это значит, что он не всегда успевал отражать мои удары, он чаще стал просто уклоняться от прямого контакта, то есть просто отскакивал подальше, стараясь привести свое дыхание в норму, но я не давал ему такой возможности и продолжал атаковать без передышки. В один из моментов мне удалось ударом снизу подкинуть его саблю вверх и наотмашь чиркнуть своим клинком по его лицу. Появилась кровь, я остановился, подняв клинок вверх, как того требовал кодекс, но капитан с криком яростно кинулся на меня. Ярость, скажу вам, доктор, плохой помощник в таком деле, как дуэль, я парировал несколько теперь уже не очень сильных его ударов, и сам с силой ударил по его сабле, она вылетела из его руки и он в замешательстве остановился. Я приставил острие своего клинка к его горлу и промолвил:

– Извинитесь, капитан, и будем считать инцидент исчерпанным.

Кровь шла из его порезанной щеки, глаза горели яростью, он зарычал, прокричав:

– Никогда! Никогда такой выскочка как ты не услышит от меня извинений!

Я, не отводя от него глаз и острия от его горла, осторожно нагнулся, поднял свободной рукой его саблю и, наступив на нее ногой, переломил пополам, отбросил эфес далеко в кусты. Затем вложив свою саблю в ножны, сказал ему:

– Я не нуждаюсь в ваших извинениях, но прошу вас, в следующий раз, когда сядете за игру, держите себя в руках, – и повернувшись, подошел к Райану.

– Ты еще пожалеешь об этом, – прошипел он мне в спину.

С моей стороны было бы глупо реагировать на этот его словесный уже выпад, и я не стал этого делать, тем более, что в следующую секунду я уже попал в крепкие объятия моего друга. Обнимая меня, он не уставал повторять:

– Ты молодец, Себастьян! Какой же ты молодец! – и затем, – я горжусь тем, что являюсь твоим другом.

Выпустив меня, он направился к секунданту моего противника, они о чем-то поговорили чуть меньше минуты и Райан вернулся ко мне.

– Все в порядке? - спросил я его.

– Да, в полном, – успокоил он, – просто я напомнил о том, что разглашение произошедшего хорошего не принесет никому, наши оппоненты согласны с этим. Сев на своих лошадей, мы первыми тронулись с места дуэли. В дороге Райан не переставал восхищаться моим мужеством и хладнокровием до тех пор, пока я сам не попросил его прекратить это. Квартира Райана находилась ближе моей, он было намеревался проводить меня, но я настоял, чтобы мы попрощались возле его дверей. Прощание было не долгим, но очень теплым, я вдруг почувствовал, что действительно сильно привязан к этому весельчаку и балагуру, и в пути мне будет его не хватать, он и прощался-то так, как будто я уезжал не более чем на два дня, он не умел грустить. Рас-

ставшись с Райаном, я направился к себе на квартиру, где немедленно отправил посыльного за Джоном О*Тулом. Тот явился как никогда собранный и серьезный, откозыряв по всей форме, он доложил:

– Сэр! Рядовой Джон О*Тул прибыл по вашему приказу.

Я отмахнулся от него с его субординацией и предложил занять свободный стул.

– Как настроение у людей, Джон?

– Все в порядке, сэр, я имею в виду наших людей, за ученых сказать ничего не могу, знаю точно одно: без них нам было бы в этом походе намного легче, сэр.

– Знаю, Джон, но взять их с собой не моя прихоть, а приказ, даже не полковника нашего, а самого генерал-губернатора.

– Неужели в нашем министерстве обороны нет подобных специалистов?

– Ничего не могу тебе ответить на это, Джон, и давай прекратим этот разговор. Прими их как данность и все.

Джон согласно кивнул головой, но особой радости на его лице я не заметил, да я и сам не испытывал таковой, но показывать свою неприязнь к нашим попутчикам я не мог, а потому добавил:

– Передай всем, что я требую безоговорочного уважения к нашим ученым специалистам, и не потерплю никаких выпадов в их сторону, ты, кстати, тоже исключением не являешься. Тебе все ясно?

– Так точно, сэр! – и по тому, как он это сказал, я понял, что проблема это решена, – Джон сможет доходчиво растолковать остальным суть дела.

– К походу все готовы? Лошадей проверил лично?

– Готовность, сэр, проверяли вдвоем – я и сержант Гриммерс, недостатков особых замечено нами не было.

– Хорошо! Завтра в 6.00 построение в полной выкладке, – отдал я приказ, – и не забудь об этом уведомить наших

ученых, да и, пожалуй, проследи за тем, чтобы они встали в строй вовремя. Сейчас отдыхай, Джон.

– Есть отдыхать, сэръ – весело воскликнул Джон, и через секунду его уже и след простыл.

Мне и самому хотелось лечь пораньше и выспаться, но разные мысли посещали мою голову. Почему-то вдруг вспомнился отец, и мне до боли захотелось увидеть его. Потом мысли мои перескочили на Анну, и сердце забилося в непонятной тревоге. Кое-как отогнав от себя все лишнее, я все-таки заснул. Утром, придя на плац в указанное время, я увидел свой отряд в полном составе, включая и наших ученых специалистов. На мое приветствие они ответили дружным хором, и даже Джек Одли, топограф, принял участие в приветствии, геодезист стоял в молчаливом согласии с происходящим, и только Артур Берч смотрел на все происходящее исподлобья, но мне было на это наплевать по большому счету. Я едва не отдал приказ к началу движения, как в конце плаца появился наш полковник. Подойдя, он поприветствовал мою группу и попросил меня отойти с ним в сторону, как он сказал, для небольшого уточнения нашего маршрута.

– Себастьян! – по-отечески обратился он ко мне, – задание твое немного усложняется. В штабе хотят, чтобы ты ненароком залез на территорию Тибета, разведал там все, что можно, ну и, конечно, со своими учеными составил по возможности подробную карту тех мест. Для чего это нужно, я не знаю, знаю только, что это удлинит и усложнит твою командировку, но уверен, – ты справишься.

– Не сомневайтесь, полковник, – несколько фамильярно заверил я его.

– Я не ожидал иного ответа – и, приобняв меня, он пожелал:

– Ну, в добрый путь.

Экспедиция на Тибет

В джунглях Индии

Сев на своего коня, я отдал команду трогаться вперед. Потянулась дорога, унылая и без приключений. На какое-то время я сильно заскучал, так как ничего серьезного не происходило. Прделав намеченный путь, мы останавливались на ночлег, расседывали лошадей, готовили обед или ужин, в зависимости от времени дня. Если это был ночлег, то сержант назначал караульных, если же вечер нас настигал в каком-нибудь городишке или селении, то мы устраивались на ночлег с большим комфортом. Ученые наши не роптали, и даже желчный картограф молча разбирал и снова помогал навьючивать свой инструмент на ослов. Рассказы же Джека Одли о своей службе в Греции, бывало, очень веселили солдат, что было весьма кстати. В общем все шло своим чередом, и я начал уже молить Бога, чтобы все вот так и закончилось, но видать, молитвы мои до него не дошли.

Мы в тот момент находились в городке, в непосредственной близости от областей, граничащих с Тибетом, английского управления там не было, но жители относились к нам дружелюбно. Карты, выданные мне в штабе, начали показывать досадные ошибки, да это и не мудрено, капитальных дорог там было очень мало. А временные как появлялись, так и исчезали, вероятно, в зависимости от надобности в них местного населения. Для дальнейшего продвижения требовался проводник.

Пригласив к себе наших ученых, я выяснил, с какого места нужно начать топосъемку. Рассчитав по карте путь, я увидел, что дорога к месту займет не менее трех дней. Поручив сержанту найти проводника, я приказал Джону О*Тулу держать людей в поле зрения. Сами понимаете, доктор, мужчина в сорок лет, как никогда мужчина, а индийские

женщины бывают очень привлекательны, и моральные устои их, зачастую, оставляют желать лучшего. Их трудно осуждать, ибо нищета царила повсеместно, а у моих ребят были деньги, и даже малая толика этих денег являлась весьма существенной для индийцев. Ближе к вечеру явился Гриммерс в сопровождении мужчины индийца и женщины, как он объяснил, они были мужем и женой с их слов, и брались проводить нас до нужного нам места за вполне умеренную, на наш взгляд, плату. Я развернул перед мужчиной карту, и он с уверенностью показал место, названное мною, и заявил, что проводить нас туда не составит им большого труда. Индеец показался мне открытым человеком, жена же его постоянно куталась в сари по самые глаза, что говорило о ее добродетели, испуга в ее глазах не было, она смотрела на своего мужа глазами преданной жены.

– Ну что ж, пожалуй, я соглашусь взять вас в проводники, – и уже Гриммерсу: «Завтра в шесть ноль-ноль все должны быть готовы продолжать движение».

– Есть, сэр! Разрешите выполнять!

– Выполняйте!- и обращаясь к проводникам я сказал:

– Вас попрошу быть здесь тоже в шесть ноль-ноль.

– Пусть саиб не беспокоится, мы обязательно будем с женой в указанное время.

– Можете идти, – и подпустив строгости, – опаздывать не рекомендую, буду вычитывать из договоренной суммы.

Поклонившись, они оба исчезли. Решив, что заслуживаю отдых, я отправился на прогулку в город. Единственное место, которое стоит посещать в индийских городишках такого типа, – это базар. Туда стекаются все. Одни, чтобы продать свои изделия, другие, чтобы прикупить что-то взамен утерянного или пришедшего в негодность. Много там и просто зевак, любопытных, обычных бездельников и нищих. Нищий в Индии является возможностью, через которую состоятельные люди, да и не только, могут проявить благородство и пожертвовать часть своего добра, чтобы оно увеличилось многократно. Нищие же, пользуясь этим, бывают

удивительно нахальны. Иной раз для того чтобы они отстали, требуются нешуточные усилия, вплоть до удара или пинка, мне же удавалось от них отделаться просто грозным криком и сведенными в строгости бровями. Но горе вам, если дали им понять, что сочувствуете, тут же вас окружит орущая толпа и в их голосах совсем скоро появятся требовательные нотки. Тогда уже отделаться от них совсем не просто. Целью моего похода на базар был ряд ремесленников. Мне нравилось смотреть за работой чеканщиков, которые тут же, на порогах своих лавочек, бойко стучали своими молоточками по серебряным или медным блюдам. Резчики слоновой кости тоже поражали своим умением. Каких только изделий не выходило из-под резцов этих умельцев, вот именно они меня и интересовали. Стоило мне остановиться у одной из лавок, как тут же выскочил хозяин и еще непонятный народ. Одни тянули меня за руки, другие, не переставая, кланялись и указывали рукой на вход. Хозяин лавки довольно-таки сносно говорил на английском, что, собственно, и побудило меня посетить именно его заведение. Войдя, я дал привыкнуть глазам к темноте, царившей в лавке, хозяин что-то крикнул, и служащие добавили огня, теперь мне стало намного легче рассматривать полки, заставленные изделиями. Тут были и Кришна с Шивой и Ганеш с головой слона, в общем, там был весь сонм индийских богов. Мое внимание привлекла неизвестная мне до того четырехрукая богиня с ожерельем из человеческих голов на шее и юбкой из отрубленных рук. Язык ее был высунут, и вы понимали, что она жаждет крови. Я ткнул в нее пальцем, и хозяин, сняв ее с полки, с поклоном передал мне. Я внимательно рассматривал это изваяние, человеческие головы, в ожерелье на ее шее, были так искусно выполнены, что даже ужас на их лицах был изображен по-разному, руки, висевшие на ее поясе в качестве юбки, также не были похожи одна на другую - у одной пальцы были сжаты в кулак, у другой, как бы в агонии, вся пятерня была раскрыта полностью. Глядя на это ожерелье из голов и юбку из от-

рубленных рук, можно было самому прочувствовать весь ужас, который испытывают люди перед близкой смертью. В левой верхней руке богиня держала отрубленную голову, в нижней левой, как раз под отрубленной головой, богиня держала чашу, куда, по замыслу мастера, должна была стекать кровь из головы. Правые руки богини были заняты оружием: в одну был вложен серповидный нож, в другой она держала нечто похожее на античный трезуб. Увидев мой неподдельный интерес, хозяин сказал:

– Это богиня Кали, саиб, и она не продается. Совсем недавно я получил заказ на ее изготовление, и со дня на день жду, когда явится заказчик.

– Что за богиня Кали? – спросил я, не выпуская статуэтку из рук.

Хозяин как-то неожиданно засуетился, начал бесцельно переставлять статуэтки, протирать пыль, делая вид, что не слышал моего вопроса. Но я был слишком заинтригован, чтобы вот так взять и уйти, не узнав, что это за богиня, и кто ей поклоняется. Положив ему руку на плечо, я повторил вопрос:

– Так, что это за такая богиня – Кали?

– Я не думаю, что саибу будет это интересно.

– Саиб решает сам, что ему интересно, а что нет. Я выражаюсь ясно?

– Хорошо, саиб. Прошу вас пройти в комнату за прилавком, там мы сможем выпить чаю, и я поведаю вам историю Кали. Раз саиб хочет знать, то он будет знать о Кали все, что знаю я, и да хранят тебя все боги от встречи с ней и ее почитателями.

В комнате, куда привел меня хозяин, было не так жарко, как на улице, стоял низенький столик, на нем дымился кальян, вокруг столика лежали сафьяновые подушки, видно дела у хозяина идут неплохо, отметил я про себя. Жестом предложив мне располагаться, он выкрикнул какое-то имя, и тут же появился мальчонка с чайником и пиалами. Разлив чай, мальчик с поклоном удалился. Вкус чая утвердил

мою мысль о том, что мой гостеприимный хозяин богат, да и сами пиалы были хорошей китайской работы. Отхлебнув пару глотков и поставив пиалу на столик, я вопросительно взглянул на хозяина лавки. Тот вздохнул и спросил у меня:

– Саиб путешествует?

Я кивнул головой.

– Тогда саибу могут быть полезны знания, которые я собираюсь ему передать.

И он начал свой рассказ.

– Богиня Кали, это одна из жен Шивы. Вы, наверное, догадались по ее ожерелью и юбке, что олицетворяет она божественную энергию, несущую смерть, кровопролитие, мор и убийства. Согласно нашим древним легендам, Кали однажды собрала своих почитателей, чтобы выявить самых преданных. Ими оказались тхаги. В награду за верность она обучила их приемам удушения людей платком и наделила недюжинной силой, ловкостью и коварством. Они существуют до сих пор, и я подозреваю, что человек, заказавший мне статуэтку Кали, является одним из ее приверженцев. Поверьте, саиб, это страшные люди, с виду они ничем не отличаются от остальных, только носят за пазухой петлю из шелковой ткани, промасленной и окропленной священной водой из Ганга. Они всегда готовы пустить ее в дело, если только подворачивается случай, они без колебаний достают румаль на горе зазевавшемуся путнику. Да, румаль, именно так они называют свою петлю, с которой никогда не расстаются. Надо добавить, что владеют они ею мастерски, вы и глазом моргнуть не успеете, как на шее у вас окажется этот румаль, а затем одним лишь тхагам известное движение пальцев, и вы на том свете. Есть у них и свои тайные знаки, с помощью которых они узнают друг друга или дают знак о нападении.

– Вы знаете эти знаки? - я был очень заинтересован рассказом.

– Нет, саиб. Да и как их узнать? Те, кто их слышал, наверняка лежат в земле со страшными ранами, нанесенными им могильщиками тхагов.

– Вы же сказали, что жертва подвергается удушению румалем?

– Именно так, саиб, но могильщики, перед тем как закопать ограбленные тела, делают глубокие разрезы, чтобы Кали могла с легкостью пить их кровь, иногда такие тела находят. Все боятся тхагов, или как говорят англичане, фансигаров, они очень опасны и могущественны. Даже махараджи иногда пользуются их услугами, вступая с ними в сговор. Они очень суеверны и не оставляют свидетелей! Тхаги уничтожают даже собак, обезьян и любую живность, которая принадлежала убитому. Если вы отправляетесь в путешествие, вам необходимо быть очень и очень осторожным.

– Спасибо, друг. Так сколько стоит эта статуэтка Кали?

В ответ на мой вопрос хозяин в страхе замахал руками:

– Она будет ждать своего заказчика, саиб. Я не хочу, чтобы меня нашли удушенным в своей лавке или постели.

– Если ты подозреваешь заказчика в том, что он является приверженцем этой богини, почему ты не донесешь на него?

– Саиб! - испуганно оглядываясь по сторонам, молвил, понизив голос, хозяин лавки, – я подозреваю, что наш махараджа в сговоре с ними. Последнее время участились пропажи людей на дорогах, а раджа не принимает никаких действенных мер против этого. Я очень рискую, рассказывая вам все это, никто не поручится в том, что мой лучший резчик или мальчик, который принес нам чаю, не тхаг, а у стен, как вы знаете, саиб, тоже есть уши. Сказав все это, хозяин опять оглянулся по сторонам.

– Вы так ничего и не сказали о сигналах тхагов.

– Саиб! Я повторяю, что никто этих знаков, кроме самих тхагов, не знает. Хотя, – последовала пауза, хозяин в задумчивости тер пальцем наморщенный лоб, – иногда люди

находят кровь на земле, а перед этим некоторые слышали крик совы, хотя птица эта весьма редка для здешних мест. Капитан Уильям Слимен был здесь со своим отрядом в прошлом году и повесил нескольких фансигаров, которых ему удалось поймать, но поверьте, саиб, их еще здесь достаточно много. Люди продолжают пропадать.

Повисла пауза, которую прервал хозяин лавки:

– Может, саиб, возьмет другую статуэтку? Я отдам очень недорого.

– Спасибо, - сказал я, поднимаясь с намерением покинуть лавку.

Хозяин с поклонами проводил меня до порога. Настроение побродить по базару пропало, да и многие лавки по причине позднего времени были уже закрыты.

– Я успел вернуться в расположение своей команды, пока окончательно не стемнело, люди мои находились на месте: кто-то чинил одежду, кто-то чистил оружие. Преимущество командовать людьми, прослужившими не один год, заключается в том, что им не надо напоминать ежедневно об их обязанностях. Прослужив в колониях и выжив, они точно знают, от чего зависит их благополучие, а порой и сама жизнь. Их оружие практически всегда находится в идеальном состоянии, карабин вычищен, а сабля наточена и с легкостью извлекается из ножен. Отыскав Джона О*Тула, я вкратце передал ему разговор, произошедший в лавке изделий из слоновой кости.

– Кое-что я тоже слышал об этих дьяволах, но сами понимаете, сэр, сталкиваться с ними не приходилось.

– Кто-то заказал хозяину лавки статуэтку Кали, сам понимаешь, простому человеку она без надобности, только приверженец этой богини мог это сделать, значит, возле нас бродит по меньшей мере один из этих фансигаров. Надо осторожно оповестить об этом наших людей, пусть будут

начеку – приказом это не было, скорее пожеланием, – кстати, ты не в курсе, где нашел Гриммерс наших проводников?

– Нет, сэр, не в курсе.

– Пригласи его ко мне немедленно.

– Уже иду, сэр

Искать Гриммерса долго не пришлось, он сидел неподалеку и был занят своей саблей. Нехотя отложив свое занятие, он поднялся и через минуту стоял передо мной.

– Присядьте, Гриммерс.

Он не заставил просить себя дважды.

– Послушайте, сержант, – обратился я к нему, – расскажите, как вы нашли этих проводников?

– Следуя вашему приказу, сэр, я отправился на базар и там стал искать человека родом из тех мест, куда мы направляемся, таковых не находилось достаточно долго, потом один индус почтенного вида указал мне на эту пару, они сидели на земле, женщина горько плакала, мужчина же, как мог, утешал ее. Подойдя ближе, я спросил, что у них приключилось, в ответ услышал историю, как их ребенок потерялся в джунглях, сами они из тех мест, куда направляемся мы, они решили, что боги их наказали за то, что они покинули своих родителей и сбежали сюда, а теперь бы и рады вернуться, но не имеют на это денег. Выяснив, насколько они знают дорогу, я решил представить их вам. Вот вкратце и все, сэр, – и после небольшой заминки, – прошу прощения, сэр, что-то не так с ними?

– Плохого сказать ничего не могу, но вот в чем дело, – и я принялся пересказывать уже во второй раз за вечер то, что услышал в лавке

Сержант почесал затылок, сдвинув колониальный шлем на нос.

– Надо бы предупредить ребят, чтобы были начеку, – потому он и был сержантом, что угадывал мысли своих командиров.

– Обязательно, сержант, но не стоит их слишком пугать, скажите просто, чтобы по одному из расположения лагеря

не удалялись, – подумав, я добавил, – скажите, что этот мой приказ связан с диким зверьем, которыми джунгли просто кишат.

– Есть, сэр. Разрешите идти?

– Идите, Гриммерс.

Я повернулся к О*Тулу, который по-прежнему сидел рядом.

– Джон, прислушивайся к джунглям, если услышишь крик совы, не ленись достать свой револьвер из кобуры и взвести курок, дай Бог, чтобы это оказалось лишним, но сам понимаешь...

– Ясное дело, сэр

На том мы и расстались. Утром, выстроив колонну таким образом, чтобы наши ученые были в центре, я отдал приказ к движению. Совсем скоро мы уже были в джунглях, пробиваться сквозь них дело нелегкое, и даже очень нелегкое. Впереди шли два солдата, которые периодически взмахивали большими и тяжелыми кукри, завезенными из Непала. Без этих больших ножей соваться в джунгли было бесполезно. Периодически их сменяла следующая пара, они брали эти непальские ножи у уставших товарищей и так же продолжали рубить лианы или кустарник. Джунгли никогда не молчат, визг назойливых и вороватых обезьян постоянно сопровождал нас, из-за них приходилось тщательно следить за своим имуществом, стоило моргнуть глазом и можно было остаться даже без оружия, эти негодяи тянули все, что плохо лежало, нужно оно им или нет, но стащить им это было необходимо. Крики павлинов на невидимых полянах, рев тигра или пантеры, а зачастую жалобные крики их жертв, вой волков по ночам – всегда сопровождали нас, прибавьте сюда еще и пение неведомых птиц и стрекотание насекомых, вы получите более или менее ясную картину звуков в джунглях. Пробиваясь сквозь джунгли и прислушиваясь к звукам, которыми они были наполнены, я все старался услышать крик совы, но, видно, прав был хозяин лавки, совы были здесь редкостью. Привалы приходилось делать чаще, чем обычно, люди

валились с ног от усталости. Ближе к вечеру, наткнувшись на подходящую поляну, я приказал разбить лагерь. Гриммерс попросил разрешения поохотиться, оленей здесь было просто прорва, мне и самому уже порядком надоели консервы, и я дал ему свое «добро» с условием, что он пойдет не один. Вдвоем с солдатом они исчезли в джунглях, и вскоре прозвучал выстрел, немного погодя появились наши охотники, солдат нес молодого оленя на плечах, Гриммерс шел следом с двумя ружьями, своим и напарника. При их виде все приободрились, и совсем скоро на поляне запылал костер, а над ним уже висел на вертеле разделанный олень, внутренности которого я приказал закопать подальше от лагеря, чтобы не привлекать хищников. Плотноту жуя, все начали готовиться ко сну. Я назначил одного солдата приглядывать за огнем, потому как без огня в джунглях, сами понимаете, спать опасно. Так же выставил двух часовых, со сменой по три часа. Перед сном я вновь напомнил всем приказ: поодиночке из лагеря не отлучаться. Артур Берч опять выказал недовольство:

– По естественным надобностям тоже ходить в компании с кем-то? – язвительно спросил он.

– И по ним тоже, сэр – сурово ответил я.

В ответ раздалось фырканье, которое могло означать только одно, лично он этого никогда не сделает. Переубедить его было невозможно. Дав команду «отбой», я и сам улегся с твердым намерением быстрее заснуть и выспаться, но не тут-то было. Стоило сну завладеть мною, как появлялась богиня Кали со своим ожерельем из отрезанных голов и юбкой из отрубленных рук, она высовывала свой язык, с которого стекали капли крови и говорила:

– Мне нужна твоя голова на мое прекрасное ожерелье, – протягивая ко мне свои окровавленные четыре руки, – не сопротивляйся, твоя голова займет достойное место, да и твои сильные руки будут не лишними в моей юбке.

Естественно, я в страхе просыпался и тревожно оглядывался, слава Богу, я, как видно, не кричал во сне, все мои

люди спали как убитые. Поскольку не спалось, я встал и подошел к огню, который поддерживал назначенный мною солдат. Тот было попытался вскочить, но я остановил его попытку.

– Все в порядке? – спросил я его.

– Да, сэр, все спокойно.

– По надобности никто не отлучался?

– Только что отошел один из ученых.

– Один!? – вскричал я встревожено, – давно? Кто это был?

– Сэр, я говорил м-ру Берчу, что вы приказали по одному не покидать лагерь

– А что он?

– Отмахнулся, сэр, и ушел по своим делам.

– Как давно? – меня начала бить нервная дрожь в дурном предчувствии.

– Да минут десять назад, сэр

– Что же ты не поднял тревогу!?

– Я думал было так сделать, сэр, но потом решил, что у него с животом что-то, - почувствовав и сам что-то неладное, заикаясь, промолвил он.

– В какую сторону он пошел?

Солдат махнул по направлению, куда удалился наш картограф.

– Возьми огонь и освещай мне дорогу, да не забудь свой револьвер, дубина.

Мы не прошли с ним и пятидесяти ярдов, как наткнулись на совершенно обнаженное тело Артура Берча, лежащего ничком. Приказав поднести факел поближе к телу, я перевернул его на спину, и на нас глянули вываленные из орбит глаза нашего картографа, также вывалившийся язык не оставлял сомнений, - Артур Берч был задушен, причем задушен быстро, профессионально.

Себастьян Моран прервал свой рассказ, и с некоторым любопытством стал глядеть на меня. Не выдержав паузы, я спросил

– В чем дело, п-к?

– Я просто пытаюсь понять, – улыбнулся он, – а по какой причине вы сегодня не угощаете меня принесенной сигарой?

Я почувствовал что краснею, чем еще больше развеселил п-ка.

– Ладно, – продолжал он, – вчера понятное дело, вам пришлось не по вкусу некоторые мои выражения, ну а сегодня-то, что вам мешает угостить меня этой сигарой?

Он уже откровенно смеялся надо мной

– Прошу простить, сэр, простая забывчивость – проблеял я, кляня свою память, – а почему вы п-к решили, что я вообще принес ее?

– Доктор, вы добрый по натуре человек, и я вижу, что и вам приятно видеть, как я рад этому небольшому подарку, полученному из ваших рук.

– П-к, почему вам нравится ставить меня в неловкое положение?

– Сам не могу объяснить, но вы так краснеете, что удержаться от этого я не в силах.

Видимо, я покраснел вновь, чем снова развеселил Себастьяна Морана. Дав себе слово больше не краснеть, я предложил ему продолжить рассказ.

– Мне казалось, что взгляд ужасно огромных глаз картографа устремлен прямо на меня, и от этого взгляда мне стало нехорошо. Звуки, издаваемые опорожняющим желудок солдатом, встряхнули меня. И я выстрелил в воздух. Лагерь мигом встревоженно засуетился, и вскоре уже все окружили тело м-ра Берча, глядя то на него, то с опаской оглядываясь вокруг. Тут же стояли и наши проводники, сочувственно качая головами. На их лицах были написаны ужас и страх, но что-то мне говорило, что все это искусная игра.

– Сержант Гриммерс и рядовой О*Тул, за мной, – и как можно строже добавил, – сейчас вы у меня получите за несоблюдение приказа.

Отойдя в сторону на достаточное расстояние, понизив голос, я приказал:

– Надо задержать наших проводников, – и увидев их удивленные глаза, – потом объясню, а сейчас исполнять.

Гриммерс, подойдя к проводникам, схватил мужчину за руку, и тут же словно разъяренная фурия на него накинута его спутница, она вцепилась в волосы сержанта одной рукой, а другой пыталась исцарапать его лицо, но Джон слегка ударил ее прикладом по голове, и она быстро успокоилась. Мужчина не в пример женщине стоял словно парализованный. Я велел ему развязать свой халат и отвернуть его полы. Как только он это сделал, у него из-за пазухи выпал румаль. Мне все стало ясно.

– Обыщите ее – приказал я рядом стоящему солдату.

– У нее ничего нет, сэра, – доложил вскоре тот.

– Привести ее в чувство, сэра? – и увидев мой кивок, пнул ее ногой.

Она слабо застонала, шевельнулась, а потом села, тупо разглядывая нас всех. Как только взгляд ее остановился на своем спутнике, она слабо улыбнулась, но потом, видимо, осознав, что происходит, оскалила зубы в страшной гримасе и попыталась вскочить. Увесистый пинок одного из моих ребят дал ей понять, что затея эта бессмысленна.

– Привяжите их обоих к деревьям так, чтобы они видели друг друга, – отдал я приказ.

Вскоре оба стояли крепко привязанными, и могли вовсю любоваться своей парой.

– Добавьте огня! – и через минуту на поляне было светло, практически как днем.

Я решил выдержать паузу как можно дольше, пусть помучаются, раздумывая, что у меня на уме. Все молча смотрели на них. У мужчины дрожали колени, и его била крупная дрожь, он был смертельно напуган, женщина же смотрела на него с любовью и как бы просила его взглядом держаться достойно. Пауза затянулась, и мои люди начали подавать признаки нетерпения:

– Давайте подложим им угольков под ноги, сэр, – слышались выкрики такого рода, – да просто повесить их, и дело с концом.

– Нет, ребята, – я смотрел на мужчину, – мне кажется, что они здесь не одни. Кто-нибудь из часовых видел, чтобы за нашим ученым следовал кто-то?

– Нет, сэр! За ним никто не шел, – откликнулись бывшие часовые.

– Вот видите! Я так и знал, – проговорил я, взяв горящее полено из костра и направляясь с ним к привязанному проводнику. Поднеся полено ближе к его лицу, я увидел краем глаза, что тот от страха начал мочиться, – отлично, – подумал я.

– Ты ничего не хочешь нам сказать?

– Я ничего не знаю!

– И что это такое ты тоже не знаешь, – спросил я, поднося румаль к его лицу. Тот в страхе чуть не терял сознание.

– Отстань от него, несчастный, – вскричала женщина.

– Ба! Так у нас тут нешуточная любовь! Вы заметили, ребята? – развеселил я присутствующих.

– Пора прекращать эту комедию, – вдруг подал голос геодезист Джек Аттвуд, – я многого насмотрелся в Африке и знаю, что туземцы признают силу и жестокость, в данной ситуации я другого выхода не вижу.

Он, не торопясь, вышел из толпы и подошел ко мне. Протянув руку к румалю, он взял его у меня и спросил:

– Так им был задушен Артур Берч? – не дожидаясь ответа, растянул платок в обеих руках, слегка подергав его за концы, и направился к проводнику со зловецким видом. Признаться, я не ожидал такого от ученого человека, но препятствовать ему не стал. Подойдя к проводнику, он без лишних слов накинул тому румаль на шею и, обращаясь к нам, проговорил:

– Прощу прощения, джентльмены, не обучен обращению с этим инструментом, и, может быть, не оправдаю ваших надежд, но обещаю стараться, – с этим предисловием он

начал закручивать концы платка. Удивлению моему не было предела. Женщина, привязанная крепко-накрепко, визжала, как дикая кошка, и выкрикивала проклятия, перемежая их с угрозами, сквернословя при этом, как заправский грузчик в доках Лондона.

– О*Тул! Утихомирь эту тварь, – мне надоело слушать эту безумную.

Джон подошел к этой фурии, и только взял ее за горло, как она произнесла:

– Не мучайте его, я вам все расскажу!

– Я так и думал, – проговорил Джек Аттвуд, – правда, надеялся, что мне не придется дотрагиваться до него, – он кивнул головой в сторону трясущегося проводника, и уже обращаясь ко мне, – вы хотели что-то узнать у них, сэр, – они ваши.

Переводя взгляд от мужчины к женщине я обдумывал вопросы, которые собирался им задать.

– Сколько людей кроме вас в шайке? – я обратился к мужчине.

– Двадцать пять человек, саиб.

– Все мужчины?

– Нет, саиб, есть три женщины, включая мою жену.

Откуда у вас информация о нас?

– Я не знаю, саиб, нам сказал наш старший, что пройдет караван англичан, и на них можно будет неплохо поживиться, а откуда он об этом знает, он не говорил.

– Каков был ваш план?

– Заманить вас подальше от города, саиб, и ночью передуть спящих, моя жена должна была подсыпать сонного зелья вам в пищу.

– Почему не придерживались составленного плана?

– Я не знаю, саиб

– Твои сообщники убежали, или находятся где-то неподалеку?

– Я не знаю, саиб

– Врешь, мерзавец! Мистер Аттвуд, будьте добры, накиньте платок на шею этому негодяю.

Геодезист как будто ждал моего приказа, я и заметить не успел, как платок оказался на шее у проводника. Как только он почувствовал его прикосновение, сразу заговорил громким шепотом.

– Они где-то неподалеку, они думают, что вы не догадываетесь, кто мы, и задуманный план надеются привести в исполнение.

– Почему ты так думаешь?

– Я оставил им знак, саиб, – и не дожидаясь вопроса, какой знак, он продолжал, – я пришел с вами без тюрбана, это значит, что все в порядке и бояться нечего.

– Надеюсь, ты понимаешь, что тебя ждет, если ты мне соврал хоть в чем-нибудь?

– Да, – ответил он и разрыдался, немного успокоившись, он продолжил, – это мое первое дело, после которого я должен был стать бхуготом, я прошел путь от могильщика до шамсиаса, – и он опять затрясся в рыданиях.

Слова эти мне ничего абсолютно не говорили, что за «бхуготы» или «шамсиасы», но я решил узнать все в подробностях, это могло пригодиться для моего плана, который постепенно вырисовывался у меня в голове.

– Сейчас ты мне расскажешь о своих товарищах в подробностях, ничего не утаивая.

– Да, саиб, я ничего не утаю, – проямлил он, и быстро взглянув на свою жену, поймал ее презрительный взгляд и опустил голову.

– Кто-нибудь, уведите отсюда женщину, привяжите к дереву подальше и не спускайте с нее глаз, – приказал я.

Как только увели его жену, он слегка приободрился, попросил воды и, напившись, попросил слегка ослабить веревки, которыми были связаны руки. Детья наш пленник никуда не мог, и я лично ослабил ему веревки, до конца все же не распутывая их. Молчал он достаточно долго, все

только крутил затекшими кистями рук и шевелил онемевшими пальцами. Наконец вздохнув, он продолжил.

– В секте тхагов я с двенадцати лет, туда меня привлек наш джемадар, то есть, главарь по-вашему, он кстати, является и отцом моей жены, это еще одна причина, по которой он со всеми остальными находится где-то по близости. Именно он проводил со мной все ритуалы, которые должен пройти вновь обращенный к богине Кали, из его рук я отведал священный желтый сахар, который, как говорят, привязывает к нашему делу навсегда. Совсем скоро я стал могильщиком, закапывал тела задушенных.

* * *

После каждого удачного дела мы рассаживались по краям огромного ковра, и наш джемадар лично вручал нам по куску священного желтого сахара после короткой молитвы. Там же мы и делили добычу. От тел мы избавлялись быстро, ямы для могил копали неглубокие, и в грудь жертве вбивали деревянный кол, удерживающий тело на дне ямы.

Я окинул взглядом своих людей, некоторые сжимали эфесы своих сабель, другие не сводили глаз с нашего проводника, и желваки их ходили ходуном, и все они готовы были растерзать его в одну минуту, если бы я отдал приказ. У меня даже мелькнула мысль:

– А не кинутся ли они на него и без моего приказа? – но нет, этого случиться не могло. Тем временем фансигар продолжал свой рассказ:

– В этом деле, как я уже говорил, я должен был стать бхуготом, то есть задушить свою первую жертву. По обычаю я замотал в конец румала рупию, которую после удушения я должен был отдать своему наставнику.

Невольно я взглянул на платок, концы которого уже ощупывал м-р Аттвуд, я перевел взгляд на него, и он утвердительно кивнул головой.

– Интересно, за чью жизнь эту рупию получил бы наставник? – меня передернуло от этого.

– И много жертв на счету вашей шайки? – спросил Гриммерс

– Никто общего числа не подводил, но только наш джемадар при случае хвастается шестьсот тридцать одним удушенным им лично

Вздых гнева пронесся над поляной, я вовремя поднял руку вверх, чтобы не дать разлиться гневу людей дальше, вылиться ему в крики и даже нечто более, я опасался, что сообщники нашего проводника были где-то рядом и могли по крикам догадаться, что план их провален. К чести моих людей, они не дали воли своим эмоциям и сдержали себя, хотя трудов это стоило им не малых

– Когда вы должны были привести свой план в действие?

– Завтра в ночь, – и после паузы - трижды прокричать совой.

Его ответ заставил меня вспомнить хозяина лавки, в которой я впервые столкнулся с кровожадной и жестокой богиней Кали.

– Где это должно было произойти?

– На завтрашнем ночлеге. Мы должны были довести вас до условленного места, а там, дождавшись, когда зелье свалит вас, я должен был подать сигнал...

Свесив голову, он замолчал. Вопросов к нему больше не было, и я сам сидел молча, обдумывая план дальнейших действий. В голове моей мелькнула мысль:

– Может, изменить маршрут, уйти от этой проблемы потихоньку, повесив наших проводников, не морочить себе голову и выполнять поставленную задачу. Ведь в конце концов не тебе поручили искоренять зло в лице фансигаров, у тебя есть четко обозначенные цели и задачи. Но эту малодушную мысль заменила совершенно другая - а сколько еще невинных душ погибнет от их промасленных платков. Сколько еще будет принесено в жертву кровожадной богине Кали и

непомерной алчности ее почитателей? Нет! Уж если мне довелось столкнуться с этими бандитами, то я просто обязан очистить эту землю от их присутствия.

Выставив усиленные посты, я приказал остальным своим людям отдыхать, хотя и понимал, что вряд ли кто из них заснет после услышанного. Присев у пылавшего костра, я задумался о завтрашнем дне, точнее о ночи. Как сделать, чтобы мои люди не пострадали и проучить этих душителей так, чтобы это было наукой всем остальным. Мыслей пока никаких не было. Одно я знал твердо, что церемониться я с ними завтра ночью не буду. Если эти люди собирались лишиться жизни меня и моих спутников в угоду своей богине, разжившись на нескольких сот фунтов, бывших у меня, то почему я должен быть к ним жалостлив или великодушен? По мере поступления в мою голову таких мыслей, гнев закипал в моей груди, я был готов немедленно сразиться с этими ублюдками.

– О чем размышляете, майор?- прервал ход моих мыслей Джек Аттвуд – думаю, сильно не ошибусь, если предположу, что строите план мести бандитам, отнявшим жизнь у м-ра Берча?

– Если быть честным, то скорее всем тем, кто собирается отнять мою жизнь, - и не отрывая взгляда от огня, я продолжил, – м-р Берч был убит подлым способом, и мне как-то не хочется следовать его примеру.

– Так что же вы намерены предпринять для того, чтобы мы все не последовали примеру м-ра Берча? – выдавив глухой смешок, Джек Аттвуд продолжил – как-то не хотелось бы мне валяться с высунутым по самую грудь языком и бессмысленно вытаращенными от ужаса глазами.

– Наши мысли удивительно схожи, м-р Аттвуд, – и мы вместе рассмеялись этому факту.

– Зовите меня просто Джек, – я кивнул в знак согласия, – можете на меня положиться в завтрашней схватке. Поверьте, мне доводилось бывать в подобных ситуациях в Африке. Правда цели тамошние туземцы преследовали не-

сколько более приземленные, чем эти гнусные поклонники Кали, те просто хотели кушать, и мы представляли для них только гастрономический интерес, но поверьте мне на слово, как там я не хотел быть съеденным, так и здесь не хочу быть задушенным, и я предприму массу усилий для того, чтобы вернуться в нашу старую добрую Англию целым и невредимым.

Раскурив от вытащенной из огня ветки сигару, геодезист проговорил:

– Я не был другом м-ру Берчу, мало того, он был мне не симпатичен своим желчным характером, но я очень сильно хочу отомстить бандитам, убившим его таким образом.

– Я предоставлю завтра вам такую возможность, Джек.

– Значит, я был прав, думая, что вряд ли вы, майор, спустите все это гнусным сектантам. Я полагаю, мы устроим на них облаву с самого утра?

– Нет! Облава ничего не даст, они растворятся в джунглях, и там мы их до второго пришествия искать будем. Мы устроим засаду и с божьей помощью перестреляем душителей.

– Мысль здравая, – кивнул головой Аттвуд, – а теперь давайте попробуем заснуть, день обещает быть нелегким.

Зевнув во весь рот без всякого стеснения и потянувшись при этом, Джек, пожелав мне спокойной ночи, удалился в свою палатку. Я еще посидел у костра, обдумывая детали завтрашней операции, и когда привел все мысли в порядок, заснул прямо там, у огня, со спокойной душой. Утром я проснулся от обычного шума пробуждающегося лагеря. Кто-то подкидывал ветки в костер, кто-то гремел котелком, набирая воды для кофе. В общем, утро как утро. Позавтракав, мы двинулись по заранее определенному маршруту, солдаты с тревогой поглядывали в мою сторону, ожидая от меня приказа и разъяснений к вечерним действиям, я не стал собирать всех, боясь слежки со стороны неприятеля, а просто подозвал Джона О*Тула и на ходу объяснил, что должны будут делать наши люди перед сном. План был прост, надо

было каждому подготовить чучело, похожее на человека, сделать это можно было из шинели и другой одежды, а самому затаиться невдалеке и быть начеку, ожидая приказа открыть огонь. За время пути Джон довел до сведения каждого, что ему конкретно нужно было делать, не привлекая особого внимания. Даже если за нами и была слежка, то вряд ли они могли бы заподозрить что-то неладное. День прошел без приключений, конечно, чувствовалась некоторая нервозность, но это было понятно.

После ужина, прошедшего без особого аппетита личного состава, я отдал приказ готовиться ко сну, и нарочито громким голосом объявил:

– Часовых не выставляйте, мы в такой глуши, что оберегаться не от кого, и наши часовые могут быть приманкой для хищников. Всем держаться ближе к огню.

Я оглядел своих людей и увидел, что все полны решимости встретить опасность, лица их были сосредоточены, и даже наш топограф, весельчак Джек Одли, крепко держал за рукоять засунутый за пояс револьвер, нелепо выглядывший на его фигуре. Оставшись довольным увиденным, я скомандовал:

– Отбой! – и начал укладываться сам. Я не стал готовить вместо себя чучело, решив встретить своего противника лицом к лицу. О сне не могло быть и речи. Краем глаза я наблюдал, как мои люди один за одним очень осторожно покидали свои места, растворяясь в темноте. Я лежал, готовый к встрече своего душителя, злость моя прошла, уступив место собранности и решимости. Физически я был очень крепок, и меня не страшила схватка с бандитом, вооруженным одним платком. Во время учебы я не любил командные игры, те, в которых результат зависел ото всех, меня больше привлекали любимый всеми англичанами бокс, да и борьба мне тоже нравилась больше, чем футбол, или регби, и поверьте, доктор, в этих видах спорта у меня были очень неплохие результаты, поэтому я спокойно ждал своего противника. Время тянулось очень медленно, как мне

казалось, изредка, делая вид, что ворочаюсь во сне, я оглядывал территорию лагеря и его окрестности. Абсолютно ничего не говорило о том, что где-то совсем рядом, в джунглях затаился коварный и жестокий, смертельно опасный враг. Так же стрекотали насекомые, так же раздавались вопли, возвещавшие о кончине кого-то из животных, в общем надо отдать должное этим убийцам, что-что, а скрываться и выжидать они умели очень хорошо!

Прервав свой рассказ, п-к взял из пепельницы потухшую сигару, вновь раскурил ее, затянулся, внимательно посмотрел на клубы выпущенного им дыма, собираясь то ли с мыслями, то ли погружаясь в переживания того времени. Сосредоточившись, он продолжил:

– Знаете, доктор, за время службы я заметил, что как ты не жди сигнала, будь он к атаке или открытию огня,.. да к чему угодно, но момент его звучания всегда наступает неожиданно, так и в тот раз троекратное уханье совы заставило меня вздрогнуть.

Себастьян Моран опять замолчал, и с какой-то хитрой улыбкой взглянул на меня. Я уже знал, что за этим взглядом последует, но считал для себя за лучшее промолчать

– Не утомил ли я вас своим рассказом, доктор? – произнес он, подтверждая мои догадки.

Мне не хотелось выказывать свой интерес, и я с деланно равнодушным видом проговорил:

– Вы правы, п-к, – думаю, что лучше отложить дальнейшее на завтра.

Еще раз взглянув на меня, п-к с улыбкой поднялся со своего места, и, протянув мне руку для прощания, с благодарностью сказал б

– Вы хороший слушатель, сэр, со своей стороны я могу обещать вам, что постараюсь не упустить ничего в своем рассказе, что могло бы заинтересовать вас.

На этом мы и расстались с ним в тот вечер. Я шел по улицам Лондона, думая о том, что Себастьян Моран и в этот раз выйдет с честью из этой ситуации, но все же сколько

много иной раз выпадает на долю одного человека! Я не хотел подвергать рассказы п-ка сомнению, да и не было абсолютно никаких к тому оснований. Где-то я слышал о существовании секты душителей, но впервые я общался с человеком, который сталкивался с ними лицом к лицу, и само собой мне было чрезвычайно интересно услышать продолжение этой истории, но настаивать или уговаривать рассказчика в лице задержанного Себастьяна Морана я не мог, думаю, что вы поймете, почему. С такими мыслями я добрался к Бейкер-стрит, 66. Холмса я застал читавшим гранки своей статьи для журнала королевского общества, вид его был чрезвычайно довольный, впрочем, как и настроение:

– А! Ватсон! Добрый вечер! Мне тут прислали гранки моей статьи, вот сию, просматриваю.

– И как гранки, Холмс?

– Замечательно! Корректировщик с редактором поработали на славу, добавить просто нечего, – в доказательство мой друг показал листы с гранками, абсолютно не исчерканными рукой Холмса.

– Ну что ж, рад за вас, сэр – улыбнулся я непосредственности своего друга, мне нравилось такое его состояние, случилось оно, правда, не очень часто, но тем более было радостным.

– Как ваше свидание с Себастьяном Мораном? – вспомнил Холмс.

– Не перестает удивлять.

– Чем же на сей раз смог удивить вас хитрый лис?

– Скажите. Холмс, вы слышали что-нибудь о фансигарах? – я специально не стал называть их душителями.

– Дайте мне минутку, Ватсон, – Холмс наморщил лоб и быстро выдал:

– Это какая-то преступная организация, и если о ней вам рассказал ваш друг, то скорее всего она существовала или существует в Индии.

– Совершенно верно, сэр, – вновь удивившись и памяти и знаниям своего друга, – к этому можно добавить, что это была секта душителей и почитателей богини Кали, весьма кровавой богини, должен заметить. С ними боролся известный генерал Уильям Слимен будучи еще в чине капитана.

– И что поведал вам о них Себастьян Моран? Уж не были ли он активным членом этой шайки? – смех Холмса прозвучал несколько искусственно, – шучу, доктор, шучу,.. но когда вспоминаю выражение лица вашего друга, с каким он швырял в меня камнями на Рейхенбахском водопаде, то ничуть бы и не удивился, окажись он действительно фансигаром. Да и разница между ними только в способе умерщвления своих жертв.

– Не только, Холмс, – мне вдруг захотелось блеснуть познаниями, приобретенными в процессе общения с п-ком, – на счету у многих фансигаров сотня и более жертв, у некоторых же число это достигает чуть ли не тысячи.

– Однако, – присвистнув, вымолвил Холмс, – и вы хотите сказать, что по сравнению с ними п-к Моран - овечка невинная?

– Этого я не говорил, но сравнивать Себастьяна Морана и фансигаров, как мне кажется, несколько эээ...не этично, что ли.

– Слово «этика» в данном случае неуместно, вам не кажется, доктор?

– Вы совершенно правы, Холмс, но все же Себастьян Моран – п-к, а столь высокие звания ее величество не раздает налево и направо, – парировал я

– Я не хочу умалять заслуг вашего друга перед ее величеством и государством, но прошу вас вспомнить, при каких условиях вы познакомились с ним, – довольно жестко ответил Холмс.

– Я все прекрасно помню, – мне было неудобно от справедливого напоминания моего друга, – но его рассказы ни-

чего, кроме уважения, к нему не вызывают, тем более что как рассказчик - он весьма хорош.

– Ну еще бы! – воскликнул Холмс, – имея за плечами Итон с Оксфордом вряд ли кто будет косноязычным, да и не написал бы он в таком случае две книги. Кстати, доктор, вы их не прочли? А то пришел мой багаж, а в нем они есть. Пока я скрывался в Европе, я ознакомился с ними, чтобы знать своего противника лучше, но в них он пишет об охоте и джунглях, населенных дикими зверями, о приключениях, рассказанных вам, там ни слова.

– Вы думаете, Холмс, что п-к придумывает все, что рассказывает?

– Нет, доктор, я так не думаю, но почему он тогда ни словом не обмолвился в своих книгах о рассказываемых вам приключениях?

– Может, из скромности?

– Гм, – хмыкнул мой друг, – ...хотя, надо признать, личность п-ка, конечно, неординарная, этого у него не отнимешь.

– Не знаю, что и сказать вам, но слушая его, поневоле проникаешься уважением, я, наверное, повторяюсь, но это так.

– Скорее всего, я бы и сам его уважал, если бы ничего не знал о его второй жизни, жизни одного из самых опасных преступников, а тут я ничего поделать не могу. Он преступник, Ватсон, и вы знаете это не хуже моего.

– Это так – вздохнул я, возразить мне было нечем.

– Друг мой, подумайте, сколько зла он принес людям, ведь то, что мы знаем, это далеко не все. Уверен, что есть много неизвестных нам преступлений, совершенных Себастьяном Мораном, и за каждым из них стоят жертвы и горе людей, и никакими заслугами в прежней жизни это не оправдать.

– Все это так, – я опять вздохнул, – но....

– Никаких «но», сэр, – прервал меня Холмс, – никакие причины не могут оправдать тех дел, что натворил бывший п-к Моран, я подчеркиваю, – «бывший» полковник.

– Я понимаю, что не достоин он оправдания, тем не менее в его жизни были поступки, достойные уважения, как и те, которые не поддаются прощению. Я не могу, слушая его, постоянно помнить о том, что он убийца, наоборот, его рассказы о том, как он спасал жизни!

– Господи! Друг мой! Никто и не отнимает у него его заслуг! Уверен, что и был он героем в глазах окружающих, но до определенного момента. Как только человек переступает порог, отделяющий его от честного и заслуженного, как личность, он становится в моих глазах, да и в глазах всего общества, – преступником.

– Вы мне рассказываете, будто я не понимаю всего, что вы мне говорите! Я отдаю себе ясный и полный отчет, кого я слушаю ежедневно, но мне по-прежнему интересно, что побудило его переступить этот порог, и не скрою, что с каждым днем мне становится все интересней, – мне не часто доводилось видеть моего друга таким возбужденным, и хотелось как-то успокоить его, – ведь то, что я его слушаю, не спасет его от виселицы?

– Очень надеюсь на это, – буркнул Холмс, – кстати, как воспринял известие о возможном побеге Себастьяна Морана инспектор Лестрейд?

– Эта мысль изрядно позабавила инспектора, он чрезвычайно самоуверен и самонадеян, впрочем, как всегда.

– Это один из тех редчайших случаев, когда я хотел бы ошибиться, но боюсь, что окажусь прав, и правота моя не сулит нам ничего хорошего, – знаменитый сыщик впал в задумчивость.

– А не пойти ли нам в клуб и не отметить ли за рюмкой хорошего ликера с кофе скорый выход вашей статьи, Холмс, – решил я разрядить обстановку таким образом.

– С удовольствием, Ватсон, – подхватил эту идею Холмс.

Быстро собравшись, мы отправились в наш любимый клуб, где и провели остаток вечера, болтая о разных пустяках, не затрагивая Себастьяна Морана. По приходу домой мы, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по комнатам, однако не успел я закрыть за собой дверь, как меня настигло несколько необычное напоминание моего друга :

– Не забудьте захватить завтра сигару, друг мой, – и слышался смех Холмса.

Чертыхнувшись про себя, я все же взял из коробки сигару и положил ее в карман пиджака, в котором собирался завтра идти на встречу к полковнику.

– Интересно, откуда Холмс знает о сигаре, – это была моя последняя мысль перед сном.

Не хочу утомлять рассказом читателя о том, как я побрился с утра, затем съел порцию порриджа, выпил кофе и прочее. Это каждодневная процедура, и если ее описывать, то боюсь очень скоро надоест своему возможному читателю, так что лучше обойдемся без этих подробностей.

Итак, утром, уже можно сказать, как обычно, я переступил порог участка и сразу направился к инспектору Лестрейду. Мне было интересно узнать, как ведет себя Себастьян Моран, может что-то необычное в поведении и укажет о готовящемся им побеге, а в том, что попытка будет, я уже мало сомневался, ибо в проницательности своего друга я убеждался не один раз.

– Доброе утро, джентльмены, – приветствовал я инспектора и его помощника.

– Здравствуйте, доктор Ватсон, – в один голос воскликнули они и рассмеялись.

Настроение в комнате царило хорошее,

– Спешу доложить вам, сэр, что мы провели тщательную проверку камеры, той, где содержится п-к Моран, и не обнаружили ни кирки с лопатой, ни следов подкопа. Можете с чистой совестью довести все это до сведения м-ра Холмса.

Инспектор явно веселился, рассказывая мне о проверке камеры Себастьяна Морана.

– Уверен, что м-р Холмс будет рад тому, что вы правильно отреагировали на его предупреждение, м-р Лестрейд. Значит, ничего необычного вы не обнаружили в камере п-ка?

– Ничегошеньки, сэр! – воскликнул Лестрейд, и тут же его помощник закивал головой в знак подтверждения слов своего начальника, – правда, рисует наш арестант, как и раньше.

Тут же раздался смех помощника, явно оценившего каламбур инспектора, по правде сказать, я и сам улыбнулся ему.

– Вы не захватили продукты его творчества? – в тон ему спросил я.

– Не сочли нужным, сэр, они не отличаются ничем от тех, что мы передавали вам ранее.

– Ну что ж, не смею отвлекать вас от дел, джентльмены. Полковник ждет меня?

– Как всегда с утра он к вашим услугам, доктор.

Мне было немного не по себе от их веселья, и я поспешил покинуть доблестных сыщиков, пожелав им всего наилучшего. В камере я обнаружил п-ка отлично выглядевшим. Он был гладко выбрит, усы его уже не висели так понуро, как вначале наших встреч, волосы его были аккуратно подстрижены, одежда, которая сидела на нем просто великолепно, была вычищена, и все говорило о том, что тюремные условия не сильно угнетают этого человека. В таком виде он мог прямо отсюда смело идти в свой карточный клуб «Бэгетель», и тамошние завсегдатаи никогда бы не заподозрили, что явился он не из своего дома, а из тюремной камеры. Увидев и оценив все это, я только развел руками:

– Да, сэр, – самодовольно улыбнулся Себастьян Моран, – как ни странно, но здесь отличный парикмахер. Рад видеть

вас, м-р Ватсон, надеюсь, вы в добром здравии, – и не дожидаясь ответа, – наш общий друг м-р Холмс здоров ли?

– Спасибо, п-к, у нас все просто замечательно.

– Прошу простить мою нескромность, сэр, но не могли бы вы сразу передать сигару, а уж потом мы продолжим разговор, а то я боюсь, что допущу оплошность в разговоре, и выдача мне сигары отложится на некоторое время.

Я не стал обращать внимание на открытый сарказм, а просто вытащил сигару и передал п-ку.

– Все-таки общение с не самыми лучшими представителями общества дало свои плоды, – подумал я про себя, – такое нахальство ни в Итоне, а уж тем более в Оксфорде не приобретешь.

– Благодарю вас, сэр, – занимаясь сигарой, промолвил Себастьян Моран, – а вот скажите мне, обыск в моей камере произвели не по просьбе вашего друга?

– Прямой просьбы не было, но предположение о возможном вашем побеге м-р Холмс высказал, – полковник был явно доволен услышанным.

– Это может создать мне некоторые трудности в моем проживании здесь, но все же я польщен отношением к себе м-ра Холмса, – самодовольно улыбнулся он.

– Если вам это польстит, то я скажу больше, м-р Холмс до сих пор считает вас опасным человеком, и считает за благо для всего общества ваше нахождение здесь.

– Могу сказать на это одно, если бы не этот сыщик, то общество совсем скоро бы получило одного из самых добропорядочных граждан, правда, может быть не в этой стране и не под этим именем.

Меня слегка покорило выражение «этот сыщик», что не осталось замеченным моим собеседником:

– Видите, я не зря попросил у вас сигару сразу по вашему приходу, – рассмеялся Себастьян Моран, – простите, доктор, но со здешними служащими не часто появляется возможность пошутить.

– Не буду скрывать от вас п-к, мне не всегда нравятся ваши высказывания в адрес м-ра Холмса.

– Понимаю вас, сэр, но особой любви я к вашему другу не питаю, думаю, вы и сами это понимаете.

– Но вы могли бы уважать его как противника, у которого хватило ума одержать над вами верх.

– Думаю, что у меня еще будет возможность проверить, а у вас убедиться, так ли уж умен ваш друг.

– Это вы про ваши ребусы, которые рисуете в свободное от меня время?

– Может быть, – уклонился от ответа п-к.

– Знаете, п-к, у меня было достаточно много доказательств его ума, и одно из них я вижу перед собой прямо сейчас, – не удержался я, – и ваши ребусы не повлияют на мое мнение о способностях м-ра Холмса.

– Я не стал бы так рано торжествовать, – насупился Себастьян Моран, – день еще не кончился, а будущее полно неожиданностей. Так говорят на Востоке.

– Прошу прощения, сэр, но у некоторых будущее уже предрешено.

– Может и так, доктор, но хорошо бы помнить, что старая лиса дважды в капкан не попадает, это уже из нашего личного опыта...

– Вы пытаетесь угрожать? – я начинал потихоньку заводиться.

– Боже упаси, – у меня есть дела поважнее, чем глупая месть.

– Спрашивать какие, не вижу смысла. Не лучше ли вам, п-к, продолжить свой рассказ?

– Ах да! Рассказ...минутку, доктор – Себастьян Моран собирался с мыслями.

– Вы знаете, сэр, я с тех пор ненавижу сов и их ночные крики. Казалось бы, причем здесь полезные птицы, но это так. Как только я слышу крики этих птиц, мне становится беспокойно, в будущем я обязательно поселюсь там, где их и на сотню миль вокруг не будет. Ну да Господь с ними, с со-

вами. Так вот, спустя некоторое время после подачи сигнала, продолжала стоять такая же тишина, видимо, фансигары решили действовать наверняка и еще раз убедиться, что в лагере все спят крепким сном. Появились они внезапно и бесшумно, суматохи в их действиях не было, каждый двигался к своей намеченной жертве с платком в руках с самым зловещим видом. Ко мне приближался огромный усатый индус, в руках его, как и у всех прочих, был платок. У моих людей был четкий приказ открывать огонь только после нападения и по возможности стрелять по ногам. Выдержка у бандитов, надо сказать, была железной, никто не кинулся на свою жертву, думая, что мы спим, каждый остановился у намеченной им цели, и только по сигналу стоявшего рядом со мной бандита они кинулись на нас. Я вовремя втянул голову в плечи, и румаль только скользнул по моему лбу, не захватив шеи. Видимо, прозвучавший тут же залп сбил с толку моего противника, он на мгновение замер в недоумении, это дало мне возможность, ухватив его за ноги, повалить и прижать к земле. Но не тут-то было! Бандит был невероятно силен. В следующее мгновение мы уже катались по земле, стараясь удушить друг друга. Он рычал, как дикий зверь, глаза его были безумны. Пальцы мои не могли охватить его бычьей шеи, он был сверху меня и давил своей огромной тушей, я чувствовал, что мне приходит конец, не было совершенно никакой возможности вывернуться из-под него. Оставив его шею в покое, я начал давить на его глазные яблоки большими пальцами рук, он взвыл от боли, замотал головой, но горла моего не отпускал. Улучив момент, когда его голова была запрокинута назад, я изо всех сил, с коротким замахом, ударил его кулаком в адамово яблоко, то есть в кадык. Он захрипел, и руки его ослабили хватку, что позволило мне вывернуться из-под него. Я вскочил на ноги и ударом сапога в висок успокоил этого великана, он замер на земле, потеряв сознание. Я никак не мог восстановить дыхание. Я видел смерть и до этого, но тогда она приходила в виде свистящей пули у головы или зане-

сенной над головой сабли, теперь я увидел ее, держащей меня за горло, и поверьте, сэр, это было самое страшное видение. Я с трудом сдерживал себя от того, чтобы не достать револьвер и не всадить в него все шесть пуль, находящихся в барабане. Желание было огромным, но я не хотел его убивать таким образом, это было бы слишком легкой смертью для негодяя. Победа на поле боя полностью была нашей. Оглядевшись, я увидел трупы презренных тхагов и несколько корчащихся от боли раненых преступников, коих уже вязали мои молодцы. С нашей стороны потерь не было. План мой удался на славу, и только в тот момент я почувствовал, как спадает мое напряжение, сил стоять на ногах не было. Я присел на землю прямо рядом со своим поверженным противником. Стоило мне присесть, как этот гигант начал подавать признаки жизни, видимо, со злобой, возникшей в тот момент, ко мне опять пришли силы, и я изо всех сил ударил его по лицу снова, он опять потерял сознание, но я не был удовлетворен продолжал бить в это ненавистное лицо, вкладывая в каждый удар всю ненависть и страх от бывшей совсем рядом смерти. Остановил меня Джон О*Тул, перехватив мою руку.

– Вы в порядке, сэр?

– В полном, Джон, – приходя в себя, с тяжелым дыханием ответил я ему, – что с ребятами?

– Никто не пострадал, сэр, – с довольным видом докладывал он, – противник потерял девять человек убитыми, двенадцать взяты в плен и ждут своей участи.

– Потом напишешь мне имена особо отличившихся.

– Я готов сделать это прямо сейчас, сэр, – довольное выражение лица не покидало Джона, – это все как один, сэр.

– Хорошо, Джон, – поднимаясь, сказал я, – пленники связаны?

– И свалены в кучу, сэр, – осклабился О*Тул.

– Отлично! – я уже полностью пришел в себя, – ну пойдем, взглянем на них.

– Вам помочь, сэр? – веселью его не было предела.

Мой взгляд несколько остудил его, он подобрался и поправил френч. Джон О*Тул не позволял себе панибратства в ответственные моменты, за что я очень ценил его.

– Скажи кому-нибудь, чтобы эту тушу отволокли к остальным, – не сдержавшись, я пнул поверженного бандита.

– Есть, сэр, – на зов его руки уже двигались по направлению к нам двое солдат, не мешкая, они ухватили убийцу за ноги и поволокли ко всем остальным, где и связали крепко-накрепко.

– Спасибо, ребята – как можно теплее сказал я.

В ответ не послышалось ни слова, но я почувствовал в этом молчании благодарность за признание их заслуг и уважение к себе как к начальнику. Все-таки это была первая серьезная переделка, в которую мы попали, и мы вышли из нее с честью, в чем была и моя заслуга. Я обвел взглядом убитых и пленных, которые лежали и сидели рядом друг с другом, посмотрел и на своих ребят и, не обращаясь ни к кому, спросил:

– Что будем делать с этими?

– Повесить!

Пленные испуганно что-то залопотали, далеко не все владели английским, но по виду моих солдат они поняли, какая участь их ожидает.

– Неужели они еще надеются на снисхождение, – мелькнула у меня в голове мысль.

– Повесить мы их успеем, но для начала не мешало бы допросить.

– Не стоят они того! Повесить!

– Кто будет вести допрос? – пресекая спор и подпустив металла в голос, спросил я.

Все замолчали, переглядываясь.

– Допрос можно будет вести с пристрастием, сэр? – спросил рыжий ирландец, фамилии его я уже не помню, помню все звали его Патрик.

– По возможности, – я уже понял, кто будет вести допрос.

– И все-таки, сэр?

– Только в случае крайней необходимости, – мне вдруг не захотелось больше никакой жестокости, я почувствовал, что произошедшее должно быстрее закончиться, и где-то уже жалел, что не уступил требованиям своих солдат, – может, и правда, повесить их всех - и дело с концом, - мелькнула мысль, но отступить от своих слов было поздно.

– Допрос я проведу сам, вы будете мне ассистировать, - обратился я к Патрику, вряд ли он, конечно, понял слово «ассистировать», но смысл до него дошел. Ребята говорили, что у него дома невеста осталась, которая успела ему родить внебрачного ребенка, и он очень скучал за ней, контракт его заканчивался, и он вызвался в эту командировку для того, чтобы заработать, и, приехав домой, жениться, тем самым узаконить своего сына и снять позор с невесты, в общем, у него были веские причины вернуться домой целым и невредимым, а эти бандиты могли разрушить его планы самым чудовищным образом. Таким образом я заимел ассистента, который вряд ли пожалел бы кого-то из этих бандитов. Все-таки я надеялся, что к его услугам прибегать не придется. Тем временем Голиаф, поверженный мною, заворочался и попытался приобрести сидячее положение, стараясь приподняться, стоная при этом. Сделать это со стянутыми за спиной руками получалось у него крайне плохо. Я кивнул головой в его сторону, и тут же солдат, стоявший ближе всех, не особо вежливо помог ему с помощью рук и пинков принять желаемое положение. Усевшись, тот тупо обвел поляну мутным взглядом, после чего взглянул на меня с невыразимой ненавистью. Мне было наплевать на его чувства, и я, не отводя взгляда, сам смотрел на него, теперь уже с некоторой долей любопытства.

– Я не говорил вам, доктор, что в поход взял свою дамасскую саблю?

Я покачал в ответ головой, понимая, что большего и не нужно в данной ситуации.

– Удивительный клинок, интересно было бы узнать его историю до меня, – как бы разговаривая сам с собой, продолжал Себастьян Моран, – жаль, что не умеют разговаривать такие вещи, думаю, что услышали бы мы рассказ в таком случае гораздо интереснее моего. Ну да Бог с ним...

Тем временем стало уже достаточно светло, и я, решив не откладывать дело в долгий ящик, приказал поставить на ноги этого громилу.

– Это ваш предводитель? – сурово обратился я к остальным. Все потупили взгляд.

– Спрашиваю еще раз, это ваш предводитель? – все сидели, понутив головы, я держал паузу, предполагая, что вечно она длиться не будет, и кто-то обязательно не выдержит.

Предположение мое оказалось верным, один из тюрбанов качнулся, можно было подумать, что обладатель его просто повел головой, но так можно было бы подумать не в этой ситуации, в этой же владелец тюрбана явно давал понять, что моя догадка верна. Как оказалось, я не один следил за этой шайкой, как только тюрбан качнулся, послышался негодующий вопль, который издал главарь. Рыча, он начал извиваться, стараясь избавиться от своих пут, фансигары же, эти злобные душителы, как овцы при опасности, стали прижиматься теснее друг к другу, со страхом взирая на происходящее. Я взялся за эфес своей сабли и спокойно наблюдал за происходящим. Все произошло очень быстро, внезапно веревка, сковывающая его движения, лопнула в одном из своих колец, и он уже готов был кинуться на предателя, но я неожиданно даже для себя взмахнул саблей, и голова главаря слетела с его могучих плеч. Кровь фонтаном брызнула из шеи, тело еще стояло несколько мгновений, а потом как-то не спеша завалилось на бок в сторону отсеченной головы, которая лежала с открытым как бы в изумлении ртом. Вся банда замерла в страхе перед происходящим, мои люди тоже стояли, не произнеся ни слова, сам я был достаточно изумлен собственным поступком.

Всеобщее напряжение разрядил голос Джека Аттвуда, нашего топографа:

– Великолепный удар сэра, – с восхищением воскликнул человек мирной профессии.

Сразу же завопили пленные, мои же люди тут же начали с жаром обсуждать произошедшее, по их голосам я понял, что мой удар вызвал так же и у них восхищение. Я подцепил клинком тюрбан с отрубленной головы, взял его в левую руку, и не торопясь, начал вытирать о него клинок, чем вызвал еще большее волнение фансигаров. Вложив саблю в ножны, я поднял руку, и, как по мановению волшебной палочки, наступила тишина.

– Кто был его помощником? – все сразу отодвинулись от одного из бандитов. Знаком я дал ему понять, чтобы приблизился, он сразу начал делать попытки вскочить на ноги, от волнения у него никак не получалось задуманное, двое солдат, подскочив, подхватили его под руки и поставили передо мной, но стоило им отпустить его, как он сразу подогнул ноги и стал оседать на землю. Ужас полностью владел им. Мои люди как следует встряхнули его и снова поставили, не отпуская его, они подождали, пока он успокоится, а затем отошли в сторону.

– Откуда вы узнали о нашей экспедиции? – в ответ тот что-то быстро заговорил на своем языке, мне не хотелось прибегать к услугам солдата, владевшего этим языком, и я положил руку на эфес сабли. Тут же раздался вопль уже на хорошем английском:

– Пощади, саиб! Не убивай! Я все скажу! – я убрал руку.

– Так кто вам сказал о нашей экспедиции?

– Местный раджа, саиб, сказал нашему самому главному джемадару, а тот направил нас во главе с этим, – он головой указал на мертвого главаря.

– Продолжай!

– Раджа сказал, что у вас сундук с золотом, саиб.

– Как давно вы нас ожидаете?

– Мы узнали о вас еще три месяца назад, саиб. Будь великодушен, смилуйся.

– Три месяца!?! – я был изумлен, кто мог сообщить ему об этом?

– Да саиб, три месяца, – подтвердил он.

– Чем вы были заняты все это время? – он склонил голову.

– Отвечай! – прикрикнул я.

– Промышляли понемногу, саиб, – голова опустилась ниже.

– Чем!?!

– Грабили путников, саиб, – не поднимая головы, ответил он.

– Убивали? – еще строже спросил я.

– Да, саиб, – еле слышно подтвердил он, – смилуйся...

– Где награбленное вами?

– Здесь неподалеку, саиб, – совсем тихо пролепетал бандит.

– М-р Гриммерс и м-р Аттвуд, возьмите трех солдат, и в проводники одного из этих, – я мотнул головой в сторону пленных, – и доставьте сюда все, что припрятано ими.

Мои люди без промедления выхватили первого попавшегося из толпы пленных, тот сразу поднял такой крик, что думаю, не меньше чем на милю разбежалось все зверье в джунглях. Бедолага подумал, что его прямо сейчас постигнет участь главаря.

– Оставьте его! – я понял, что бандит не понимает по-английски, – выясните, кто знает язык, того и возьмите.

Они так и сделали. Выбранный ими фансигар безропотно последовал за ними, и вскоре они скрылись в зарослях. В толпе пленных тихонько начали переговариваться, я и без переводчика догадался, о чем они говорят, судя по тревожным их переговорам. Знающие английский язык, объяснили остальным, что их товарищ под конвоем отправился за награбленным ими добром, ничего хорошего это им не сулило. Им и так ничего хорошего не предстояло, и они по-

нимали, что вещи с убитых только усугубят их вину, но изменить что-либо было не в их силах.

– Как часто вы грабили и убивали? – я вернулся к допросу.

– Это было смыслом нашей жизни, саиб, и мы делали это при каждой возможности, – он понял, что прощения не будет, и как мне показалось, смирился со своей участью.

– Скольких людей ты задушил лично?

– Я бы не хотел отвечать на этот вопрос, саиб.

– Хорошо, пусть это останется на твоей совести.

– Есть среди вас такие, кто пришел в шайку не по своей воле? – обратился я ко всем пленным.

– К богине Кали приходят по доброй воле, саиб, – поклонился один из бандитов, – и никто не отворачивается от нее даже под страхом смерти. Существует иная жизнь, и предавший Кали в этой жизни обречен на муки вечные в той, саиб.

Я махнул рукой.

– Джон! Вы всех обыскали?

– Да, сэр! Ничего особенного не нашли. Разве только монеты у некоторых в платках.

Я понял, что некоторые из числа пленных должны были после этой ночи перейти в другой ранг, если можно так сказать. Неожиданно из джунглей раздались крики гнева солдат и вопли проводника, я вопросительно взглянул на Джона:

– Наверное ребята вымещают злость после обнаружения тайника, – пожал плечами О*Тул.

Ждать разгадки долго не пришлось, немного погодя на поляну вышел проводник, подгоняемый пинками солдат, нагруженный огромным тюком, от которого он поспешил избавиться сразу, как только вышел на середину поляны.

– Развязывай, – приказал я ему.

Дважды повторять не пришлось, без промедления, дрожащими руками он развязал тюк. Подойдя к тюку, я пнул его ногой, он развалился и показались вещи убитых. Там

были сари, одежда женщин, шальвары, шервани - длинные сюртуки, дхоти – набедренная повязка для мужчин, курта, это знаете, доктор, такая длинная рубаха. Вещи все были практически новые или совсем новые. Мои люди молча, исподлобья наблюдали за моими действиями, и как замороженные смотрели на эти вещи. Все проходило спокойно, но вот мой сапог разворошив эту кучу и извлек на свет божий вещи, которые могли принадлежать только совсем маленьким детям. Я застыл как вкопанный, я знал, что тхаги не оставляют свидетелей. Подняв голову, я взглянул в глаза допрашиваемого:

– Она ждала ребенка, – выдавил он из себя.

Господи! Что тут началось! Люди совсем забыли о том, что они солдаты, совершенно потеряв самообладание, кинулись избивать этих Богом проклятых убийц. Только два выстрела, произведенных мною в воздух, смогли их остановить.

– Джентльмены, – обратился я к солдатам, – давайте не будем уподобляться этим убийцам, а проведем экстренное заседание полевого суда.

Сейчас смешно вспоминать о таком заявлении, - это же надо, экстренный полевой суд в джунглях, но тогда моими людьми это было воспринято очень серьезно. Они успокоились понемногу и стали ждать моих дальнейших действий. Тянуть смысла не было.

– Итак, господа, кто считает этих людей виновными в совершении многочисленных преднамеренных убийств, прошу поднять руки, – мне даже не пришлось проводить подсчет голосов.

– Общим голосованием подсудимые признаны виновными и подлежат казни через повешение, – солдаты крикнули «ура», пленные же завопили, что есть мочи. Пока проходил импровизированный суд, рыжий Патрик уже изготовил из подходящей веревки петлю, и второй конец ее как раз перебрасывал через крепкий сук ближайшего дерева. Совсем скоро в петле уже бился в агонии первый бандит,

им был допрашиваемый. Жизнь никак не хотела его покидать, и мы все в ожидании наблюдали за ним.

– Может проще их всех расстрелять, сэр, – обратился ко мне с предложением Джон.

Ребята одобрили это предложение криками:

– Расстрелять их и дело с концом, что валандаться с ними!

– Конечно, лучше бы им висеть в назидание другим, но пусть будет по-вашему, – согласился я, – построить ублюдоков!

Очень скоро нестройная шеренга, состоящая из убийц, стояла рядом с повешенным, – кто из них дрожал крупной дрожью, кто молился, вероятно, своей богине, но в целом шеренга стояла, не распадаясь. Мои люди построились напротив и после быстро последовавшей команды «пли» все осужденные оказались на земле, истекая кровью, которую так любила их богиня Кали. Ни капли жалости не было на лицах моих подчиненных.

– Закопать их, сэр? – спросил кто-то из солдат.

– Много чести, пусть послужат кормом шакалам, – это сержант Гриммерс опередил меня с ответом. Я не возражал.

– Что делать с этим барахлом, сэр? – спросил Джон.

– Оттащите в сторону и сожгите.

– Есть, сэр, – двое солдат кинулись исполнять, схватив не совсем распавшийся тюк за края.

Немного погодя, раздался крик одного из них:

– Сэр! Нельзя ли попросить вас подойти сюда?

Мне не очень хотелось делать это, но все же я подошел к ним. Они присели на корточки, что-то рассматривая. Подойдя ближе, я увидел ту самую статуэтку Кали, которую заприметил в лавке, сомнений быть не могло, это была именно она. Да, это была та самая Кали, которую я видел в лавке, Кали, которая приходила ко мне во сне. Так вот для кого она была изготовлена! Теперь мне стало понятно, почему хозяин не продал ее мне. Он боялся, и на это у него были все основания. Рядом с ней лежал какой-то сверток,

сделанный из платка. Взяв в одну руку статуэтку, а в другую узелок, я почувствовал его тяжесть. Положив статуэтку, я развернул узелок, в нем оказались деньги и украшения, видимо, снятые с убитых. Свернув все как было, я отдал приказ к построению.

*...Никаких на небе звезд нет,
– Это просто миллион дыр.
И пробивается сквозь них свет,
– Это светится другой мир.*

Уже через минуту я стоял перед строем, у моих ног лежал найденный мною сверток с деньгами и украшениями.

– Джентльмены! – обратился я к подчиненным, – все это принадлежит вам в качестве трофея. Поделите это по своему усмотрению.

Никто не пошевелился и не подал голос

– Сержант Грммерс!

– Я, сэр!

– Не сочтите за труд разделите все поровну.

– Простите, сэр, – глядя мне в глаза, сказал он, – но, думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что этих денег нам не нужно.

– Зря вы так, ребята, – смягчив тон, сказал я, – понимаю, что деньги эти не чистые, но их можно употребить на благие дела. Приехав домой, вы сможете пожертвовать их в свои церкви и на другие богоугодные дела.

В ответ была гробовая тишина.

– Сэр! Разрешите! – прервал молчание Патрик, я дал добро кивком головы, – я думаю, что лучше всего будет отдать эти деньги полковому священнику, а уж он-то найдет им достойное применение.

Судя по лицам, я понял, что все согласны с его предложением.

– Хорошо. Упакуйте это и отправляемся в путь.

В дороге не было обычных разговоров, и не слышались даже рассказы Джека Одли, которыми он обычно забавлял окружающих. Все ехали в тягостном молчании. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку и дать понять своим людям, что они не убийцы, я затынул «Боже, храни королеву». Одно дело убить человека в открытом бою, и совсем другое застрелить связанного, будь он хоть трижды убийцей. Первым подхватил гимн Джек Аттвуд, а уж за ним присоединились все остальные. Не скажу, что это разом выветрило все мысли о произошедшем, но какой-то груз содеянного спал с их плеч, да и, если честно, то с моих тоже.

Полковник на время замолчал, я же не удержался от вопроса:

– Простите меня, п-к, – с некоторой заминкой произнес я, – но ведь вам потом не один раз приходилось убивать, и убивать людей совсем невинных? Мучила ли вас совесть так же?

– Вы имеете в виду Рональда Адэра? – вопросительно вздернул брови Себастьян Моран.

– О других я не знаю.

– А других и не было, сэр, поверьте, доктор, я пошел на это с нелегкой душой, этот юноша мог сорвать все мои планы, которые я вынашивал не один год. Слишком много было поставлено на карту, и если бы я был уверен, что он будет молчать, то этого бы не произошло.

– А как же с м-ром Холмсом?

– О! Доктор! Тут я был точно уверен, что ваш друг ни за что на свете не будет молчать, и более того, приложит все усилия для того, чтобы отправить меня на виселицу, – и после совсем небольшой паузы п-к продолжил, – когда вы, м-р Ватсон, узнаете, что двигало мною, может быть, вы меня и поймете.

– Не уверен в этом, сэр, – возразил я, – ничто не может оправдать убийство невинного человека.

Некоторое время Себастьян Моран молча разглядывал меня.

– Вы являетесь представителем гуманной профессии, сэр, вы спасаете жизни, я же всегда был солдатом, и в силу этого обстоятельства мне приходилось эти жизни отнимать, а когда делаешь это довольно часто, жизнь другого человека в твоих глазах теряет ценность, как это ни прискорбно. Убивая во славу королевы и Британии, ты все равно убиваешь, и если ты будешь думать о том, что убитый тобой человек чей-то сын, отец, или муж, то очень скоро можешь сойти с ума. Мне повезло в этом смысле, помните, доктор, я вам рассказывал о своем первом убитом мною афганце? Так вот, у меня после этого просто не было времени задуматься о совершённом, надо было думать о том, как доставить почту вовремя, и оглядываться по сторонам, чтобы вновь не напороться на засаду. Я благодарен судьбе за то, что она распорядилась мною именно таким образом. В пылу боя или достижения конечной цели нет времени философствовать, а в то время жизнь моя была очень насыщена, и все эти раздумья миновали меня, за что я весьма благодарен судьбе. Потом, когда я попал, скажем, в иные обстоятельства, совесть меня уже не мучила, тем более, что приходилось мне главным образом иметь дело далеко не с лучшими представителями общества, но сказать по правде, мне до сих пор жаль Рональда Адера, – и тут же практически без перехода воскликнул, – черт меня побери! Сам не знаю, что меня сподвигло передернуть карту! Ведь все у меня было готово к тому, чтобы я убрался из Англии обратно в Индию, а тут еще объявился ваш друг весьма некстати. Не мог я отбыть с такой ищейкой за спиной, идущей по моему следу. Что ему нейдет-то все? Если бы у меня была хоть какая-то надежда, что он оставит меня в покое, не сидел бы я здесь, и все бы уже забыли о моем существовании, а через пару лет где-нибудь в Виргинии объявился бы добропорядочный плантатор, совсем не чуждый благотворительности.

– Нет ли у вас еще сигары, сэр? – неожиданно спросил меня п-к.

Я отрицательно покачал головой.

– Жаль, что-то я разнервничался, – вздохнул он, – тяжело переживать крушение своих планов, доктор, жизнь не баловала меня, да я и сам не уклонялся от трудностей, связанных со службой, поверьте, я честно и старательно исполнял свой долг, а это стоило мне дорого, и вот когда все уже было готово к тому, что фортуна повернется ко мне лицом, опять судьба сделала крутой поворот. Ну да ладно, я никогда не жаловался, и в этот раз я просто рассуждаю, а уж сдаваться не в моих правилах, сэр.

– Простите меня еще раз, п-к, но на что вы надеетесь?

– Могу только повториться, сэр, – со смешком ответил Моран, – день еще не кончился, а будущее полно неожиданностей.

Мне ничего не оставалось, как только пожать плечами, но какое-то чувство, овладевшее мною после высказанной версии о побеге п-ка Холмсом, начало приобретать черты уверенности в правоте моего друга. Оставалось только надеяться, что будущее своей неожиданностью будет не в пользу Себастьяна Морана.

– Зачем я все это рассказываю вам, доктор? – спросил п-к, и, не дожидаясь ответа, продолжил, – карьера моя складывалась блестяще, сослуживцы завидовали моему продвижению по службе, меня уважали мои подчиненные, и к этому у них были все основания, и только злой рок привел меня сюда, – Себастьян Моран окинул взглядом помещение, – наверное, судьба не совсем справедливо обошлась со мной, хочется, чтобы хоть кто-то знал об этом, и честно скажу вам, сэр, я рад, что именно вы оказались тем человеком, которому мне хотелось поведать обо всем. Я не рассчитываю на ваше снисхождение, но на кой-какое понимание надеяться смею.

– Пока, п-к, мне просто интересно слушать вас, выводы делать еще рано, но должен признать, что если бы мы с

вами не находились здесь, – я махнул рукой на тюремные стены, – и не знай я, кто вы есть теперь, то все услышанное достойно всяческого уважения, сэр.

Полковник признательно склонил голову:

– Я не слишком много отнимаю вашего времени, доктор? Можно, конечно, и приступить к самому важному в моих рассказах, но тогда у вас не будет целостной картины об истории моей жизни.

К тому времени, у меня был уже компаньон в моей практике, и я мог позволить себе слушать п-ка без всякого ущерба для себя, и я поспешил уведомить об этом своего собеседника.

– Очень хорошо, сэр, потому что то, что вы услышите, до сих пор неизвестно никому, и не сочтите меня надоедливым, но я опять повторяю, – вы не пожалеете о потраченном вами времени.

У меня чуть не вырвался жест пренебрежения к обещаниям Себастьяна Морана, но я вовремя сдержал себя.

* * *

– Наконец мы добрались до мест, с которых должны были проводить работы по обозначению их на картах, – продолжил п-к, – не стоит говорить о том, что это была такая глухомань, где не ступала нога человека. Я часто думал, на кой черт это понадобилось Британии? Но ответа я не искал, ибо не дано было мне знать всего, что творилось в кабинетах ее Величества, а она не сочла нужным поставить меня в известность. Мой долг заключался в том, чтобы как можно лучше выполнить задание. Солдаты превратились в подсобных рабочих наших друзей-ученых. Раздевшись по пояс, они валили деревья для изготовления тригопунктов, которые потом наносились на карты, и от которых неведомо каким образом они привязывались к местности. Работа была в охотку моим людям, дисциплина как бы сама собой

несколько ослабла, но главное для меня было то, что бездельничать им не приходилось, заняты были все. Порой случались небольшие неприятности в виде отдавленных ног или небольших ранений. Тогда эти люди переходили на более легкую работу: готовили пищу или чинили снаряжение. Джек Аттвуд мог вполне ими управлять, то есть распределять их по видам работам и проверять их выполнение. Как-то само собой на меня легла обязанность по добыче пропитания, которое я добывал охотой. Никогда я не видел такого обилия дичи. Это было нечто! Стоило удалиться от лагеря на небольшое расстояние, и уже можно было наткнуться на небольшое стадо оленей или косуль. Конечно, такое изобилие животных не могло не привлечь и хищников, поэтому надо было быть предельно осторожным, чтобы самому не оказаться добычей тигра либо пантеры с медведем, коих было в тех местах предостаточно! В поймах рек и речушек лежали ленивые буйволы, которые нехотя поворачивали голову в мою сторону, оглядывая меня безразличным взглядом, и только самки с детенышами проявляли некоторое беспокойство, которое очень быстро сходило на нет. Глядя на них, и самому не хотелось двигаться. В такие минуты я присаживался на ствол какого-нибудь поваленного дерева и начинал думать об Анне. Разные мысли лезли мне в голову, доктор, часто я пытался представить себе: где она? чем занята? Хотелось надеяться, что и она вот так же время от времени вспоминает обо мне. Да что я говорю! Я был уверен, что так оно и есть, просто мне очень хотелось, чтобы это случалось именно в то время, когда я думал о ней. Она была первой, да и последней женщиной, которой удалось затронуть мою душу... скорее даже не так, – проникнуть в мою душу и крепко-накрепко зацепиться в ней. Мысли о том, как провели мы время в хижине, после совместной охоты, чаще всего посещали меня. Вы не забыли, сэр, моего рассказа о нашей с ней охоте на тигра?

– Как можно! – воскликнул я.

Себастьян Моран внимательно глядел на меня, стараясь усмотреть в моих глазах иронию, но я был искренен в то момент, меня действительно тронул и поразила тот его любовный порыв с налетом сентиментальности, которой я никак не ожидал от этого сурового человека. Не найдя в выражении моего лица ничего, что хоть как-то задело бы его чувства, он, успокоившись, продолжал:

– Я не буду вас спрашивать, доктор, испытывали ли вы нечто подобное. Скажу только одно, человек, познавший такое, был счастлив в этой жизни. Каждую свободную минуту я вспоминал и вспоминал ту деревенскую хижину, в которой познал счастье.

Себастьян Моран замолк, видимо, погрузившись в воспоминания, я не торопился потревожить его с продолжением, понимая, какие чувства обуревают его. Он сидел, склонив голову, тупо глядя в стол. Подняв взор, как будто отгоняя воспоминания, он потер щеку тыльной стороной ладони, как бы проверяя, хорошо ли он выбрит, и продолжил:

– Что было, то было, доктор, сейчас речь не о том. Экспедиция наша была очень нелегкой, особенно когда мы добрались до горных районов, как раз в это время наступила зима, а в тех районах это, я вам скажу, совсем другое дело, это вам, сэр, не зима в Англии. Переправы даже через небольшие речушки стали трудным и опасным делом. Иногда я думаю, что если все рассказать, то вы, доктор, можете и не поверить мне до конца, вам может показаться, что я выдумываю, чтобы выставить себя неким героем в ваших глазах. Скажу только одно, мы затратили три года на это дело, побывали в таких местах, где сам черт не бывал. Не все вернулись назад, кто-то погиб под лавиной, кого-то накрыл камнепад, у кого-то началась гангрена от обморожения, и мы не сумели спасти его, кого-то поглотила река при переправе.

Вернулось обратно нас шесть человек: я, Джон О*Тул, трое солдат и, как ни странно, Джек Одли, этот весельчак оказался на удивление жизнестойким, и я не раз благодарил всех богов за то, что он оказался с нами. Этот человек не мог не балагурить, и очень часто бодрил нас своими рассказами и шутками. В полдень, уж не помню какого числа, мы въехали в город, вид у нас был еще тот, люди с удивлением разглядывали нас. Ближе к резиденции губернатора нам начали встречаться военные, некоторые из старых вояк узнавали моих ребят и спешили узнать, почему нет с нами их друзей, кто-нибудь из моих подчиненных отвечал на эти вопросы одним словом, – погиб, и не дожидаясь расспросов, мы двигались дальше. При каждом таком ответе, чувство вины посещало меня, хотя я знал, что совесть моя чиста, тем не менее....

Разместив своих людей и попросив их не тревожить, я отправился к губернатору на доклад. Часовые на дверях, подозрительно окинув меня взглядом, попросили обождать, и вызвали дежурного офицера. Дожидаясь его появления, я в усталости присел на ступеньки, ни одной мысли не было у меня в голове, я просто не верил, что я вернулся назад. Из моего состояния меня вернул к действительности голос подошедшего офицера в чине капитана:

– Что вам угодно, сэр? – спросил меня этот лощеный штабист.

– Доложите губернатору, что майор Моран прибыл с докладом.

Офицер с сомнением покачал головой, я не выдержав, вспыхнул:

– Немедленно доложите о моем прибытии генерал-губернатору. Надеюсь, я ясно выразился? А также пришлите двоих человек, чтобы перенесли поклажу с моей лошади в кабинет его превосходительства!

Что-то заставило этого хлыща подтянуться и ответить:

– Есть, сэр, – и уже обращаясь к часовым, – пропустить!

– Следуйте за мной, сэр!

– Я не тронусь с места без моей поклажи, капитан.

– Одну минуту, сэр, – он остановил солдат, проходящих мимо, и приказал им снять сумки с моей лошади, что они и сделали. Всей группой мы проследовали в приемную, где солдаты поставили сумки и попросили разрешения быть свободными.

– Как о вас доложить его превосходительству, сэр? – обратился ко мне капитан.

– Доложите, что майор Себастьян Моран, вернувшийся из экспедиции к Гималаям, прибыл и ожидает приема.

Мне пришлось подождать некоторое время, наконец дверь распахнулась и придерживающий ее капитан с уважением произнес:

– Прошу вас, сэр, его превосходительство ждет вас

Ничего не сказав в ответ, я прошел в кабинет с сумками. Генерал-губернатор уже ожидал меня, стоя посреди своего обширного кабинета. Не дав мне доложиться по форме, он подошел ко мне и протянул руку со словами:

– Не надеялся уже и увидеть вас живым, майор, – он пожал мою руку, – прошу простить меня за то, что вам пришлось ожидать приема, я с трудом вспомнил о вас, еще раз прошу простить меня.

Мне нечего было ответить ему, но я испытал чувство благодарности за его искреннюю радость от моего появления.

– Ваше превосходительство! – я указал рукой на сумки, – здесь результат более чем трехгодичной нашей экспедиции. Я сделал все, что было в моих силах и...

Губернатор замахал руками:

– Потом, майор, потом доложите, а сейчас отдыхать, ваш вид говорит мне обо всем – и повернувшись в сторону двери:

– Адъютант! – уже приказывая мгновенно появившемуся капитану, – определите майора на квартиру, обеспечьте его всем необходимым немедленно.

Он проводил меня до дверей, где еще раз с чувством пожал мне руку. Определение на жительство не заняло много времени. Спросив, что мне нужно, капитан удалился, а я стоял и смотрел на постель, в которую мне предстояло лечь. Доктор! Вы не представляете, какие чувства может вызвать обыкновенная чистая постель у человека, который не видел ее более трех лет. Усталость взяла свое, кое-как раздевшись, я рухнул в кровать, как мне потом вспоминалось, рухнул я в нее уже заснувшим. Сон не был таким о каком говорят, что спал как убитый, видно, сказывалось напряжение, мне снились джунгли с тхагами, следом являлась богиня Кали, я видел беспомощно махавшего руками сержанта Гриммерса, которого уносил бурлящий поток реки, затем виделся летящий с криками Джек Аттвуд, сорвавшийся с горной тропы, потом снилась горная пещера, где мы, сгрудившись, сидели у костра, спасаясь от зимнего ветра, пронизывающего до костей, и наконец мне приснилась Анна, она подошла ко мне, приклонила свою голову на мою грудь, обняла и прошептала:

– Бедный мой Себастьян, как долго я тебя ждала.

Видения мои исчезли, и я заснул крепким сном, про который уже можно сказать, что был он глубоким. Не знаю, сколько я спал, но проснулся я в сумерках и никак не мог определить спросонья, где я, и что было за окном, - то ли поздний вечер, то ли это было совсем раннее утро. Оглядевшись, я вспомнил все, а вскоре по начинавшемуся появляться шуму за окном, я понял, что это утро. Я перевернулся на другой бок и заснул снова спокойно и безмятежно. Разбудил меня чей-то взгляд, раскрыв глаза, я увидел сидящего рядом Джона О*Тула, сияющего, как новенький фартинг, и улыбающегося счастливой улыбкой.

– Добрый день, сэр! – растягивая свою улыбку еще шире, произнес он, – я уже начал переживать, в порядке ли вы. Губернатор приказал поставить у ваших дверей караульного, который ни что на свете не хотел пускать меня к

вам, но разве ирландец не найдет общий язык с ирландцем, у которого в руках целая кварта виски.

Он расхохотался во весь голос. Признаюсь, я тоже рад был видеть этого молодца.

– Как ты сам, Джон? – вместо приветствия спросил я.

– Замечательно, сэр! Отдохнул, привел себя в порядок, – он окинул себя довольным взглядом, – хоть сейчас на свидание!

Глядя на него, вряд ли кто подумал, что позади у этого человека было три года жизни, полной лишений и смертельных опасностей. Поразительно, как мог этот ирландец так быстро приходить в себя, для меня это и по сей день остается загадкой. Оглядевшись, я увидел мундир и рядом стоящие до блеска начищенные сапоги. Я вопросительно взглянул на Джона. В ответ он опять улыбнулся во весь рот.

– Вода уже закипает, сэр, – он поднялся взглянуть на горелку со стоящей на ней посудинкой с водой, – в самый раз.

Достав бритву и проверив ее остроту, удовлетворенно крикнул, отложил в сторону и начал взбивать пену. Я понял, что придется вставать, как бы мне этого не хотелось. Поднявшись, я еще чувствовал некоторую лень, хотелось опять прилечь, но Джон уже был наготове с кисточкой в мыльной пене. Закончив бритье, мой брадобрей окинул меня взглядом, и, оставшись довольным своей работой, произнес:

– Ну вот, сейчас ополоснемся, и порядок!

С последними каплями воды ушла последняя усталость. Вытершись насухо, я посмотрелся в зеркало. Оттуда на меня взглянуло исхудавшее лицо человека, на висках которого прибавилось седины, но в целом я остался доволен увиденным.

– Караульный у дверей сообщил мне, что губернатор ждет вас у себя в резиденции, как только вы отдохнете и приведете себя в порядок, сэр, – оповестил меня Джон О*Тул, – правда, ему необязательно знать, что вы уже в

полном порядке, так что можете еще отдохнуть или прогуляться.

– Спасибо, Джон, – поблагодарил я его, – но я все-таки сначала отмечусь у генерала.

Знакомый мне уже адъютант без лишних слов пошел докладывать о моем прибытии и получать разрешение впустить меня. Снова появившись в дверях, он не стал закрывать ее, как обычно, а придержав рукой, объявил, что его превосходительство готов принять меня. Войдя в кабинет и привычно начав доклад, я был остановлен жестом генерала, который мог означать одно, что в этом случае дисциплина и субординация не важны. Губернатор, открыв ящик стола, извлек из него конверт коричневого цвета и с ним в руках, выйдя из за стола, направился ко мне. Подойдя вплотную и положив мне на плечо руку, с некоторой неловкостью он начал:

– Себастьян...я не хотел огорчать тебя сразу по прибытии, нужно было время, чтобы ты пришел в себя....мужайся, твоего отца нет – видно было, что слова эти давались ему с трудом, – Британия потеряла в его лице одного из самых лучших своих сынов, остальное ты узнаешь отсюда.

Он протянул мне конверт со словами:

– Присядь, если есть желание вскрыть его здесь.

Машинально взяв конверт, я сел в стоявшее ближе кресло, и дрожащими руками пытался вскрыть конверт, который не сулил мне ничего хорошего. Я заставил взять себя в руки и попросил разрешения удалиться, мне вдруг расхотелось вскрывать его при ком бы то ни было. Выйдя из резиденции, я направился на свою квартиру. О чем я только не передумал за это время. Неожиданно на меня нахлынули воспоминания, которые, казалось, навсегда выветрились из моей головы. Вспомнился мой первый пони, и отец в качестве берейтора учивший меня держаться в седле, первое ружье, подаренное отцом, и его уроки стрельбы, разбитая мною китайская ваза, и суровый вид отца, отчитывающего меня и держащего крупный осколок этой вазы

в руках. Всплыла в памяти и сцена прощания перед моей отправкой в Итон, его строгий взгляд во время наставлений, связанных с моим пребыванием в колледже, и его внезапно подобревшее лицо в тот момент, когда он вдруг решился обнять меня при прощании. С такими воспоминаниями я добрел до квартиры. Положив пакет перед собой на стол, я в нерешительности смотрел на него. Потом, взяв нож, я аккуратно вскрыл его и вытряхнул содержимое на стол. Выпали из него бумаги от нашего нотариуса и конверт, запечатанный сургучом с печатью отца. Отложив в сторону бумаги от нотариуса, я не торопясь, распечатал конверт, в нем был всего лишь один листок, написанный знакомым мне с детства почерком. Отец сообщал мне, что в целях увеличения нашего состояния, он поверил каким-то мошенникам, всучившим ему акции несуществующей золотопромышленной южноафриканской компании, вследствие чего он оказался разорен и погряз в долгах. Позор был слишком тяжек для него, и он свел счеты с жизнью. Просил строго не судить его, и велел беречь честь до конца дней своих. Я сидел, держа в руках последнее письмо отца, и тупо глядел на бумаги нотариуса. Читать мне их не хотелось, да и не было необходимости, я отправил все это в корзину, стоящую рядом со столом, и, не раздеваясь, улегся в кровать. Мать свою я не помнил, она покинула этот мир, когда я был совсем малюткой, сестер и братьев у меня не было, были какие-то кузины, которых я и в глаза не видел. Вдруг я осознал, что остался совсем один. Отец всегда незримо присутствовал в моей жизни, и его потеря для меня была слишком тяжелой. Я подумал, что завтра мне будет очень тяжело находиться среди людей с их, как мне теперь казалось, пустяковыми проблемами, что не приведи господь, услышу чей-то смех рядом с собой и могу возмутиться этому и вспылить. Несмотря на мой характер, мне казалось, что все вокруг должно погрузиться в траур, и не было места в этот момент в жизни ни шуткам, ни улыбкам. За такими мыслями прошла ночь, а с утра я уже был в приемной генерал-губернатора с рапортом

об отпуске. Помимо меня, в приемной было еще человек пять, при виде его превосходительства все мы подскочили, вытянувшись по струнке. Оглядев нас, он задержал на мне взгляд и кивком головы предложил следовать за ним в кабинет.

– Чем я могу помочь тебе, Себастьян, – по-отечески тепло обратился он ко мне.

Не говоря ни слова, я положил свой рапорт перед ним на стол и замер в ожидании.

Быстро ознакомившись с написанным, генерал взял со стола перо и наложил резолюцию, в которой говорилось, что в отпуск меня отпускают на год.

– Я так понял, что дела требуют твоего присутствия в метрополии? – спросил губернатор.

– Нет, сэр, я хочу уйти снова в джунгли, – и после паузы добавил, – ваше превосходительство, разрешите взять с собой рядового О*Тула?

– Понимаю, и не возражаю против рядового, – и после паузы добавил, – береги себя.

– Вот еще что, Себастьян, – его голос остановил меня у дверей, – вчера я подал рапорт губернатору с просьбой присвоения тебе досрочно звания подполковника. Уверен, что, принимая во внимание успешно выполненное задание, возражений с его стороны не будет.

– Благодарю вас, сэр, – может, недостаточно горячо ответил я.

Откозыряв, я покинул резиденцию. Найдя Джона и вкратце объяснив ему, что мы собираемся в поход, приказал собираться как можно быстрее. Увидав мое лицо, О*Тул не стал задавать лишних вопросов, спросил только, когда выдвигаемся.

– Завтра, в 6.00, – коротко бросил я. И ушел собираться сам.

Придя домой, я подумал было написать завещание. Эта мысль вызвала во мне хохот. В самом деле, что и кому может завещать человек, находящийся в моем положении.

Неожиданно раздался стук в дверь, и тут же на пороге появился Райан. Даже не дав рассмотреть себя, он кинулся обнимать меня с радостным смехом:

– Дай-ка посмотреть на тебя, бродяга, – слегка успокоившись, он отошел, разглядывая меня какое-то мгновение, а затем снова кинулся трясти и тормошить меня.

Сам Райан изменился мало, это был все тот же весельчак, только слегка возмужавший.

– Не надеялся и увидеть тебя, Себастьян, – окончательно успокоившись, радостно сказал мой друг.

– Как ты? – и внезапно став серьезным, – прими мои соболезнования по поводу смерти отца, друг.

– Спасибо, Райан, я знаю, ты от души.

– Что я могу сказать, Себастьян, – начал было он

– А ничего и не говори, спасибо еще раз, – поблагодарил я его.

Внезапно подскочив, он начал шарить по карманам, и наконец извлек на свет небольшой конверт.

– Может это поможет тебе встряхнуться! – воскликнул он.

– Анна!? – только и смог спросить я.

– Точно! Ей стоило немалых трудов отправить тебе это, а уж я постарался его сохранить, – и напустив на себя важности, добавил, – ты мой должник.

Письмо было очень коротким, но вмещало в себя очень многое для меня. Анна писала, что любит меня, скучает и очень надеется на нашу встречу. Писала она из Австралии.

Сложив письмо обратно в конверт и положив его в карман, я обнял Райана и подтвердил:

– Теперь я и правда твой должник. Тетушка Маргарет так и продолжает не спускать с нее глаз?

– Да, эта леди очень тверда в своих намерениях не допустить ничего подобного вашим охотничьим приключениям впредь, но уже совсем скоро Анна будет вправе сама принимать решения, осталось каких-то полтора года, – и шутливо хлопнув меня по плечу, добавил:

– Мужайся, Себастьян.

Заметив дорожные мои сумки и вещи, лежащие рядом, он взглянул на меня вопросительно и спросил:

– Это что?

– Уезжаю, – коротко ответил я.

– В Англию? – участливо поинтересовался он.

– В джунгли, – так же коротко бросил я.

Он был на редкость тактичный человек и не стал меня допытывать расспросами, я же был не столь тактичен, как он, и принялся откладывать вещи, которые собирался взять с собой в дорогу. Потом отложив укладку, я сел и снова достал письмо от Анны. Райан стал прощаться, просил беречь себя и уже в дверях сообщил новость:

– Помнишь капитана, с которым ты дрался на дуэли? – и не дожидаясь ответа, сказал – так вот, теперь он майор.

И весело рассмеялся, как бы вспомнив, что капитана бесило мое звание на момент дуэли.

– Передай ему мои поздравления при случае, – не менее весело попросил я.

– Обязательно, – уже закрывая за собой дверь, крикнул Райан.

Оставшись один, я еще раз перечитал письмо Анны, поцеловал его, аккуратно сложил и спрятал в карман кителя, поближе к сердцу. Покончив с укладкой вещей, я прилег на кровать с мыслями о своей любимой, и совсем скоро заснул безмятежным сном. Молодость эгоистична, сэр, вести от любимой не то чтобы совсем, но все же отодвинули смерть отца. Стыдно мне это вспоминать, но тем не менее это так.

* * *

На следующий день, в назначенный Джону час, я вышел во двор, где меня уже поджидал мой верный товарищ с нашими лошадьми под уздцы. Молча взяв мои сумки у меня из рук, он принялся их приторачивать. Как только он покончил с этим делом, мы сели в седла, и я произнес:

– Ну...с Богом.

Не торопясь, шагом, мы поехали по городу, только начинавшему пробуждаться.

Совсем скоро Джон, поравняв свою лошадь с моей, произнес:

– Сэр, – немного помявшись, продолжил, – Себастьян, мне очень жаль...

– Все в порядке, Джон – меня не покорила фамильярность Джона.

– Прошу прощения, сэр.. – как бы опомнившись начал было он, пытаясь извиниться за вольность.

– Все в порядке Джон, пустяки, – успокоил я его.

Джон не был докучливым малым, и достаточно долго мы ехали молча. Покинув пределы города, я остановил лошадь и обратился к товарищу:

– Ну и куда мы направим свой путь, Джон? – спросил я его.

Тот неопределенно пожал плечами, задумался на минуту и махнул рукой куда-то в сторону юго-запада. Мне нечего было возразить на это, ибо мне было точно так же все равно, в какую сторону ехать. Теперь я часто вспоминаю этот его судьбоносный взмах руки. Не торопясь, мы двинулись по дороге, ведущей в город, ожидая первого поворота в сторону, указанную Джоном. Ожидать этого поворота долго не пришлось. Повернув в нужном направлении и проехав совсем немного, я остановил лошадь. Джон в недоумении взглянул на меня. Ничего не сказав ему, я вдруг улыбнулся, увидев необъятные джунгли, в которых нас ждало неизведанное, а оно, как вам известно, сэр, манит. Ни слова не говоря, я послал свою лошадь в галоп, бросив поводья.. . Ветер бил мне в лицо, лошадь моя, чувствуя настроение седока, неслась ровным наметом, иногда всхрапывая от ощущения свободы. Проскакав достаточно долго, я испустил крик, вместе с ним ушли из меня боль и усталость. Я остановился и, взглянув в лицо подъехавшего Джона, от души расхохотался:

– Все в порядке, друг, я не сошел с ума.

– И это радует, сэр, – глаза его засветились озорным блеском, и мы оба рассмеялись.

Мы были молоды и здоровы, нас не страшили ни джунгли, ни таящиеся в них опасности, и мы направили своих лошадей вперед, навстречу своей судьбе. Через два дня пути я увидел в зарослях некий просвет, по каким-то непонятным признакам я догадался, что когда-то здесь ходили люди. То ли деревья росли не так густо, то ли еще что то....сам не пойму, что меня заставило свернуть именно в этом месте. Два дня мы двигались без приключений, на третью ночь я проснулся от крика Джона. Открыв глаза, я увидел его, сидящим с ножом в руках, разрезающего штанину на левом бедре.

– Что случилось, Джон?

– Змея, – коротко ответил тот.

Сон мой слетел в мгновенье. Подскочив к нему, я увидел на его ноге четыре, слегка кровоточащие, точки. Ни секунды не медля, взяв нож Джона, я сделал разрез на месте укуса и начал высасывать яд, сплевывая его в сторону. Джон лежал тихо, я взглянул на него и произнес:

– Держись, сейчас будет больно.

Подойдя к нашему костру, я выбрал головню, пышущую жаром, и поднес ее к месту укуса. Взглянув на своего спутника, я увидел его полные решимости глаза и приложил головню. Джон застонал, крепко стиснув зубы.

– Сэр!- полковник как всегда неожиданно обратился ко мне – Вам не кажется, что сегодня вы задержались дольше обычного? Вам давно пора быть дома, на дворе уже, можно сказать, ночь, а ночной Лондон не так и безопасен. Поверьте мне, доктор, уж я-то это знаю лучше других, – произнес Себастьян Моран и расхохотался собственной шутке

– Пожалуй, вы правы, п-к, мне и правда нужно идти, но позвольте вас спросить, как долго мне еще приходиться к вам? Не скрою, что мне в высшей степени интересен ваш рассказ, но тем более не терпится узнать его конец.

– Спасибо, сэр! Значит, я неплохой рассказчик, – усмехнувшись, произнес п-к, – совсем скоро, доктор, я дойду до главного, а пока...– Себастьян Моран склонил голову с четкостью бывшего военного.

Мне не оставалось ничего, как откланяться в ответ и удалиться.

На выходе меня встретил полисмен, который сказал, что инспектор Лестрейд велел сопроводить меня домой в случае, если я задержусь допоздна. Признаться, я был тронут этой заботой, но вежливо отказавшись, я воспользовался услугами кэба и благополучно добрался домой на Бейкер-стрит. Холмса я застал в гостиной, по обыкновению сидящим в своем кресле и внимательно рассматривающим рисунки Себастьяна Морана. Рядом на столике лежали справочники по Индии, и весьма объемная книга мифов и легенд.

– Дорогой друг! – сказал Холмс, сразу, как только я оглядел обстановку на столике, – прошу вас не иронизировать по поводу моего занятия.

– Признаться, я несколько удивлен, – ответил я, – видимо, вы всерьез восприняли слова Себастьяна Морана?

– При всех недостатках вашего друга, – не удержался от иронии Холмс, – болтуном его вряд ли можно назвать, да и сомнения его в нашей с вами смекалке и проницательности я принял как вызов.

– И что вы можете сказать по поводу творчества, как вы изволили выразиться, моего друга?

– Вы помните «Дело о пляшущих человечках», доктор, – спросил Холмс.

– Конечно! Оно займет особое место в моих записках о ваших расследованиях! – искренне воскликнул я.

– Так вот, дорогой сэр, хочу вам заметить, что старина Патрик, придумавший шифр с пляшущим человечками для своей чикагской шайки, – сущий младенец перед вашим другом.

– Холмс, – начал я, – перестаньте называть Себастьяна Морана моим другом.

– Ладно, ладно, доктор, – примиряющим тоном сказал Холмс, – не сердитесь, я не хотел вас обидеть, кто такой был тот Патрик? Простой громила и грабитель, не имеющий никакого образования! А тут человек, закончивший два престижнейших колледжа! Кстати, инспектор Лестрейд не передавал вам больше ничего из творчества п-ка?

– Нет, сэр – ответил я, – то ли п-к ничего не рисовал более, то ли инспектор не счел нужным передавать мне его наброски. Видимо, инспектор считает все это просто забавой заключенного, изнывающего от скуки.

– Наверное, я повторюсь, – сказал на это Холмс, – но как бы я хотел, чтобы инспектор оказался прав. А что сегодня вам поведал п-к?

Я вкратце пересказал то, о чем поведал мне сегодня Себастьян Моран. Холмс внимательно выслушал и задумчиво произнес:

– Думаю, что совсем скоро мы узнаем происхождение тех драгоценностей, часть которых нам позволил обнаружить п-к, и если они действительно существуют, то Себастьян Моран сделает все для того, чтобы выбраться из тюрьмы и добраться до них, – и после непродолжительной паузы добавил, – жаль, что Лестрейд с такой прохладцей относится к его возможному побегу.

Мы замолчали на некоторое время, потом Холмс произнес:

– Вы не обидитесь, доктор, если я продолжу свое занятие?

– Что вы, Холмс! Я сам хотел просить у вас разрешения удалиться, мне нужно просмотреть мои записки.

– Только ради Бога не сердитесь, дорогой друг, просто у меня мелькнула одна мысль, и я хотел бы ее проверить в одиночестве.

– Я все понимаю, Холмс, и тихонько удаляюсь.

Я покинул своего друга и ушел к себе в комнату. Лег на кровать и стал вспоминать сегодняшний рассказ п-ка. По

чести сказать, меня волновала судьба его подчиненного ОТула. Чем-то мне был симпатичен этот персонаж рассказов Себастьяна Морана. Мне очень хотелось перед уходом спросить п-ка, выживет ли Джон после укуса змеи, но я постеснялся сделать это.

С утра позавтракав, я направился в участок на встречу с полковником. Перед выходом я автоматически похлопал себя по карману, в который обычно клал сигару для п-ка, она была на месте. Секунду постояв перед дверью, я вернулся назад, и, взяв из сигарного ящика еще одну, положил ее в тот же карман. Я не хотел идти к п-ку без этого маленького подарка, без него я бы чувствовал себя крайне неловко. Так бывает, когда вы кидаете нищему монетку в его коробку каждое утро и привыкаете к этому действию как к ритуалу, между вами возникает какая-то связь, ведомая только вам двоим, и вдруг в один момент вы забываете дома кошелек и обнаруживаете это в тот момент, когда останавливаетесь перед этим бедным человеком для того, чтобы в точности повторить то, что делаете каждое утро. Вы начинаете лихорадочно шарить в глубине ваших карманов в поисках завалявшегося пенса и не находите его. Нищий же в это время с надеждой во взгляде смотрит на вас. Вы в смущении разводите руками и отправляетесь дальше, чувствуя себя при этом крайне неловко, и более того! Вы знаете, что и нищий чувствует себя точно так же, а от этого ваша неловкость только усиливается. Я не хотел, чтобы такая ситуация возникла у меня с Себастьяном Мораном. А может, я просто боялся иронии п-ка? Как бы то ни было, но у меня вошло в привычку проверять наличие сигары в кармане. Пройдя свой обычный путь до участка, я открыл двери и вошел в уже очень знакомое мне помещение. По обыкновению, я начал свое посещение с кабинета инспектора Лестрейда. Тот сидел за своим рабочим столом, обложившись множеством бумаг, и усердно что-то быстро писал, макая перо в стоящую перед ним чернильницу. Оторвав голову от бумаг,

инспектор предложил мне сесть, и, покопавшись в бумагах, произнес:

– Знаете доктор, как я и подозревал, за нашим другом Себастьяном Мораном тянется внушительный шлейф преступлений, - я мысленно чертыхнулся про себя, и этот тоже называет п-ка моим другом, но ничего не сказав вслух, продолжал слушать инспектора.

– Позавчера мы задержали одного из его сообщников, который дает сейчас признательные показания, и в них довольно часто упоминается имя Себастьяна Морана, чему я, собственно, и не удивлен, – последовала небольшая пауза, после которой инспектор произнес, – к чему это я? Да! Вот к чему. Как долго еще п-к будет вам повествовать о своей жизни? - поинтересовался инспектор Лестрейд

– Не могу вам точно ответить на ваш вопрос, инспектор – сказал я, и поинтересовался в свою очередь, – а почему вы спрашиваете об этом именно сейчас?

– Мне не хотелось бы прерывать вашего общения, но я через недельку буду вынужден вывозить Себастьяна Морана на места его преступлений.

– Уверен, что вам не стоит об этом беспокоиться, сэр, даже если п-к и не уложится в неделю, то я могу перенести наши с ним встречи в любое удобное для вас время.

– Отлично, доктор! Надеюсь, вам не надо говорить о том, что задержание одного из сообщников Себастьяна Морана должно держаться от него в секрете?

– Конечно, сэр!

– Очень хорошо, м-р Ватсон. Можете пройти к вашему визави.

Я собрался было уходить, но вспомнил, что Холмс просил узнать, продолжает ли полковник заниматься своим творчеством?

– М-р Лестрейд – обратился я с вопросом к инспектору – а что, Себастьян Моран прекратил свои упражнения в рисовании?

– Какой там! - махнул рукой инспектор, – каждое утро из его корзины приносят мне кучу рисунков, я было хотел приказать сжигать их, да вовремя вспомнил, что м-р Холмс просил их для просмотра. И зачем ему это? - спросил Лестрейд. В ответ я только пожал плечами и спросил:

– Вы позволите мне забрать их для м-ра Холмса?

– Сделайте одолжение, у меня тут своих бумаг девать некуда, – с этими словами инспектор полез внутрь стола и извлек оттуда достаточно объемную пачку рисунков п-ка.

– Спасибо, сэр, – поблагодарил я инспектора, взял из его рук листы с рисунками п-ка и направился из его кабинета в камеру для свиданий к Себастьяну Морану. Войдя, я застал п-ка сидящим за столом и внимательно разглядывающим свои руки. Оставшись, по всей видимости, довольным увиденным, он поднял глаза на меня и улыбнувшись, проговорил нараспев:

А-а-а, доктор, рад вас видеть.

– Взаимно, сэр – ответил я, как бы поприветствовав полковника,

Продолжая сидеть, Себастьян Моран выжидательно глядел на меня с некоторой хитрецей во взгляде. Я отлично понял его, он ждал сигары, и не то, чтобы ждал, а как бы требовал ее. Честно сказать, меня это несколько покорило, но я все же достал из кармана одну из сигар и передал ему. Он принял это как должное, а я про себя подумал, что вряд ли п-к испытал бы чувство неловкости, если бы я оказался забывчив. Раскурив эту злосчастную сигару. Себастьян Моран произнес:

– Как поживает м-р Холмс?

– Спасибо, сэр. М-р Холмс чувствует себя замечательно, – ответил я

– Вы знаете, доктор, – продолжил п-к, – общение с профессором Мориарти многому меня научило. Это был великий человек, и если бы не ваш друг, он бы пошел очень далеко...

– Слава Богу, что есть такой человек, как м-р Холмс, который остановил преступную поступь профессора, – перебил я п-ка.

– Может быть, вы и правы, сэр, но я к тому, что общение с профессором не прошло для меня бесследно, и я хотел бы вас спросить, а не изучает ли великий сыщик историю и мифы Индии? – как всегда с ухмылкой, как только речь заходила о Холмсе, спросил Себастьян Моран. Вопрос застал меня врасплох, но все же я ответил честно

– Да, сэр, вы правы, Шерлок Холмс уделяет некоторое внимание этому вопросу.

Полковник Моран указал глазами на пакет, отданный мне инспектором, который я положил на стол перед собой.

– Вам это почему-либо не нравится, п-к?

Полковник замахал руками:

– Боже упаси, сэр! Просто я вам так или иначе передам в свое время не эскизы, а законченную работу, и смею вас заверить, доктор, вашему другу будет над чем поломать голову, – искренне рассмеялся Себастьян Моран.

– Это вопрос будущего, п-к, – ответил я на его слова, стараясь быть спокойным, – не угодно ли вам вернуться к вашему рассказу, сэр?

– Вы правы, доктор, кажется, прошлый раз я остановился на том, как высосал яд из ноги Джона и прижег укус головней из костра? – спросил он меня. Я утвердительно кивнул головой.

– Так вот – продолжил повествование Себастьян Моран, – Джон был крепким парнем и выдержал все это с мужеством, достойным уважением. К тому же светало, и мы решили продолжить свой путь. Дорога позволяла нам передвигаться верхом, мы оседлали наших лошадей и отправились дальше. Время от времени я украдкой поглядывал на Джона, но он был, вроде как, в порядке, только бледнее обычного, я слегка успокоился, однако через некоторое время увидел, как Джон стал заваливаться на один бок, и я вовремя успел поддержать его, иначе бы он просто упал с

лошади. Уложив его на землю, я спросил, что с ним. В ответ он просто помотал головой из стороны в сторону, давая понять, что дела его плохи. Да и вопрос мой был лишним. Моего друга била крупная дрожь, пот катился градом по его лицу. Достав из седельной сумы баклажку крепчайшего бренди, я влил в него несколько глотков. Дыхание его стало чуть ровнее, но все равно он был очень плох, и о том, чтобы посадить его в седло не могло быть и речи. Срубив две жерди, я привязал их к лошади, набросал поперек жердей веток, устроив что-то наподобие волокуши, а затем, уложив Джона в это подобие саней, отправился вперед. Назад пути не было, я бы попросту не довез его до гарнизона, где могли бы оказать ему помощь. Иногда Джон бредил, и в бреду своего друга я впервые услышал имя Мориарти, тогда я не придал этому никакого значения, я как мог успокаивал его, стараясь говорить с ним на отвлеченные темы, когда он был в сознании. Периодически я давал ему глоток-другой бренди, что бодрило его на некоторое время, но по всему было видно, что дела его были совсем плохи. Но видно и правда есть на свете Бог! Через некоторое время я почувствовал запах дыма. Неужели горят джунгли? - подумал я. Тогда нам конец обоим. Но это горели не джунгли, это дымили три кучи зеленых веток, которые зажгли индийцы, застывшие в испуге при виде меня. Они были совершенно безоружны, если не считать небольшого ножа в руке у одного из них. Я показал жестами, что не принесу им вреда, и, указывая на Джона, пытался объяснить им жестами и немногими словами из их родного языка, которые знал, что с ним беда. Осмелев, они подошли ближе, и когда поняли, что случилось, заговорили все разом. Вообще индийцы отличаются говорливостью. Но вот, видимо старший из них, крикнул что-то громче остальных, и они кинулись собирать какую-то траву, благо ее было вокруг достаточно. Откуда-то появился достаточно большой котел с водой на дне, быстро раскидав один из тлеющих костров, они раздули пламя, подкинув в огонь сухих веток, и вскоре собранная ими трава уже кипе-

ла на костре. Сняв котел с огня, старший дал остыть вареву, и приподняв голову Джона, стал вливать понемногу ему в рот этот отвар. Я с тревогой наблюдал за всем этим. Кто-то обнадеживающе похлопал меня по плечу, давая понять, что все будет в порядке. Тем временем другой индеец, сидя рядом с моим другом, усиленно жевал какой-то корень. Затем выплюнув его в свою ладонь, приложил эту массу к укусу и ловко примотал ее чистой тряпкой к ноге. Как только все это было проделано, они довольно дружно залопотали на своем языке. Я понял, что все будет в порядке и облегченно вздохнул. Они перенесли Джона чуть дальше от того места, вручили мне фляжку из тыквы, куда перелили отвар из трав, и дали мне понять, чтобы я им поил своего друга. Тем временем, освободившийся котел они привязали на спину одному юноше, и показали мне пальцами на крону одного из высоких деревьев. Поначалу я ничего не разглядел, но, присмотревшись, увидел пчел, роящихся среди густой листвы. Я понял, что эти люди пришли сюда за медом. Юноша с котлом за спиной и мотком веревки через плечо начал ловко взбираться по дереву, прихватив с собой дымящуюся ветвь. Совсем скоро он уже был у улья, разогнав дымом пчел, он залез рукой с ножом в дупло и начал вырезать большие куски пчелиных сот, складывая их в котел. Наполнив его и привязав к нему веревку, он спустил его своим товарищам, вызвав у тех бурю восторга, затем сам ловко спустился вниз. Плотно завязав котел куском ткани и собрав свои нехитрые пожитки, они собрались идти к себе в деревню. Без лишних слов, взяв носилки с Джоном, они предложили мне следовать за ними. Я ничего не имел против и пошел за нашими лошадьми, но старший из них знаками показал мне, чтобы я оставил их на месте, дав понять, что лошади не пройдут там, куда мы направляемся. Мне было очень жаль этих благородных животных, но делать было нечего. Уповав на милость божью, расседлав и разнуздав их, я отпустил их, молясь о том, чтобы они не стали добычей хищников. С собой я взял только наше оружие,

патроны и еще кое-что, на мой взгляд, самое необходимое. Часа четыре мы шли по прорубленной ими в джунглях тропе, они безропотно несли Джона, периодически меняясь. Так мы вышли к какой-то достаточно широкой, но мелководной реке. В воде у самого берега были привязаны три лодки. Боже, какой же илистый был этот берег! До лодок пришлось добираться, утопая в нем по колени, но это были уже пустяки. Уложив Джона в одну из лодок, мы тронулись в путь вверх по течению. Тем временем вечерело, и спутники мои тревожно оглядывались по сторонам. Заслышав рев тигра, они испуганно жались друг к другу и с надеждой поглядывали на карабины и меня. Поняв, что они имеют в виду, я взял свой карабин, зарядил его и начал всматриваться в сумерки. Увидев все это, индийцы слегка приободрились, но головами продолжали вертеть по сторонам. Вдруг один из них закричал, указывая пальцем на берег. Я посмотрел в ту сторону и первое, что увидел, так это глаза тигра, блеснувшие в свете луны. Но потом я увидел и самого тигра, который готовился к броску. Внезапно тигр сорвался с места и огромными прыжками, рассекая воду, кинулся к нам. Не мешкая, я вскинул карабин и выстрелил, уверенный, что выстрел будет пустым, так как уже было достаточно темно. Однако зверь, не издав ни звука, рухнул в воду и исчез из виду. Все настороженно затихли, вглядываясь в темень, но совсем скоро он показался из воды одним боком, оставаясь недвижимым. Индийцы завопили от восторга, хлопая в ладоши. На мое предложение причалить и снять шкуру, они энергично замотали головами и загребли еще быстрее. Я не стал перечить, и мы продолжали свой путь. Джон периодически стонал и бредил, я продолжал поить его отваром, и он затихал на некоторое время. В полдень следующего дня мы наконец-то добрались до их деревни. Жители, завидев нас, толпой высыпали на берег, тревожно вглядываясь в лица наших спутников, и вскоре радостные крики огласили окрестность. Как я потом узнал, нередко

они возвращались не в полном составе, и виной тому были тигры, во множестве водившиеся в тех краях.

Джона осторожно вытащили из лодки и понесли в сторону деревни все на тех же носилках.

Следом так же вынесли вещи и припасы, которые я снял с наших лошадей. Хижина, куда принесли Джона и наши пожитки, была чисто прибрана, справа от входа аккуратной стопкой были сложены одеяла, с каким-то странным рисунком, слева такой же аккуратной стопкой были сложены циновки. Появившиеся как из ниоткуда две молодые женщины быстро соорудили ложе для Джона, его осторожно перенесли туда двое молодых людей, бывших с нами в одной лодке. Одна из женщин, та, что выглядела постарше, склонилась над Джоном, осторожно вытерла его лоб от испарины, затем стала поить его тем отваром из того же сосуда, поглаживая его при этом по щеке. Женщина помоложе присела неподалеку в ожидании приказаний от своей подруги. Неожиданно для меня, та, что была рядом с Джоном, на сносном английском сказала своей подруге:

- Джейн! Принеси холодной воды из колодца.
- Хорошо, сестра, – ответила та, проворно поднимаясь.

Признаться, я был удивлен знанием языка двумя женщинами в этой глуши, а уж имя Джейн и вовсе поставило меня в тупик. Я внимательно стал приглядываться к женщине, оставшейся с Джоном. Это была обыкновенная индийская женщина, в традиционной одежде, закутанная в сари по самые глаза, но вот эти-то самые глаза были совсем не такими, как у других индийских женщин. Я никак не мог понять, что с ними не так, и вдруг меня осенило. Цвет! Цвет ее глаз был необычным для черноглазых индийцев, глаза сиделки Джона были необычного серо-голубого цвета. Памятуя о том, что она назвала свою подругу сестрой, я стал дожидаться прихода второй женщины, посланной ею за водой. Ждать пришлось недолго. Вскоре, откинув полог, вошла и она с фляжкой в руках, я сразу посмотрел ей в глаза и обнаружил, что и они того же цвета. Любопытство

стало разбирать меня, но я решил не торопить события и, дождавшись, пока они не ототрут водой Джона, разоблаченного ими по пояс. Как только они закончили, я по-английски попросил их принести мне покушать:

– Придется подождать, сэр – ответила та, что была старше, – сейчас Джейн что-нибудь приготовит вам.

– Прошу прощения, м-м, – замявшись, я решил все же поинтересоваться, – а как зовут вас?

– Сара, – ответила она.

– Довольно странные имена для индийских женщин, – произнес я.

– Это долгая история мистер....

– Моран. Себастьян Моран, – представился я, – мой спутник Джон О*Тул.

– Очень приятно, сейчас Джейн принесет вам покушать, а я пойду, приготовлю вам воды, вы, вероятно, хотите помыться с дороги.

– Вода пришлась бы весьма кстати, миссис Сара, – вежливо сказал я.

– Мисс Сара, – поправила меня девушка, – мы обе с сестрой не замужем. – Сейчас я дам вашему другу снадобье, после которого он заснет, и пойду за водой.

С этими словами она достала совсем небольшую фляжку, откуда-то из складок своего сари, осторожно приоткрыла Джону рот и влила ему несколько капель на язык, дав запить тем же отваром. С минуту понаблюдав за Джоном и оставшись довольной, она поднялась, и ни слова не говоря, вышла из хижины. Я устало прислонился к стене и попытался осмыслить происходящее, множество вопросов вертелось в моей голове, но ни на один из них я не мог найти ответа. Мысли мои были прерваны приходом Сары. Она попросила меня выйти из хижины, где за порогом меня ждали два внушительного размера кувшина. Я разделся по пояс и с удовольствием вымылся под струями воды, которую сливала мне моя помощница. Умывшись, я тщатель-

но вытерся куском чистого холста, приготовленного Сарой для меня.

– Пожалуйста в хижину, м-р Моран, – пригласила она меня, – Джейн уже принесла еду.

Поблагодарив ее, я вошел в наше жилище. Увидев на полу блюдо, наполненное рисом и овощами, я был удивлен его видом. Это было необычное для индийцев глиняное блюдо индийцев. Оно было серебряным с позолотой и орнаментом, явно не принадлежавшим индийской культуре. В недоумении я перевел взгляд на Сару.

– Это блюдо было найдено моим отцом Джеком Барни, дезертиром армии ее величества, – поняв мой немой вопрос, сухо ответила она.

Думая, что расспросы в данный момент неуместны, я принялся за еду. Сара, видя, что я занят пищей, присела возле Джона, прислушиваясь к его дыханию. Чисто машинально она откинула с головы платок, и на свет явились темные волосы с явно рыжеватым оттенком.

Тем временем на пороге появилась ее сестра Джейн с чайником в одной руке и с блюдом, доверху наполненным сотами меда, в другой.

– Это вам прислали благодарные жители деревни, – произнесла она, – мед у нас бывает не часто, но вы его заслужили. Благодаря вам, все оказались дома живы и невредимы.

И обращаясь к сестре, она в красках пересказала историю моего удачного выстрела, сразившего наповал тигра. Сестра Джейн была менее эмоциональна и выслушала рассказ спокойно, Джейн хотела повторить еще раз, но та жестом остановила ее, намочив кусок холста водой, она приложила его ко лбу моего друга. Джейн поняла, что нужно вести себя тихо, осторожно под села ко мне и налила душистого чая, с любопытством поглядывая на меня своими серо-голубыми глазами. Так же приспустив на плечи платок, она явила мне почти такие же волосы, как и у сестры, только рыжий оттенок проступал более явственно. Лет ей

на вид было не более двадцати, и у нее еще пылал во взгляде девичий задор и непосредственный интерес к моей персоне, который девушки постарше не выказывают так явно. Она была прелестна. Быстро покончив с едой, я потянулся было за чайником, но Джейн опередила меня. Предугадав мое намерение, она быстро схватила его и налила мне чай сама, подвинув ближе ко мне блюдо с медом, она и сама переместилась ближе и спросила:

– А вам не страшно было, когда тигр кинулся к лодкам?

– Джейн! – послышался окрик сестры, – дай м-ру Морану спокойно пообедать!

– Простите, сэ, – молвила Джейн.

– Все в порядке, м-сс Сара, я насытился. Благодарю вас, – успокоил я старшую сестру.

И обращаясь уже к Джейн, ответил на ее вопрос:

– Некогда было бояться, милая мисс Джейн.

При слове «милая» она вспыхнула румянцем во все щеки, от чего сделалась еще прелестней. Чтобы как-то скрыть свое смущение, она спросила:

– Еще чаю, м-р Моран?

Я утвердительно кивнул, наблюдая за ней. Низко наклоняя голову, она подлила чай, и продолжила молча сидеть, поглядывая на меня.

– Поди, приберись у нас дома, – приказала Джейн ее старшая сестра, – я здесь управлюсь одна.

Джейн немедля поднялась, взяла пустое блюдо и направилась к выходу. Мне хотелось попросить ее оставить блюдо, я хотел рассмотреть его более внимательно, но не решился. Не хотелось выглядеть излишне любопытным. Через некоторое время сон стал одолевать меня, и я оглядел хижину в поисках места, где мог бы прилечь. Сара без слов поднялась, расстелила циновки и одеяла в противоположном конце хижины и сказала:

– Прилягте, м-р Моран, а я с вашего позволения останусь здесь и присмотрю за вашим другом.

– Буду вам весьма признателен, мисс Барни, за заботу, – с благодарностью ответил я.

Не успел я приклонить голову, как сон окончательно сморил меня. Спал я спокойно и безмятежно. Я знал, что Джон под хорошим присмотром Сары и, наверное, поэтому я проспал очень долго. Проснувшись, я увидел своего друга спящим, а рядом сидевшую старшую из сестер, которая вытирала лоб Джона влажной тряпкой.

– Доброе утро, мисс Барни, – приветствовал я ее.

– Доброе утро, сэр, – ответила она.

– Как мой друг?

– С ним все в порядке, м-р Моран, он идет на поправку, – с некоторой долей радости в голосе произнесла мисс Барни, – мне надо оставить вас на некоторое время, чтобы приготовить уже другое лекарство. М-р О*Тул проспит еще какое-то время, а вы просто смачивайте тряпку в воде и прикладывайте к его лбу. Я постараюсь долго не задерживаться,

Мисс Барни явно нравилось выражаться, как истинной англичанке, что несколько забавляло меня, ибо акцент у нее был, скажем так, очень заметным. После того как она вышла, я огляделся и увидел свою куртку вычищенной и тщательно заштопанной в порванных местах.

– Джейн, – с улыбкой подумал я.

Накинув куртку, я подошел к Джону и, наклонившись, услышал его ровное дыхание. Сняв тряпку с его лба, я намочил ее в миске с водой, стоявшей здесь же, и приложил ее ко лбу своего друга.

– Знаете, доктор, я не мог уже иначе называть Джона О*Тула, и по сей день он остается единственным моим другом. Мы слишком много пережили вместе, чтобы он оставался моим подчиненным. Внезапно Джон открыл глаза и спросил:

– Где я?

– В безопасности, Джон, отдыхай, – ответил я, положив ему руку на лоб, – все в порядке.

Однако рукой я почувствовал жар, исходящий от него. Едва заметно улыбнувшись мне, Джон опять погрузился в сон. Тем временем зашли сестры, младшая поприветствовала меня, Сара же сказала:

– Мы находимся в племени, которое добывает себе пропитание собирательством. Мясо здесь редкость, а вашему другу, м-р Моран, не помешал бы крепкий бульон, и если вы чувствуете себя отдохнувшим, то может быть, постараетесь добыть оленя или косулю?

– Конечно, мисс! – с готовностью ответил я, – только подскажите, в какую сторону отправиться за ними.

– Я помню из детства, что отец мой охотился к северо-западу от деревни и никогда не возвращался без добычи, – с гордостью сказала она.

– Я могу показать! – воскликнула Джейн, – отец иногда брал меня с собой.

– Ты останешься здесь, – сурово осадил ее сестра, – с м-ром Мораном пойдут двое местных.

Джейн как-то сразу притихла, видно, слово старшей сестры было неоспоримым.

– Откуда такое послушание? – подумал я, ведь разница в возрасте не более 7-8 лет?

Но ничего не сказав, я взял карабин, насыпал горсть патронов в карман и вышел из хижины, за порогом которой меня уже ждали двое молодых мужчин, при виде меня склонившихся в поклоне. Знаками предложив мне следовать за ними, они направились на выход из деревни. На окраине деревни стояла вырезанная из дерева статуя какой-то богини, сидевшей верхом на тигре. Подойдя к ней, мои спутники встали на колени и какое-то время молились, отбивая поклоны. Я стоял в стороне, наблюдая это действо. Наконец молитва была завершена, и мы благополучно тронулись в путь. Проводники мои о чем-то оживленно переговаривались, периодически поглядывая на мой карабин, который висел у меня на плече, оживленно при этом жестикулируя. Совсем скоро мы прибыли на место, где, по их

мнению, должны были пасть олени, но их там не оказалось, что весьма встревожило моих провожатых. Жестами они начали показывать мне, что где-то поблизости мог находиться тигр. Я как мог успокоил их, для этого мне пришлось снять с плеча свое оружие, и показать, что я готов к встрече с хищником. Мы устроили нечто засады, затаившись в густых зарослях кустарника в надежде на появление оленей или косуль. Приложив палец к губам, я дал понять индийцам, чтобы вели себя тихо. Олени очень чуткие животные, и требовалась тишина, чтобы они подошли на подходящее расстояние. Проводники мои поняли меня и затаились так, что я не слышал даже их дыхания. Внезапно совсем рядом, ярдах в ста, появился тигр. Мои провожатые затряслись от страха. Сделав им знак успокоиться, я наблюдал за зверем. Он постоял, втянул в себя воздух и издал недовольное ворчание. Я чертыхнулся про себя. Не будет оленей! Тем временем тигр подошел к одному из деревьев, обнюхал ствол и издал громкий рев. В ответ из чащи слышал не менее громкий и грозный рев другого хищника.

– Кто-то из них двоих забрел на чужую территорию, – подумал я.

И оказался прав! Из чащи показался другой тигр, не менее крупный и настроенный решительно, но по некоторым признакам можно было понять, что он все же был моложе. Секунду-другую они смотрели друг на друга оценивающим взглядом, а потом как по команде ринулись вперед.

– Никогда до этого я не видел ничего подобного, доктор! – воскликнул Себастьян Моран. Глаза моего рассказчика сверкали так, как будто он был сам участником этой битвы.

– Они столкнулись с такой яростью, какую вообще трудно себе вообразить, – продолжал свой рассказ п-к, – они сплетались в один клубок с таким рычанием, что страх невольно проникал в сердце. Слышались только рык и лязг зубов, они отскакивали друг от друга совсем на небольшое расстояние, и вновь с еще большей злобой бросались один

на другого. Это была битва не на жизнь, а на смерть, каждый отстаивал свое право на территорию, а значит, и на жизнь. Никто не ждал пощады и вкладывал в каждый укус или удар лапой всю свою силу и злобу. Сплетясь в один клубок, они старались нанести сопернику как можно больше боли и вреда. Расцепившись, они вскакивали на задние лапы и каждый в этой позиции старался вцепиться сопернику в глотку. Не удержавшись, они падали на землю и снова перед глазами появлялся клубок из сплетенных тел, из которого опять раздавались рев и лязг зубов. В таких схватках не бывает ничьей, и вскоре послышался жалобный крик побежденного. Клубок распался, и один из хищников бросился наутек, держа переднюю лапу на весу. Победитель не стал преследовать побежденного. Подняв к небу окровавленную морду, он издал рев победителя. В нем было все! И радость от победы, и гордость за себя, и предупреждение остальным соперникам. Усевшись на землю, он начал вылизывать свои раны, видимо, победа все же досталась ему нелегко, времени на это занятие он затратил достаточно много. Я был спокоен, вряд ли он после такой драки обратит внимание на наши запахи. Так и оказалось, не спеша, он направил свой шаг в сторону джунглей. Я услышал, как облегченно вздохнули мои спутники, да я и сам вытер пот, собравшийся на моем лбу, крупными каплями. Посидев тихо еще какое-то время, я попробовал узнать у моих спутников, где мы могли бы еще попытаться добыть оленя. Они замахали руками и начали показывать в сторону деревни, давая понять, что хотят вернуться домой. Я не был склонен соглашаться с ними, твердо решив, без добычи домой не возвращаться. Как можно строже я им показал, что пойду один, если они не последуют за мной. Переглянувшись меж собой и взглянув на карабин, они нехотя двинулись вперед, к одному им известному месту. Идти пришлось не менее двух часов, но это того стоило. Мы вышли к окраине джунглей, и перед нами показался небольшой ручей. Пройдя по его руслу, вскоре мы достигли поляны, на которой мирно

паслись олень с великолепными рогами и несколько самок с парой детенышей. Встав за одним из деревьев, я наблюдал за этим небольшим стадом, выбирая жертву. Оленя я исключил сразу, уж слишком он был красив и грациозен. Я остановил свой выбор на одной из самок, бывшей более крупной, чем остальные. Тщательно прицелившись, я выстрелил. Подскочив вверх от неожиданности, она рухнула наземь, стадо стремглав ринулось в чащу. Индийцы радостно завопили и кинулись к туше оленихи. Они скакали вокруг нее, размахивая руками. Подойдя к ним, я показал на солнце и махнул рукой в сторону, где находилась деревня. Они все поняли и принялись разделывать тушу. Я присел в сторонке, держа карабин в руках. Кровь могла привлечь хищников, и нужно было быть готовыми ко всему. К счастью, все обошлось.

* * *

Мы успели засветло вернуться в деревню. Для наших потребностей целый олень не нужен. Сара вырезала куски, по ее мнению, самые подходящие для бульона и нашего пропитания, а остальное мы отдали жителям деревни. Странные были эти жители: убивать животных им запрещала их религия, но если они не убивали сами, то мясо ели с удовольствием, поэтому почти целую тушу оленя они приняли с благодарностью. Вообще, как мне кажется, это были самые безобидные люди на свете. Они жили особняком, практически не общаясь с остальным миром. Как вы уже знаете, они добывали себе пропитание собирательством, понемногу выращивали рис и чувствовали себя при этом превосходно, но было одно «но». Тигры, водившиеся здесь в огромном количестве, часто нападали на людей, уходивших за плодами и кореньями. Ужас не отпускал их ни на минуту, когда они входили в джунгли. Тигр всегда нападет на людей сзади, и одно время они отпугивали их рисо-

ванными масками с изображением лиц, которые цепляли на затылок. Но эта уловка работала недолго, и вскоре все пошло по-прежнему. Не помогал им даже кувшин со священной водой из Ганга, с огромным трудом доставленный в деревню с берегов этой великой реки. Поклонялись они богине леса Банапители, которую, видимо, сами и придумали для себя с незапамятных времен. К слову, это ее статуя верхом на тигре стояла на подступах к деревне.

– Вот к таким людям волею судеб мы и попали с Джоном, – задумчиво произнес Себастьян Моран. За этим последовала пауза. П-к задумчиво смотрел куда-то вдаль меня. Мне не хотелось ему мешать, и я терпеливо ждал продолжения рассказа.

– Не знаю, сэр, интересно вам это или нет, но обойти эту деревню в своем рассказе я не могу, ибо именно там случилась самая невероятная история моей жизни.

– Я весь внимание, п-к, – подбодрил я Себастьяна Морана. Полковник не заставил себя ждать.

– Все это рассказала мне Сара, пока готовила бульон. Тем временем подошла Джейн и сказала, что мой друг проснулся и хочет видеть меня. Зайдя в хижину, я увидел на прежнем месте Джона, который напряженно смотрел в сторону входа. Увидев меня, он улыбнулся и спросил:

– Где ты был, Себастьян? Я просыпался до этого, и тебя не было, со мной сидела очаровательная женщина, кажется, ее зовут Сара?

– Я покинул тебя, Джон, для того чтобы добыть оленя, тебе необходим бульон, ну и мясо, если пожелаешь.

– Я не хочу есть, Себастьян, – промолвил Джон.

– Я понимаю тебя, но это необходимо. Ты быстрее встанешь на ноги.

Тут на пороге появилась и Сара с чашкой дымящегося бульона в руках. Я помог Джону сесть повыше, и она начала пить Джона. Он прихлебывал бульон мелкими глотками, иногда отворачивался от чаши, но мы начинали увещевать его и, в конце концов, половину чаши он осилил. Сара одо-

брительно кивнула, отставила чашу в сторону и помогла Джону улечься поудобнее. Вытерла пот, струившийся по его лицу после горячего целительного напитка. И села рядом. Джон с благодарностью взглянул на нее и, улыбнувшись, произнес:

– Никогда и никто так не ухаживал за мной. Спасибо вам большое, мисс.

– Пустяки, сэр, – ответила Сара, – будете благодарить, когда встанете на ноги.

– М-р Моран, вы, наверное, тоже проголодались, – обратилась она ко мне, – пойдите умойтесь, и Джейн накормит вас.

Джейн уже ждала меня на улице с кувшином воды в руках и куском чистой материи. С ее помощью я умылся и привел себя в порядок.

– Идите в дом, м-р Моран, я сейчас принесу вам покушать, – сказала девушка.

Мне не надо было повторять дважды, я был голоден, как волк, после такой длительной и насыщенной событиями прогулки. Только я устроился на своем месте, как вошла младшая из сестер с тем же блюдом в руках, наполненным мясом и овощами, но теперь там лежала еще и странной формы вилка, серебряная и с тем же орнаментом, что и на блюде. Поставив все это передо мной, она сказала:

– Сейчас будет и чай, – и проворно выскочила на улицу.

Я принялся за еду. Мясо было великолепно приготовлено, аромат неведомых мне приправ щекотал ноздри и возбуждал и без того отменный аппетит. Я не успел покончить с мясом, как вошла Джейн, поставила чайник с чашкой подле меня и присела рядом в ожидании моей просьбы налить чаю. Она сняла платок с головы, и в тот момент, когда она поправляла волосы, я заметил в ее ушке массивную золотую сережку с большим голубоватым камнем под цвет ее глаз. Я видел много украшений на женщинах, принадлежащих к индийской знати, но ничего подобного не встречал. Она была исполнена в виде двух нимф с распущенными во-

лосами, державших этот камень в руках. Она великолепно смотрелась на ней. Завидев мой взгляд, девушка кокетливо улыбнулась, а затем бросила испуганный взгляд в сторону сестры, и тут же прикрыла сережку прядью своих чудных рыжеватых волос. Я не стал заострять внимания на этом инциденте, и постарался не выдать своего интереса. Накормив обедом и напоив меня чаем, она покинула наше жилище, и мы остались вдвоем. Джон опять заснул, а Сара продолжала сидеть рядом с ним. В хижине повисла тишина, которая бывает, когда несколько совершенно незнакомых людей оказались в замкнутом пространстве и вынуждены находиться рядом. Пауза грозила затянуться, но Сара, в очередной раз приложив влажную тряпку ко лбу Джона, вздохнула и выговорила:

– Наверняка вас мучают некоторые вопросы, м-р Моран?

– Честно говоря, мисс, это так, – ответил я.

– Видимо, без объяснений нам не обойтись, – вздохнула Сара, – ну что ж... может быть, это и к лучшему.

После паузы она продолжила:

– Как я уже и говорила, нашим с сестрой отцом был Джек Барни, дезертир армии ее величества. Из его рассказов я знала, что армия была в тягость отцу, с его свободолюбивым характером. Он не говорил о причинах, побудивших его вступить в ряды этой армии, но через три года службы нахождение в ней стало для него невыносимым, и он дезертировал из нее. После почти полугодового скитания в джунглях господь каким-то чудом вывел его на эту деревню. Он был сильно истощен и болен. Моя мать, тогда молодая вдова, ее мужа утащил тигр почти сразу после свадьбы, приняла его в свой дом с одобрения старейшин, вылечила, выходила, и он остался с ней до самой ее смерти, которая наступила вскоре после рождения Джейн. Искать ей замену для нас он не стал, скорее всего, не смог, они с матерью любили друг друга. К тому времени мне было девять лет, и я была уже хорошей помощницей отцу. В его отсутствие я вполне могла управиться по дому и присмотреть за Джейн.

В деревне любили моего отца, и по мере возможности старались нам помогать. Он не исповедовал религии местных жителей, и добывал олених, косуль, которых приносил старейшинам, а те делили на всех жителей. Видно было, что он тосковал по родине, говорил с нами на своем языке, подолгу рассказывал об Англии, ее обычаях и истории, как мне кажется, он даже гордился тем, что был англичанином. Иногда он гладил нас по голове и, вздыхая, говорил, что не место таким красавицам в этой глуши, что мы могли бы с нашей внешностью удачно выйти замуж и жить жизнью добропорядочных английских граждан, пользуясь всеми благами другой, более развитой цивилизации. Но он боялся выйти с нами из джунглей, боялся, что его схватят и накажут за дезертирство, а мы останемся одни, и нас отдадут в приют. Так мы и жили до тех пор, пока он не вернулся после пятидневной отлучки из джунглей. Я уже не знала, что и думать, как вдруг среди ночи он появился в дверях нашей хижины с не очень большим, но, видимо, очень тяжелым свертком. Выглядел он ужасно, и буквально рухнул, как только переступил порог, сунув сверток под кровать Джейн. В те времена у нас были еще кровати, сделанные отцом. После его смерти мы сожгли всю домашнюю утварь: кровати, стол, полки - все, что было сделано его руками. Так настояли старейшины.

– Так вот, - продолжила Сара, мы с трудом перетащили отца в кровать, укрыли его, и он забылся глубоким сном. Я чутко спала, прислушиваясь к его дыханию, иногда он что-то вскрикивал во сне, но в общем все было в порядке. Проспал он очень долго, а как только проснулся, сразу спросил:

– Где золото?

Я не имела понятия, о чем он говорит, и смотрела на него с недоумением.

– Где сверток, что я принес?

– Там, где ты его и положил, под кроватью Джейн, - ответила я.

Он соскочил и кинулся под кровать сестры, с трудом вытащив оттуда сверток, он развернул его и, вздохнув с огромным облегчением, воскликнул:

– Вот оно! Вот ваше будущее, мои дорогие!

И расплакался. Никогда раньше я не видела отца плачущим, кинувшись к нему на шею, я как могла начала успокаивать его. С большим трудом мне, наконец, удалось это. Он всхлипнул еще несколько раз, и, успокоившись, сказал:

– Смотри, Сара! Это золото! Оно дает богатство и власть, уважение и почет, а это то, чем вы были обделены с сестрой. Скоро все будет иначе.

И он обнял меня, прижал к себе и в каком-то упоении гладил по голове. Я, конечно, знала о золоте из его рассказов, но, честно говоря, его вид как-то не впечатлил меня. В то время для меня было счастьем здоровый отец в доме, еда на столе, веселое щебетанье сестренки. А золото... золото было просто грудой красивых изделий. Отец сел прямо на пол возле золота и начал раскладывать его во весь пол. Серьги ложились к серьгам, перстни - к перстням, ожерелья - к ожерельям и т.д. Потом, вроде как спохватившись, он начал сортировать его заново. Раскладывал серьги с камнями в одну кучку, без камней - в другую. Я вдруг почувствовала, что это может длиться долго, и прервала его занятие вопросом:

– Откуда это, папа?

Он вдруг встрепенулся, огляделся по сторонам и начал быстро собирать все золото обратно в тот сверток. Покончив с этим, он дал мне знак подойти ближе, когда я так и поступила, он горячо зашептал мне в ухо:

– Никто! Слышишь меня? Никто не должен знать о том, что ты сейчас увидела. Даже твоя сестра до поры не должна знать этого. Ты поняла меня?

Мне ничего не оставалось, как сказать:

– Да, папа, я поняла тебя.

– Ночью, когда твоя сестра заснет, мы с тобой закопаем это до поры, пока не подвернется удобный случай для на-

шего возвращения в Англию. К тому времени я принесу еще больше драгоценностей. Мы будем счастливы в Англии, а с таким приданым, какое будет у вас на тот момент, я подберу вам мужей из самого высшего общества.

Ночью, как только Джейн заснула, мы с отцом вышли из деревни. Отец поминутно оглядывался, проверяя, не следит ли кто за нами. Но все было в порядке. Отойдя довольно далеко и выбрав место, отец положил сверток с золотом на землю, взял из моих рук лопату и начал копать. Яму он выкопал достаточно глубокую, с удовольствием оглядел ее и выбрался наружу. Я думала, что он столкнет золото в яму и начнет засыпать. Но на деле все вышло не так. Он подвинул его к самому краю ямы, затем спустился на ее дно, осторожно взял золото, словно грудного ребенка, в руки, и так же осторожно уложил его на самое дно. И только после этого он вновь выбрался из ямы и начал работать лопатой. Да и саму землю, как мне показалось, он сыпал очень осторожно.

С тех пор наша с сестрой жизнь изменилась. Отец требовал от нас разговаривать только по-английски. Если раньше мы позволяли себе перебраться словом-другим на индийском, то теперь это было недопустимо. В доме есть еще такое же блюдо, на котором подавала вам еду Джейн, есть ножи и вилки, видимо, это с одного сервиза. Теперь эти приборы постоянно ставились на стол во время трапезы, и отец неукоснительно следил за этим, и еще он учил нас пользоваться ножом и вилкой. Я догадывалась о цели всего происходящего: он хотел, чтобы мы максимально были готовы к появлению в Англии и не хотел, чтобы мы выглядели там беспомощными.

– Кстати, м-р Моран, – спросила вдруг Сара, – как вам наш английский?

– Очень даже ничего, – ответил я, – есть акцент, но уверен, что он быстро исчезнет после того, как вы попадете на родину вашего отца.

После этих моих слов какая-то тень подобия улыбки пробежала по ее лицу.

– Даже не знаю, хочу ли я того, – задумчиво произнесла она, – ну да ладно, дело это еще не сегодняшнего дня.

– Отец еще трижды ходил за сокровищами, – продолжила Сара, – и три раза мы по ночам закапывали его в разных местах. Он стал подозрительным, плохо спал ночами. Мне кажется, что золото надломило его. Он плохо стал кушать, часто замыкался в себе, и я уже не была рада его находке. Однажды я посмела сказать ему, чтобы он перестал думать о ней, и предложила больше не ходить за золотом. Это привело его в такую ярость, что я решила больше не заговаривать на эту тему. Как бы предчувствуя, что с ним может что-то произойти, перед последним своим походом он улучил момент для разговора со мной и сказал:

– Сара! Ты уже взрослая девушка и несешь ответственность за свою сестру. Если со мной произойдет несчастье, никому не говори о золоте, жди, когда появится достойный человек, уверься в нем, и только когда ты поймешь, что этот человек порядочен и надежен, только тогда открой ему тайну. Я верю в то, что этот человек придет, и что это будет англичанин, который вывезет отсюда тебя с сестрой. Это были его последние слова. Он снова пошел за этим проклятым золотом, и больше мы его не видели.

Она умолкла и занялась Джоном, который заворочался во сне и что-то забормотал. Поменяв влажную повязку на его голове, она начала гладить его по груди и тихонько шептать:

– Все хорошо, все в порядке, завтра ты будешь чувствовать себя намного лучше. Спи.

Меня тронула эта забота о незнакомом, по сути, для нее человеке, мне даже стало немного неловко, как будто я присутствовал при каком-то интимном разговоре. Не став приставать к ней с расспросами, я отвернулся к стене и закрыл глаза, пытаясь заснуть. Сон не шел ко мне, в голове роилась куча вопросов, и главный вопрос: как вести себя утром. Я решил вести себя, как ни в чем не бывало. В конце концов, это золото сестер, и как им распорядиться, решать им, а точнее, Саре. Проснулся я от негромкого раз-

говора Джона и Сары. Джон расспрашивал ее, как долго мы здесь, и как долго ему еще лежать. Получив ответы на свои вопросы, он поинтересовался тем, что говорил в бреду. Она ответила, что был просто бессвязный бред больного человека. Тем временем в жилище вошла Джейн, неся чашку бульона для больного. Я лег на спину, и она, увидев, что я не сплю, с улыбкой приветствовала меня:

– Доброе утро, мистер Моран.

– Доброе утро, мисс Джейн, – не смог удержаться от улыбки и я, – доброе утро, мисс Сара. Как ты себя чувствуешь, Джон?

– Спасибо, сэр, – видно, привычка давала еще о себе знать в обращении ко мне, – сегодня намного лучше, благодаря моей сиделке, – добавил он, и неожиданно для всех погладил ее руку, менявшую ему повязку на лбу, задержав ее на секунду в своей руке.

– Вот это да! – воскликнул я про себя. Сара же на мгновение замерла и смущенно зарделась. Скрывая это, она принялась поить Джона бульоном, который он пил с видимым удовольствием. Я подозревал, что он смог бы это сделать и без посторонней помощи, и незаметно для всех подмигнул ему. Он улыбнулся в ответ.

– А меня кто-нибудь накормит? – весело спросил я.

– Ой! – воскликнула Джейн, – извините, м-р Моран, я сейчас. И быстро убежала из хижины.

– Сначала мыться, м-р Моран, – заглянув в дверь, позвала меня девушка.

Умывшись, я прошел в хижину, и вскоре появилась Джейн все с тем же блюдом в руках. При виде этого блюда Сара метнула на меня быстрый взгляд, но я ничем не проявил своего интереса к нему. Начав принимать пищу, я старался не рассматривать это блюдо, чувствуя взгляд старшей сестры. Спокойно поев и выпив чай, любезно приготовленный Джейн, я вышел на улицу, где заметил небольшую группу мужчин. Интересно, что собирательством в этом племени занимались только мужчины. Спросив у

вышедшей из хижины Джейн, что происходит, я выяснил, что эти люди собираются в джунгли.

Делать мне было нечего, Джон был под хорошим прищотром, и я попросил ее узнать, не будут ли они против, если я примкну к ним.

– Сейчас я это выясню, – ответила она и направилась к собравшимся мужчинам. Подойдя к ним, она что-то сказала, указывая на меня. Вся компания дружно закивала головами, и я понял, что они ничего против меня не имеют. Джейн направлялась ко мне с улыбкой. Не дав ей ничего сказать, я вдруг неожиданно для себя спросил:

– А вы не присоединитесь к нам, мисс?

Потупив взор, девушка ответила:

– Я не знаю, отпустит ли меня сестра.

– А почему бы вам самой не узнать у нее?

– Боюсь, что она будет против, сэр, – с расстроенным видом сказала Джейн.

Но что-то мне подсказывало, что Сара будет не против, и я предложил ей сделать попытку. Неуверенной походкой девушка направилась к нашему жилищу. Буквально через минуту они обе вышли из хижины, старшая из сестер говорила что-то младшей, и вид ее не был при этом суровым. Потом обе направились ко мне. Лицо Джейн своим радостным видом сказала мне лучше всяких слов, что разрешение получено. Единственное, о чем попросила Сара, так это оберегать ее сестру. Я не замедлил уверить ее в этом и отправился собираться. Сунув за пояс «смитвессон» и прицепив саблю, я был готов. Мужчины сидели неподалеку от нашей хижины, завидев меня, они поднялись, давая понять, что можно уже идти. Они хорошо знали, где и в каком месте собирать в это время плоды и корни, а потому без лишних разговоров отправились в нужном направлении. Я было кинулся догонять их, но Джейн придержала меня за рукав и объяснила, что женщинам нельзя идти рядом с мужчинами, и нам пришлось слегка поотстать. В пути эта девушка просто закидала меня вопросами об Англии, ее жителях,

климате, обычаях - всего и не упомнишь, о чем она спрашивала. Мне же в свою очередь доставляло удовольствие отвечать на ее вопросы. За разговорами я не заметил, как мы пришли на место, просто мужчины остановились и стали разбредаться на достаточно обширном поле, в поисках только им ведомых растений и плодов. Мы с Джейн не могли принять участия в этом деле, а потому просто отправились гулять чуть поодаль. Внезапно из травы послышалось что-то напоминающее приглушенный тихий лай, а затем с шипением показалась голова королевской кобры. Все выше и выше поднималась голова змеи.

– Знаете, доктор, о том, что кобра может подниматься вверх до трети своей длины? – прервав свой рассказ, спросил меня п-к.

Конечно, я знал об этом, и о том, что кобры могут издавать подобие негромкого лая, поэтому, кивнув в ответ, предложил Себастьяну Морану немедленно продолжить рассказ.

– Она была ярдах в четырех от нас. Джейн испуганно прижалась ко мне, я положил руку на эфес своей сабли. Обычно кобры не нападают на человека, а стараются незаметно уползти, но это был другой случай. Внезапно она сделала стремительный бросок в нашу сторону. Мы едва успели отскочить назад. Джейн испуганно вскрикнула и как только змея снова начала поднимать голову для следующего броска, мы вновь отступили, но в этот раз она кинулась на нас, даже не поднявшись толком. Я не мог понять ее поведения, но раздумывать было некогда. Упали мы во время отступления, наши шансы спастись были бы минимальны, поэтому я извлек саблю из ножен, вышел вперед, заслонив собой девушку, и при следующем броске змеи, просто отсек ей голову, которая, упав в траву, потерялась из виду. Тело же кобры продолжало извиваться в неммыслимых петлях. Джейн кинулась ко мне, прижалась дрожащим телом и уткнулась мне в плечо. Я как мог успокоил ее. Испуганный крик девушки не остался незамеченным, к нам уже подбегали наши спутники, увидев тело кобры, они поняли, что произошло,

и, взяв убитую змею, растянули ее во всю длину. Размеры ее удивили даже их. Она была не менее двенадцати футов без головы. Услышав рассказ Джейн о том, что произошло, они принялись рыскать вокруг поля нашей битвы, и вскоре слышался радостный и призывный крик одного из них. Подойдя ближе, мы увидели гнездо из палых листьев, и в нем 25 яиц. Все встало на свои места. В это время кобра нападет на любого приблизившегося к ее гнезду с яйцами. Даже слоны не становятся исключением. Поговорив еще немного о случившемся, мужчины вернулись к своему занятию. Как только они разошлись, Джейн глядя мне в глаза, сказала:

– Ты и правда бесстрашный, как я подумала, увидев тебя первый раз.

Я был смущен, доктор! Похвала всегда приятна, особенно если она исходит от души, но мне бы не хотелось вызывать какие-то чувства у этой наивной девушки. Поэтому я просто сказал:

– По-моему, наши добытчики собираются обратно.

Мне показалось, что Джейн с сожалением направилась в их сторону. Вернувшись, я застал Сару все так же сидящую рядом с Джоном, только на этот раз мой друг не спал, а что-то оживленно рассказывал своей сиделке. При виде меня он воскликнул:

– А! Себастьян! Как прошел поход?

– Все в порядке, Джон. Как ты? – в свою очередь поинтересовался я.

– Я!? Я отлично! Благодаря Саре.

Отметив про себя, что не было приставки «мисс», я подсел рядом и счел за нужное поблагодарить Сару за ее старания. Ответив, что это было ее долгом, и не стоит благодарности, она оставила нас двоих. Как только она вышла, Джон воскликнул:

– Чудная женщина!

Я только кивнул в ответ.

– Да, и сестренка у нее хороша. Не так ли, Себастьян?

– И это верно, Джон, – машинально ответил я, думая о своем.

Я думал, стоит ли мне посвящать своего друга в рассказ его сиделки, и решил, что лучше пусть это сделает она сама, если сочтет нужным. Поговорив еще немного, я прилег отдохнуть. Джон быстро шел на поправку, и мы уже начали обсуждать план наших дальнейших действий, как я начал замечать, что мой друг все с большей неохотой принимает в этом участие. Сара тоже вела себя несколько необычно, как-то излишне стала суетлива. Однажды вечером, оставшись наедине, Джон сказал:

– Себастьян! Сара рассказала мне все.

Я понял, о чем идет речь, но ничего не ответил.

– Она рассказала мне даже больше, чем тебе.

– И чего я не знаю? – спросил я.

– Ты не знаешь, где находятся сокровища.

Замерев, я ждал продолжения. Меня глодала мысль о том, что я нищий, и был в этом смысле не ровня Анне, мысль эта постоянно терзала меня, и по приезду я решил, что напишу ей письмо, в котором изложу, что не смогу ей сделать предложение в связи с этим. А тут вдруг такой подарок судьбы! Но Джон молчал, видимо, подбирая слова.

– Себастьян, – наконец-то продолжил он, – я не хочу никуда уходить от Сары. Я решил, подобно ее отцу, дезертировать. Впервые за долгие годы у меня появился кто-то, кому я действительно нужен, и кто нужен мне. Надеюсь, ты поймешь меня. Я знаю, что могу довериться тебе, об этом я так и сказал Саре. Мы с ней все обговорили, и у нас есть план. Отец перед последним походом передал ей подробную карту с местом, где спрятаны сокровища. Она у меня.

Джон опять замолчал, видно было, что он затрудняется продолжить.

– Говори, Джон, – подбодрил его я.

– Мы найдем их Себастьян, но только Сара хочет, чтобы мы вывезли ее и сестру в Англию. Это ее условие, и если хочешь, то и мое. Без нее я отсюда не двинусь.

Джон внимательно смотрел на меня, ожидая ответа.

– Конечно, Джон!

– Другого ответа я и не ожидал – улыбнулся мой друг. Затем он достал из кармана белую тряпку и развернул ее на полу.

– Смотри, - сказал он.

Это была карта. Нарисована она была неумело, но ориентиры были расставлены точно, и если ничего с тех пор не изменилось, то найти указанное место было возможно. С минуту-другую мы рассматривали ее, а затем посмотрели друг другу в глаза и крепко обнялись. Судьба благоволила нам.

– Когда ты будешь готов, Джон?

– Послезавтра мы пойдем.

Оставшийся день мы провели в сборах, и в назначенный срок покинули деревню. Карта была очень подробной, видимо, Барни составлял ее таким образом, чтобы его дочери без труда сами могли найти это место, ну а уж нам с Джоном это вообще не составляло большого труда. Следуя от одного ориентира к другому, мы вышли к скалистым горам и водопаду, стремящемуся вниз с огромной высоты этих гор. На одной из скал мы увидели едва заметные ступеньки, стертые временем. Они вели прямо в струи падающей воды. Я бы никогда не обратил на них внимания, если бы не указка Джэка Барни. Переглянувшись, мы как по команде сняли с себя всю поклажу, приготовили факелы, и направились к этим ступеням. Поднимаясь вверх, я размышлял над тем, как удержаться на этом пути и не быть сбитым водой, но страхи мои оказались пустыми. Перед самым водопадом ступени уходили влево. Они вывели нас на небольшую площадку, с которой можно было зайти под его струи. Переглянувшись, мы с Джоном двинулись вперед, тропа сужалась, и дальше мог пройти только один человек. Джон остановил меня рукой и пошел вперед. Шум падающей воды просто оглушал. Вскоре мы оказались перед небольшой расщелиной в монолитной отвесной стене. Джон зажег факел. Я сделал то же самое. Еще раз переглянувшись, мы двинулись вперед. Идти

пришлось долго, и наше напряжение росло с каждым шагом. Внезапно перед нами открылась пещера. Мы не могли оценить ее размеров, но судя по эху, которое она производила от треска наших факелов, размеры ее были большими. Джон достал свой револьвер и пошел дальше, ощупывая ногой путь перед собой, держась правой стороны пещеры, как было указано на карте. Я шел, следом ступая шаг в шаг с ним. Через несколько шагов мы увидели бронзовый светильник, вогнанный в щель стены. Джон осторожно сунул в него факел, и он загорелся. Видимо, Джек Барни позаботился положить в него горючей смолы, чтобы облегчить дочерям путь. Светильник озарил пещеру, и мы увидели впереди еще такой же. Так мы продвигались, зажигая один светильник за другим. Постепенно пещера стала озаряться все больше и больше, и наконец мы добрались до входа в еще одну пещеру, если можно так сказать, внутреннюю. У ее входа лежали разбросанные крупные камни, видимо, когда то закрывавшие вход в нее. Среди этих камней лежала мумия человека с практически голым черепом и пустыми глазницами. Остатки волос на черепе были рыжими. Это был Джек Барни. Бедняга пытался заложить вход, но, видимо, силы покинули его. С минуту мы рассматривали его, а потом Джон, переступив через несколько уложенных в ряд камней, вошел вовнутрь. Он замер на входе и встал, как вкопанный. Я посмотрел мимо него, внутрь пещеры. Отблески его факела не могли осветить всего пространства, но то, куда доставал свет, заставило замереть и меня. В пяти шагах от нас стояли три развалившихся сундука. Содержимое одного из них при свете заиграло всеми цветами радуги. Сердце мое бешено заколотилось, и мне на миг показалось, что я слышу биение сердца Джона. Кровь стучала у меня в висках тысячей молоточков. Мы не могли сдвинуться с места. Наконец Джон пошел вперед, и наш огонь постепенно высвечивал все новые сундуки и груды золота, лежащие рядом с ним. Золото было в сундуках и просто сложенное кучами. Мы бросили наши факелы и кинулись

в объятья. Мы хлопали друг друга по спине и кричали, как безумные. Я до сих пор удивляюсь, как мне удалось сохранить рассудок. Успокоившись и придя в себя, мы подняли наши факелы и двинулись осматривать пещеру. На стене так же были светильники, и было видно, что кто-то крепил их основательно. Мы зажигали их один за другим, и вскоре смогли увидеть полную картину. Пещера была большая. Свет падал на сокровища, и мы могли уже видеть все, что она таила в себе веками. Здесь были золотые шлемы, панцири и мечи, украшенные драгоценными камнями, когда-то принадлежавшие знатным людям, сложенные в кучу. Серебряные блюда и золотые кубки, которыми можно было сервировать стол не менее чем на две тысячи человек, лежали рядом с ними. Вещи меньшего размера - кольца перстни, ожерелья, подвески, диадемы, браслеты - были сложены в сундуки. Некоторые из них не развалились от времени. Открывая их, мы находили золото в монетах разных стран. Совсем в небольших, кованных из цельного железа ларцах, были драгоценные камни, заботливо отсортированные кем то. В одних были бриллианты, сверкающие тысячами огней, в других тусклым, алым светом светились рубины. Изумруды играли веселой зеленью.

Слушая рассказ п-ка, я и не заметил того, что он расхаживает по камере, отчаянно жестикулируя. Я был поглощен его повествованием. Внезапно Себастьян Моран остановился и произнес

– Прошу прощения, сэ, я так увлекся. Вы первый, кому я рассказываю об этом, и, видимо, чувства, пережитые тогда, всколыхнули изрядно мою память.

Затем он сел на свое место, некоторое время молчал, стараясь успокоиться и собраться с мыслями. Много времени у него это не отняло, и вскоре он продолжил:

– Джон сел прямо на груды золотых монет, лежащих у меня перед глазами и, глядя на меня, произнес одно слово:

– Ну?

– Д-а-а, – только и смог произнести я.

Нас била нервная дрожь. Молчали. Наконец я сказал:

– Надо бы осмотреть всю пещеру.

Джон согласно кивнул головой. Мы поднялись и пошли в глубь пещеры. В дальнем ее углу мы нашли кучу костей и черепов, побелевших от времени.

– Видимо, эти люди принесли их сюда, а потом были убиты, – сказал я, глядя на эту кучу.

– Что мы по-твоему нашли, Себастьян?

– Скорее всего, одну из сокровищниц Александра Македонского.

– Интересно... как же папаша Барни наткнулся на все это?

Я неопределенно пожал плечами, знать это мог только он один, но вряд ли мы когда-нибудь услышим его рассказ.

– Что будем делать, Джон?

– Для начала выберемся отсюда. Мне бы еще хотелось предать останки отца Сары земле.

– Обязательно, Джон, – я был благодарен покойному, и хотелось хоть как-то отблагодарить и его.

Вернувшись к сокровищам, мы взяли совсем немного, собрали останки Джека Барни в наши куртки и покинули пещеру, гася светильники один за другим. Спустившись вниз, мы закопали останки. На свету еще раз рассмотрели то, что вынесли из сокровищницы, и стали совещаться, как быть дальше. Джон предложил следующий план. Он остается в деревне и на охране найденного, а я отправляюсь обратно, собираю экспедицию и возвращаюсь. Затем мы переносим все это и переправляемся в Америку, так как. Джон все же был бы дезертиром, а законы ее величества очень суровы по отношению к последним. Я доверял Джону, и у меня не было оснований не согласиться с его планом. Мы направились обратно в деревню, обсуждая по пути детали нашего плана. Вернувшись, мы рассказали Саре о том, что нашли сокровища и посвятили в наш план. По ее виду было замет-

но, что она рада тому, что Джон остается с ней, и план наш пришелся ей по душе.

– Я рада, что не обманулась в вас, джентльмены, очень немногие, судя по рассказам моего отца, смогли бы добратся туда, – и внезапно обратилась ко мне, – что у вас с моей сестрой, м-р Моран?

Вопрос застал меня врасплох. Видя мое недоумение, она продолжила:

– Бедная девушка прожужжала мне все уши о вас

– Поверьте, мисс, я не давал ей никакого повода.

– Я вам верю, но Джейн на что-то надеется, и лучше бы вам скорее покинуть нас, чтобы она могла успокоиться. Я знаю, что подготовка экспедиции займет немало времени, а там глядишь, и выветрится у нее эта блажь.

Прервав свой рассказ, п-к встал и снова принялся расхаживать по камере, только теперь в молчании. Пройдя из угла в угол несколько раз, он продолжил свой рассказ, теперь уже стоя.

– Как она оказалась права, сэр! – в сердцах воскликнул он, – подготовка к экспедиции продолжается до сих пор, – и печально покачал головой.

– Я не стал мешкать со сборами и вскоре покинул деревню. Перед моим уходом Джон впервые поведал мне о профессоре Мориарти. Он говорил, что выполнял для него некоторые поручения в Индии, и что если я окажусь в Англии в затруднительной ситуации, то всегда смогу обратиться к профессору, ссылаясь на него. Адрес, по которому я мог разыскать профессора, он просил не записывать, а просто запомнить. И еще Джон сказал, что ждать меня будет до последнего. Вернувшись в гарнизон, я представился начальству, объявил о том, что Джон О*Тул погиб в джунглях, и написал рапорт об отставке. Генерал сказал, что удивлен моим прошением, что ему не хочется терять такого офицера, но рассмотрит мой рапорт в ближайшее время. Помимо этого, на месте меня ждала неприятная новость, сильно огорчившая. Погиб мой друг Райан. Это случилось в одной из стычек

с недовольными индийцами. Мне было очень жаль никогда не унывающего друга. Вскоре возникли обстоятельства, отложившие мою отставку. Полк наш был направлен в одну из областей для усмирения вспыхнувшего там восстания. Делать было нечего, о дезертирстве думать мне не приходилось, так как это поставило бы меня вне закона и сильно затруднило мои действия в организации экспедиции. Еще один резкий поворот в моей судьбе! Я был зол на бунтовщиков и воевал с ними с особой злостью, что не осталось незамеченным со стороны начальства, именно благодаря этому бунту, я стал полковником. Но это уже не тешило моего самолюбия, ведь у меня было огромное богатство.

Звук поворачиваемого ключа в замке прервал рассказ п-ка. Вошедший Грэхем напомнил, что время позднее, и спросил, не хочу ли я отправиться домой. Я вопросительно взглянул на Себастьяна Морана.

– Мне бы хотелось закончить мой рассказ сегодня, сэр – сказал п-к.

– Прошу прощения, м-р Грэхем, но не могу ли я задержаться сегодня дольше? – мне очень хотелось услышать конец истории.

– Безусловно, сэр! Я просто решил напомнить вам о времени.

– Благодарю вас, сэр, - и Грэхем оставил нас, довольный моим обращением к нему.

Как только за полисменом закрылась дверь, п-к продолжил:

– Я постараюсь быть краток, сэр. Операция по усмирению бунта заняла больше года, то тут, то там вспыхивал новый его очаг, и мы с боями прошли всю область. Наконец мы вернулись домой. Отдохнув некоторое время, я вновь явился к начальству и напомнил о своем рапорте. Генерал сказал, что он отправил его по инстанции и просил набраться терпения. Я уже было собрался покинуть его кабинет, как он остановил меня в дверях и сказал:

– Я получил известие, что племянница леди Маутбетан, Анна Хогарт направляется к нам:

Я замер в дверях, затем повернулся к генералу:

– Когда она будет на месте, сэр?

– Думаю, что в течение трех-пяти дней, п-к, – с улыбкой ответил генерал.

Отказывав еще раз, я покинул кабинет. Радость волнами захлестывала меня. Я знал, что Анна едет ко мне, и никак иначе не должно быть. Придя домой, я вытряхнул свой чемодан и извлек свой парадный мундир, на котором были еще погоны капитана. Отдав рассыльному мундир, я попросил привести его в порядок и прицепить погоны п-ка. Я был уверен, что Анна будет рада видеть меня в этом чине. Время, как вы понимаете, тянулось медленно, я не раз примерил свой мундир, украшенный погонями с короной св. Эдуарда и двумя звездочками. Мне хотелось произвести впечатление. Мне навсегда запомнился день прибытия Анны в город. Я хотел сразу же кинуться к ней, как только узнал об этом, но правила приличия не позволили мне это сделать. Леди Маутбетан уже не было, она скончалась, но был рядом лорд Маутбетан, и это сильно осложняло нашу встречу где-то наедине. Опять готовился бал по случаю ее прибытия, и я, конечно же, получил приглашение на него. Стоит ли говорить, что я пришел раньше указанного времени на этот бал. Слава Богу, во дворце уже были люди, и я не выглядел торопыгой. Постепенно зал наполнялся, и вот адъютант генерала показался в дверях и сделал знак оркестру. Затем громко объявил:

– Его превосходительство генерал-губернатор и лорд Маутбетан!

Все выстроились в два ряда вдоль дверей, и появилась свита во главе с указанными персонами. Я жадно выискивал лицо Анны. Наконец появилась и она. Она еще больше похорошела! Я видел, что и она ищет меня глазами. Наконец наши взгляды встретились, и лицо ее озарила радост-

ная улыбка. В свите было несколько военных в незнакомых мне мундирах.

– Что это за люди? – поинтересовался я у рядом стоящего офицера.

– Кто-то из родственников русского царя. Свита расселась в предоставленные для них кресла, и я заметил, что один из русских, молодой военный, подвинул свое кресло ближе к Анне и что-то начал говорить ей. Анна при этом улыбалась. Мне стало не по себе. Видно было, что он равнодушен к Анне. Тем временем лорд Маутбетан произнес подходящую к этому случаю речь, и бал был открыт. Я не успел подойти к Анне с приглашением на танец. Меня опередил этот человек, и я был вынужден наблюдать, как моя Анна кружится с ним в вальсе, причем ее партнер что-то ей наговаривал, и Анна при этом весело смеялась. Ревность охватила меня, но я как мог, успокаивал себя. Танец закончился, все разошлись по местам. Я постарался как можно ближе подойти к месту расположения свиты, чтобы опередить всех с приглашением Анны на следующий танец. Завидев мои усилия, она поощрительно улыбнулась. С приглашением к следующему танцу мы попали в одно время с этим русским. Я было взволновался, но напрасно. Предпочтение было отдано мне. Как только мы вышли на площадку для танцев, я произнес:

– Здравствуй, милая!

– Если бы ты знал, как я рада тебя видеть, дорогой, – и на ее глаза навернулись слезы.

И мы в упоении, без слов закружились в танце. Во время следующего нашего с Анной танца, я заметил, как тот русский кидает на меня косые взгляды и разговаривает о чем-то с адъютантом нашего генерала. Я не придавал этому значения, но как оказалось, – зря. Танец закончился, и Анна, попросив прощения, оставила меня одного. Я решил выпить чего-нибудь прохладительного и отправился в буфет. Как только официант принес мне бокал с лимонадом, появился и тот русский. Это был молодой человек приятной наружности, но манеры его оставляли желать лучшего. Он без разрешения

уселся за столик напротив меня, и без промедления, даже не представившись, заявил на хорошем английском:

– Эта женщина не для вас, полковник.

– Прошу прощения, - начал я, - с кем имею честь?

– В данном случае, это неважно.

– Правила приличия того требуют, сэ, – я старался быть вежливым.

– Слушай, полковник, – явное презрение слышалось в его голосе, – ты гол как сокол и не сможешь сделать счастливой Анну.

– Не вам, сэ, судить о состоянии моих финансов. И потрудитесь обращаться ко мне соответственно моему званию и заслугам.

– Да ты знаешь, с кем говоришь?

– Да, знаю, – ответил я, – с грубияном и невежей.

После моих слов он схватил мой стакан и выплеснул его содержимое мне в лицо. К тому времени мы были одни в буфете. Я достал платок, тщательно вытер лицо и сказал:

– Потрудитесь выйти за мной.

– С превеликим удовольствием.

Минуя зал с собравшимися людьми, я стал пробираться к выходу. За спиной я слышал твердую поступь этого нахала. Выйдя на улицу и обогнув дворец, я шел к месту, где никто не смог бы нам помешать. За дворцом было поле, которое использовалось для игры в крикет. На небе не было ни тучки, и луна достаточно хорошо светила. Без лишних разговоров я снял с себя китель и извлек саблю из ножен. Мой противник проделал то же самое. Я посмотрел ему в глаза, полные ненависти и злобы. Встретив мой взгляд, он ринулся вперед. Я с первого момента понял, что человек он невыдержанный и ждал этого. Отведя своей саблей его клинок в сторону, я сдвинулся самую малость в сторону, и он проскочил мимо меня. Развернувшись, он стал более осторожно подходить ко мне, направив острие своей сабли мне в лицо. Как только он приблизился на достаточное расстояние, я, подкинув лезвие его сабли вверх, сделал быстрый выпад, стараясь пронзить

его. Он был опытным фехтовальщиком, и, отскочив в сторону, ударил по моей сабле сверху вниз мощным ударом. Я с трудом удержал рукоять в своей руке. Мы вновь отскочили друг от друга. И стали кружить, настороженно следя за действиями друг друга. Я решил перехватить инициативу и пошел в наступление, нанося рубящие удары, чередуя их с уколами. Отступая, противник искусно защищался, сводя мои усилия на нет. В один момент я показал, что хочу уколоть его, а затем, вывернув кисть, повернул саблю острием вверх и нанес ему режущий удар по внутренней стороне его левой руки. Вскрикнув, он прижал раненую руку к телу, но тем не менее правую руку с саблей он продолжал держать наизготовку. Отскочив назад, я поднял свое оружие вверх, что означало на языке все фехтовальщиков мира одно, я готов прекратить поединок, если нанесенная рана не позволяет сопернику продолжать поединок. В ответ он, зарывчав, произнес:

– Ну уж нет, рвань, я разделаюсь с тобой!

Он кинулся на меня со всей яростью. Возникла ситуация, когда я уже был вынужден защищаться от его ударов и уколов. Удары сыпались со всех сторон, казалось, им не будет конца. Силы мои были на исходе. Но вот он поднял саблю для очередного рубящего удара чуть выше, чем требовалось, и я, воспользовавшись моментом, нанес ему укол в правое плечо, чуть ниже ключицы. Сабля выпала из его руки, и он, застонав, опустился на колено, прижимая руку к ране. Я осторожно подошел к нему, откинул ногой его оружие и сказал:

– Надеюсь, сэр, это научит вас быть вежливым.

В ответ он только грязно выругался. Продолжать поединок он не мог, я платком вытер свою саблю, вложил ее в ножны и, подняв китель, отправился в сторону сверкающего дворца. Во дворце, разыскав дежурного офицера, я сообщил ему, что на поле для крикета находится раненый, и отправился к Анне.

– Где ты пропал, Себастьян?

- Небольшие дела, милая.
- Скоро танец, ты пригласишь меня?
- Я готов пригласить тебя не только на танец, дорогая.
- А куда еще? – кокетливо улыбнувшись, спросила она.

Пока шел этот ни к чему не обязывающий разговор, я видел, как к адъютанту подошел тот самый дежурный и что-то коротко сказал ему. Последний, не мешкая, подошел к генералу. В свите произошло заметное оживление. И уже совсем скоро, еще до начала танца, меня пригласили в кабинет его превосходительства. Помимо генерала в кабинете находился лорд Маутбетан и двое русских, возрастом намного старше моего соперника. Генерал быстро спросил:

- Вы были участником дуэли с родственником царя?

В груди у меня все похолодело. Так вот почему столь заносчив был этот юнец! Дело принимало скверный оборот, но, тем не менее, я ответил:

- Да, ваше высокопревосходительство.
- Надеюсь, вы осведомлены, п-к, что дуэли запрещены еще в бытность короля Якова?
- Так точно, сэр!
- Так что же вас побудило нарушить запрет?
- Оскорбление было очень тяжким, сэр!
- Здесь замешана женщина? – спросил лорд Маутбетан.
- Да, сэр!
- И, конечно, имени ее вы не назовете? – в вопросе лорда слышался прямой намек.

- Никогда, сэр!

Звоном колокольчика генерал вызвал дежурного:

– Сопроводите г-на п-ка на его квартиру, поставьте караул у его дверей и не допускайте никаких сношений полковника с внешним миром.

- Идите, полковник.

В сопровождении офицера и двух солдат я прибыл на свою квартиру, в которой меня заперли. Лежа на кровати, я думал о произошедшем и своей судьбе. Почему так? Почему все это случилось, когда счастье было практически в моих

руках. Ответов я не нашел. Оставалось ждать решения генерала. Утром мне доставили завтрак, но кусок не шел в горло, и я приказал караульных убрать его. Совсем скоро двери мои открылись, и на пороге появился дядя Анны, лорд Маутбетан. Я соскочил с кровати и вытянулся.

– Оставь это, Себастьян, – махнул рукой лорд.

Я увидел в этом доброе предзнаменование. Мой гость уселся в кресло и предложил мне поступить так же. Как только я сел, он внимательно посмотрел на меня и начал разговор, который длился недолго. Мой собеседник сказал мне, что я из везучих людей. Что у моего соперника есть невеста в далекой России, что он путешествует по Индии инкогнито и огласка ему ни к чему. Поэтому суда надо мной не будет, мой рапорт об отставке подписан, и что я должен покинуть Индию немедленно.

– Это уже мое желание, а если хотите, приказ, – добавил в конце лорд.

– И еще, м-р Моран, – обратился он ко мне уже как к штатскому, – я думаю, что вы, сэр, должны забыть об Анне.

Я промолчал. Видимо, он принял мое молчание за согласие, но ничто и никто не мог меня заставить забыть о ней.

– Сегодня после обеда вы покинете гарнизон и отправитесь в порт, откуда на ближайшем корабле уплывете в Англию. Для вашей охраны вам будет придан взвод гусар.

– Могу я повидаться с Анной?

– Нет, сэр, это невозможно.

– Хотя бы передать ей письмо?

– Уверен, что это лишнее. Прощайте, – с этим лорд Маутбетан покинул мою квартиру.

* * *

Сборы мои были недолгими. Взяв несколько безделушек из пещеры, кое-какие вещи, дамасский клинок, я был готов к поездке. После обеда караульный сообщил, что взвод сопро-

вождения готов и ждет меня. Не мешкая, я вышел на улицу, сел на коня, которого держал один из гусар, и вся кавалькада направилась прочь от города, где оставалась Анна.

Описывать путешествие не стоит. Я прибыл в страну, где у меня не было ни друзей, ни знакомых. Вспомнив адрес, данный мне Джоном, я нашел профессора Мориарти, думая, что он поможет мне организовать экспедицию, но что-то говорило мне о том, что в этом случае доверять ему не стоит. Профессор быстро приблизил меня к себе, но во все его дела я не был посвящен. Он был скуп, как ни странно, номера его счетов в швейцарских банках, где он хранил награбленное и отобранное, он мне так и не сказал при жизни. Я вынужден был экономить, того золота из пещеры надолго хватить не могло, и я начал играть. Все шло хорошо. Сумма накопленного почти позволяла мне отправиться в Индию и начать действовать, но Рональд Адэр оказался очень внимательным игроком, я не мог оставить его в живых, как и вашего друга у себя за спиной. Только покончив с ними, я мог развязать себе руки. Остальное, сэр, вы знаете лучше меня.

В камере повисла тишина. Себастьяна Морана поглотили воспоминания, а я сидел молча, пораженный его рассказом. Повисшую тишину прервал голос п-ка:

– Это можете не брать с собой, доктор, – кивнул на пакет с его рисунками мой рассказчик, – сегодня вы получите чистовой вариант моей головоломки. И если вам удастся разгадать ее, то вы с м-ром Холмсом станете обладателями сокровищ, найденных Джеком Барни.

С этими словами он извлек из-за пазухи три листа бумаги. Я пролистал их. На них были изображены боги и богини Индии, вперемежку с ними шли животные и растения. Все это было изображено, я бы сказал, несколько хаотично. Я посмотрел на п-ка. Поняв мой взгляд, п-к сказал:

– Это не баловство, сэр, я еще никогда не был так серьезен.

Помолчав с минуту, он добавил:

– Обещайте, доктор, что если вашему другу удастся разгадать все это и вы найдете сокровища, а значит, и столкнетесь с Джоном О*Туллом, не причиняйте ему вреда.

Сказав это, Себастьян Моран как-то осунулся и замолк, но, тем не менее, вскоре продолжил:

– Объясните мне, сэр. Почему со мной так? Я не прятался за спинами своих солдат, а всегда шел впереди. Я не уходил от опасностей, избирая более легкий путь. Я служил, как подобает. Как могли со мной обойтись таким образом? Оставить без пенсии умирать с голоду из-за какого-то русского мальчишки? Будь он проклят! За решеткой уже слышался шум просыпающегося города. Мне пора было идти. Рассказ был закончен, но мне не хотелось уходить просто так. Человек, сидящий напротив, заслуживал хоть какого-то сочувствия. До определенной поры он честно служил своей Родине, храбро защищал ее интересы. Столько всего было нагромождено в его жизни. Передо мной сидел грамотный командир и верный товарищ, храбрец и убийца. Человек, умеющий глубоко любить и так же глубоко ненавидеть. Я не знал, что сказать ему на прощание, а потому просто поднялся, протянул ему руку и крепко пожал протянутую в ответ руку полковника. Себастьяна Морана, офицера армии ее величества.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
СОКРОВИЩА АЛЕКСАНДРА

Стоит ли говорить, что я торопился на Бейкер-стрит как никогда. Пообещав кэбмену щедрое вознаграждение, я ехал, снова и снова прокручивая в голове рассказ Себастьяна Морана. Правду ли он говорил о найденных сокровищах Александра Великого? Всякий раз, как только мысль моя возвращалась к этим сокровищам, рука непроизвольно тянулась к груди, где в кармане у меня лежала зашифрованная карта. Признаюсь, меня впечатлил рассказ п-ка в той его части, в которой он говорил о сокровищах. Все мы в детстве читали романы с найденными сокровищами. Надо признать то, что Себастьян Моран был хорошим рассказчиком, и его описание пещеры с несметным богатством было очень вдохновенным. За этими мыслями я и не заметил, как кэб доставил меня к нашей квартире. Даже не скинув в прихожей пальто, я просто взлетел по лестнице в гостиную. Холмс сидел в своем кресле и, посасывая погасшую трубку, был настолько углублен в эскизы п-ка, что мне пришлось дать знать о своем присутствии словами:

– Оставьте на время это, сэр, я принес вам оригинал.

– А... Ватсон! - и после паузы, – значит, Себастьян Моран все же закончил свой рассказ?

– Так и есть, Холмс – ответил я, передавая зашифрованную карту своему другу.

Холмс мельком взглянул на нее, отложил в сторону и произнес:

– Не томите, доктор, я весь внимание, – предложив таким образом начать рассказ.

За время моего повествования, в котором я старался не упустить ничего, Холмс слушал, не перебивая меня. Лишь изредка покачивал головой. Закончив повествование, я

внимательно посмотрел на своего друга, но тот продолжал сидеть молча, и лишь после продолжительной паузы задал вопрос:

– Как, по-вашему, Ватсон, правда ли то, что вы слышали?

– Не могу ничего утверждать, но если бы вы его видели во время рассказа!

– То есть вы хотите сказать, что он производил впечатление искреннего человека?

– Да, сэр! И потом, насколько я его узнал за эти дни, п-к достаточно прямой человек.

– Однако путь он избрал извилистый.

Мне нечего было ответить на это, и я счел за благо промолчать. Холмс молчал тоже, но по складке меж его бровей было видно, что он занят какими-то мыслями.

– Ну что ж Ватсон.....я склонен верить в существование этих сокровищ, да и то, что мы с вами нашли в тайнике, указанном нам Себастьяном Мораном, лишнее тому подтверждение.

Не знаю почему, но мне стало легче от слов моего друга.

– Дело осталось за малым, доктор, – продолжил Холмс, – разгадать этот ребус.

– И как ваши успехи? – спросил я его.

– Говорить об успехах еще очень рано, Ватсон. Как я и говорил вам ранее, это не пляшущие человечки, которых придумал простой грабитель. Тут все намного сложнее, но если это придумал человек, то значит, другой человек может это разгадать.

Все это Холмс проговорил как бы для себя, внимательно при этом разглядывая шифрограмму.

– Мне надо будет посидеть за этим, поворошить полицейские архивы, поискать нечто подобное, если только оно действительно было когда-нибудь.

Оторвав взгляд от бумаг, Холмс обратился ко мне:

– Вы мне очень поможете, доктор, если подберете для меня в библиотеке все, что касается Индии и ее животно-

го мира. Что-то я отыскал в литературе по мифологии, но вижу много и животных в его ребусе. Надеюсь, я не слишком обременю вас этой просьбой?

В ответ я только спросил:

– Когда вам это нужно?

– Чем быстрее, тем лучше! – ответил он и снова принялся вглядываться в эту шифrogramму.

– А кстати, как выглядел п-к при вашей сегодняшней встрече?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, не был ли он подавлен? А может, имел вид человека, смирившегося с неизбежным?

– Я бы так не сказал. Единственное, что его угнетает, так это то, что судьба была к нему несправедлива. Да и то это длилось несколько мгновений, а так он бодр и крепок духом.

– Инспектор Лестрейд по-прежнему не верит в возможность его побега?

– Да, сэр, эту возможность он по-прежнему не допускает.

– Как он самонадеян! Ну да Господь с ним, вполне возможно, что он окажется прав.

Холмс опять углубился в изучение бумаг, которые я ему доставил. Сам я давно не был в своем кабинете, компаньон мой по врачебной практике справлялся пока без меня, но мне не хотелось злоупотреблять его терпением. Я решил завтра вернуться к своей работе. Время шло как обычно. День мой был занят врачеванием больных. Холмс свободное время был занят загадкой Себастьяна Морана, и на мои вопросы, как продвигается это дело, он, улыбаясь, отвечал, что все хорошо, и неизменно благодарил за те книги, которые я доставлял ему из библиотеки. Он был полностью увлечен этим делом, и я был уверен, что он добьется своего. Меня же терзало нетерпение, но я никоим образом старался его не выдавать. Так все и шло, пока в один из дней к нам не ворвался, в буквальном смысле этого слова, инспектор Лестрейд. Вид у него был, мягко говоря, не самый лучший.

Верхняя губа его была рассечена и кровоточила, под левым глазом светился лиловый кровоподтек. Рукав его сюртука держался на нитках.

– Себастьян Моран сбежал! – сопроводил он свое появление выкриком.

Мы с Холмсом переглянулись и уставились на инспектора.

– Себастьян Моран сбежал! – вновь воскликнул м-р Лестрейд, бегая по нашей гостиной.

– Кто бы мог подумать, а? – не удержался Холмс, – присядьте и успокойтесь. За это время я успел наполнить стакан бренди и сунуть его в руку инспектора. Выпив, он понемногу начал приходить в себя. Достав платок, он промокнул сочившуюся из губы кровь, и приступил к рассказу.

– Два часа назад, – начал инспектор, – я и еще четверо полицейских вывезли Себастьяна Морана на одно из мест его преступлений для проведения следственного эксперимента. Место было достаточно глухое в восточной части Лондона. Об этом преступлении п-к рассказал нам буквально вчера, и мы решили не откладывать дело в долгий ящик и по горячим следам повезли его в указанное место. Теперь я понимаю, что это была ловушка, но ничто не предвещало такого развития событий. Как только мы вышли из кэба, на нас напало шестеро человек. Мы и в себя не успели прийти, как раздались выстрелы, и мои спутники были, кто ранен, а кто и убит.

Тяжело вздохнув и еще раз промокнув губу, инспектор продолжил:

– Осознав, что происходит, я вцепился в подследственного, но, получив от него несколько сильных ударов по голове, вынужден был отпустить его, и он исчез вместе с нападавшими со словами «живи, тупица»!

Допив бренди, Лестрейд вымолвил:

– Я его из-под земли достану, – и помявшись, добавил, – простите, господа, за то, что я с неверием относился к вашим предостережениям.

Мы ничего на это не ответили, я наполнил его стакан во второй раз и отправился за своим саквожем, с которым навещал больных. Вернувшись, я обработал раны инспектора. Холмс все это время сидел молча. Потом взглянул на меня и произнес:

– Ну что ж, видимо, мне придется снова отправиться в путешествие, вы со мной, доктор?

Я утвердительно кивнул головой, поняв все.

– Куда это вы собрались, Холмс? – спросил Лестрейд.

– На поимку Себастьяна Морана.

– То есть вы хотите сказать, что знаете, где он сейчас находится?

– Где он сейчас я не знаю, но где он будет через некоторое время, – догадываюсь.

– И где же, если не секрет? – видимо выпитый бренди давал о себе знать. К инспектору вернулись его сарказм и недоверие.

– В Индии мой друг, в Индии.

– За каким чертом его понесет туда?

– На то есть веские основания, сэр, – ответил Холмс и кивнул головой на рисунки Себастьяна Морана, лежавшие на столе.

– Вы хотите сказать, что вот это вот, – инспектор подбирал подходящее слово, – вот это его творчество, – найдя наконец слово, продолжил Лестрейд, – и явится причиной его отъезда в Индию?

– Именно это, как вы выразились, творчество и заставит его поехать именно туда.

– Я сейчас же дам команду перекрыть все порты! – воскликнул инспектор.

– Думаю, что вы опоздали, мой друг. Уверен, что Себастьян Моран уже находится на корабле, который держит путь к его цели.

– Что же делать? – с отчаяньем произнес инспектор, – ведь мы его упустим!

– Нам удастся настигнуть его там, если я успею в пути разгадать это, – Холмс опять кивнул на стол.

Мы все смотрели на рисунки. Затем Холмс сказал, обращаясь к Лестрейду:

– Инспектор, если ваше состояние вам позволяет, то не могли бы вы заказать нам с доктором два билета на ближайший рейс в Индию?

– Три! Три билета! – воскликнул Лестрейд – Я еду с вами, и уж там он от меня не уйдет!

Меня всегда смущала излишняя самоуверенность нашего друга-инспектора, но тем не менее Холмс ответил:

– Хорошо. Вы едете с нами, но должен вас предупредить, сэр, что погоня будет не из легких.

На что Лестрейд отмахнулся с присущей ему легкомысленностью

– Я готов, Холмс, на все. Лишь бы изловить этого негодяя, – подтвердил свою готовность инспектор.

Лестрейд спешно удалился решать вопрос о нашем отъезде. Мы с Холмсом сели готовить список, что нам следует взять в дорогу с собой. Поскольку я был знаком с тем климатом и условиями, то, собственно, этим занялся я, дав своему другу некоторые указания. Ближайшим оказался рейс, отбывающий через день. В назначенное время мы встретились в порту. Поклажа наша была невелика, основную ее часть занимали книги по Индии, которые были необходимы Шерлоку Холмсу. Разместившись в отведенной нам каюте, мой друг немедленно обложился книгами и принялся за дело. Должен открыть вам маленький секрет. Как оказалось, Холмс очень плохо переносил качку, и как только наш корабль оказался в открытых водах, он буквально слег, мучаясь от ее последствий. Ему приходилось проводить много времени на палубе, крепко держа в руках шифрограмму, чтобы ее не унесло ветром. Даже в таких условиях мой друг продолжал свое занятие.

Инспектор же Лестрейд метался по палубе с видом хищника, загнанного в клетку. Поначалу он донимал капитана

и его помощника вопросами, не отстаем ли мы от графика, и нет ли возможности прибавить скорость. Последние явно стали избегать встречи с ним, и он на время успокоился, вглядываясь в горизонт, как впередсмотрящий в старые добрые времена. Не буду описывать наше морское путешествие, оно было однообразным. Правда, большинство туристов развлекались, как могли, но мы в этом участия не принимали. Через какое-то время подступила жара, стало ясно, что вскоре мы прибудем к месту назначения. Пассажиры переоделись в более легкие одежды, появились тропические шлемы на головах у более опытных путешественников, и, наконец, было объявлено, что утром следующего дня мы будем на месте. Это известие все встретили с радостью, не говоря о моем друге Холмсе, он, как мне показалось, был рад больше других. Хотя должен заметить, к этому времени он стал лучше переносить тяготы морского пути. Как бы то ни было, в назначенное время с корабля был сброшен трап. На берегу стояла толпа радостных ожидающих. Сойдя вместе со всеми на берег, мы наняли фаэтон, и Лестрейд приказал отвезти нас в полицейский участок, отвечающий за безопасность в порту. По его словам, там служил его одноклассник, который окажет всяческую поддержку нашей экспедиции. Ехать пришлось совсем недолго, приземистое здание портовой полиции, как и надо было полагать, находилось практически в самом порту. Не дожидаясь полной остановки, ин-р Лестрейд соскочил с фаэтона и стремглав кинулся внутрь здания. Мы с Холмсом переглянулись, подумали о ретивости нашего ин-ра и направились туда же, где скрылся м-р Лестрейд. Переступив порог, мы услышали густой бас, произнесший:

– Гарри! Сукин ты сын! Какими судьбами?

Судя по услышанному, ин-р Лестрейд действительно был на короткой ноге с обладателем роскошного баса. Подойдя к открытой двери, мы увидели нашего инспектора в плачевном состоянии, он находился в лапах огромного детины, который нещадно сжимал его в своих объятиях. За-

метив нас, детина выпустил Лестрейда из объятий, одернул на себе китель и поинтересовался:

– Чем могу служить, джентльмены?

– Том! Эти люди со мной, – сказал Лестрейд, – позволь тебе представить м-ра Шерлока Холмса и его друга доктора Ватсона.

И, обращаясь к нам:

– Джентльмены! Это мой старый друг Том Пендергаст, начальник этого участка.

– Гарри, это те самые м-р Холмс и доктор Ватсон?

– Именно так, Том.

– Весьма польщен, джентльмены!

Мы с Холмсом поклонились. Пока шел этот диалог я вдруг подумал, что нашего инспектора оказывается зовут Гарри. Пригласив нас присесть поудобней, м-р Пендергаст поинтересовался

– Что привело вас в Индию, господа?

– Мы ищем вот этого человека, Том, – инспектор выложил дагерротип п-ка Морана, – посмотри внимательно, Том. Может, ты встречал пассажира, похожего на него, с одного из ближайших рейсов из Англии?

М-р Пендергаст внимательно всматривался в снимок п-ка:

– А ростом этот господин не шести футов, приблизительно?

– Именно так, – ответил Лестрейд.

– А как зовут его?

– Звать-ся он может как угодно, сэр, – ответил Холмс, – но вообще-то это п-к Себастьян Моран, самый опасный преступник на сегодняшний день в Британии. Так видели вы его?

– Был похожий господин, но он был рыжий и с бородой, – и, оторвав взгляд от снимка, начальник участка крикнул в открытую дверь, – Джордж!

Тут же откуда-то из глубины здания послышался топот, и на пороге возник совсем молодой полисмен.

– Да, сэр!

– Принеси книгу регистрации пассажиров с «Генриха XIII».

Через минуту м-р Пенедргаст просматривал книгу. Тем временем молодой полисмен смотрел на дагерротип п-ка, лежащий на столе.

– Вам знакомо это лицо? – спросил его Холмс

– Не совсем уверен, сэр, но мне кажется, что этот джентльмен прибыл сюда именно на Генрихе XIII, только выглядел он несколько иначе, как мне кажется.

– Как именно, по-вашему, выглядел этот человек?

– Он был с бородкой, какую носят шотландцы....точно, это он! Я вспомнил! Он еще был в килте и курил трубку. И зовут его Арчибальд Мак-Килан. Мне не понравились его глаза, глядящие исподлобья, казалось, что они пронзают вас насквозь. Он вызывал подозрение, но документы у него были в порядке, и я не препятствовал его сходу на берег.

– Вы не обратили внимания, кто-нибудь его встречал?-спросил Холмс.

– Нет, сэр, его никто не встречал. Да он и не производил впечатления человека, впервые приехавшего. Он уверенно двинулся в сторону города, даже не прибегнув к услугам кэба.

– Позвольте поинтересоваться, сэр, кто это?

– Это опаснейший преступник - п-к Себастьян Моран, – на сей раз ответил инспектор Лестрейд.

– Прошу прощения, сэр, но как-то не вяжется опасный преступник и п-к армии ее величества.

– Да, случай действительно редкий, но, тем не менее, это так, – с важным видом подтвердил свои слова ин-р.

Тем временем м-р Пендергаст, водивший пальцем по страницам книги регистраций, воскликнул:

– Вот! Точно! Арчибальд Мак-Килан, представитель торговой фирмы, прибыл по делам этой фирмы на Генрихе III два дня назад.

– Два дня назад! Теперь нам его не догнать, – уныло закончил Лестрейд.

– Не переживайте ин-р, ему как и нам надо собраться в дорогу, найти людей, слонов, погонщиков, а это не так просто и требует времени. Хотя уверен, что готовиться он будет не в этом городе, а несколько ближе к своей цели.

– Где находится цель Себастьяна Морана? Откройте секрет, сэр, – с присущим ему сарказмом поинтересовался Лестрейд.

В ответ на это Холмс молча покинул свое кресло и подошел к карте Индии, висевшей тут же, постоял мгновение-другое и ткнул пальцем в ту ее часть, которая обозначала север страны.

– Думаю, что это где-то здесь, – и как бы предвидя выпад инспектора, добавил, – чуть позже я смогу указать более точно.

– И что он там потерял?

– Скорее оставил, чем потерял.

– И что же это такое? – продолжал допытываться Лестрейд

– Нечто, к чему он обязательно должен прийти, – уклонился от прямого ответа Холмс.

Том Пендергаст внимательно следил за диалогом своего коллеги с м-ром Холмсом, но все его внимание было сосредоточенно на моем друге. Он просто буравил его своими маленькими глазками.

– Я понял, что здесь таится какая-то тайна, джентльмены, не хочу показаться навязчивым, но тем не менее, чем могу служить? – спросил он.

Холмс посмотрел на меня, и я извлек из кармана и передал м-ру Пендергасту список вещей, которые были необходимы для нашей экспедиции. Там были три слона, погонщики, восемь мулов и двадцать носильщиков. По меньшей мере, три раза прочитав список и покачав головой, наш гостеприимный хозяин спросил:

– Прошу прощения... это частная экспедиция или правительство участвует в ней каким-то образом? – последняя фраза была адресована ин-ру Лестрейду.

Инспектор неловко замялся и начал говорить что-то о скупости казначейства, о людях, которые не понимают, насколько опасен для общества Себастьян Моран.

– Ясно! – перебил его Пендергаст. И обращаясь уже к нам, – это выльется вам в кругленькую сумму.

Пендергаст переводил взгляд с меня на Холмса, стараясь определить, кто из нас спонсирует это предприятие, но мы, не стовариваясь, оба кивнули головой. Еще до отъезда в Индию мы решили, что потратим ценности из тайника п-ка на его же поимку, решение было обоюдным, поэтому мы дружно и кивнули.

– С носильщиками и мулами проблем не будет, а вот слонов с погонщиками придется искать в соседней деревне. Там как раз сейчас идет работа по расчистке джунглей под пахотные земли, и слоны там заняты перетаскиванием деревьев. Работа эта хорошо оплачивается местными жителями, и вам, джентльмены, придется предложить погонщикам очень хорошие условия, чтобы они согласились отправиться с вами непонятно куда и зачем.

Пендергаст нас явно провоцировал на объяснения, но мы сочли за лучшее не посвящать его в наше мероприятие.

– Не хотелось бы вас утруждать, сэр, – сказал Холмс, – но не могли бы вы помочь нам разместиться в гостинце?

– Джордж! – опять выкрикнул в дверь Пендергаст, и снова на пороге появился молодой полисмен.

– Да, сэр!

– Проводи наших гостей в гостиницу «Мумбай», – приказал он ему, и, обращаясь к нам, – это лучшее, что я могу вам предложить, господа.

Гостиница оказалась приличная на вид, к тому же на окнах были москитные сетки, и такой же полог защищал от насекомых и кровати. Мы поблагодарили нашего прово-

жато, и тот собрался было уходить, но Холмс остановил его вопросом:

– Сэр, а не владеете ли вы языком местных жителей, я имею в виду жителей той деревни, которую упоминал ваш начальник, м-р Пендергаст?

– Какой деревни, сэр?

– Прошу прощения, вы же не присутствовали при нашем разговоре, – и Холмс посвятил его в детали.

– В достаточной мере, сэр.

– Договориться о слонах вашего запаса знаний хватит?

– Думаю, что да, сэр!

– Мы можем рассчитывать на вашу помощь?

– Если на то будет приказ моего начальства, – всегда!

– Спасибо, сэр, – поблагодарил его Холмс, и мы остались в номере вдвоем.

Пока мой друг вел переговоры с молодым полисменом, я успел расположиться в одном из кресел. Холмс же не торопился занять свободное кресло. А сразу полез в свой дорожный саквояж и извлек из него криптограмму Морана и несколько книг. Разложив все это на столе, он углубился в изучение рисунка п-ка, периодически листая литературу, что-то помечая и рисуя в своей тетради. Я молча наблюдал за своим другом. Глаза его горели, румянец покрыл бледные щеки. Иногда он поднимал глаза кверху и как бы в восхищении покачивал головой. Наконец он отложил бумаги в сторону и обратил свой взор на меня:

– Да, доктор, как я и говорил, Себастьян Моран - это вам не чикагский громила, и чувствуется, что не зря он проедал деньги папаша в Итоне и Оксфорде. Мне пришлось провести много бессонных ночей, прежде чем хоть что-то начало проясняться. Благодаря вашей внимательности, Ватсон, я изначально знал в каком направлении мне нужно двигаться. В своем рассказе п-к упомянул, что они со своим другом, покинув город, направились на юго-запад. У меня были причины сомневаться в правдивости его слов. Я решил все перепроверить. Для этого мне пришлось с головой уйти в исторические

хроники походов Александра Македонского, и должен вам заметить, что именно где-то в той местности произошел крупный разговор полководца со своими военачальниками. Именно там они убедили его повернуть в другую сторону. Если верить летописям тех времен, добыча греков поражала всякое воображение. Они решили спуститься вниз по реке до Индийского океана. Войско Александра устало от похода и жаждало скорейшего возвращения на родину. Недовольных представлял один из военачальников, некто Кен. Именно ему Александр поручил организацию похода назад в Грецию. Огромная добыча замедлила бы продвижения войска как по суше, так и по реке. Калисфен в своих летописях осторожно намекает на то, что часть добычи была сокрыта в горах.

Произнося этот монолог, Холмс возбужденно шагал по номеру, держа в руках свою тетрадь с записями. Правда, он практически не заглядывал в нее, полагаясь на свою память.

– В более поздних хрониках не раз упоминались сокрытые богатства Александра, и неудачные попытки отыскать их. Находились всякого рода авантюристы и искатели кладов, но поиски не привели к успеху, и все сошлись во мнении, что Калисфен и все остальные попросту всех ввели в заблуждение. Можно было бы с этим и согласиться, но мы-то с вами, Ватсон, видели некоторые ювелирные изделия, один вид которых привел в трепет уважаемого ювелира, м-ра Эспри. Кстати, именно этот его трепет и слова о том, что ничего подобного он наяву не видел, убедили меня поверить в рассказ Себастьяна Морана.

– Дорогой друг, простите меня за этот экскурс в историю, но это было необходимо, – Холмс наконец занял стул, стоявший у стола, и жестом предложил занять мне другой. Разложив рисунки п-ка и свои записи на столе, Холмс продолжил:

– Так вот, Ватсон, изначально нам было известно, что Себастьян Моран отправился на юго-запад. Теперь посмотрите на творчество п-ка. Вам ничего не напоминают его эскизы?

Я внимательно всмотрелся в изображение богов, животных, змей, растений и созвездий, которые лежали отдельно друг от друга, потом перевел взгляд на законченный вариант криптограммы п-ка, где все это было зарисовано в одно ему ведомое расположение. Тем временем Холмс терпеливо ждал моего ответа. Видит Бог, я старался, но был вынужден поднять свой взгляд с немым вопросом к моему другу.

– Элементарно, Ватсон! – воскликнул Холмс, – это карта! Себастьян Моран был военным человеком, а значит, верхний обрез его криптограммы определенно показывает на север. Вы заметили, что криптограмма нарисована в виде двух колец, размещенных одно в другом, а в центре этих колец изображен многорукий бог? Так вот этот бог – Авалоки-тешвара. Это бог милосердия, и на самом деле, по легенде, рук у него намного больше, чем изобразил п-к, но не это важно сейчас. Заметили, что одна из рук божества несколько длиннее остальных?

Присмотревшись, я вынужден был согласиться со своим другом, одна рука действительно была длиннее других, и была она первой от плеча. На ее ладони был нарисован глаз. Глаза были нарисованы на всех ладонях, но глаз на этой ладони смотрел на юго-запад. В направлении взгляда располагались два дерущихся тигра, а далее стояла кобра с раздувшимся капюшоном. Мне сразу вспомнился рассказ п-ка, в той его части, которая говорила о битве тигров и нападении кобры.

– Вижу, что вы все уже поняли, доктор, – улыбнулся Холмс, – теперь смотрите сюда, – он подвинул рисунки на край стола и расстелил карту тех мест, – вот в этом направлении они двинулись с О*Туллом, где-то здесь его спутника укусила змея. Тут, вероятнее всего, они наткнулись на жителей деревни, в которой и жили потом, – Холмс ткнул карандашом в место, где, по его мнению, эта встреча произошла, – а вот река, по которой они спустились прямо к деревне. Если я правильно помню, то хижины этого поселения видны с реки? – уточнил мой друг.

– Именно так и говорил Себастьян Моран.

– Значит, мимо мы не проплывем, – радостно воскликнул Холмс.

– Это и будет нашим первым ориентиром к достижению цели, – на секунду замолчав, он спросил, – а, кстати, Ватсон, какова наша с вами цель? Отыскать сокровища или покарать преступника?

Признаться, вопрос моего друга застал меня врасплох, и мне понадобилось какое-то время отойти от мыслей о загадке криптограммы и сокровищ и вернуться к сбежавшему Себастьяну Морану.

– Мне кажется, сэр, что все это настолько связано, что одно без другого невысказано, но все же, я думаю, что поимку п-ка надо ставить на первое место, а уж после можно заняться и поисками сокровищ.

– Согласен с вами, доктор, а значит, надобность в слонах и погонщиках отпадает сама собой, и завтра мы постараемся закупить лошадей, и после обеда отправимся в путь.

– Вы не забыли, Холмс, что средства наши ограничены, и нам придется продать пару-другую золотых вещиц п-ка, чтобы организовать погоню за ним же?

– Черт!! - с досадой воскликнул Холмс, – ну надо, так надо. Надеюсь, в этом городе есть антиквары, или на худой конец, ломбарды!

– Завтра все и узнаем, а сейчас давайте отдыхать.

Я быстро уснул под тихое дыхание своего друга, который заснул еще раньше. Меня всегда удивляло его хладнокровие и умение засыпать сном младенца. Утром нас поднял настойчивый стук в дверь. С трудом открыв глаза, я посмотрел в окно, день только начинался.

– Это Лестрейд, – практически простонал Холмс, – ради всего святого, доктор, узнайте, что ему не спится?

Поднявшись с кровати, я направился к двери. Стоило мне только открыть замок, как в номер буквально ворвался и-р Лестрейд. Весь его вид говорил о том, что он готов сию минуту кинуться на поимку своего обидчика. На голове его

сидел тропический шлем, одет он был в шорты и куртку цвета хаки, сбоку на ремне висела кобура с револьвером, на том же ремне болтались подсумки с патронами.

– Холмс! – воскликнул он с порога, – как вы можете спать в то время, когда один из самых опаснейших преступников королевства разгуливает на свободе!?

– Лучше бы вы спросили меня, по какой причине я торчу здесь, вместо того чтобы находиться в своем кресле в гостиной на Бейкер-стрит, – пробурчал Холмс, недовольный столь ранним пробуждением. Лестрейд, поняв суть намека, слегка успокоился, уселся без приглашения, с обычной для него бесцеремонностью, в кресло и, выждав паузу, спросил:

– Прошу прощения, сэр, но все же, когда вы намерены отправиться на поимку Себастьяна Морана?

– Как только мы добудем все необходимое для этого.

– Что же именно, м-р Холмс? – язвительно спросил инспектор.

– Вы намереваетесь отправиться в джунгли пешком, с одним револьвером на поясе, без провианта и всего остального? – поинтересовался окончательно проснувшийся Холмс. После заданного вопроса инспектор в недоумении поочередно переводил взгляд с Холмса на меня и наоборот. Видимо вопрос застал его врасплох. Потом он, все-таки что-то сообразил и воскликнул, соскочив с кресла:

– Так я за тем и пришел! Надо немедленно идти и закупать все необходимое.

– Куда идти!?! – теперь уже не удержался и я, показывая рукой на окно, за которым только начинал разгораться рассвет, и не было слышно обычного для города шума, – все еще спят кроме вас, и благодаря вашим стараниям, и нас с Холмсом.

Но инспектора не так-то просто было смутить.

– Джентльмены! Может, я и достаточно рано, но это вызвано необходимостью. Надо до открытия лавок и базаров составить список всего необходимого.

– Мы это сделали с доктором еще в Лондоне, – ответил на это мой друг, уже пришедший в себя, – хотя может, вы и вовремя, инспектор. Сейчас мы уточним план наших действий и отправимся в город.

Холмс подошел к столу, на котором все так же лежали карта и ребус Себастьяна Морана. Сдвинув последний на край стола, Холмс некоторое время смотрел на карту и о чем то думал. Затем оторвав свой взгляд от карты, он перевел его на нас и произнес:

– Скорее всего, джентльмены, нам придется расстаться, – заметив наши недоуменные взгляды, Холмс пояснил: «Инспектору придется нанять лодки и гребцов и спуститься вниз по реке до этого места, – он указал пальцем место, – по моим предположениям, именно отсюда Себастьян Моран стал сплавляться с аборигенами до их деревни. А мы с вами, доктор, отправимся в джунгли и, если не настигнем п-ка в дороге, то встретимся в указанном мною месте и продолжим погоню уже по воде».

Судя по унылому виду инспектора, его не прельщала перспектива плыть по реке за беглецом. Заметив это, Холмс добавил:

– Уверен, что с организацией экспедиции на воде лучше вас, инспектор, никто не справится.

Приободренный этими словами, Лестрейд готов был тут же ринуться организовывать эту экспедицию, но был остановлен жестом руки Холмса:

– Итак, джентльмены, уточним еще раз, что нам необходимо.

Быстро пробежав по списку, составленному накануне, что-то добавив, что-то уточнив, мы начали собираться на выход, благо город начал уже подавать признаки жизни.

Остановившись в дверях, Холмс обратился к инспектору:

– Вы не думали взять с собой кого-нибудь из местных полицейских, м-р Лестрейд?

– Честно говоря, мне приходила такая мысль в голову, сэра. Я поговорю с Томом.

– Вы имеете в виду м-ра Пендергаста? – уточнил мой друг.

– Да, именно его. Мы с ним старые приятели, и уверен, он мне не откажет в такой мелочи, а может, и сам изъявит желание отправиться со мной.

– Мне бы не хотелось возиться с п-ком после его поимки, и было бы хорошо сдать его с рук профессионалам.

Заслышав слово «профессионал», инспектор насторожился, пытаясь услышать в нем сарказм, взглянул на Холмса, но тот оставался невозмутим, и инспектор успокоился.

Выйдя из гостиницы, мы направили свой путь в сторону порта, а точнее, к участку, которым руководил Том Пендергаст. По дороге нам попался достаточно приличный ювелирный магазин, и мы, решив посетить его, отправили в участок инспектора одного с уверениями, что совсем скоро присоединимся к нему. Толкнув дверь, мы попали в помещение средних размеров, заставленное прилавками и витринами, с изделиями, притягивающими взгляд игрой камней. За прилавком стоял молодой индиец, несколько европеизированный, но с тюрбаном на голове.

– Чем могу служить, господа? – согнулся он в неглубоком, но полном вежливости поклоне, – у нас огромный выбор, мы можем предложить вам изделия на любой вкус.

– Спасибо, м-р, – ответил Холмс, – но мы несколько с другой целью.

Мой друг извлек из внутреннего кармана известный уже кожаный мешок, затем достал из него пряжку для плаща, положил ее на прилавок и спросил:

– Сколько, по-вашему, это может стоить? Мы с другом оказались в затруднительной дорожной ситуации и хотели бы продать эту вещицу.

Глаза молодого человека округлились после того, как он взял в руки пряжку. Повертев ее в руках и с сожалением положив обратно, он сказал:

– Я не уполномочен оценивать вещи подобного рода, но у меня есть хозяин, который вас проконсультирует и, возможно, приобретет эту вещь, если, конечно, вас устроит цена.

– Не могли бы мы пообщаться с вашим хозяином?

– Одну минуту, господа, я только узнаю, не занят ли он. С этими словами он исчез за шторой, прикрывающей вход в коридор. Он не заставил себя долго ждать, и меньше чем через пару минут появился вновь со словами:

– Сейчас мой хозяин выйдет к вам, господа, – и опять с поклоном...

Нам с Холмсом пришлось прождать несколько минут, и все это время меня не покидало чувство, что за нами кто-то наблюдает. Делая вид, что разглядываю изделия, лежащие на прилавках и стоящие на стеллажах, я пытался разглядеть в стенах потайное отверстие для наблюдения за посетителями, но попытки мои были тщетны. Я взглянул на своего друга, надеясь, что и он чувствует то же самое, что и я, но лицо Холмса было непроницаемо, он с удовольствием вертел статуэтку из слоновой кости, изображавшую слона с бусидкой на спине и золочеными бивнями. Я подумал о том, что стал непозволительно подозрителен, и дал себе слово в следующий раз не искать черной кошки в темной комнате. Наше ожидание не было очень длительным, но томительным оно было несомненно. Наконец шторы распахнулись, и нашему взору предстал странный человек, одет он был, как индеец, с традиционным тюрбаном на голове, но странность его заключалась в другом. Начну с того, что он был горбат, а следовательно, рост у него был небольшой. Но поразил меня не его горб, а глаза. Они не были в спокойном состоянии ни секунды. Мгновенно ощупав нас как щупальцами, они окинули взглядом все помещение сразу, потом перебежали от входа к окнам, поднялись к потолку, непонятно с какой целью, и вновь обратились к нам. Они перебежали с Холмса на меня, смотрели на мою обувь и оглядывали костюм моего друга. Я в изумлении посмотрел на продавца, тот едва заметно

кивнул, и я понял, что перед нами хозяин, и тут же как бы в подтверждение горбун произнес:

– Я рад приветствовать в своей скромной лавке м-ра Холмса и его друга д-ра Ватсона.

Мы с Холмсом переглянулись.

– Не удивляйтесь, господа, слава ваша бежит впереди вас, – глазки его беспокойно бегали с меня на моего друга, – в этой глуши мы, пусть и с опозданием, но все же получаем газеты. И благодаря художникам мы знаем, как выглядит человек, вернувший миру древнюю корону английских королей. Мне как ювелиру стыдно было бы не знать, кому мы этим обязаны.

– Мы с моим другом весьма польщены вашим вниманием м-р...? - спросил Холмс.

– Анджин, сэр, меня зовут Анджин.

– Так вот, м-р Анджин, повторяю, нам с моим другом весьма лестно то, что вы нас узнали, но помимо этого, хотелось бы, чтобы вы помогли нам по мере возможности

– Всем, чем смогу, м-р Холмс, – с готовностью откликнулся горбун, и мне показалось, что глазки его на мгновение замерли.

– Взгляните на эту вещицу, – Холмс подвинул ему пряжку, лежащую тут же на прилавке. Несомненно, хозяин ее давно заметил, но виду не подавал. Теперь же, взяв ее в руки, он внимательно оглядывал ее со всех сторон, вертя в руках, приближая ее к глазам и отводя в сторону.

– Редкая вещь, – наконец произнес он, – редкая и очень древняя.

Затем он положил ее на прилавок перед нами и добавил:

– Что вы хотите узнать о ней, господа?

– Нам бы хотелось выяснить, что может стоить эта вещица, и не могли бы вы ее купить у нас, – произнес Холмс. Вот тогда, я мог бы поклясться, глаза хозяина перестали бегать на целых полминуты, они просто остановились на пряжке. Не отводя от нее глаз, хозяин назвал сумму, которую он го-

тов был выложить за нее. Я быстро прикинул в уме, что за эти деньги можно было снарядить экспедицию в Англии и еще бы осталось немного, а уж здесь этих денег с лихвой бы хватило и на три экспедиции. Как бы боясь, что мы не удовлетворены названной суммой, он быстро заговорил:

– Я понимаю, господа, что в более крупном магазине вам дадут на фунт-другой больше, но я бедный индеец, и вы меня очень обяжете, если согласитесь продать ее за эти деньги. Так тяжело заработать в наше время...

Произнеся это, он склонил голову. Наверное, не хочет, чтобы мы видели его глаза, – подумал я. Мы с Холмсом переглянулись, я кивнул ему, давая согласие на эту сделку. Времени у нас было в обрез, и искать другую лавку из-за фунта-другого смысла не было.

– Мы согласны, – твердо сказал Холмс.

– Тогда одну секунду, господа, – радостно всплеснул руками горбатый черт, – я только отсчитаю деньги в своей конторке. С этими словами он исчез за шторкой очень быстро.

Чтобы как-то нарушить молчание, повисшее в лавке, я спросил продавца:

– Давно ваш хозяин занимается ювелирным делом?

– По нашим меркам не очень, сэр, есть ювелирные предприятия, насчитывающие не одно столетье, мы этим похвастаться не можем, но наш хозяин очень предприимчивый и ловкий человек, что позволило ему быстро достичь сегодняшнего положения, и поверьте мне, оно очень значимо в ювелирном деле.

– Не сомневаюсь, – ответил я

Говорить, вроде, больше было не о чем, но к счастью, появился хозяин с купюрами в руках, которые он тут же разложил на прилавке и предложил нам пересчитать их. Холмс аккуратно сложил купюры в стопку, убрал их во внутренний карман и сказал:

– Благодарю вас, м-р Анджин. Не могли бы вы дать нам провожатого к участку м-ра Пендергаста?

– Вы знакомы с м-ром Пендергастом!? – воскликнул хозяин.

– Да! Вчера имели честь быть ему представленными нашим другом м-ром Лестрейдом.

– Он тоже здесь!? Неудобно донимать вас вопросами, но все же, что привело вас в страну?

– Моему другу, – Холмс указал на меня, – врачи пропи-сали поменять климат на какое-то время, я решил сопрово-дить его, а у инспектора здесь свои дела, – уклонился от ответа Холмс, – так что с провожатым?

– Сию минуту, сэр, Басу! – приоткрыв портьеру, крик-нул хозяин.

– Иду, хозяин, – раздалось из глубины помещения, и почти одновременно появился по пояс голый мальчишка, – я здесь, саиб.

– Проводи этих уважаемых к саибу Пендергасту.

– Будет сделано, саиб

– Следуйте за Басу, господа, он смышленный мальчонка. Попрощавшись и поблагодарив хозяина лавки, мы направи-лись к двери, которую уже держал приоткрытой для нас наш провожатый Басу. М-р Анджин не соврал, мальчонка дей-ствительно оказался шустрым. Мы едва поспевали за ним и совсем скоро оказались перед знакомым нам уже зданием участка портовой полиции. Поблагодарив нашего провожа-того, сунув ему при этом какую-то мелочь, мы вошли в поме-щение участка и направились к кабинету м-ра Пендергаста, из приоткрытых дверей которого слышался громогласный смех его хозяина.

Стоило нам постучать, как из кабинета донесся голос Ле-стрейда:

– Это, наверное, мои друзья Холмс с Ватсоном.

– Так пусть входят! Твои друзья - это мои друзья, Гарри. Входите, джентльмены, – послышалось приглашение от хо-зяина войти.

Мы последовали приглашению и оказались в кабинете м-ра Пендергаста. Инспектор Лестрейд, судя по всему, чув-

ствовал себя там уже если и не хозяином, то вполне своим человеком. Он сидел в кресле и точно так же, как и хозяин, закинул ноги на стол, в зубах же его была зажата сигара, пепел с которой сыпался ему на грудь и на пол, чего ин-р не замечал, видимо, увлеченный каким-то рассказом из своей практики. М-р Пендергаст вежливо встал при нашем появлении и предложил поудобней разместиться, жестом указав на два свободных кресла. Дождавшись, когда мы заняли свои места, он заговорил:

– Джентльмены! Мой друг Гарри посвятил меня в ваши проблемы. И я с радостью возьмусь помочь вам, – мы поблагодарили его, – однако Гарри сказал, что по дороге ко мне вы остались в ювелирном магазине, отправив его одного ко мне. Позвольте полюбопытствовать, уж не тот ли это магазин, хозяином которого является горбун с бегающими глазками?

– Именно так, сэр, – подтвердил Холмс

– М-да... - протянул друг Лестрейда, – уж не знаю, для чего это вам нужно было, но вот только есть в городе ювелирные магазины с более честными и порядочными хозяевами.

При этих словах что-то неприятно заныло у меня под ложечкой. - Темная репутация у этого Анджина. В городе ходит много слухов о нем, и я давно приглядываю за ним, но ничего конкретного против него у меня нет, но будьте уверены, если я хоть что-то накопаю против него, то упрячу в каталажку надолго.

Он замолчал на некоторое время, поглядывая на нас с целью увидеть, какое впечатление произвела его тирада. Мы сидели молча, ожидая продолжения. Оно не заставило себя долго ждать:

– Ладно. Бог с ним, с этим Анджином, придет его время. Я решил отправиться вместе с м-ром Лестрейдом в эту экспедицию, также возьму с собой трех надежных ребят. Задача, судя по всему, предстоит непростая, и вы можете рассчитывать на меня целиком и полностью.

При этих его словах Лестрейд победоносно взглянул на нас с Холмсом, всем своим видом давая понять, – вот видите, какие у меня друзья!

– Мы с м-ром Ватсоном ни секунды не сомневались в этом, м-р Пендергаст, – поблагодарил его Холмс, – а уж коли так, то давайте уточним место нашей встречи.

Холмс подошел к карте, висевшей на стене. Секунду постояв, он попросил подойти хозяина кабинета, что тот сразу и исполнил.

– Вот здесь мы должны с вами встретиться, – указал на карте мой друг.

Пендергаст присвистнул:

– Далековато нас занесет. А что, собственно, делать там этому Морану?

– Далее, еще ниже по реке, его будет ждать старый друг, дезертировавший из армии. Если их встреча состоится, то примерно в пяти-семи днях пути и будет их конечная цель. Это, примерно, здесь. Вам знакомы те места, м-р Пендергаст?

– Нет, в такую глушь я не забираюсь, да и из моих людей вряд ли кто там был. Судите сами, тут на тысячи миль ни одного крупного поселения, обозначенного на карте, нет. И что их туда понесет?

– Пока я не могу вам этого сказать, но уверен, что именно туда они и направятся.

Пока они разговаривали меж собой, мы с Лестрейдом тоже подошли к карте и смотрели на эту бескрайнюю территорию, выкрашенную в зеленый цвет, там действительно не было обозначено ни одного населенного пункта, и только синие нитки рек испещряли эту темную зелень.

– Так же, как и п-к Моран, исследовал Тибет и предгорья Гималаев в свое время, кто-то исследовал и эту глушь, – вдруг подумалось мне.

От этих мыслей меня отвлек голос Холмса:

– Итак, джентльмены, место встречи мы с вами определили. Я не буду вам говорить, сэр, что нужно брать с собой,

вы это знаете лучше меня, но поскольку экспедиция, можно сказать, частная, то я хотел бы знать, какая сумма вам необходима для ее осуществления?

Пендергаст поднял глаза кверху, и начал что-то про себя подсчитывать, время от времени шевеля губами. Наконец он посмотрел на моего друга и назвал цифру. Она превышала чуть более трети вырученной нами с продажи пряжки. Холмс вытащил деньги из кармана и отсчитал запрашиваемую сумму.

– Где это вы так разжились, Холмс? – поинтересовался Лестрейд.

В ответ мой друг просто улыбнулся, ничего не сказав, и, обратившись к Пендергасту, спросил:

– Не будете ли вы так любезны, сэр, попросить вашего подчиненного м-ра Джорджа помочь нам в покупке лошадей. А то мы с доктором даже не знаем, в какую сторону идти.

– Конечно, джентльмены! – и как в первый раз крикнул в коридор: «Джордж»!

– Есть, сэр, – откликнулся тот и спустя мгновение, стоял уже перед нами.

– Джордж, будь любезен, помоги нашим друзьям выбрать и купить лошадей.

– Есть, сэр.

Юный полицейский был знатоком лошадей. Он объяснял это тем, что у его отца в Англии была отличная конюшня, и как он сам говорил, вырос он вместе с лошадьми. Менее чем через час, мы стали владельцами трех очень приличных животных. У нас было все готово к поездке, поэтому еще раз зайдя в участок и уточнив последние моменты, мы с Холмсом, навьючив на одну из лошадей нашу поклажу и оседлав оставшихся двоих, тронулись в путь. Выехав за город, мы начали путь легкой рысью, но, как известно, дорога затягивает, и уже совсем скоро перешли на легкий галоп. Этот вид езды не располагал к беседе. Через

некоторое время мы перешли на шаг, давая нашим коням отдохнуть, и не будем кривить душой, мы сами подустали.

– Надо было посещать манеж, – подумал я про себя.

– А что, доктор? Вам не кажется, что устали мы больше, чем эти благородные животные?

– Вы, как всегда, угадали мои мысли Холмс.

– Как бы то ни было, но боюсь, нам надо спешить, если мы хотим настигнуть Себастьяна Морана.

Так мы и продвигались с галопа на рысь, переходя на шаг. Через часа три Холмс, перейдя на шаг, вскоре остановился и сказал:

– Если я не ошибаюсь, то нам сворачивать здесь, – и указал рукой в сторону джунглей. Присмотревшись, я увидел нечто, напоминавшее дорогу. Вряд ли я бы заметил ее. Только зоркий глаз моего друга мог усмотреть в этих зарослях когда-то существовавшую дорогу. Переглянувшись, мы свернули в джунгли. Здесь мы уже вынуждены были перейти на шаг, но иногда местность позволяла нам двигаться чуть быстрее. Правду говорил п-к Моран о том, что джунгли никогда не молчат. Особенно были слышны обезьяны. Маленькие мартышки бесстрашно спускались вниз, держась хвостами за ветки, потом опять взмывали ввысь, при этом пронзительно крича.

– Однако забавные существа, эти мартышки, вы не находите, Ватсон?

– Это так, мой друг, но лучше держаться с ними настороже, воришки они просто ужасные.

– Вы правы, я кое-что почитал об обезьянах перед отъездом, так вот, многие исследователи и путешественники ставят некоторые из видов этих обезьян по опасности на первое место, отодвигая диких слонов и даже тигра.

– Мне кажется, что авторы, которых вы читали, склонны были к преувеличению.

– Я бы мог с вами согласиться, если бы прочитал нечто подобное у одного из них, но каждый с завидным упрямством утверждал именно это. Особенно опасны павианы.

Рост их на задних лапах не превышает трех футов, но встречаются особи и пяти футов и, вопреки мнению обывателя, они являются к тому же и плотоядными - с одинаковым удовольствием поедают плоды, коренья и ничуть не пренебрегают мясом других животных. Описываются случаи, когда из-за нападений этих тварей жители деревень вынуждены были покидать насиженные места.

– Ну уж тут-то я не поверю. Чтобы какие-то обезьяны выгнали из домов жителей!?! – воскликнув, выразил я свои сомнения.

– Знаете, доктор, именно так и я подумал, прочитав все это, тем не менее об этом упоминают практически все исследователи. Эти твари, мало того что плотоядны, они еще и невероятно хитры и жестоки, в этом они не уступают и тиграм, а скорее, даже превосходят их. Они с большой ловкостью похищают детей, а стаей могут напасть и на небольшую группу взрослых. Клыки их и когти не уступают в размерах когтям и клыкам леопарда или пантеры. Последние, к слову, тоже стараются избегать прямых стычек со стаей павианов.

Я никогда не сомневался в храбрости своего друга, но верил в его осторожность, поэтому поближе передвинул кобур с револьвером и на всякий случай расстегнул ее. Однако все шло спокойно. Это движение не ускользнуло от Холмса:

– Вы правильно делаете, доктор, что держите под рукой свое оружие. Не надо сбрасывать со счетов того, что мы гонимся за человеком, куда страшнее обезьян, и, почувствовав погоню, он может устроить засаду, а на эти дела, как вы знаете, он большой мастер. Хотя я думаю, что именно сейчас он торопится, как можно скорее достичь своей цели, но тем не менее....

Однако попали мы в засаду все же не к Себастьяну Морану. Внезапно наши лошади начали тревожно фыркать, запрядали ушами, сбились с шага и начали пятиться назад. Выючное животное, привязанное к моему коню, попыталось порвать повод, сильно натянув его и тем самым остановив нас. Я вытащил револьвер и взвел курок, и тут же на при-

вязанную лошадь кинулось крупное существо с собачьей мордой. Бедное животное встало на дыбы, чем незамедлительно воспользовалась обезьяна, вцепившись ему своими клыками прямо в горло. Захрипев, конь начал заваливаться на бок, потянув за собой и нас с моим конем, чем невольно спас мне жизнь. Я был вынужден выпрыгнуть из седла, только я сделал это, как на мое место прыгнула обезьяна, размером, правда, меньше, но все же достаточно крупная. К тому времени револьвер был у меня в руке, а с такого расстояния промахнуться было трудно. Мой выстрел слился воедино с выстрелом Холмса. Двое тварей забились в конвульсиях. Я повернулся к обезьяне, терзавшей вьючную лошадь. Судя по всему, это был вожак стаи, он был хитер и, заметив мое движение, кинулся в заросли. Вслед за ним бросились и остальные.

– Как вы, Ватсон?

– Я в порядке. Как вы?

– Тоже...

Наши лошади, обезумев, бросились напролом в заросли. Мы приблизились друг к другу, держа оружие наготове и тревожно оглядываясь по сторонам. Крики этих тварей говорили о том, что они где-то неподалеку, и мы ждали следующего нападения. Оно не заставило себя долго ждать. Павианы появились внезапно с дикими воплями. Предводительствовал тот самый крупный вожак, что напал на вьючную лошадь. Было их не меньше двух дюжин. Открыв стрельбу, мы уложили четверых из них, но вожак был цел, и они опять отступили. Только мы успели дозарядить наши револьверы, как они опять появились, настроенные еще более решительно. Не успели мы открыть огонь, как послышался топот копыт, и неизвестные всадники начали стрельбу, оказав нам тем самым неоценимую услугу. Стрелки, судя по всему, они были хорошие. Первым рухнул вожак, за ним следом свалились еще несколько павианов, остальные кинулись врассыпную. Мы в недоумении вглядывались в наших спасителей, с удивлением я узнал в одном из них хозяина ювелирной лавки.

Несмотря на свой дефект, он довольно лихо соскочил со своей лошади и произнес:

– Рад приветствовать вас, господа. Неужели вам никто не объяснил, как бывает опасно в наших джунглях?

– Я и мой друг м-р Ватсон благодарим вас, м-р Анджин, за ту неоценимую, а самое главное, своевременную помощь.

– Все в этом мире имеет свою цену, м-р Холмс, – загадочно ответил горбун.

Его ответ заставил нас насторожиться.

– И чем же мы можем вас отблагодарить?

– Сущий пустяк, саиб, – усмехнулся горбун и замолк.

– Говорите.

– Пусть саиб не сочтет меня самоуверенным, но мне кажется, что кроме пряжки, которую вы мне продали, у вас есть еще кое-что. Вначале я так и подумал, но потом, когда Басу проводил вас к полицейскому участку и там задержался под окнами уважаемого начальника, а затем передал мне ваш разговор, я свел в своих скромных мозгах эту пряжку, ваш поход в джунгли, и понял, что вы знаете, где находятся сокровища греков. Вот я и решил последовать за вами со своими людьми.

Он повел взглядом, который уже не бегал, в сторону своих бандитов.

– И я уж вовсе не хотел, чтобы вас растерзали эти обезьяны, я просто считал необходимым для себя выручить вас, и думаю, что не пожалею об этом ни секунды.

В последних словах Анджина таился и вопрос, и угроза.

– Вы ошибаетесь, уважаемый, мы просто направлялись на поиски беглого преступника, – ответил Холмс

– Допустим. Но как вы объясните наличие у вас той самой пряжки? То, что она, несомненно, древняя и не индийская, вы, конечно, не станете отрицать?

– Эта пряжка досталась нам от п-ка Морана, которого мы как раз и стараемся настигнуть.

– Вполне возможно, что и так, но думаю, что он вам объяснил ее происхождение и то, как она попала к нему.

– Себастьян Моран не считал нужным посвятить нас в это.

В это время послышался треск ветвей, мы с Холмсом потянулись к нашим револьверам, на что Анджин сказал:

– Не беспокойтесь, господа, это мои люди ведут ваших лошадей. И, кстати, будьте добры, отдайте мне ваши револьверы.

Нам ничего не оставалось, как подчиниться его приказу. Горбун что-то сказал на хинди людям, приведшим наших лошадей, и те кинулись вытряхивать содержимое седельных сум на землю, и, конечно же, выпала карта п-ка Морана. Анджин сразу же выхватил ее взглядом из кучи и велел подать ему. Покрутив ее в руках, он стал пристально разглядывать ее, после чего обратился к моему другу:

– Это то, о чем я думаю?

– Это криптограмма Себастьяна Морана.

– Вы ее разгадали?

– Не до конца. Отчасти потому мы и гонимся за ним, – слукавил Холмс.

– Ну что ж, надеюсь, вы будете не против, если мы составим вам компанию?

– В общем-то, это дело Скотланд-Ярда... – начал было Холмс, но горбун его перебил:

– Со Скотланд-Ярдом, в лице инспектора Лестрейда, мы договоримся при встрече, – и добавил тоном, не терпящим возражений, – собирайтесь в путь!

Понимая, что бежать нам некуда, наши захватчики, а отчасти и спасители, не стали нас связывать, и без проблем мы уселись на наших лошадей, которых держал один из приспешников Анджина. Двое из людей горбатого ювелира проехали вперед, таким образом мы оказались почти в середине нашей кавалькады. Тем временем смеркалось, некоторые из наших попутчиков зажгли припасенные факелы, и мы без проблем видели дорогу. Однако путь продолжали мы не так уж долго, скоро совсем стало темно, а из-за густых зарослей даже свет луны не пробивался, и предводитель этой шайки дал команду остановиться и устраивать-

ся на ночлег. Как вы поняли, люди эти были из местных, и они с завидной ловкостью и расторопностью вскоре устроили бивак, разожгли огонь, нарубили веток. Анджин что-то сказал своим людям, и двое из них встали неподалеку от костра, держа карабины наготове, я понял, что это караул.

– Разумно, - подумал я.

Спать нам с Холмсом не хотелось, мы продолжали сидеть у костра. Ювелир тоже не торопился укладываться, он подсел к нам и, глядя в костер, сидел молча, наблюдая, как огонь то затухая, то опять вспыхивая, играл пламенем.

– М-р Холмс, сэр, – произнес он вдруг, не отрывая взгляда от пламени, – я не хочу причинять вам вреда и хотел бы договориться по-хорошему: лучше видеть такого умного человека, как вы, в союзниках, а не в пленниках.

Оторвав взгляд от костра, он посмотрел на моего друга, лицо которого то озарялось светом костра, то совсем пропадало из вида в этой тьме.

– Союзником в чем, м-р Анджин? В поимке Себастьяна Морана? – спросил Холмс.

– До этого человека мне нет дела. Думаю, что не сильно ошибусь, если посмею предположить, что и вас он интересуется не очень сильно. Мне кажется, что мы преследуем одну цель.

– Какую же? – поинтересовался Холмс.

– Добраться до сокровищ Александра, – вскричал ювелир.

Некоторое время помолчав, мой друг ответил:

– Во-первых, м-р Анджин, я не уверен в существовании этих самых сокровищ, а во-вторых, я действительно хочу изловить этого человека и избавить мир от его присутствия, да и не только мир, но и себя. Потому как он знает, что не будет мне покоя, пока я этого не сделаю, он точно так же будет стараться уничтожить меня, чтобы жить спокойно. Себастьян Моран дважды пытался убить меня, один раз на Рейхенбахском водопаде, второй раз у меня дома. Отлично понимая меру этой необходимости, я не хочу быть мишенью в третий раз, м-р Анджин, - и выдержав паузу,

добавил, – и потом мне кажется, что все эти криптограммы имели одну цель, выманить меня из Англии, там ему оставаться было опасно, весь Скотланд-Ярд искал бы его днем и ночью, а здесь он имеет все преимущества.

– Хорошо. Тогда как вы все-таки объясните происхождение этой пряжки?

– Вполне возможно, что во время своих путешествий он и нашел несколько подобных вещей, а может, и перекупил у кого-то из жителей глухой деревни.

– Нет! – взволновался вдруг Анджин, – я чувствую золото...

Глаза его как будто остекленели, грудь вздымалась, и на миг мне показалось, что даже горб на его спине зашевелился сам собой. Успокоившись, он продолжил:

– Сокровища есть, и он идет за ними. Я уверен в этом. Поэтому я со своими людьми и поехал за вами, – он замолк. Мы с Холмсом выжидающе смотрели на него. Он не заставил себя долго ждать и продолжил:

– Джентльмены, – меня несколько покорила такая его фамильярность, – я предлагаю вам сделку.

Он опять замолк и теперь уже выжидающе глядел на нас. Мы молчали. Наконец Холмс поинтересовался:

– В чем суть сделки, м-р Анджин, – подчеркнуто вежливо спросил мой друг, давая тем самым понять, что фамильярность его не очень уместна даже в таком нашем положении. Анджин понял это и продолжил совсем иным тоном:

– Я предлагаю объединить наши усилия, то есть я вам помогу в поимке вашего врага, и в случае удачи, мы честно поделим сокровища.

– Вы, наверное, знаете о том, что в условленном месте нас будут ожидать м-р Лестрейд и м-р Пендергаст со своими людьми?

Горбун утвердительно кивнул. Убедившись в том, что его предположения верны, Холмс продолжил:

– И как вы на это смотрите? Не помешают ли они осуществлению ваших замыслов?

Услышав это, Анджин расхохотался. Потом вытерев слезы смеха, но все еще ухмыляясь, ответил:

– С Большим Пендергастом, думаю, проблем не возникнет. Этот плут наверняка что-то подозревает, и уж поверьте мне, узнав о сокровищах, секунды не будет сомневаться, и изъявит боооольшое желание присоединиться к нам. Надо совсем ничего не знать о размерах его алчности, чтобы сомневаться в этом, а уж я лучше многих знаю об этих размерах. Так что вы решили?

– Мне надо посоветоваться с м-ром Ватсоном.

– Конечно, конечно. Только прошу вас обоих принять во внимание то положение, в котором вы находитесь. Не считите это за угрозу.

С этим он встал и отошел к своим людям.

– Что скажете, доктор, на это предложение?

– Нельзя идти на поводу у этого бандита.

– И что делать?

– Перед рассветом попробуем ускользнуть.

– Вряд ли это хорошая мысль. У меня есть план и кой-какие мысли, я предлагаю пойти на его условия.

У меня не было повода сомневаться в благоразумии друга, и я дал свое согласие, во всем положившись на Холмса.

– М-р Анджин! – крикнул Холмс, предлагая подойти к нам.

Тот, не замедлив, приблизился, остановился и посмотрел на моего друга.

– Мы с м-ром Ватсоном решили принять ваше предложение.

Заслышав это, горбун улыбнулся, и глазки его опять забегали из стороны в сторону.

– Но нам хотелось бы каких-то гарантий нашей безопасности с вашей стороны.

– Сэр! Я деловой человек и даю вам свое слово, что ни один волос с вашей головы не упадет.

В ответ на это я ухмыльнулся про себя, и что-то мне подсказало, что Холмс поступил точно так же.

– Думаю, что теперь мы должны как следует отдохнуть, м-р Анджин, поскольку, по моим расчетам, нам предстоит еще двое суток пути, – сказал Холмс, давая понять, что переговоры окончены.

Вести какие-то разговоры с Холмсом я не считал возможным для себя, так как не знал, владеет ли кто английским языком среди окружавших нас бандитов, поэтому, положив руку под голову, постарался заснуть, во всем полагаясь на своего друга. В конце концов мне это, наконец, удалось. Проснулся я от шума просыпающегося лагеря. Кто-то готовил завтрак, кто-то седлал лошадей. Позавтракав на скорую руку нехитрой снедью, мы двинулись в путь. Несмотря на достигнутое соглашение, горбун распределил нас в том же порядке, мы с Холмсом ехали в середине нашего отряда. Не буду утомлять рассказом о следующих двух сутках нашего пути. Это был обыкновенный поход. Следопыт, бывший в шайке Анджина, иногда указывал нам на следы, оставленные лошадей или человеком. Эти следы могли принадлежать только одному человеку, и служили нам доказательством, что мы двигаемся в правильном направлении. По истечении вторых суток мы обнаружили останки лошади, растерзанной хищниками. Видимо, где-то неподалеку Себастьян Моран, он как и в прошлый раз вынужден был оставить ее здесь. Далее шли непроходимые для лошадей джунгли. Мы спешили, и люди ювелира стали разгружать лошадей, беря только самое необходимое. Немного оглядевшись, наш следопыт указал рукой в направлении, куда, по его мнению, отправился п-к Моран. И действительно, совсем скоро я убедился в правильности его предположения. Нам стали попадаться свежесрубленные ветки растений, мешавшие его продвижению. Как и говорил Себастьян Моран, часа через четыре мы вышли к берегу реки, который действительно был очень илистым. Остановившись, мы оглядели берег и реку, но нигде не увидели лодок с нашими друзьями. Судя по всему, мы пришли раньше их, и нам ничего не оставалось, как сидеть и ждать их появления. Найдя более или менее сухое место, мы рас-

положились в ожидании. Следопыт наш тем временем обследовал берег, и вскоре мы услышали его призывные крики. Приблизившись, мы посмотрели на указанный им след оставленный лодкой, которую волокли по берегу. Он что-то быстро говорил Анджину, иногда наклоняясь и тыча пальцем в подсохший след. Без перевода было понятно, что след этот достаточно свежий, но тем не менее преимущество во времени у Себастьяна Морана было существенным, что и незамедлил подтвердить горбун.

– Шакур говорит, что этот след оставлен примерно тридцать шесть часов назад, – с этими словами он внимательно и напряженно всматривался в берег реки, надеясь увидеть лодки с нашими людьми. Надежды его не оправдались. Кроме редких крокодилов, периодически всплывавших на поверхность в надежде на добычу, ничего не тревожило ее гладь. Вернувшись на место, мы занялись кто чем, в основном все приводили в порядок свою одежду и чистили оружие. У нас с Холмсом такового не было, поэтому приведя, по возможности, себя в порядок, мы уселись и стали наблюдать за происходящим, изредка в надежде кидая взгляд на реку. Холмс попросил у Анджина криптограмму п-ка, сказав, что ему необходимо поработать с ней. Кинув подозрительный взгляд на моего друга, горбун все же ее отдал. Холмс углубился в изучение, мне же осталось ждать в полнейшем бездействии. Ожидание было томительным. С трудом вытаскивая ноги из ила, двое из людей Анджина принесли сухие ветки для костра на случай, если засветло не придут Лестрейд с Пендергастом. Я сидел в задумчивости, глядя на воду. Из этого состояния меня вывел крик одного из людей, который что-то кричал, рукой показывая на реку. Проследив за его жестом, я увидел на реке три лодки. В двух из них сидели люди, третья была пуста, она предназначалась для нас. Завидев нас, лодки прекратили свое движение. Видимо, наши друзья были в недоумении, завидев нас среди этих людей. Судя по всему, Лестрейд совещался с Пендергастом, как быть дальше. Наконец одна из лодок двинулась в нашем

направлении. Подойдя ближе к берегу, можно было разглядеть сидящих в ней инспектора с его другом и человека, сидящего на веслах.

– М-р Холмс, – раздался зычный голос Пендергаста, – вы в порядке?

– Да! – крикнул в ответ Холмс.

– А что это за люди с вами?

– Это м-р Анджин, ювелир!

– Что здесь делает этот горбатый мошенник?

На это ответил уже сам Анджин:

– М-р Пендергаст! Том! Мог бы быть и повежливей к своему товарищу!

– Дьявол в преисподней тебе товарищ. Я приближаюсь, и смотри без шуток, а не то я начиню тебя свинцом так быстро, что ты и глазом моргнуть не успеешь.

С этими словами Пендергаст дал знак гребцу продолжить движение. После того как лодка причалила, первым на берег выскочил и-тор Лестрейд с револьвером в руке и воинственным видом. Следом, не торопясь, сошел на берег и сам Пендергаст, так же держа оружие наготове. Завидев нас не связанными и свободно сидящими, Пендергаст спрятал свой револьвер и приблизился к нам.

– Кто мне объяснит, что здесь происходит? – задал он вопрос, не обращаясь конкретно ни к кому. Сделать это взялся сам Анджин.

– Друзья твоего однокашника, уважаемого ин-ра Лестрейда попали в одну неприятную ситуацию, а я, как нарочно, оказался рядом со своими друзьями. Смею уверить, м-р Пендергаст, им пришлось бы очень туго, не окажись мы неподалеку.

– Твои друзья такие же, как и ты сам...

– Не стоит незаслуженно обижать нас, м-р Пендергаст.

Тот перевел взгляд на нас и спросил:

– Все, что сказал этот плут, хоть немного похоже на правду?

– Отчасти, м-р Пендергаст, – ответил Холмс, – м-р Анджин действительно выручил нас, но вот о том, что он случайно оказался рядом, не совсем так.

– Так я и подумал! Интересно, как это ты оказался рядом в нужное время, а?

И не дожидаясь ответа, он обратился к моему другу:

– Вы что-нибудь можете сказать по этому поводу, м-р Холмс?

– Уверен, что м-р Анджин сделает это гораздо лучше меня, – ответил мой друг и продолжил, – а теперь, я думаю, нам следует поторопиться.

Лестрейд тем временем находился в полном недоумении и переводил свой взгляд с одного на другого.

– М-р Холмс прав, нам действительно следует поторопиться. В пути я вам все объясню, м-р Пендергаст, – уверил ювелир.

– Надеюсь, я тоже получу некоторые пояснения по поводу происходящего, м-р Холмс, – обиженно произнес Лестрейд.

– Несомненно, инспектор! – успокоил того мой друг.

Не мешкая, мы стали грузиться в лодки. Анджин, естественно, оказался в одной лодке с Пендергастом, а мы с инспектором и парой людей Анджина – в другой.

Не успели мы тронуться, как Лестрейд, ерзая от нетерпения и любопытства, спросил вновь:

– Так что же здесь происходит, Холмс?

– Анджин с его людьми решили, что мы знаем, где находятся сокровища Александра Македонского.

– А вы знаете?

– Мы с м-ром Ватсоном вообще не уверены в том, что они существуют, но Себастьян Моран рассказывал кое-что о них доктору.

Лестрейд перевел взгляд на меня

– И вы не поставили меня в известность, Ватсон? – укоризненно спросил он.

– О чем, м-р Лестрейд? О рассказах про сокровища якобы найденными п-ком Мораном? Да вы бы первый высмеяли меня! – ответил я.

– И все-таки хотя бы здесь, в Индии, вы могли бы посвятить меня в это.

– Не обижайтесь, инспектор, мы решили, что сделаем это во время путешествия по реке.

В это время лодка наша села на мель. Один из людей Анджина взял шест и прошел с ним на корму. Воткнув шест в дно, он изо всех сил старался сдвинуть ее с места. Наконец это ему удалось. Лодка медленно начала движение, но тут мы все почувствовали сильный толчок в бок нашего суденышка, она качнулась, и человек Анджина, выпустив шест из рук, закачался, стараясь сохранить равновесие, но все же не удержавшись, с криком полетел в воду. Не успел он показаться на поверхности, как в том месте мелькнула широкая спина огромного крокодила, и сразу же на воде возник огромный, кровавый бурун. Мелькала спина и живот этого страшного существа. Видно было, как в огромной пасти он держал беднягу и крутился вместе с ним с невероятной скоростью. Все это продолжалось не более десяти секунд. Потом все затихло, и только на окровавленную поверхность всплыл тюрбан погибшего. Мы сидели в оцепенении.

– Что у вас там приключилось? – крикнул Анджин.

– Одного из ваших людей утащил крокодил, – сообщил я ему.

– Не задерживайтесь, – только и крикнул он в ответ.

Мы продолжали наш путь. Ни у кого не возникало желания даже подняться на ноги, чтобы размять их. Больше отemelей не попадалось, и мы без помех следовали дальше. Наступила ночь. На носу каждой лодки зажгли фонари, которые хоть как-то освещали реку. Ночь - это пора хищников. Из джунглей доносились рев тигров и пантер, которые перемежались с жалобными криками жертв. Можно было видеть горящие во тьме глаза животных, приходящих к берегу на водопой. Вспомнив рассказ Морана об убитом им

тигре, кинувшимся по отмели к лодкам, я попросил Лестрейда держать оружие наготове. К моему удивлению на сей раз обошлось без обычной для него бравады, он молча извлек свой револьвер и всю дорогу, пока не стало светать, держал его в руке, пристально всматриваясь в берег. Мне даже подумалось на секунду, что инспектор просто жаждет нападения тигра, чтобы показать всем свою меткость и хладнокровие. Мне стало стыдно за такие свои мысли, и я мысленно попросил у него прощения. Тем временем стало уже совсем светло, и вскоре показались хижины деревни.

– Что-то местные жители не торопятся нас встречать, – задумчиво произнес Холмс.

После его слов я действительно обратил внимание на это. Спустя какое-то время, первая лодка причалила к берегу. Находящиеся в ней люди, видимо, тоже заметили это обстоятельство и начали свое продвижение с оружием наизготовку. Тем временем причалила и наша лодка. Наши попутчики так же вышли с предосторожностями и оружием в руках. Ни звука не доносилось от деревни. Даже детских криков слышно не было. Дождавшись третьей лодки и собравшись вместе, мы, поминутно оглядываясь по сторонам, двинулись вперед. Войдя в деревню, мы обнаружили ее совершенно пустой. Люди покинули ее. Разбившись на группы, мы начали обходить ее от хижины к хижине. Все говорило о том, что люди покидали свои жилища в спешке. Почти во всех жилищах оставалась утварь, необходимая в повседневной жизни. Собравшись на площади, мы стали гадать, что могло заставить жителей деревни покинуть ее. Предположений было высказано много, и каждое имело право на жизнь.

– Кто-нибудь из вас видел хижину, похожую на жилище европейца? – спросил Холмс.

– Я, сайб, – ответил один из людей Анджина.

– Проводите меня туда, – попросил его мой друг.

Тот с готовностью пошел вперед, Холмс двинулся следом, и я последовал его примеру.

Оглянувшись, я увидел, что Пендергаст с Анджином не захотели отпускать нас одних и направляются следом. Дойдя до одной из хижин, наш провожатый остановился и, указывая рукой на вход, произнес:

– Это здесь, саиб.

Войдя внутрь, мы убедились в том, что там действительно могли проживать европейцы. Все говорило об этом. Стол, стоящий посередине помещения с тремя грубо сколоченными стульями, кровать у стены. Холмс начал тщательно обследовать хижину. Он заглянул в посуду, перебрал лежащие в беспорядке вещи. Внимание его привлек кусок свежесыпанной земли под одной из циновок. Попросив у Пендергаста нож, он осторожно начал копать в том месте. Скоро лезвие ножа уперлось во что-то металлическое, насколько я мог судить по звуку. Наконец он извлек из ямы небольшой ларец, установил его на стол, осторожно подцепив лезвием ножа крышку, отодвинулся на безопасное расстояние и медленно начал ее приподнимать. Мы смотрели на происходящее, затаив дыхание. Крышка открылась без неожиданностей. Подойдя ближе, мы увидели внутри ларца какой-то сверток. Холмс, не торопясь, извлек его, и так же, не торопясь, развернул. В нем оказались золотые изделия, напоминающие те, что мы нашли на чердаке пустого дома, и еще какой-то невзрачный кусок материи. Холмс незаметно сунул его в карман.

– Я был прав! Я знал! – послышался вдруг выкрик ювелира, – я говорил тебе, Том, а ты не верил! Теперь видишь!?

Отметив про себя что «Том» прозвучало как обращение к старому другу, я наблюдал, как последний сгреб в свою огромную дрожащую ладонь драгоценности, горящими глазами смотрел на них, перебирая пальцами другой руки.

– Да-а-а, – наконец выдохнул он, – старый ты плут! Ничего мимо тебе не проскользнет.

– Это так, – самодовольно ответил горбун и неожиданно добавил, – м-р Холмс, будьте так добры, передайте мне то, что вы сунули себе в карман.

Мой друг, смущаясь, вытащил из кармана тот самый невзрачный кусок материи и протянул его ювелиру. Тот жадно схватил его, развернул и завопил от восторга:

– Карта!!

И тут же спрятал ее за пазуху.

– Дай взглянуть, – сурово произнес Пендергаст, протягивая руку, – если помнишь, то мы с тобой партнеры, и будет нечестно, если ты начнешь что-то скрывать от меня. Верно ведь, а?

В голосе его слышалась неприкрытая угроза. Горбун сделал шаг назад, но потом опомнился и, вытащив из-за пазухи карту, дрожащей рукой протянул ее теперь уже сообщнику. Тот аккуратно, стараясь не повредить ее своими ручищами, расстелил ее на столе и стал внимательно разглядывать, горбун не замедлил присоединиться. Я хотел было подойти тоже, и даже сделал шаг в их сторону, но Холмс, схватив меня под локоть, удержал от этого.

– Да-а-а, – опять выдохнул Пендергаст, и обратился к Анджину, – тут и ребенок разберется!

Затем аккуратно сложив, он сунул ее к себе в карман.

– Так будет надежнее, – последнее явно адресовалось ювелиру.

Тот было хотел возмутиться, но, оглядев фигуру Пендергаста, оставил эту попытку.

– Что будем делать с этими? – кивая в нашу сторону, спросил у него горбун.

– Решим, – ответил тот неопределенно, – пойдем к нашим людям

На лицах сообщников читалось нетерпение, горбун, вытащив револьвер, предложил нам пройти вперед, и мы направились обратно на площадь. Мы застали людей Анджина и Пендергаста, сидящими в ожидании нас, отдельно друг от друга. Все же одни служили в полиции, а другие занимались несколько другим ремеслом. Завидев нас, все поднялись.

– Джентльмены, – начал Пендергаст, – нам в руки попала карта, которая точно указывает на местонахождение сокровищ Александра Македонского! Мы богаты!

Все с восторгом завопили. Только тот самый молодой полисмен, который помогал нам выбрать лошадей, не выразил столь бурного восторга, а внимательно продолжал слушать.

– Берите только самое необходимое и, не мешкая, отправляемся на поиски.

Все засуетились, и совсем скоро были готовы кинуться в путь.

– Что с этими? – опять задал вопрос Анджин.

– Надеюсь, вы с нами? – спросил нас Пендергаст

– К сожалению, нет, м-р Пендергаст. У нас другая цель. Мы должны поймать п-ка Морана, а он, скорее всего, ушел вместе с жителями деревни.

– Не будьте идиотами! Гарри, ладно эти, но ты что? И дальше хочешь вкалывать за гроши в своем участке.

– Я ошибся в тебе, Том... к сожалению. Я полицейский и при любых условиях буду исполнять свой долг, – с достоинством ответил Лестрейд.

– Ну и дурак, – ответил на это однокашник нашего инспектора и дал команду к началу движения всей шайки: «Вперед!».

Толпа зашумела и двинулась по команде.

– Джордж, – окликнул молодого полицейского Холмс, – а как у вас с долгом?

Тот, остановившись, замялся и посмотрел на своего начальника.

– Как хочешь, но я бы советовал наплевать тебе на этот пресловутый долг.

Однако секунду поколебавшись, Джордж все же примкнул к нам.

Пендергаст сплюнул с презрением и, повернувшись, двинулся следом за остальными.

На лице примкнувшего к нам Джорджа читались сомнения. Заметив это, Холмс хлопнул его по плечу и сказал:

– Поверьте, юноша, вы никогда не пожалеете о своем выборе.

Вчетвером мы в молчании смотрели вслед уходящим.

– Ну, джентльмены, – наконец произнес мой друг, – начнем и мы готовиться в путь, только сделаем это не в такой спешке, как наши друзья.

– И куда же мы направимся, сэр? – поинтересовался Лестрейд.

– Туда же, куда направился ваш друг с ювелиром.

Мы с недоумением взглянули на него.

– Не смотрите так на меня. Я не ошибся, проговорив это, именно туда мы и пойдем, только тщательно подготовимся к этому очень нелегкому походу.

Мы продолжали смотреть на него

– Так, – продолжил Холмс, – для начала соберите в хижинах как можно больше фляг и заполните их водой. Она нам очень пригодится. Верьте мне на слово. Затем проверьте тщательно свою одежду, чтобы не было в ней ни одной дыры, ни единой щелочки. Когда будете искать фляги, собирайте брошенную женскую одежду, меня интересуют женские платки.

– Все ясно? – напоследок спросил Холмс, – через час собираемся здесь, и я вам все объясню.

Оставаясь в недоумении, мы, тем не менее, пошли выполнять приказ. Через час мы собрались на площади со всем тем, что велел нам собрать Холмс, который уже ждал нас на месте. Окинув взглядом все принесенное нами, он произнес:

– Отлично! А теперь рассаживайтесь поудобней, и я изложу план наших действий.

Как только мы расселись, Холмс приступил к изложению своего плана, взглянув перед этим в ту сторону, куда направлялась вся шайка.

– Прости им, Господи, ибо не ведают они, что творят. Ну да ладно, это их выбор.

Ватсон, вы, конечно, тоже заметили мою неуклюжую попытку спрятать от горбуна с Пендергастом карту?

Я кивнул головой.

– Если бы я хотел, чтобы они не заметили этого, поверьте, они бы никогда этого не заметили. Я учился у лучших карманников Лондона, и сделать это незаметно мне бы не составило труда, но как только я увидел ее, я сразу понял, что это ловушка. Уж слишком явны были следы сокрытия того ларца, в котором она хранилась. Себастьян Моран просто хотел, чтобы мы его обнаружили. С самого начала он завлекал нас сюда с вами своими рассказами. Он рассчитывал на то, что если даже ему не удастся сбежать и его казнят, мы все же отправимся за сокровищами и неминуемо погибнем. Это было бы его мстью нам с вами уже с того света, для этого он и морочил нам голову своими криптограммами, к слову, не такими уж сложными, и прочими рассказами о кладе. В общем-то он говорил правду, как я думаю, но вот только забыл упомянуть, что путь к ним лежит через «Долину семи смертей» - именно так она называется, и должен сказать, она вполне оправдывает свое название. Вы обратили внимание, что ни одной деревни, кроме этой, нам не попалось на пути? – спросил нас Холмс, и не дожидаясь ответа, продолжил, – люди давным-давно покинули места вокруг этой долины, и только эта деревня каким-то чудом прижилась здесь. Я не зря просил вас проверить свою одежду на предмет дыр. В долине водятся насекомые, укусы которых смертелен для человека. Ядовитые змеи тоже облюбовали себе это место, но самое страшное, это озеро, находящееся в этой долине. Недра этого озера распространяют ядовитый угарный газ, надышавшись которым человек неминуемо гибнет. Он не имеет ни цвета, ни запаха. Все это Себастьян Моран, безусловно, знал, но он не думал, что я обращу внимание на одно из высказываний историка Александра, описывающего эту долину. Оно меня заинтересовало, и я начал искать на картах ее местонахождение, перечитывая другие источники. Когда знаешь, что искать, то по сути, это не трудно. Ночами я просиживал над криптограммой п-ка и понял, что нам предстоит преодолеть это гиблое место.

– И как мы это сделаем? – спросил Джордж.

– Мы с вами замотаем найденными платками все незащищенные части тела, оставим незакрытыми только глаза. Тем самым предохраним себя от укусов насекомых, повязки же на лицах мы будем постоянно смачивать водой, чтобы угарный газ не проник в наши легкие. Прошу еще раз, прежде чем отправиться в это путешествие, взвесить все, потому как оно будет чрезвычайно опасным, и если кто-то откажется, я пойму его правильно.

После этого он замолчал, окидывая каждого из нас внимательным взглядом.

– Я с вами, Холмс.

– Не сомневался, друг мой, – он окинул меня теплым взглядом, – однако это будет нашим с вами самым опасным приключением, – добавил он явно для инспектора и Джорджа.

Те тоже не замедлили выразить свое согласие простым кивком головы.

– Значит, решено, – подытожил Холмс, – остается только подождать, когда наши друзья уйдут достаточно далеко, – и помолчав, мрачно пошутил, – думаю, что все же мы их нагоним.

– Холмс! – внезапно подал голос Лестрейд, – а куда подевались жители деревни?

– Думаю, их увели отсюда сестры по приказу п-ка, чтобы никто из жителей не рассказал нам, что ожидает нас в пути. Золота для организации нового поселения у них более чем достаточно, и думаю, что никто не был против сменить это гиблое место на более привлекательное, поскольку даже из домашнего скарба было взято только самое необходимое.

– Какие сестры? – инспектор был в недоумении.

– Ах, да! Вы же не знаете всей истории. Доктор, будьте настолько любезны, посвятить во все инспектора и нашего юного друга, расскажите им вкратце все, что услышали от Себастьяна Морана. Благо, время у нас еще есть.

Я рассказал двум инспекторам все, что знал, но начал свой рассказ не с самого начала, а именно с той его части, которая прямо касалась нашего совместного путешествия. По мере моего повествования Лестрейд всем своим видом показывал человека, незаслуженно обиженного или обойденного в чем-то. Стоило мне закончить свой рассказ, как он произнес:

– Что же вас заставило держать все это от меня в тайне? – вопрос был адресован мне, и честно говоря, я был в некотором замешательстве, но меня выручил Холмс.

– Джентльмены! – произнес он, – думаю, нам пора идти. Еще раз проверьте свою одежду и одежду товарища.

Быстро оглядев себя и не найдя никаких явных дефектов, я приблизился к и-ру Лестрейду, с целью проверить его одежду, но я бы погрешил против правды если бы сказал, что преследовал только эту цель, мне хотелось этим поступком загладить чувство вины, возникшее у меня по отношению к ин-ру. Лестрейд был незлобным и отходчивым человеком, и теперь он начал поворачиваться ко мне то одним, то другим боком, демонстрируя свое обмундирование. У него так же все было в порядке. Тем временем Холмс с Джорджем тоже осмотрели друг друга и, судя по всему, остались довольны увиденным.

– Ну что ж, – сказал Холмс, оглядев еще раз каждого из нас, – берите свою поклажу, и... да поможет нам Бог!

Каждый из нас взял свой узел, и мы тронулись в путь. Признаться, с первыми шагами сердце мое застучало несколько быстрее обычного, но вскоре пришло в норму. Я следовал за Лестрейдом, который шагал сразу за моим другом, за мной шел Джордж. Никто не прерывал молчания, все шагали, думая каждый о своем. Холмс задал хороший темп, одинаково пригодный и для него, и для всех остальных. Через несколько часов пути я заметил, что пение птиц стало не столь громким и совсем не стало слышно криков животных из близлежащих зарослей. Я понял, что мы приближаемся

к Долине семи смертей. Совсем скоро после этого м-р Холмс поднял руку в знак остановки и обернулся к нам:

– Привал, джентльмены! Сейчас небольшой отдых, после чего каждый закутает своего товарища в сари. А затем мы продолжим путь.

Скинув с себя поклажу, я улегся на нее и с удовольствием вытянул ноги, которые слегка гудели. Холмс расположился рядом со мной.

– Как думаете, доктор, далеко ли ушел от нас Себастьян Моран?

Неожиданно вместо меня ответил ин-р Лестрейд:

– Сокровища так просто его не отпустят. Если мы поторопимся, то уверен, настигнем его как раз в пещере.

– Я склонен согласиться с м-ром Лестрейдом, – поддержал я инспектора, – тем более п-к уверен, что мы не пройдем через долину, и думает, что времени у него достаточно.

– А как наши друзья м-р Анджин и м-р Пендергаст? Не думаете, что мы их нагоним раньше, чем они войдут в долину? – спросил Джордж.

Улыбнувшись, Холмс ответил юному инспектору:

– Юноша, вы плохо знаете природу человеческой алчности, эти люди не будут делать привалов на пути к своей цели – и, взглянув на солнце, сказал:

– Однако нам пора в путь. Желательно пройти долину засветло. По размерам она не такая и большая, но все же нам стоит поторопиться.

Без лишних слов мы встали, я приблизился к Лестрейду, вместе мы разобрали его поклажу, и я, не торопясь, тщательно закутал его в собранные им платки. Глядя на закутанного инспектора, невозможно было удержаться от смеха, как я ни крепился, но все же он вырвался из меня со всей силой. Даже сквозь платок на его лице было видно, что он обиделся на этот мой смех, но, взглянув на своего коллегу, сам покатился со смеху. Зрелище было еще то! Можете сами себе представить мужчин, закутанных в женские платки разных цветов так, что только одни глаза смотрят на свет божий из-под

этого тряпья. Отсмеявшись, Лестрейд с Джорджем закутали нас с Холмсом, что вызвало опять хохот у всех, и немного погодя, мы тронулись в путь в том же порядке. Смех пришелся весьма кстати, он очень взбодрил нас, и еще некоторое время то из-под одних платков, то из-под других слышался вырвавшийся смешок. Холмс теперь шел уже не так быстро, понимая, что закутанный человек быстро устанет. Медленно, постоянно озираясь, мы продвигались вперед. Совсем скоро нас окутала полнейшая тишина. На пути начали встречаться скелеты животных, случайно забредших сюда. Холмс остановился, и, откупорив одну из баклажек, висящих у него на поясе, смочил платок, окутывающий его лицо. Мы все последовали его примеру, после чего опять тронулись в путь. Справа впереди нас показалось небольшое озеро, окутанное, как могло показаться, туманом. Мы знали, что это ядовитый газ, и я просто почувствовал, как внутренне подобрался каждый из нас. Вскоре Холмс остановился и показал нам на предмет, лежащий у его ног. Подойдя ближе, мы увидели карабин, наверняка брошенный кем-то из людей Анджина или Пендергаста. Совсем скоро мы увидели и его хозяина. Он лежал на спине. Глаза его были неестественно вылезшими из орбит. Язык вывалился изо рта, а шея была разодрана ногтями в кровь. Видно было, что бедняга умер в страшных мучениях. Это был человек Анджина. Холмс не позволил нам долго стоять у тела. И знаком предложил двигаться дальше. Совсем скоро мы увидели еще одного бедолагу, судя по всему, этого укусило какое-то насекомое. Одежда на его груди была разодрана в клочья, и место укуса, с двумя еле заметными точками, было воспалено, а опухоль превосходила все мыслимые размеры, и была такой иссиня- черной, что лично мне как доктору напомнило гангрену в последней ее стадии. Увиденное заставило каждого из нас еще раз бегло осмотреть одежду, свою и товарища. Не задерживаясь, мы продолжили свой путь. Иногда нам попадались огромные клубки змей, у них был период размножения. Клубки эти шевели-

лись как бы сами собой, сплетались в причудливые формы, издавали шипение, от которого кожа покрывалась холодным потом, невзирая на жару, стоящую вокруг. Вскоре нам попало еще несколько тел из шайки, ушедшей впереди нас, но мы уже не останавливались возле них. Однако через некоторое время я обратил внимание на то, что трупы перестали появляться на нашем пути. Признаться, это насторожило меня.

– Неужели кто-то из этой шайки дойдет до цели?

Это сильно бы усложнило нам жизнь. Но вскоре показался еще один труп, и я понял, в чем было дело. Лицо его было укутано размотанным тюрбаном. Это несколько продлило ему жизнь. Понятно было, что кто-то догадался, от чего гибнут его товарищи, но это не могло помочь в полной мере. Вскоре опять начали встречаться тела погибших, но Холмс уже не останавливался, и мне оставалось только гадать, от чего умер тот или иной бандит. В принципе, это было несложно: если шея была разодрана, значит, причиной смерти был угарный газ, в других случаях виновниками смерти были змеи или насекомые. Последние, кстати, очень быстро обнаруживали тела, некоторые из них были достаточно крупны и прожорливы, они показывались уже из пустых глазниц. При виде нас угрожающе поднимали свои клешни или, наоборот, прятались вовнутрь. Хотелось остановиться и прервать огнем это мерзкое пиршество. Наконец мы увидели тело Тома Пендергаста, он погиб от удушья, рядом лежал тюрбан, которым он заматывал лицо. Шея его была расцарапана очень глубоко. Видно было, что жизнь с трудом покидала это крепкое тело. На лице его еще читалась решимость бороться до конца. Холмс прошел, не задерживаясь возле тела м-ра Пендергаста, только мельком бросил взгляд на него и все. Ин-р же Лестрейд остановил свой шаг и пристально взгляделся в глаза покойному. Мне пришлось слегка тронуть его за плечо, чтобы он продолжил путь. Было еще несколько тел, и по моим подсчетам, оставался в живых только Анджин. Мы продолжали

свой путь, периодически останавливаясь и смачивая наши повязки. Жара стояла ужасная, пот струился по нашим телам, закутанным множеством платков. Еле хватало сил, чтобы сдержаться и не сорвать с себя эти платки вместе с одеждой, и только увиденное удерживало от таких действий. Тем временем послышались отдаленные голоса птиц. Я понял, что путь через Долину семи смертей подходит к концу, а тела горбуна мы так и не обнаружили. Вскоре я увидел валяющиеся в траве карабин, ремень с подсумками для патронов, а так же «смитвессон» - все это, видимо, принадлежало м-ру Анджину, и было неподъемной тяжестью на последнем отрезке пути, поэтому он и выбросил их. Однако это не сильно облегчило его страдания, совсем скоро мы увидели и самого владельца увиденной амуниции. Горбун лежал, опершись спиной на небольшой холмик, голова его, замотанная тканью тюрбана, была откинута назад. Глаза закрыты, но грудь его вздымалась очень бурно, как у человека, которому не хватает воздуха.

– Вот это да! – воскликнул я про себя, – да он жив!

По всему получалось так, что духа и воли к жизни в этом тщедушном и пораженном недугом теле оказалось намного больше, чем у Тома Пендергаста. Да что там Большой Том! Никто не вышел живым из этой Богом проклятой долины, и только маленький горбун поджидал нас в конце пути, пусть далеко не здоровым, но живым. Мы стояли и смотрели на Анджина. Внезапно он открыл глаза, обвел нас всех взглядом и остановил свой взор на Холмсе:

– Ты победил, англичанин, – вымолвил горбун, – слишком поздно я понял, куда ты нас всех заманил.

Он замолк на какое-то время. Глаза его оставались открытыми и, судя по всему, он собирался с силами для того, чтобы продолжить свою речь.

– Жадность погубила Большого Тома, а вместе с ним и нас всех. Я сразу сообразил, что дело тут не чисто, сразу, как только перестал слышать пение птиц. Своими подозрениями я поделился с Большим тупицей, – Анджин усмехнулся, – но

тот и слышать ничего не хотел, наверняка, он уже представлял себя в большом дворце, сидящим у камина и потягивающим виски, это придавало ему силы, и мы едва успевали за ним. Большой Том не поверил даже тогда, когда свалился, хватая воздух ртом, как выброшенная на берег рыба, один из моих людей. Поверьте, я много чего видел на своем веку, но чтобы человек сам себе разрывал горло, видеть мне не доводилось - он выгибался, как червяк, и крутился, как змей. Глаза его начали вываливаться так, как будто сам дьявол забрался в его голову и выталкивал их наружу. Мы стояли рядом и смотрели на происходящее, как вкопанные. Все это длилось недолго. Наконец тело выгнулось в последний раз, и как мне показалось, замерло с огромным облегчением. Повернувшись к Тому, я сказал:

– Нам надо пока не поздно возвращаться назад.

– Ерунда! – ответил тот. – Сердце этого слабака не выдержало от мысли о сокровищах, ожидаемых нас впереди.

И не дожидаясь моих возражений, бравый полицейский продолжил свой путь. Нам ничего не оставалось, как следовать за ним. Карта по-прежнему находилась у него. Следующей жертвой был уже его человек. Внезапно он вскрикнул, и начал быстро снимать с себя штаны. Было без слов понятно, что его укусило какое-то насекомое, так как эти, ранее невиданные мною твари, повывлезали из своих нор, как из преисподней, и кинулись на него. Места укусов этих гадов быстро начали опухать и принимать неестественный черно-синий цвет. Было ясно, что помочь ему не в наших силах. Том снял с пояса свою флягу с крепким бренди, выплеснул ее содержимое на полицейского, облепленного пауками, и чиркнул спичкой. Я всегда недолюбливал этих людей, но увидев, как он вспыхнул словно факел, все же испытал чувство жалости. Бедняга с криком вскочил и кинулся в сторону озера, нещадно колотя себя руками, стараясь то ли сбить с себя пламя, то ли стряхнуть мерзких гадов. Мучения его были короткими, совсем быстро он упал наземь, и остался неподвижен. Думаю, что сгубил его не огонь.

После этого короткого рассказа Анджин опять закрыл глаза. Можно было бы подумать, что больше он их не открывает, однако грудь его продолжала вздыматься, и стало понятно, что жизнь еще не покинула его тело. Совсем скоро мы в этом убедились. Горбун снова открыл глаза, но взор его был уже изрядно затуманен. Снова обращаясь к Холмсу, он спросил:

– Скажите, сэр, кто из богов охраняет путь к сокровищам?

– Природа, – коротко ответил мой друг.

– Я так и подумал. – продолжил Анджин. – никогда я не верил в религию, а потому приказал всем осмотреть одежду и замотать лица. Том не перечил мне на этот раз. Сняв с голов тюрбаны, мои люди честно поделились их материей с полицейскими, и мы продолжили путь. Я вижу, джентльмены, повязки ваши влажные от воды, – он снова взглянул на Холмса, – газеты правду пишут о вашем уме, сэр, а я вот поначалу не догадался об этом. Да хоть бы и догадался, то толку от этого было бы мало, воду мы почти всю выпили из-за жары. Наши люди падали один за другим. Наконец свалился и Большой Том. Жизнь долго не хотела покидать его могучее тело, и это приносило ему нестерпимые страдания. Пожалуй, этот гигант мучился больше, да и дольше всех. Вы, наверное, видели, что горло он разодрал себе вместе с гортанью, но это не помогло ему. Как только он затих, я вытащил карту из его кармана, и мы продолжили путь уже втроем. Надо было погибнуть в страшных мучениях оставшимся моим спутникам, чтобы меня осенила мысль смочить повязку водой, но ее уже не было. Мне пришлось помочиться на свою тряпку, чтобы хоть как-то продлить себе жизнь. Я делал это дважды, и если правильно понимаю, то почти вышел из этой проклятой долины.

В его голосе слышался вопрос, а поскольку он продолжал смотреть на Холмса, тот просто кивнул головой в знак согласия. Подойдя к горбуну, я, разорвав рубаху, прислонил ухо к его груди. Как врач я был обязан ему помочь. Легкие его хрипели и булькали, это было слышно даже без трубки.

– Спасибо, доктор, но вряд ли мне понадобится ваша помощь, – прохрипел Анджин, – мое время вышло.

После чего он, снова посмотрев на Холмса, произнес:

– Я недооценил вас, сэр, думал, что в наших краях у меня больше преимуществ, – и помолчав, добавил, – ну что ж, такому противнику проиграть не стыдно.

Горбун опять закрыл глаза, булькающее его дыхание некоторое время продолжалось, но вскоре он затих.

Мои раздумья о его невероятной живучести были прерваны голосом моего друга:

– Ну, джентльмены, остался последний рывок, и мы сможем снять повязки и все остальное.

Сил уже, казалось, не было вовсе, но мы молча побрели за Холмсом. Совсем скоро стали слышны голоса не только птиц, но и зверей. Наш ведущий остановился, огляделся и, постояв некоторое время в раздумьях, произнес:

– Друзья! Сейчас я один, повторяю, – я один сниму повязку со своего лица, а вы внимательно наблюдайте за мной, и если я ничего не почувствую, и со мной ничего не случится, тогда я вам скажу, что можно снимать их и вам.

– Холмс! – воскликнул я, – может, не стоит рисковать?

– Все в порядке, доктор, – и с этими словами он сорвал тряпку со своего лица.

Мы, как замороженные, смотрели на него. Казалось, прошла целая вечность, пока он не произнес:

– Думаю, все в порядке, джентльмены, и вы можете спокойно последовать моему примеру.

Дважды нам повторять не пришлось. Каждый срывал тряпку со своего лица и вдыхал полной грудью воздух. Казалось, невозможно наддышаться после столь долгого пути с этой защитой на лице, но вскоре все успокоились и сидели на земле, как ни в чем не бывало. По лицу Холмса было видно, что мозг его напряженно работает, но никто не прерывал этого процесса, да и не хотелось никому этого делать, все, кроме моего друга, просто наслаждались чистым воздухом, пением птиц и просто возможностью сидеть не двигаясь.

Я сидел, боясь, что инспектор нарушит наш покой, своим нетерпением настигнуть полковника, но сделал это наш юный спутник. Внезапно поднявшись, он одернул свой форменный френч и обратился к Холмсу:

– Сэр! Мистер Холмс, я хочу поблагодарить вас и выразить свою признательность за то, что вы удержали меня от очень неблагоприятного поступка и тем самым спасли мне жизнь.

– Не стоит, юноша, – улыбнулся Холмс, – вы и сами бы одумались.

– Тем не менее, сэр... - продолжил было Джордж, но Холмс жестом попросил его не продолжать. Юноша в знак признательности склонил свою голову и сел на место. Тут встрепенулся ин-р Лестрейд:

– Чего мы сидим, Холмс, – вскочив с места, вскричал он, – не пора ли нам отправляться за Себастьяном Мораном?

– В какую сторону, сэр?

Инспектор, поняв свою оплошность, сел на место, но по его виду было видно, что спокойствие дается ему с огромным трудом. Он ерзал на месте, оглядывался по сторонам, подносил руку к левому глазу, под которым еще лиловел синяк, оставленный Себастьяном Мораном. Наконец Холмс, приподнимаясь, прервал общее молчание:

– Итак друзья, я восстановил в памяти весь дальнейший маршрут нашего следования, и если вы достаточно отдохнули, то думаю, мы можем продолжить наш путь дальше.

Вместо ответа мы начали подниматься. Стоит ли говорить о том, что инспектор Лестрейд поднялся первым? Увидев эту его торопливость, мой друг счел для себя обязательным дополнить свою речь:

– Джентльмены! – ни к кому конкретно не обращаясь, сказал он, – хочу вам напомнить, что мы заняты поимкой одного из самых опасных преступников соединенного королевства, и лишняя поспешность может нам только повредить, а может и стоить жизни.

Инспектор понял, кому адресованы эти слова и сделал вид, что разглядывает в небе парящего орла. Но Холмс настойчиво продолжал:

– Я уверен, что п-к Моран не ждет нашего появления, думая, что мы погибли в пути, но не следует забывать о том, что это очень хитрый лис, и ничто ему не помешает лишний раз взглянуть от пещеры в сторону долины, а значит, нам необходимо соблюдать меры предосторожности и продвигаться по возможности скрытно.

Холмс еще раз оглядел нас внимательным взглядом, как бы стараясь понять, дошли до нас его слова или нет. Убедившись, что все нами понято правильно, он повернулся и зашагал в направлении, известном ему одному. Мы не стали нарушать порядок движения и молча заняли каждый свое место. Так мы шли еще часа два, пока вдали не послышался какой-то неясный шум.

– Водопад! – осенило меня.

И в то же время Холмс замедлил шаг. Теперь он шел, тщательно выбирая путь. Какое-то время мы шли по неглубокой лощине, потом огибали холм, наконец вошли в густой кустарник, где дорогу пришлось прорубать кукри. Скрываясь таким образом, мы наконец добрались к подножию скалы. Здесь Холмс остановился, передал Лестрейду свой карабин, и начал внимательно осматривать подножие каменной горы.

– Есть! – внезапно воскликнул Холмс, глядя в ничем не примечательное место.

– Неужели не видите? – удивленно поинтересовался он, – ну, внимательней смотрите!

– Вижу, – первым откликнулся инспектор Лестрейд.

Затем и мы с Джорджем увидели едва заметные ступени в этой монолитной глыбе. Вспоминая все это сейчас, я не перестаю удивляться, как Джеку Барни удалось в одиночку преодолеть долину Семи смертей и отыскать эти ступеньки, ведущие к сокровищам Александра Великого. Уму непостижимо!!!

Холмс поднял свой взор вверх, и мы последовали его примеру.

– Подъем будет не очень трудным, – сказал Холмс, – лишь бы нас на нем не заметили, иначе мы будем отличной мишенью.

Постояв еще какое-то время у подножия, мы начали было восхождение, но в самом начале пути произошла заминка.

– Холмс, – обратился Лестрейд к моему другу, – позвольте мне пойти вперед, у меня есть некоторый опыт скалолазания, и думаю, он сейчас всем нам пригодится.

– Ну что ж,... проходите.

Лестрейд, передвинув кобуру с револьвером, решительно двинулся вперед. Его уверенность придала силы и нам. Без каких-либо происшествий мы достигли площадки, с которой, как рассказывал Себастьян Моран, можно было зайти под сам водопад. Постояв какое-то время на этой площадке и взяв оружие наизготовку, мы двинулись под каскад падающей воды. Впереди было очень темно, только солнце, пробивавшееся через водопад, давало немного света, но он светил нам в спину и практически не освещал дороги. Факелов мы не зажигали из предосторожности, вероятность того, что полковник с О*Тулом находились в пещере, была очень высока. Они вполне могли заниматься там золотом. Наконец впереди показалось светлое пятно. Мы поняли, что свет исходит из пещеры, и напряжение наше возросло. Я крепче стиснул рукоять своего револьвера. Шаг за шагом медленно мы продвигались вперед, до боли в глазах вглядываясь в пятно света. Иногда Лестрейд останавливался и поворачивал голову ухом ко входу в пещеру, стараясь услышать что-нибудь, мы, как по команде, делали то же самое, но абсолютно ничего слышно не было. С невероятной осторожностью мы приблизились к самому входу. Он был основательно расчищен от камней, преграждавших когда-то в нее путь, вероятно, положенных Джеком Барни. Видимо, сообщники это сделали для беспрепятственного прохождения с грузом. Мы осторожно

заглянули внутрь. Все оказалось в точности, как и описывал Себастьян Моран. На стенах пещеры висели бронзовые светильники, которые горели ровным светом, озаряя ее своды. Нам предстояло пройти первую пещеру, но теперь мы уже были на свету, а это сильно увеличивало опасность. Мы стояли, пытаясь услышать хоть какой-то звук, который выдал бы нам присутствие п-ка и его сподручного, но кроме легкого потрескивания, исходящего от светильников, ничего слышно не было. Переглянувшись, мы двинулись дальше, постоянно вслушиваясь и держа оружие наготове.

Таким образом мы добрались до входа во внутреннюю пещеру, он был так же тщательно расчищен. Ни звука не доносилось и из этой пещеры. Мы осторожно заглянули внутрь. То что мы там увидели, заставило нас замереть от неожиданности! Я давно уже понял, что п-к не врал насчет сокровищ Александра Великого, но увиденное превосходило всякое воображение! Золото тускло отсвечивало в свете факелов! Мечи со ржавыми лезвиями и драгоценными рукоятями, видимо, когда-то сложенные, лежали простой грудой. Камни всех цветов были рассыпаны по полу. Можно было догадаться, что их вытаскивали из сундуков, не заботясь о том, что некоторые падали на пол, и теперь эта россыпь гипнотизировала взгляд, заставляя смотреть на себя и любоваться игрой света, который отражали их грани. Полуразвалившиеся сундуки с золотыми монетами были наполовину пусты. Полковник Моран с О*Тулом брали все, что было небольшим по размеру и наиболее ценно. Джордж опустился возле сундука с камнями и, взяв их в пригоршню, высыпал обратно. Камни, падая, сверкали феерическим водопадом искр. Юноша брал их снова и снова и опять любовался этим зрелищем. Лестрейд опустился на корточки возле груды украшений и перебирал их одно за другим. Только Холмс не потерял присущего ему хладнокровия. Он ходил по пещере, высматривая что-то на полу. Он-то и вернул нас к действительности.

– Джентльмены! – его голос заставил нас вздрогнуть, – мне кажется, нам надо подготовиться к визиту наших друзей.

Джордж с явным сожалением оторвался от своего занятия, Лестрейд подскочил и приблизился к Холмсу.

– Почему вы так решили? – спросил он.

– Во-первых, они оставили незаложенными оба входа в пещеры, а во-вторых, я вижу здесь несколько свертков, подготовленных к выносу.

Холмс указал кивком головы на свертки, и моя рука потянулась к револьверу.

– Что будем делать? – спросил я.

– Есть два варианта: устроить засаду здесь или выйти им навстречу. Река, водопад которой вы видели, протекает дальше, и я думаю, что именно по ней они будут сплавлять свою добычу.

– Надо идти к месту их нахождения, – вскричал Лестрейд, – и там застать их врасплох.

– Во-первых, говорите тише, инспектор, – осадил его Холмс, – а во-вторых, не исключена возможность столкнуться с ними в пути. Думаю, что нам предпочтительней первый вариант.

– А если они не придут? – спросил Джордж.

– Это вряд ли, эти свертки говорят о том, что они обязательно вернуться.

– Значит, устроим засаду здесь, и возьмем их тепленькими, как только они появятся, – воскликнул снова инспектор, – и уж теперь-то он от меня не уйдет.

– Еще раз прошу вас, инспектор, тише пожалуйста, – напомнил ему Холмс, – нам надо распределить места для засады. Я думаю, что Джордж с м-ром Ватсоном спрячутся в глубине пещеры, а я с вами, м-р Лестрейд, по бокам от входа. Как только наши друзья пройдут к сверткам, Джордж, как представитель власти, командует им поднять руки вверх, а мы выйдем из своих укрытий и перекроем им отход к отступлению. Все согласны?

Мы кивнули.

– Еще раз напомню, что мы имеем дело с очень опытными людьми, прошедшими ни один год в джунглях, и малейший шорох может провалить всю операцию, – и глядя на Лестрейда, добавил, – поэтому прошу соблюдать абсолютную тишину. Позиции занимать в тени от факелов, и постарайтесь хоть чем-то замаскироваться, особенно это касается вас, доктор, и вас, Джордж, потому, что они будут смотреть вперед, и если вы каким-то образом обнаружите себя, то они будут стрелять без раздумий, а стрелки они, надо отдать им должное, замечательные. И запаситесь терпением, это немаловажно.

Мы переглянулись с Джорджем и пошли занимать позиции. Идеальным местом засады на одного человека была куча останков из костей и черепов, лежащая неподалеку от сокровищ, но Джордж помялся в нерешительности и решил спрятаться за грудой доспехов. Я понял его, мне как врачу были намного привычней человеческие кости и черепа, и я занял место за ними. Позиция была у меня идеальная. Сквозь сваленные кости я имел прекрасный обзор, тогда как снаружи меня видно не было. Об этом мне сообщил Холмс, который, прежде чем самому занять свое место, проверил всех нас. Джорджу он переложил пару панцирей, где-то передвинул шлем, и отошел, довольный, на свое место.

Сидя в своем укрытии, надо заметить, не самым уютном, я сосредоточил все внимание на входе в пещеру, стараясь не спускать с него взгляда. Однако внимание отвлекала игра самоцветов, сверкавших в ровном пламени факелов. Глядя на них, я начал думать о судьбе Александра Велико-го, о тех неизвестных людях, которым когда-то принадлежали эти камни и все, что было в пещере, и уж о совсем незавидной судьбе тех, чьи черепа и кости сейчас служили мне укрытием. Было забавно, глядя на золотой браслет,

лежавший поверх золотых монет, представлять его на руке танцовщицы, одетой в легкое сари и танцующей перед магараджей. Ржавое лезвие меча наводило на мысль о крепком и смелом воине, которому изменила воинская удача, но хотелось думать, что он не просто так отдал свою жизнь, и врагам его не просто так удалось получить этот трофей. От этих мыслей меня отвлек приглушенный звук голосов, доносившихся снаружи. И воздух в пещере сразу стал осязаемым от напряжения. Мне даже показалось, что я слышу, как затаили дыхание Холмс с Лестрейдом. И вот перед входом в пещеру появились две фигуры, несомненно, это были Джон О*Тул и п-к Моран. Секунд через пять они бы оказались в ловушке, так хорошо устроенной моим другом, но тут Джордж, как он потом объяснял, решил принять более удобную позу для стрельбы. Сделать тихо ему это не удалось, плечом он задел один из панцирей и тот, падая, произвел в этой тишине ужасный грохот, но это было не самое страшное. Страшнее оказалось то, что полицейский оказался виден почти по пояс! Реакция наших гостей не заставила себя ждать, тут же прогремели два выстрела, а следом крик боли. Из моего укрытия мне было видно, как плечо Джорджа окрасилось кровью. Мне ничего не оставалось, как открыть ответный огонь, но эти старые вояки, побывавшие не под одним градом пуль и отлично знавшие, как вести себя в подобной ситуации, уже заняли хорошие огневые позиции и повели стрельбу по моему укрытию. Стрелять они умели, это я понял сразу, как только осколки черепов и костей брызнули мне в лицо. Положение мое было незавидным, рано или поздно они своей стрельбой разрушили бы моё хрупкое убежище, и тогда мне пришлось бы несладко. Я уже начал оглядываться, подыскивая более безопасное место, но тут Холмс, передвинувшись к самому входу, выручил меня, открыв стрельбу по нашим противникам. Полковник со своим другом мгновенно перенесли стрельбу по новому источнику опасности, что дало мне те драгоценные секунды, позволившие откатиться за сундук

с монетами. Тем временем и Лестрейд последовал примеру Холмса. Пещера огласилась звуками выстрелов и визгом отскакивающих от стен пуль. Бесконечно это продолжаться не могло, и вскоре, как по команде, стрельба затихла.

– Добрый день, м-р Ватсон, - послышался голос п-ка.

Я не знал, как вести себя в подобной ситуации, но потом решил, что, ответив, я несколько потяну время.

– Здравствуйте, п-к.

– Надеюсь, вы добрались сюда без особых затруднений! – послышалось в ответ и следом дружный хохот.

– Вы правы, м-р Моран, мой друг м-р Шерлок Холмс без особого труда разгадал ваши детские криптограммы, и мы добрались сюда без трудностей и приключений.

Я не мог упустить возможности уколоть Себастьяна Морана.

– Надо отдать должное вашему другу, м-р Ватсон, он и правда умен, должен признать, я слегка недооценил его. Но позвольте все же узнать, что привело вас сюда? Жажда сокровищ?

– Мы пришли арестовать вас, п-к Моран, – подал голос инспектор Лестрейд.

– Мой Бог! А этого идиота вы зачем взяли с собой?! – воскликнул п-к, услышав инспектора.

В ответ Лестрейд открыл беспорядочную стрельбу на звук ненавистного ему голоса. Как только Лестрейд прекратил пальбу, опять послышался смех наших противников.

– Я его возьму чего бы мне это ни стоило, – прошептал инспектор.

– М-р Холмс! Сэр, позвольте спросить, – обратился п-к теперь уже к моему другу, - так уж ли мы вам нужны? Оглядитесь! У ваших ног сокровища, которые вы и представить себе не могли. Давайте будем благоразумны и разойдемся, не причиняя друг другу вреда. Мы возьмем только то, что приготовили, а остальное ваше. Поверьте, вы никогда не услышите о нас.

– Не в моих правилах заключать сделки с преступниками, сэр, – твердо ответил Холмс.

Наступила тишина. Лестрейд попытался выглянуть, и тут же прозвучал выстрел, и осколки камня поранили его лицо. Показываться было крайне опасно. Затишье длилось недолго. Послышался быстрый топот, выглянув из-за сундука, я увидел спину бегущего человека, сделать прицельный выстрел мне не удалось, послышался выстрел, и монеты фонтаном брызнули у меня перед лицом. Я вспомнил о передвижении на поле боя, когда один из бойцов отступает или наступает, а второй прикрывает его огнем. Было очевидно, что наш противник решил применить этот метод. Тишина длилась ровно столько, сколько понадобилось бегущему занять удобную позицию для стрельбы. Послышалась команда «вперед!», а следом топот. В это время Холмс высунул шлем, одетый на меч, прогремел выстрел, и шлем, подлетев в воздух, упал с аккуратной дыркой. Холмс покачал головой, как бы отдавая дань меткости стрелка и давая понять нам, что высовываться лишний раз не стоит.

– Как дела, Джордж? – спросил я, пользуясь затишьем.

– Я в порядке, сэр, – послышалось в ответ

– Перевяжи рану, как сумеешь.

– Уже, сэр, – порадовал меня своим ответом полисмен.

Тем временем команда «вперед!» и топот слышались еще три раза, а потом повисла затянувшаяся пауза.

– Как мне кажется, наши друзья покинули нас, – громко сказал Холмс, и снова высунул в проем шлем. Выстрела не последовало. Холмс поднял шлем выше, создавая видимость поднимающегося человека, но и тогда выстрела не было.

– Они бежали! – вскричал Лестрейд и кинулся из пещеры.

Это был опрометчивый поступок, но тем не менее, выстрела не последовало

– Не торопитесь выходить наружу, инспектор! – предостерег Лестрейда Холмс

Инспектор замер у выхода, потом, пригнувшись, высунул голову наружу. Опять раздался выстрел, но пуля легла много выше головы. Лестрейд сел у входа и взглянул на Холмса, спрашивая, что делать дальше.

– Если судить по выстрелу, то наши друзья ушли достаточно далеко, иначе вам пришлось бы плохо, инспектор.

– Что же делать Холмс?! – с нетерпением спросил инспектор

– Ждать, – невозмутимо ответил сыщик, – и не отпускать их далеко.

Тем временем я осмотрел рану Джорджа. Пуля прошла под ключицей, сквозь мягкие ткани, кость и легкое были не задеты. Обработав и перебинтовав рану, я велел ему лечь.

Лестрейд переминался с ноги на ногу, всем своим видом выказывая нетерпение. Наконец не выдержав напряжения, он выскочил из пещеры, стреляя туда, где, по его мнению, должен был находиться противник. Ответом ему была тишина.

– Где они!? – в недоумении воскликнул Лестрейд

Выйдя из пещеры, мы также не обнаружили ни Джона, ни полковника.

– Скорее всего, они двинулись к реке, – произнес Холмс и показал рукой в направлении реки, излучина которой виднелась из-за скалы. Со всей возможной осторожностью мы начали спуск к реке. Тропа была крайне узкая, а потому опасная, неверный шаг грозил неприятными последствиями. Обогнув скалу, мы наконец увидели п-ка со своим другом, они уже практически закончили спуск.

– Вон они, – закричал Лестрейд.

Этот выкрик услышали и наши противники О*Тул вскинул карабин, раздался выстрел, но расстояние было большим, и мы остались невредимы. Было видно, как п-к Моран махнул рукой, скорее всего, давая понять своему другу, что стрелять бесполезно, и они ускорили шаг. Инспектор, как хорошая гончая, почуяв, что дичь ускользает, проявил

удивительную ловкость в преследовании. Он так быстро начал спускаться, что мы просто не могли за ним угнаться. Надо было смотреть себе под ноги, но боковым зрением я видел, как полковник и Джон были уже у самой реки. Было очевидно, что путь они держали к небольшим прибрежным зарослям. Достигнув их, они исчезли из поля нашего зрения. Я остановился перевести дух и посмотрел на то место, где скрылись п-к с другом. Через несколько секунд они показались, толкая впереди себя на глубину лодку. Было видно, что лодка груженная, было нетрудно предположить, что в ней лежала часть сокровищ, скорее всего, самая ценная их часть. Они уходили от нас. Мы не в состоянии были продолжить погоню, у нас не было лодки, а на сооружение плота потребовалось бы значительное время. Наши противники это отлично понимали, и, забравшись в лодку, почувствовали себя в безопасности. Себастьян Моран, поднявшись во весь рост, начал махать нам рукой в знак прощания. Напрасно он это сделал, скорее всего, он просто подумал, что находится на недостижимом расстоянии, но при этом упустил из виду инспектора. Тем временем Лестрейд, положив карабин на валун, стал целиться в п-ка. Прогремел выстрел, Себастьян Моран замер на секунду... и рухнул в воду.

Инспектор издал победный клич.

– Я попал в него! Он убит! – ликовал инспектор.

Тем временем вслед за полковником прыгнул в реку и Джон. Какое-то время не было видно ни того, ни другого, но вскоре показалась голова п-ка, а затем и Джона. Было видно, что О*Тул поддерживал голову Морана одной рукой, а второй усиленно греб к лодке. Догнав ее, он поднырнул под своего друга, и буквально закинул его туловище в лодку, затем забравшись сам, втащил п-ка полностью.

– Джон заслуживает всяческого уважения, – подумал я про себя.

Инспектор сделал еще три выстрела в сторону лодки, но они не имели успеха, было видно, как пули ложатся совсем рядом, но все же не достигнув цели. Джон усиленно работал веслом, и совсем скоро лодка исчезла за поворотом.

Тем временем и мы с Холмсом присоединились к инспектору.

– Вы видели!? Видели, как я уложил этого негодяя? – в возбуждении спросил нас Лестрейд.

– Мы видели, как вы попали в него, ин-р, – ответил мой друг.

– Бросьте, Холмс, я уверен, что уложил его. Я брал призы на соревнованиях по стрельбе среди полицейских, – с присущей ему хвастливостью уверил нас Лестрейд.

– Ну что ж, поверим вам, сэр, другого ничего не остается. Продолжать погоню в таком случае бессмысленно. Себастьян Моран мертв, а Джону О*Тулу нам предъявить нечего, дезертирами занимается другое ведомство, которому мы сообщим о нем по прибытии в город.

– Нет! Какой все же был выстрел! – все никак не мог унять-ся ин-р.

Восторгам его, казалось, не было предела, в его восклицаниях слышалась и радость точного выстрела, и месть за побег Себастьяна Морана, связанный с причиненным физическим ущербом лицу ин-ра. Шерлок Холмс прервал излишества Лестрейда, сказав:

– Нам бы следовало построить плот и двинуться вниз по реке, у меня нет никакого желания возвращаться через долину Семи смертей.

При упоминании о долине мы все готовы были валить деревья голыми руками. Плот был готов через несколько часов, конечно, это был не верх кораблестроительного искусства, но все же производил впечатление надежного сооружения, да и река была тихой и спокойной. Без особых приключений мы добрались до ближайшего города, где поведали властям о пещере с сокровищами, чем привели эти самые власти в невероятное возбуждение. Нарисовав подробную карту, мы, в свою очередь, попросили доставить нас в ближайший порт, откуда благополучно прибыли в Англию, в Лондон, наконец-то в нашу уютную квартиру на Бейкер-стрит.

Жизнь наша потекла как обычно, мой друг занимался уголовниками, я - своими больными. Однажды после обычного рабочего дня я уселся в кресло и начал просматривать вечерние газеты, внимание мое привлекла одна совсем небольшая заметка, гласившая о том, что некий очень богатый плантатор из Западной Виргинии открыл сиротский приют в Эссексе. Плантадор брал на себя все расходы по его содержанию, но при этом пожелал остаться неизвестным. Не знаю, почему, но я вдруг вспомнил, что полковник армии Ее Величества Себастьян Моран был родом из Эссекса, и следом мелькнула мысль:

– А ведь вполне возможно, что инспектор Лестрейд не такой уж и меткий стрелок.

ЛЮБОВЬ ХОЛМСА

Доктор Ватсон

В очередной раз, перебирая свои записки о моем друге Шерлоке Холмсе, я наткнулся на некоторые свои наброски, из которых мог бы получиться еще один рассказ о великом сыщике... но это была очень деликатная тема, и я так и не рискнул продолжить работу над ним. Может быть кто-то, кто не был так близок с мистером Холмсом, и возьмется за это дело, но мне, его другу, не пристало рассказывать о его личных переживаниях. Тем не менее мне бы не хотелось, чтобы окружающие продолжали его считать человеком, не способным к переживаниям личного характера и одержимым одной страстью к расследованию запутанных историй. Читателю будет интересно узнать, что была у него одна страсть, и пусть она была не очень продолжительна, но по глубине она не уступала, а превосходила его страсть к расследованию. Если бы я написал этот рассказ, то непременно назвал бы его «Любовь Шерлока», но я этого не сделаю никогда, поэтому остается только уповать на то, что записки мои попадут к нужному человеку и тот поведаст историю любви мистера Шерлока Холмса широкой публике.

Автор

Честно говоря, и я, ваш покорный слуга, долго мучился тем же вопросом, что и доктор Ватсон, а нужно ли читателю, привыкшему к образу Шерлока Холмса-сыщика и мыслителя, увидеть его несколько в неожиданном для себя свете. После долгих размышлений, я пришел к выводу, что

многие из вас не единожды задавали себе вопрос – а были ли у него вообще отношения с женщинами? Этого уже не узнает никто, тайну эту унес с собой доктор Ватсон, и те женщины, если они имели место быть, канули в небытие, но вот о любви великого сыщика уважаемый доктор оставил некоторые записки. Была у Шерлока Холмса любовь, и как вы знаете из рассказа «Скандал в Богемии», это была любовь к Ирэн Адлер, к «Этой Женщине», которая смогла переиграть его самого, но до сего времени было неизвестно, что история эта имела продолжение, которое я, в меру своих способностей, решил описать. Понимая, что написал все от начала и до конца доктор Ватсон, я решил, что справедливо будет писать от его имени.

* * *

После счастливого завершения дела, названного мною «Скандал в Богемии», с моим другом что-то произошло, нечто настолько неуловимое, что, знай я его несколько меньше, то просто и не заметил бы ничего. Он так же продолжал свои опыты со всевозможными химическими реактивами, чем частенько вызывал недовольство добрейшей мисс Хадсон, брался за дела, которые казались ему наиболее интересными, а значит, были они сложными и запутанными, все вроде было по-прежнему, но иногда, приходя домой, еще на пороге я слышал его скрипку, которая выводила адажио соль-минор Баха, я был уверен, что найду своего друга печальным, со скрипкой в руках перед портретом «Этой Женщины». Стараясь не шуметь, я занимал свое кресло, и, слушая эту волшебную мелодию, наблюдал за Холмсом. Мой друг был полностью поглощен игрой и не скрывал эмоций. На его одухотворенном лице отражались и блаженство, и невыразимая мука. Я очень любил его, и мне было невообразимо больно видеть его страдания. Закончив играть, он встряхивал головой, как бы отгоняя ви-

дение, смотрел в мою сторону и виновато улыбался, прося таким образом прощения за свою слабость. Надо заметить, что я никогда не затевал разговора на эту тему, по обоюдному молчаливому согласию мы не вели разговоров об Ирэн Адлер. Шло время, я все реже слышал мелодию великого композитора, и хочу честно сказать – меня это радовало. К сожалению, моя практика и семейная жизнь не позволяли мне ежедневно навещать Холмса. Как-то после длительного перерыва в наших встречах, выбрав время, я решил заглянуть в нашу уютную квартирку на Бейкер-стрит. На мой вопрос, когда вернется мистер Холмс, мисс Хадсон ответила, что этого знать не может никто, и что уже скоро неделя, как он не появляется дома. Прождав еще какое-то время, я покинул нашу гостеприимную хозяйку, выслушав на прощание совет не переживать по поводу отсутствия мистера Холмса, и заявление, что никуда он не денется и в конце концов как всегда заявится усталый и потрепанный. Тем не менее чувство тревоги не покидало меня. Внезапные исчезновения великого сыщика перестали меня тревожить с некоторых пор, но на этот раз его отсутствие затянулось дольше обычного. Всегда мой друг находил возможность оповестить меня тем или иным способом о своем благополучии, но только не в этот раз. Одному Богу было известно, где он мог находиться. Идти в полицию, значило бы дать повод к остроумию тамошних сыщиков, чего бы мне очень не хотелось. И вот в тот момент, когда моя тревога достигла своей высшей точки, в моем кабинете появился мальчишка рассыльный с сообщением о том, что мистер Холмс меня хочет видеть и ждет по известному мне адресу. В тот же час, бросив все дела, я кинулся на Бейкер-стрит где и увидел своего друга в добром здравии, но еще более худым и с незнакомым мне, до этого момента, выражением лица. После бурных приветствий и выражения радости от нашей встречи, мы заняли свои кресла, и я приготовился слушать рассказ Шерлока Холмса, к которому он приступил не сразу.

– Понимаю, доктор, вы сгораєте от любопытства, и ждете обстоятельного рассказа – наконец произнес мой друг.

– Вы как всегда правы, сэр – улыбнулся я в ответ.

– Что ж, – продолжил Холмс, – история, которую вы сейчас услышите, поразит вас, мой друг, так как в ней мне отведена роль не преследователя, которым я был всю жизнь, а преследуемого, и преследуемого человеком более могущественным, чем сам профессор Мориарти. В распоряжении этого человека огромная власть, армия, легион сыщиков, и имя его – Вильгельм Геттсрейх Сигизмунд фон Ормштейн, великий князь Кассель-Фельшттейнский, теперь уже не наследственный, а действующий король Богемии.

Я в изумлении взглянул на своего друга, в моих глазах застыл немой вопрос.

– Да, да доктор, именно он, и как вы уже догадались, здесь не обошлось без Ирэн Адлер.

– Где-то за неделю до своего исчезновения я прочитал в «Таймс», что в Шотландии, в графстве Эйршир при загадочных обстоятельствах погиб Годфри Нортон. Именно так Ватсон, тот самый Годфри Нортон, который являлся мужем небезызвестной вам персоны, – Шерлок Холмс смолк на минуту, затем продолжил, – уже тогда меня посетила смутная тревога, но я не придавал этому значения, тем не менее через три дня я получил телеграмму от «Этой Женщины» с просьбой приехать как можно быстрее в Эйршир, так как ей грозит опасность. И кроме меня ей не к кому обратиться.

Помолчав совсем немного, Холмс произнес:

– Стоит ли говорить, доктор, что я не мешкая, отправился в путь, так как телеграмма эта извлекла из моей души те чувства, которые я прятал даже от себя. Единственный раз, единственная женщина пробудила в моей душе нечто такое, чего, как я думал, был напрочь лишен.

Холмс в волнении встал, прошелся молча по комнате, и, остановившись, продолжил:

– Я никогда никому не говорил о своих чувствах к «Этой Женщине», но видел, что вы догадывались о них по некото-

рым признакам, – Холмс смущенно улыбнулся, глядя мне в глаза. – Доктор! Что творилось в моей душе, знала только моя скрипка! И вдруг я получаю известие о том, что Ирэн в опасности! Разве мог я долго мешкать с выездом? – мой друг произнес это, как бы обращаясь к самому себе, и, отвечая на свой вопрос, воскликнул:

Ни за что! Первым же поездом я выехал в Шотландию. Добравшись до Эйршира, я отправился по указанному в телеграмме адресу, но Ирэн там не оказалось (я отметил про себя, что Холмс назвал миссис Нортон просто по имени), – расспросив слуг, я выяснил, что буквально вчера она срочным порядком покинула дом и уехала в неизвестном направлении. На мой вопрос, не оставляла ли она каких-либо посланий в устной или письменной форме мистеру Холмсу, они ответили отрицательно. Атмосфера в доме стояла гнетущая. Видно было, что все подавлены случившимся несчастьем. На мой вопрос, что же случилось с мистером Годфри Нортоном, они, перебивая друг друга, отвечали, что якобы он во время прогулки у реки поскользнулся возле берега, при падении ударился затылком о камни, вследствие чего потерял сознание и утонул, и что местный констебль просто уверен в этом. Подробностей, конечно же, они не знали, а слова констебля в таких местах практически никогда не подвергаются сомнению. Поблагодарив их, я направился к выходу. Покинув дом и выйдя на свежий воздух, я огляделся в поисках места, где бы мог спокойно присесть и предаваться размышлениям о том, что же мне дальше делать, в каком направлении двигаться в поисках Ирэн. Городок находился в очень живописном месте, и гостиниц тут должно быть достаточно, подумалось мне, и я направился на запад по улице, на которой стоял. Все так и оказалось, не пройдя и семисот ярдов, я увидел висящую на цепях вывеску, которая гласила, что гостиница «Маленький пони» будет рада предложить своим постояльцам уют, утренний порридж и, конечно же, чай. Меня это устраивало. На пороге встречала гостеприимная хозяйка, со щеками такого цвета, кото-

рый еще можно увидеть в провинции, где воздух здоров и свеж. Огорчившись от того, что я не ищу ночлега, она тем не менее предложила мне чай и пригласила занять один из столиков ее столовой. Расположившись у окна в ожидании чая, я стал размышлять, что же могло послужить причиной смерти мужа Ирэн и ее срочного отъезда. Сведения о мистере Годфри Нортоне у меня были весьма скудными, и отталкиваться от них не было никакой возможности. Об Ирэн я знал немногим больше, единственное, что я мог предположить в этой ситуации, так это то, что печальные события связаны каким-то образом с той давней историей с фотографией, которую я получил в подарок от короля Богемии, но эта история, как вам известно, благополучно разрешилась.

* * *

Прервав свой рассказ, Холмс поинтересовался у меня:

– Не утомил ли я вас, дорогой друг?

– Ну что вы, Холмс!? Я просто сгораю от нетерпения узнать подробности вашего исчезновения.

– Подробности будут не очень приятными, Ватсон, – угрюмо промолвил сыщик, и замолк, видимо, собираясь с мыслями. Было бы крайне невежливо и нетактично просить его продолжить рассказ, но друг мой не заставил долго себя ждать.

– Размышления мои были прерваны хозяйкой гостиницы и чашкой чая, который мне подали. Поблагодарив хозяйку, я хотел продолжить свои размышления, но этому было не суждено было сбыться: в дверях показалась шумная женщина, которая сетовала на дальнюю дорогу, и оповестила всех о том, что если она сейчас же не получит свой чай, то ее смерть ляжет тяжким грехом на совесть всех присутствующих. Хозяйка, быстро сообразив, что это ее будующая постоялица, предложила ей занять любой из сво-

бодных столиков и уверила ее, что чай она получит без промедлений. Окинув взором столовую и завидев меня, она направилась к моему столику, я понял, что размышления мои придется отложить. С первого взгляда на нее было ясно, что эта особа не переносит одиночества, и от молчания в течение десяти минут ее может хватить удар. Тем не менее я вежливо приподнялся и предложил даме свободной стул. Поблагодарив меня, она тут же принялась рассказывать о тех тяготах, которые ей пришлось пережить в дороге. В течение двух минут я узнал, что железные дороги Англии никуда не годятся, кондукторы и проводники ничему не обучены, и вообще, если бы не ее подруга, которую она ждет с минуты на минуту, ничто на свете не могло бы вытащить ее из уютной квартиры на Бейкер-стрит. Упоминание ею Бейкер-стрит заставило меня внимательнее взглянуть на свою словоохотливую соседку по столу. С огромным трудом, Ватсон, я сумел разглядеть в этой болтушке Ирэн Адлер! Изумлению моему не было предела, но, естественно, вида я не подал. Какого труда мне стоило не кинуться к ней! В свое время я имел возможность убедиться в ее таланте перевоплощения, но тут она превзошла самое себя. Тем временем Ирэн, заметив, что я наконец узнал ее, едва заметно подмигнула мне и продолжала рассказывать, то о своей квартире в Лондоне, перескакивая на проводников и железные дороги. В это время в дверях появился кэбмен с ее поклажей в руках.

– Извините, миссис, – обратился он к болтливой леди, – в какую комнату отнести ваш багаж?

– Ах, подождите секунду, я еще не знаю, в какой комнате остановлюсь.

Тем временем хозяйка гостиницы принесла чай новой постоялице. Та, взяв чашку в руку и поднеся ее к губам, гневно воскликнула:

– Боже мой! Ну что за день сегодня такой! Мало того, что я претерпела такие мучения в дороге, так меня и здесь

хотят отравить этой малопригодной к употреблению жидкостью, которую они называют чаем!

Она сыграла это так натурально, что даже я почти поверил. Бедная хозяйка от возмущения не могла и слова вымолвить.

– Кэбмен! Несите мой багаж обратно! Я ни секунды не задержусь в этом бедламе!

В этот момент хозяйка пришла в себя, и, подперев крутые бока руками, произнесла несколько громче, чем требуют приличия:

– Это у меня-то бедлам!? – воскликнула она в праведном гневе, – в таком случае, дамочка, я не потерплю вашего присутствия в своем доме ни секунды больше, и...

Она смолкла, подбирая нужные слова, и ее как будто прорвало:

– Проваливайте отсюда, и чтобы духу вашего не было здесь! Это ж надо обозвать мой чай помоями! Да вы, видать, и чая нормального в жизни своей не пробовали! Я прожила в колониях со своим мужем, да упокоит Господь его душу, тридцать лет, и там я постигла в совершенстве искусство заваривания чая, и эта... эта... немедленно покиньте мой дом! – взвизгнула оскорбленная до глубины души хозяйка, – или я прикажу слугам выкинуть вас.

– Не утруждайте себя, – высокомерно ответила Ирэн, умело изображая оскорбленную леди, – я покидаю вас и непременно расскажу всем о вашем гостеприимстве и искусстве заваривать чай.

– Вон!! - прогремела хозяйка.

Громко отодвинув стул, Ирэн встала, и, бросив презрительный взгляд на кипящую праведным гневом хозяйку, направилась к выходу. Хозяйка же, в чьи обязанности входят проводы гостей до дверей, демонстративно отвернулась и удалилась по своим хозяйским делам. После шумного ухода Ирэн, на столе остался небольшой листок бумаги, сложенный вдвое. Не было никаких сомнений, что это послание предназначалось мне. Незаметно взяв его со стола

и сунув в карман, я поднялся из-за стола и направился к конторке, за которой восседала еще не остывшая, по всей видимости, добрейшая владелица гостиницы.

– Что я должен вам за ваш превосходный чай, мисс? – стараясь привести ее в доброе расположение духа, – спросил я.

Получив в ответ улыбку, полную благодарности, я услышал:

– Вы настоящий джентльмен! Ваш комплимент стоит той чашки чая, которой я угостила вас, – она одарила меня одной из самых своих обаятельных улыбок. – Не стоит беспокоиться.

– Ну что вы! Искусство заваривать такой чай просто необходимо поощрять, – я окончательно развеял ее плохое настроение, положив на конторку сумму, намного превышающую стоимость чашки чая.

– Секунду, сэр! Сейчас я отсчитаю вам сдачи! – засуетилась женщина

– Не стоит, мэм, – бросил я уже на пути к дверям.

– Всего вам доброго, – услышал я за своей спиной, и мысленно попросил у нее прощения за сцену, которую была вынуждена устроить ей Ирэн.

Подозвав стоящий неподалеку кэб, я уселся в него и извлек из кармана письмо.

«Завтра в Глазго, в 21.00. Гостиница «Золотой Фазан», снимите номер на имя мистера и миссис Кросби».

* * *

Инструкция была предельно ясна. Велев кэбмену ехать к вокзалу, я опять погрузился в размышления. Что-то очень сильно тревожило Ирэн, если она была вынуждена прибегнуть к такому необычному способу передать мне свое послание. Надо предпринять необходимые меры предосторожности, подумал я. Сойдя у вокзала, который пред-

ставлял собой типичное для провинции здание, я огляделся, но ничего подозрительного не обнаружил, однако уже в самом вокзале я заметил скучающего господина с видом бездельника, окидывающего взглядом отъезжающих. В провинции, как вы знаете, Ватсон, бывает мало скучающих бездельников, у провинциалов лишнего времени не бывает, они вынуждены трудиться. Окинув меня скучающим взглядом, господин этот на секунду замер, рука его непроизвольно потянулась к внутреннему карману его пиджака. Этот жест выдал его с головой. Скорее всего, в кармане была моя фотография, и он хотел удостовериться в том, что догадка его верна. Все это я оценил мгновенно и прошел мимо него с отсутствующим видом к расписанию поездов. В том, что за мной «хвост» я не сомневался, и надо было как-то избавиться от него. Я внимательно просмотрел расписание и направление движения поездов, и в моей голове созрел план. До ближайшего города поезд отходил через десять минут, меня это вполне устраивало, тем более что на карте был обозначен достаточно крутой поворот железнодорожной ветки, что было весьма удобно для меня, так как состав непременно должен был в этом месте сбавить ход. Подойдя к кассе, я попросил билет и прошел на перрон, где увидел через некоторое время и своего преследователя. Не стоит говорить о том, что мы оказались вместе в одном вагоне. На подъезде к повороту, я демонстративно оставив свой кепи на скамье, прошел якобы в уборную, но миновав ее, оказался в тамбуре. В это время состав действительно замедлил ход, и я благополучно спрыгнул на сторону, противоположную окну, куда непременно должен был смотреть мой соглядатай. Я знал, что через три минуты покажется поезд, направляющийся в город, находящийся в стороне от того, куда ехал сейчас мой «хвост».

– Вы знаете, дорогой друг, железные дороги Ее величества работают очень хорошо, а поезда выдерживают расписание на удивление строго. Совсем скоро показался поезд, на который я без особенного труда сумел взобраться.

Доехав до города, я обратился в кассу, где приобрел билет на ближайший поезд до Глазго. Мешкать не стоило, скорее всего, хвост мой был не один, и он должен был поднять тревогу, однако я без приключений добрался до Глазго, нашел гостиницу, где и снял номер на имя мистера и миссис Кросби, предупредив служащего, что супруга моя прибудет завтра к вечеру. Поднявшись к себе в номер и оглядев его, я остался доволен, окна выходили на улицу, и можно было время от времени наблюдать, что там творится. Я прилег на кровать и незаметно для себя уснул. Сон мой не был спокойным, однако я проспал до утра. Приведя себя в порядок, я позавтракал в гостиничном ресторанчике, незаметно огляделся, ничего подозрительного не обнаружив, вновь поднялся к себе, куда позже и заказал обед. Не было резона лишней раз выходить из номера, я решил дожидаться появления Ирэн, не выходя из него. Время тянулось медленно, незнание ситуации тревожило меня. За окном смеркалось, время подходило к девяти вечера, но в номере было достаточно светло. Без стука отворившаяся дверь заставила меня вздрогнуть. На пороге стояла Ирэн.

* * *

Она была все в той же одежде болтливой особы. Взгляд ее как будто спрашивал, в качестве кого я приехал. Сыщик ли я, может быть друг, а может быть нечто большее.

– Все что я вам сейчас говорю, заняло не более двух секунд. Она поняла, что приехал я сюда не как сыщик и даже не как друг – видно было, что Холмс переживает те мгновения вновь, щеки его зарумянились, – мгновение спустя мы уже были в объятиях друг друга.

Холмс встал и взволнованно зашагал по комнате. Было видно, что рассказ ему дается с трудом, и я было хотел уже предложить перенести его повествование на любое удобное для него время, но он продолжил:

– Простите меня, Ватсон... у меня не было таких моментов в жизни, и вы должны меня понять, – слов с моей стороны не требовалось, и я просто кивнул головой. – Я так и думал, – произнес мой друг и впервые улыбнулся.

– Я понимал, что за объятиями должны последовать какие-то действия, – продолжил Холмс, – но опыта у меня не было совершенно никакого, и ситуация могла принять не очень удобной для нас обоих оборот, но Ирэн не была бы «Той Женщиной», если бы не поняла все сразу и не взяла бы все под контроль. Я по сей день не могу вспомнить, как оказались мы в постели. – Доктор! Я и представить себе не мог, что смогу с такой пылкостью отдаться страсти!! Боже мой, мелькнуло в моей голове, так вот что может удалить человека из реальной жизни и унести его в облака. Как прекрасна была Ирэн, казалось, ничто не сможет меня оторвать от нее ни на миг. Опыта у нее было больше моего, и я, не сопротивляясь, подчинился всем ее действиям, а потом... потом она лежала на мой груди, а я, с блаженной улыбкой на устах, перебирал пряди ее волос. Как хотелось, чтобы это мгновение не заканчивалось никогда! Я был счастлив, счастлив по-настоящему. Через некоторое время, приподняв голову от моей груди и взглянув мне в глаза, она прошептала:

– Я знала, что ты приедешь.

– Я не мог не приехать.

Тут в ней проявилась женщина с присущим кокетством.

– А почему?

– Ты знаешь.

– Да, знаю. Я знаю даже больше. Знаю, что любишь меня, я чувствовала это на расстоянии, и знай, что чувства твои взаимны, – поцеловав меня в шею, она продолжила, – после той истории с фотографией я всерьез задумалась, а правильно ли я поступаю, выходя замуж за Годфри, но слово было дано, он был очень добр ко мне, на тот момент он был единственной опорой мне в жизни.....поэтому его и убили в надежде на

то, что я останусь одна, и им не составит труда разделаться и со мной.

– Так ты уверена, что его убили?

– Конечно! Он был адвокатом, но его нельзя было назвать конторской крысой. Он вел очень активный образ жизни, регулярно посещал гимнастический зал, прекрасно держался в седле и очень неплохо для адвоката боксировал. Утверждение местного констебля, что он якобы поскользнулся и ударился затылком о камни, вызывает у меня большие сомнения, если не сказать недоверие. Не такой это был человек. Да и потом, в той глуши, где мы жили, очень скоро все лица примелькались, и появление посторонних не могло не остаться незамеченным мною. Я все еще продолжала жить настороже. До меня доходили слухи, что князь, ставши королем Богемии, пустился во все тяжкие и начал злоупотреблять кокаином, а под его воздействием, один Господь мог знать, что придет ему в голову. Я достаточно хорошо знала князя, чтобы начать всерьез опасаться, и опасения мои не были пустыми. Недели за три до гибели Нортон появились трое незнакомцев, ничем особо не выделявшихся, со стороны можно было подумать, что это были рыболовы-любители, со всеми присущими этому увлечению атрибутами. Одеты они были в мягкие сюртуки, на голове у них сидели тирольские шляпы с кучей разного рода наживок, но вот только на рыбалку они все вместе не ходили, один из них постоянно был неподалеку от нашего дома. Я, конечно, не преминула сказать об этом своему покойному супругу, но он не разделял моей тревоги, а просто говорил, что нет повода для беспокойства, ведь он же рядом. Тем не менее мои разговоры на эту тему все же подвигли его якобы пойти на рыбалку, на самом же деле он хотел убедиться, что незнакомцы были именно рыболовами и не представляли для нас угрозы. С самого момента его ухода меня не покидала тревога, как оказалось, тревожилась я не напрасно. Под вечер пришел помощник констебля и, запинаясь, с массой извинений, все же сумел рассказать о произошедшем несчастье. Сразу поняв,

что это убийство, я всё же смогла взять себя в руки и написала на листке бумаги адрес, по которому просила отправить тело покойного, сказав ему при этом, что я срочно выезжаю по указанному адресу готовиться к похоронам. С почтением приняв записку и откланявшись, он покинул меня. Не мешкая, я собрала все необходимое, наложила грим, в котором ты меня видел, и села ожидать темноты с принадлежавшим мужу небольшим револьвером. Слава Богу, он мне не понадобился. Как только достаточно стемнело, я осторожно, через окно, что выходило в сад, покинула дом и, оглядываясь, пошла на станцию. Села я на ближайший поезд, даже толком не зная, в каком направлении он движется, мне надо было успокоиться и подумать о дальнейших своих действиях. Под утро я покинула увезший меня поезд, и с вокзала отправила тебе телеграмму. В ней я побоялась указать название этой гостиницы, и мне пришлось заgrimироваться и вновь ехать в тот городишко, но я была спокойна, грим лежал превосходно, актриса я опытная, и была уверена, что меня вряд ли кто узнает, – на мгновение прервав свой рассказ, она с улыбкой продолжила, – ведь даже знаменитый сыщик в свое время не узнал меня. Вот, собственно, и все.

* * *

Холмс прервал свой рассказ и начал набивать трубку. Было понятно, что ему не столько хочется курить, как нужно было собраться с мыслями. Я хорошо знал своего друга. Не торопясь, он раскурил трубку, без видимого удовольствия затянулся, выпустил дым и молча наблюдал за замысловатыми клубами. Отложив трубку в сторону, он произнес:

– Надо ли говорить, Ватсон, что я слушал Ирэн с огромным вниманием? – вопрос был чисто риторическим, и он продолжил, – у меня были мысли по поводу происходящего, но она не дала мне говорить, закрыв рот долгим поцелуем. Опять я был в небесах, потеряв связь с реальностью. Знаете,

доктор, за этими ощущениями можно было забраться куда дальше Шотландии. Надеюсь, вы простите своему другу некоторую нескромность и излишнюю говорливость? – спросил внезапно меня Холмс.

– О чем вы говорите!?! – воскликнул я с долей обиды в голосе, – об этом не может быть и речи!

– Простите меня, Ватсон, прошу вас, не обижайтесь. Нервы мои сильно измотаны произошедшим, – губы его тронула знакомая дружеская улыбка.

От этой улыбки все как будто встало на свои места, исчезла у Холмса какая-то внутренняя напряженность. Так бывает с человеком, к которому приходит осознание, что нечто имевшее место быть осталось в прошлом, он вдруг понял, что находится рядом с бескорыстным другом, готовым его слушать бесконечно и оказать любую посильную помощь.

Скажу честно, – меня это сильно порадовало, и я ободряюще улыбнулся ему в ответ. Холмс принял это как приглашение продолжить рассказ:

– Даже пребыванию в небесах приходит конец, мы лежали молча какое-то время, но ситуация требовала от нас дальнейших действий, необходимо было что-то предпринять.

– Чего ты хочешь, Ирэн? Спрятаться так глубоко и далеко, чтобы нас никто не смог найти?

– Вряд ли это принесет мне спокойствие, – задумчиво ответила она, и приподняв голову, взглянула мне пристально в глаза. Увидев в них немой вопрос, она произнесла, – надо устранить корень всех моих бед, а иначе я нигде не смогу чувствовать себя в безопасности. Не сомневаюсь, что сейчас по всей Англии, Европе и колониям рыщут его ищейки с весьма определенным приказом.

– И что ты предлагаешь? – с изумлением спросил я.

– Не знаю, – спокойно ответила она, – я во всем полагаюсь на тебя. Может душа моя жаждет мести, и я излишне эмоциональна ... после непродолжительной паузы добавила, – решай, любовь моя, как скажешь, так и будет.

Я всерьез задумался, да и было над чем. «Устранить корень проблем» Ирэн, как она говорила, на тот момент мне показалось несбыточной мечтой. К королям не так просто подобраться, это дело требовало очень много времени на подготовку, а в случае провала, все для нас закончилось бы очень печально. Я сразу отогнал от себя эту мысль, и совершенно зря, как потом оказалось. Что же предпринять? Первой мыслью было покинуть пределы Англии, я почему-то подумал об Австралии, но потом и эту мысль я оставил. Трудно было не согласиться с Ирэн, что по ее следу идет свора ищеек...нужно было принять неординарное решение, и я его принял! Доктор! Меня осенила мысль укрыться в самой Богемии, вряд ли бы нас там стали усердно искать, но прежде мне надо было посетить Лондон, где у меня был один должник, мастер гравировки и подделки документов, некий Джек Томпсон. Мне довелось вытащить его однажды из одной очень щекотливой ситуации, и я мог рассчитывать на его помощь в изготовлении документов для себя и Ирэн. Мысль мне показалась здоровой, и я тут же поделился ею со своей любимой. Слегка покачав в раздумье головой, Ирэн спросила:

– Шерлок, а ты уверен в том, что это правильно? Ведь мы сунемся прямо в пасть к выживающему из ума королю.

– Места переждать горячее время лучше не придумать. Вряд ли им придет в голову мысль искать нас у себя под носом. Как только ситуация разрядится, мы уедем в Австралию, профессию сыщика мне придется оставить, но я смогу устроиться учителем химии в каком-нибудь провинциальном городе, где мы сможем без страха за свою жизнь прожить в любви и согласии еще много, много лет.

Помолчав какое-то время, Ирэн сказала:

– Ну что ж, все это не лишено здравого смысла. Я полагаюсь на твой разум и опыт...с тобой я ничего не боюсь, милый.

Взяв со стола потухшую трубку, Холмс раскурил ее, как мне показалось с излишним старанием, затянулся и снова вернул ее на место.

– Знаете Ватсон, мне ужасно неловко перед вами за мою излишнюю откровенность, и я вынужден вновь просить у вас за это прощение.

– Холмс, я вам сказал ранее, и готов повторить еще не раз, я вас отлично понимаю.

– Тем не менее, дорогой друг, обещаю вам больше не касаться в моем рассказе этой стороны моих последних приключений, тем более что воспоминания эти причиняют мне невыносимые страдания – возникла короткая пауза, после которой Холмс обратился ко мне с вопросом:

Так на чем я остановился, доктор?

– Мисс Адлер сказала, что она полностью вам доверяет и, находясь рядом с вами, чувствует себя в безопасности, – подсказал я.

– Ах да! Спасибо, Ватсон, – поблагодарил меня друг и продолжил свое повествование, – в голове моей постепенно вырисовывался план дальнейших наших действий. Самым сложным на тот момент мне казалось наше прибытие в Лондон. Трудность заключалась в том, что на каждом вокзале могли быть богемские ищейки. Выезжая по просьбе Ирэн к ней на помощь, я не захватил с собой ничего, кроме своего револьвера и лупы, которая в настоящее время была совершенно бесполезна. Лучше бы я взял свои принадлежности для грима, – подумал я. Взглянув на стул, стоящий рядом, я увидел лежащий на нем парик, в котором Ирэн была просто неузнаваема. Это навело меня на некоторые мысли.

– Ирэн, а нет ли в твоей поклаже еще каких-либо париков, румян, белил и всего остального, что помогло бы нам изменить свою внешность?

– Дорогой, – с улыбкой ответила она, – ты забываешь, что я хоть и бывшая, но все же актриса, да и обстоятельства,

как ты сам понимаешь, располагали к тому, чтобы я захватила все необходимое.

Это существенно облегчало нашу задачу. Оставалось только решить, в кого нам следует преобразиться. После недолгих раздумий я решил, что наиболее приемлемым будет мне стать почтенной, высохшей в колониях женщиной преклонного возраста, а Ирэн хорошо бы сошла за моего сына, благо фигура ее была вполне пригодна для этой роли. За последние дни она изрядно похудела, с этим не будет никаких проблем. Я посвятил Ирэн в свои планы, она приняла их с радостью.

– Шерлок! На сцене мне частенько приходилось играть молодых людей, в мужском костюме я чувствую себя просто превосходно!

– Отлично! – подумал я про себя, – половина дел, можно сказать, сделана.

Тем временем за окном были уже сумерки. Нам предстоял непростой день, и следовало хорошенько выспаться, что мы и постарались сделать. Утром я спустился вниз и заказал плотный завтрак для четы Кросби. Основательно подкрепившись, мы набросали план наших дальнейших действий, но для его воплощения требовалась некоторая одежда, как для меня, так и для Ирэн. Примерив кое-что из ее вещей и подобрав подходящий парик, я тайком покинул гостиницу и отправился по магазинам. По дороге я внимательно всматривался в окружающих, но ничего и никого подозрительного не заметил. Да и не мог же сумасшедший король наводнить все Британское королевство своими шпионами! Мысль об этом внушила мне столь необходимое спокойствие. Как вы понимаете, доктор, более всего я опасался за Ирэн, эта женщина была мне дорога.

– Была! – воскликнул я про себя, – неужели?

Подумать об этом мне помешал сам Холмс, который продолжал свое повествование.

– Обойдя несколько магазинов, я приобрел все необходимое для нашего дальнейшего путешествия. Дождавшись,

когда служащий покинет свою конторку, я, опять же тайком, проник в гостиницу, поднялся на свой этаж и постучал в дверь условным сигналом. Дверь открыла радостная Ирэн, но при этом все же держала в маленькой ручке револьвер. – Умница, – подумал я, осторожность прежде всего. Мы разложили мои покупки на столе и стали примерять и решать, что надеть на себя. Довольно скоро мы встали вдвоем у зеркала, из которого на нас глядели почтенная дама и очень милый молодой человек. Вряд ли кто в этом облачении узнал бы меня или Ирэн. Еще раз придирчиво осмотрев друг друга, мы остались вполне довольны своим новым видом и решили, не мешкая, двинуться в Лондон. Без приключений добравшись до вокзала, взяли билеты и проследовали на перрон, там я обратил внимание на двух мужчин, которые излишне пристально вглядывались в лица мужчин и женщин, подходящих нам с Ирэн по возрасту и комплекции. Потому как Ирэн сжала мой локоть, я понял, что и она обратила внимание на их поведение. К ее чести нужно заметить, что она никаким действием или жестом не привлекла к нам внимания, хладнокровия ей было не занимать, что не скрою, очень меня порадовало. Ехать нам было практически через всю Англию, и мы заранее решили без особой нужды не покидать наше купе. На всех остановках, если только мы не спали, я внимательно рассматривал народ на перроне, только в Ливерпуле, Бирмингеме и Оксфорде два человека вызвали мое подозрение, но особого рвения они не проявляли. Без приключений мы добрались до Лондона, где, наняв кэб, мы проследовали на мою конспиративную квартиру.

* * *

Холмс прервал свой рассказ и обратился ко мне:

– Простите, доктор, я раньше не говорил вам о существовании у меня конспиративной квартиры, но это не имело смысла, потому как я довольно часто менял их, и каждый раз ставить вас в известность я посчитал за лишнее, – Холмс

внимательно смотрел на меня, – поверьте, мой друг, это все не из-за недоверия к вам.

Взглянув на меня еще раз, Холмс убедился, что я не таю обиды, и продолжил свой рассказ:

– Расположившись в квартире и сняв с себя несвойственную нам одежду, мы наконец вздохнули с облегчением. Эта маскировка была очень хороша для короткой поездки, но жить неделями, как я предполагал, в ней было бы тяжело. Как мужчине неудобно находиться в женском облике, так и женщине – в мужском. Сказав Ирэн, чтобы она никуда не выходила из дома и соблюдала необходимую осторожность, я отправился к Джеку Томпсону, как вы помните, граверу и изготовителю документов. Я знал, что застаю мистера Томпсона дома, человек он был крайне необщительный, и старался как можно реже покидать свое жилище. Постучав в дверь его квартиры, я услышал звук взводимого курка, а затем хриплый и крайне неприветливый голос:

– Кого там черти принесли?!

– Друга, мистер Томпсон, вашего друга, который вам помог в деле на Портобело-руд.

Послышалось, как курок вернули в безопасное положение и тут же лязг множества запоров.

– Мистер Холмс! Сэр! Какими судьбами? Как я рад вас видеть – воскликнул на одном дыхании Томпсон, и без всякого ожидания ответа продолжил, – чувствую, что я хоть чем-то смогу отплатить вам за ту услугу, что вы оказали мне три года назад.

– Четыре года назад, четыре, мой друг.

– Боже, как летит время! Так что же у вас стряслось, мистер Холмс? – и спохватившись, – простите старого дурака, сэр, усаживайтесь, сейчас я вам приготовлю чай. Знаете, проводя столько много времени в одиночестве, я научился готовить замечательный чай, уверен, сэр, он очень вам понравится.

– Спасибо, мистер Томпсон, но мне бы хотелось сразу перейти к делу, надеюсь, вы по-прежнему скромны, и слухи

о моем посещении не разойдутся по Лондону? – спросил я его, скорее даже не спросил, а как бы предупредил. Томпсон, несомненно, был умным человеком, иначе бы он не дожид до почтенного возраста, занимаясь своим ремеслом.

– Можете не сомневаться, мистер Холмс, старый Джек умеет хранить тайны своих клиентов, – с довольным видом заверил меня этот, по-своему достойный человек.

– Ваш ответ обнадеживает, давайте перейдем к делу, – я решил не мешкать, – мне нужны два паспорта.

– Вам и мистеру Ватсону, – перебил меня Томпсон.

– Чутьочку терпения, мой друг, и вы все узнаете.

– Прошу прощения, сэр, – он бы продолжил изливаться в извинениях, но увидев нетерпеливый жест моей руки, кивнул головой и как бы предложил продолжить:

– Итак, – продолжил я, – мне нужны два паспорта - на имя Джеймса Холидей и Эммы Холидей.

Мистер Томпсон, как я уже говорил, был понятливым человеком, поэтому спросил коротко:

– Сколько времени у меня есть?

– К сожалению, времени у меня нет, я бы хотел получить их завтра к полудню, и если вы сделаете, как я вас прошу, то вознаграждение будет очень щедрым.

После этих слов мистер Томпсон, энергично замахав руками в знак протеста, воскликнул:

– Ни о каком вознаграждении не может быть и речи, сэр! Я буду счастлив отплатить вам такой мелочью за оказанную вами помощь. Не обижайте старика, мистер Холмс.

Обстановка в его жилище была более чем скромная, и это удваивало благородство его слов. Знаете, Ватсон, я был очень тронут. Попрощаясь, я покинул его жилище. Дверь за мной незамедлительно захлопнулась, и я услышал лязг многочисленных хитроумных запоров. Заслышав этот звук, подумалось, – старина Томпсон проживет еще долго.

– Я не хотел надолго оставлять Ирэн одну, поэтому поспешил в гостиницу. Если бы вы, доктор, видели ту радость на ее лице при моем появлении, – в этом месте Холмс за-

крыл глаза и грустно вздохнул. Вздох этот произвел на меня тяжелое впечатление, я хотел было спросить о его причинах, но мой друг открыл глаза и продолжил:

– Знаете, Ватсон, мне даже пришлось приложить некоторые усилия, чтобы высвободиться из ее объятий. Очень не хотелось этого делать, но времени у нас было крайне мало, а нам еще надо было выработать план наших дальнейших действий. Расстелив карту Богемии, купленную мною вместе с путеводителем по Богемии, во время похода за подходящей одеждой, мы с Ирэн начали ее внимательно изучать. Должен заметить, доктор, страна просто превосходная, живописная природа и множество небольших и уютных гостиниц весьма располагали к путешествию, но мы туда ехали не за красотами. Мы решили отплыть из Англии в Ревель, оттуда поездом до Праги, а там - в тихий спокойный городок на западе страны, Нейдек, это практически на границе с Германией, что было очень удобно для нас, в случае опасности мы могли быстро перебраться через границу. На первый взгляд план был очень хорошим, но жизнь, как вы сами знаете, часто вносит поправки. Стараясь не думать о будущем в мрачных тонах, мы легли спать, завтра у нас должен быть очень насыщенный день.

Поднявшись со своего места, Холмс направился к каминной полке, взял с нее лежавшую там трубку, раскурил ее, и вернувшись обратно, продолжил:

– С утра, плотно позавтракав, мы занялись нашим гримом. Пара полотенец на живот и седые бакенбарды придали мне вид чиновника, не так давно оставившего службу, Ирэн же с помощью нехитрых манипуляций превратилась в покорную и робкую жену чиновника, полностью зависящую от своего напыщенного мужа. Превращение ее было настолько реальным, что невозможно было заподозрить в этой тихой особе свободолюбивую и энергичную женщину, готовую бороться с самим королем Богемии за свое благополучие. Оглядев друг друга, и оставшись довольными нашим внешним видом, мы покинули наше убежище. Время

близилось к полудню, уже можно было ехать за нашими документами к мистеру Томпсону. Разместившись в кэбе и дав адрес, я, изображая из себя заботливого супруга, как и подобает доброму англичанину, обратился к Ирэн:

– Эмма, дорогая, как ты чувствуешь себя, ведь путь нам предстоит неблизкий? – Ирэн, быстро поняв меня, ответила:

– Я в порядке, дорогой, спасибо.

Мы начали вживаться в роль мужа с женой и старались обращаться друг к другу только по тем именам, которые нам предстояло носить ближайшее время. Поскольку Ирэн была на сцене во многих ролях, ей это удалось быстрее и без особых затруднений, мне же поначалу требовалось контролировать себя. Так, мило болтая о пустяках, о которых обычно болтают семейные люди, мы добрались до жилища Томпсона. Попросив кэбмена подождать пару минут, я, как и положено любящему мужу, чмокнул Ирэн и отправился за нашими документами. Постучав как было условлено в дверь, я тут же услышал знакомое:

– Кого там черти принесли?

– Это Джемс Холлидэй, – я решил назваться по имени в моих новых документах.

– Сейчас, сейчас, одну минуту, сэр, – засуетился за дверью старый плут, через минуту-другую дверь передо мной распахнулась, и я увидел изумленное лицо хозяина квартиры. Оглядев меня с ног до головы, он затем заглянул мне за спину, ища там знакомое лицо, затем вновь оглядел меня, на этот раз уже совсем недружелюбным взглядом, и холодно произнес:

– Что вам угодно, сэр? – меня слегка позабавила ситуация, при других обстоятельствах я не упустил бы возможности розыгрыша, но времени было в обрез, и я решил разрядить ситуацию.

– Здравствуйте, мистер Томпсон, надеюсь, вы успели изготовить то, о чем я вас просил?

Старик, надо отдать ему должное, мгновенно пришел в себя, и, как ни в чём ни бывало, ответил:

– Да, сэр. Правда, мне не пришлось сомкнуть глаз всю ночь, но и документики вышли на славу, ни один полицейский, ни в одной стране не найдет в них ничего подозрительного.

Старик и правда был мастером своего дела. В паспортах присутствовало все необходимые водяные знаки, а затейливая сетка разноцветных линий была выполнена безупречно. Я было полез за кошельком, но рука моя была перехвачена худой, но на удивление сильной, рукой фальшивомонетчика.

– Не обижайте старика, сэр, я может и не всегда был в ладах с законом, но со своей совестью я стараюсь ладить.

С чувством пожав ему руку, я произнес:

– Теперь мы с вами в расчете.

– Вы сами знаете, что это не так, мистер Холмс, такие люди как мы с вами всегда будут приходиться на помощь другу другу.

Еще раз пожав ему руку, я спрятал документы во внутренний карман и поспешил к Ирэн.

– Надеюсь, я не заставил себя долго ждать, дорогая?

– Что ты! Совсем нет, милый!

– В порт Тилбери, – велел я кэбмену.

* * *

Лежащие в моем кармане документы заметно подняли мое настроение и вселили еще большую уверенность в успехе нашего дела. Это не осталось незамеченным, и рука Ирэн нежно погладила мою руку, лежавшую у нее на колене. Мы заговорили о каких-то пустяках, словно и не ожидало нас впереди полное опасности путешествие, за этим занятием мы незаметно для себя добрались до порта Тилбери, откуда и был рейс на Ревель. Жители Британии не так часто пользовались этим рейсом, поэтому взять билеты

перед самым отплытием было делом вполне возможным. Без проблем мы устроились в нашей каюте, и вскоре после длинного гудка мы отчалили. При покупке билетов и посадке я был крайне внимательным, но ничего подозрительного не заметил. В основном это были обычные для подобного места люди, которые собирались покинуть Англию, а остальные - провожающие. Сыщиков, стрелявших глазами по сторонам, я не заметил.

Ирэн очень хорошо переносила морскую качку, и путешествие наше можно было назвать приятным, во всяком случае, на судне мы были в полной безопасности.

– Друг мой! Вы не устали слушать мой рассказ? – внезапно спросил Холмс.

– Как можно! – искренне удивился я, – мне в высшей степени интересно, прошу вас, продолжайте.

– Я прошу вас, доктор, выслушать сегодня меня до конца, мне тяжело носить в себе это.

– Можете не сомневаться.

– Спасибо, Ватсон, я так и думал.

Итак, путешествие наше подходило к концу, и надо было еще раз подумать о наших дальнейших действиях. Вновь разложив карту Богемии на столе, мы вновь тщательно ее изучили и решили придерживаться ранее принятого плана, то есть двигаться в сторону Нейдека, и там затаиться на время. Наш приезд в Ревель прошел так же незамеченным для королевских сыщиков Богемии. Еще находясь на корабле, мы ознакомились с расписанием поездов, идущих на Прагу, время у нас было, и чтобы не торчать на вокзале, мы попросили извозчика покатать нас по старому Ревелю. Все в этом месте дышало историей Тевтонского ордена, в какой-то момент мне даже показалось, что я вижу рыцарей в длинных холщовых рубахах, таскающих на своей спине камни для постройки стен замков. Хотелось бы и остановиться, чтобы пройтись пешком по тем дивным местам, но временем для этого мы не располагали.

На местном вокзале проблем не было, и мы без приключений добрались до Праги, вот тут могли проблемы возникнуть, поэтому мы с особой тщательностью наложили грим и внимательно осмотрели нашу одежду. Ничто не должно было вызвать хоть малейшее подозрение у агентов секретных служб. Простой обыватель мало что знает о работе этих служб, это очень серьезные организации. Службы любой страны тщательно и негласно проверяют всех прибывающих в страну иностранцев, что по понятным причинам вызывало у меня тревогу. Как и проложено, мы должны были пройти таможенный и пограничный контроль, точнее сначала пограничный, а затем уже и таможенный. После благополучного прохождения пограничного контроля, я мысленно еще раз поблагодарил мистера Томпсона, изготовленные им документы не вызвали ни тени сомнения у проверяющего их пограничника. Досмотр нашего багажа был поверхностным, и мы воодушевленные проследовали к перрону, обслуживающего местные линии.

— Нам везло, Ватсон! Отправление нужного нам поезда было через пятнадцать минут, так что мы как раз успели приобрести билеты, и только разместились на наших местах, как поезд тронулся. Забыл вам сказать, как я и думал, вокзал в Праге был полон агентами, но это было делом обычным для любой столицы мира, не думаю, что их ориентировали на нас, это вряд ли, просто они выискивали подозрительных личностей, а супружеская пара не вызвала у них интереса. Описывать наше путешествие нет никакого смысла, единственное, что я хотел бы отметить, Ватсон, так это природу Богемии, виды, открывающиеся по пути нашего следования, просто завораживали. Крутые горы, покрытые лесами, и отвесные скалы приводили в восторг, я невольно подумал, как можно быть королем такой прекрасной страны, при этом оставаясь таким низким человеком, мстящим когда-то, любимой им женщине. В английской прессе нет-нет мелькали слухи, что король Богемии излишне увлекается кокаином, но я тогда не придавал этому никакого значения. Ну мало ли

кто увлекся кокаином, я и сам, как вы знаете, изредка принимаю небольшую дозу, тогда, когда требуется взбодрить свой ум. Зря я тогда не придал этому никакого значения. Все могло бы пойти по другому пути, и сейчас я был бы счастлив.

* * *

Холмс опять замолчал, а я начал размышлять: что же могло помешать моему другу быть счастливым? Конечно, мне в голову пришла некая мысль, но я старался гнать ее от себя, но, к сожалению, другие версии меня не посещали. Тем временем мой друг продолжал:

– Так, любуясь прекрасным ландшафтом, мы добрались до конечной точки нашего путешествия, небольшого городка Нейдек. Городок стоял в окружении гор, покрытых лесами, на окраине протекала небольшая речка, названия которой мы не знали. Как и у любого вокзала, здесь дежурили извозчики. Выбрав экипаж, запряженный парой сытых рысаков, мы спросили у извозчика, знает ли он подходящую для нас гостиницу с полным пансионом и небольшим количеством проживающих.

– Мне ли не знать, – воскликнул он, услышав вопрос, – моя семья живет в этих местах уже более трехсот лет! – и с видом человека, уверенного в своих знаниях и словах, добавил, – можно сразу везти вас к пани Швейковой, там, конечно, несколько дороговато, но зато отличная еда, идеальная чистота и, как вы желаете, не так много постояльцев.

– Простите меня, но я хотел бы знать, кто имеет обыкновение останавливаться у пани Швейковой? – задал я совсем не праздный для меня вопрос.

– Пан хочет знать, не много ли там назойливых иностранцев? – задал встречный вопрос извозчик, и, слава богу, не стал дожидаться ответа, продолжил, – пусть пан не переживает, у пани Швейковой всегда публика почтенная и богатая, это как правило банкиры и адвокаты из Вены, которые

приезжают отдохнуть от суеты и хлопот. Наш Нейдек для этого лучшее место в Богемии, – с гордостью добавил он.

Ответ нашего возницы меня устроил более чем, и мы, болтая о пустяках, без проблем добрались до пансиона пани Швейковой. Пансион, судя по его архитектуре, был с историей. Снаружи он выглядел очень внушительно, стены его были из грубо отесанного камня, крыша была черепичной, местами поросшая мхом, каминную трубу, выложенную из таких же камней, только меньше размером, венчал почерневший от времени флюгер, изображавший средневекового рыцаря верхом и с копьём наперевес. Окна с успехом можно было бы использовать как бойницы, но ящики с цветами, расположенные под ними, говорили о совершенно мирном характере здания. Картину довершала дубовая дверь и над ней вывеска, изображавшая со спины мужчину и женщину, сидящих у пылающего камина. Надо было понимать, что вывеска говорила о покое и уюте, царящих в этом пансионе. Название «У камина» как нельзя лучше дополняло вывеску. Тем временем, пока я осматривал здание снаружи, из дверей выпорхнула женщина средних лет, в белоснежном переднике и прямо-таки пышущая здоровьем и гостеприимством.

– Как вы уже догадались, Ватсон, – обратился ко мне Холмс, – пансион мне понравился с первого взгляда.

Тем временем хозяйка произнесла дежурную фразу всех владельцев пансионов:

– Добро пожаловать в нашу скромную гостиницу, надеюсь, вам у нас понравится, – и тут же без перехода обратилась к нашему извозчику:

– Пан Гавранек, будьте добры, перенесите вещи господ в гостиную.

– Один момент, пани Швейкова, – откликнулся тот.

Внутреннее убранство только укрепило мою симпатию к этому заведению. В гостиной был огромный камин, а стены ее украшало множество рогов всевозможных размеров.

Заметив мой любопытный взгляд, пани Швейкова сочла нужным пояснить:

– Покойный муж, как его отец и дед, были заядлыми охотниками, это все их трофеи.

Дав нам некоторое время осмотреться, она пригласила нас на второй этаж, чтобы показать нам наш номер. В нем оказались спальня с широкой, массивной кроватью, кабинет и нечто подобное гостиной, где можно было выпить кофе, если у постояльцев не было желания спуститься вниз. Из окон номера открывался чудесный вид на горы. Мы остались довольны увиденным, о чем и оповестили нашу гостеприимную хозяйку.

– Располагайтесь, господа, а я сейчас распоряжусь, чтобы ваши вещи подняли к вам в номер.

Только закрылась дверь за нашей хозяйкой, как Ирэн бросилась мне на шею и начала осыпать меня поцелуями, нашептывая при этом:

– Шерлок! Милый! Я так счастлива что мы наконец вдвоем и в безопасности. Спасибо тебе за все, дорогой!

Голова моя пошла кругом! Я не мог подыскать подходящих слов, и только целовал лицо, которое часто видел в своих снах.

Холмс опять прервался и сидел какое-то время молча, с отрешенным видом. Мне было больно смотреть на своего друга в таком его состоянии, и я хотел было снова предложить ему прерваться и продолжить рассказ в любое удобное для него время, но он вдруг опередил меня со словами:

– Все в порядке, дорогой друг, просто я еще не отошел от произошедшего и, видимо, это произойдет не так быстро, как хотелось бы, – вздохнув, он продолжил, – вечером, спустившись к ужину, мы обнаружили за столиком, стоявшим в углу, пару уже немолодых людей, которые вежливо кивнули нам головами и продолжили беседовать о чем-то своем, не обращая на нас абсолютно никакого внимания. Отужинав превосходными на вкус кнедликами, мы перешли в гостиную, возле камина не оказалось никого из посто-

яльцев, и мы удобно расположились подле него, попросив подать нам чай. Чай оказался на удивление неплохим, и я с улыбкой спросил у Ирэн:

– Что, милая, этот чай лучше, чем тот, что тебе предложили в «Маленьком пони»?

– Ах, Шерлок! Не напоминай мне об этом! Мне так стыдно! Чай и там был превосходным.

Мы вспомнили ту забавную сценку, праведный гнев хозяйки и ее возмущенное лицо, и эти воспоминания привели нас в отличное расположение духа. Наши воспоминания были прерваны появлением хозяйки.

– Прошу прощения за беспокойство, – обратилась она нам, – если господа умеют держаться в седле, то у нас для прогулок верхом есть несколько лошадей, и вы можете за умеренную плату совершать на них прогулки по окрестностям.

– Превосходно! – мгновенно отреагировала Ирэн, – Дорогой, ты едешь верхом?

– Ну, для игры в поло может и недостаточно хорошо, но для прогулок пойдет, – с улыбкой ответил я.

– Отлично! – воскликнула она и обратилась к пани Швейковой:

– Когда можно будет воспользоваться вашим предложением?

– Поскольку сейчас конец сезона, и постояльцев сейчас немного, то в любое удобное для вас время.

* * *

В процессе рассказа друг мой слегка оживился. Исчезло то напряжение в лице, что было в самом начале его повествования, появился блеск в глазах, свойственный ему во время его увлечения запутанным делом. Скорее всего, воспоминания о счастливо проведенных днях помогли ему обрести его привычное состояние. Он легко поднялся с крес-

ла, легко прошел из угла в угол, слегка улыбнулся своим мыслям и продолжил:

– Знаете, дорогой друг, я не очень люблю животных, и лошади не исключение. Конечно, я отдаю дань уму и преданности собак и лошадей, но в жизни возиться с ними мне доводилось крайне редко. Как и всякий английский джентльмен, я держусь в седле, но особого восторга это во мне не вызывает. Ирэн же явно была рада предложению нашей хозяйки.

– Милый! Ты не представляешь, как я рада тому, что мы сможем с тобой верхом осмотреть чудные окрестности. Забраться вглубь здешнего леса, и найти какую-нибудь поляну, куда, возможно, не ступала нога человека.

– Конечно, так и сделаем, и я уверен, что такая поляна есть в этом лесу. Однако мы не сразу воспользовались услугами конюшни в нашей гостинице. Для начала мы исходили пешком все окрестности этого тихого и уютного городка. Места здесь были просто замечательными. Мы много времени проводили на свежем воздухе и возвращались очень голодными. Видимо, пани Швейкова догадывалась о том, что вернемся мы с прекрасным аппетитом, и у нее всегда было готово для нас какое-нибудь простое, но очень сытное блюдо, которое мы поглощали с быстротой, не привычной ни для меня, ни для Ирэн. Прогулки и кухня нашей хозяйки действовали на нас весьма благотворно, и вы не поверите, доктор, но я даже поправился на несколько фунтов, – заметив мой недоверчивый взгляд, Холмс наконец-то улыбнулся той улыбкой, которая была присуща ему.

– Да, да, доктор, все так и было, и это не осталось незамеченным Ирэн. Однажды утром, она сказала:

– Милый, тебе не кажется, что ты слегка прибавил в весе? Праздный образ жизни идет тебе на пользу, но лишние фунты не красят никого. Как ты смотришь на то, чтобы воспользоваться предложением нашей хозяйки и взять лошадей для сегодняшней прогулки?

– Прекрасная идея, дорогая!

– Не забудь за завтраком сообщить об этом пани Швейковой.

– Непременно!

Услышав о нашей просьбе по поводу лошадей, хозяйка засуетилась:

– Конечно, конечно! Я вам приготовлю бутерброды на случай, если вы заберетесь далеко и не поспеете к обеду.

В первый день мы просто объехали окрестности, которые раньше обошли пешком. Ирэн изредка напоминала мне о том, что спину нужно держать ровнее, и я даже попробовал проскакать небольшое расстояние легким галопом. Ирэн осталась довольна моим умением, но у меня после этих верховых упражнений болела спина и ноги. Тем не менее я быстро пришел в норму, и мы постепенно расширяли маршрут прогулок все дальше и дальше. Однажды мы заехали в такую глушь, что я встревожился, а найдем ли мы обратную дорогу, но именно в этой глуши нас ожидала та поляна, о которой мечтала Ирэн, а еще старая охотничья хижина, местами покосившаяся, но вполне пригодная для того, чтобы укрыться от дождя и развести огонь в очаге. Там сохранились даже некоторые запасы провианта, оставшиеся от прежних ее посетителей. Теперь мы ежедневно с утра направлялись верхом на нашу поляну. Спасибо пани Швейковой, она никогда не забывала снабдить нас провизией. Погода стояла великолепная, и мы, добравшись до места, отпускали наших лошадей, а сами, лежа в траве, могли любоваться наступающей осенью. Постоянно мы возвращались к вопросу, что побудило короля Богемии вновь начать преследования Ирэн. Скорее всего, причиной тому являлся кокаин. Вы лучше меня знаете, доктор, как пагубно он влияет на мозг человека от чрезмерного употребления, а монарх, по слухам, не мог обходиться без него, и вполне возможно, под его действием он и вспомнил об Ирэн и о том, что не получил назад своего портрета ни при помощи своих сыщиков, ни при моей помощи. Может, этот

факт «давил» на его психику, и при воздействии кокаина желание исправить ситуацию стало навязчивой идеей.

* * *

Природа действовала на нас расслабляюще, и мысли о безумном короле уходили даже не на задний план, а как бы вообще исчезали, и должен признаться, я частично утратил бдительность: перестал всматриваться в лица встречаемых людей с подозрением и видеть в них шпионов нашего могущественного противника. Постепенно я пришел к мысли, что в этом тихом и спокойном месте не происходит ничего из ряда вон выходящего, и секретные службы короля давно перестали обращать свой взор в сторону Нейдека. Не поверите, Ватсон, но здесь даже не было присущих всем пограничным городкам контрабандистов! Мы незаметно для себя влились в жизнь этого славного городка. Местные жители, завидев нас, вежливо снимали при встрече шляпы и обязательно интересовались нашим здоровьем и тем, как нам отдыхается у них. В ответ мы приветливо отвечали, что все прекрасно, и с такой же вежливостью спрашивали о состоянии их здоровья.

Мой друг прервал свой рассказ и принялся методично, не торопясь, набивать свою трубку. Я знал, что таким образом он выдерживает паузу, дающую ему время, чтобы собраться с мыслями перед тем, как продолжить рассказ. В такие моменты я более всего опасался, что он предложит прервать свое повествование и продолжить его, когда я отдохну. Для себя я решил, что ни под каким предлогом я не соглашусь на это, причиной моего согласия на предложение такого рода могла быть только усталость и нежелание продолжать самого Шерлока Холмса, и я молился про себя, чтобы этого не произошло. Не спеша раскурив трубку, мой друг взглянул на меня и, как я и предполагал, предложил отложить свой рассказ на завтра.

– Если только вы сильно устали, Холмс, или вам неприятны ваши воспоминания, я готов... но не скрою, мне бы очень хотелось, чтобы вы продолжили, – в моем ответе явно слышалась просьба, и мой друг кивнул головой.

– Спасибо вам, Ватсон – сказал он, и заметив мой вопросительный взгляд, продолжил, – спасибо за то, что вы согласились выслушать меня. – заметив мой протестующий жест, он остановил меня, подав знак рукой, и продолжил: – Мне нужно высказаться, а ближе вас у меня никого нет, даже своему брату Майкрофту я не смог бы полностью открыться. Поэтому я прошу вас, доктор, набраться терпения и, простив меня, выслушать все до конца.

– Вам не стоит беспокоиться обо мне, Холмс, продолжайте, а я со своей стороны обещаю вам выслушать вас до конца, сколько бы это времени не заняло.

Холмс благодарно кивнул, еще раз затянулся и принялся выбивать пепел из трубки на стоящее рядом блюдо. Конечно, я заметил, что мой друг продлил паузу, вероятнее всего, готовясь к нелегкой части своего рассказа. Должен заметить, что рубку он выбивал несколько тщательней, чем требовалось. Закончив, он продолжил:

– Все хорошее, как я убедился, имеет обыкновение когда-нибудь заканчиваться, и как всегда это случается неожиданно. В один из вечеров раздался стук в дверь, наша хозяйка оповестила нас, что ужин готов, и мы можем спуститься в столовую. Спустившись вниз, я заметил за одним из столов новых постояльцев, пару таких же отдыхающих, как и мы. Я не обратил на них особого внимания, но мужчина вдруг поднялся с места и с возгласом:

– Боже мой! Вы ли это, мистер Холмс? – направился в нашу сторону.

Естественно, я остановился и взгляделся в его лицо. Это был репортер одной небольшой лондонской газеты, который освещал одно из наших с вами расследований, в основном перепечатавший ход дела из центральных изданий, но однажды он брал у меня небольшое интервью. Сделать

вид, что я его не знаю, было невозможно, и ничего в этом не было бы страшного, но наша хозяйка, пани Швейкова, застыла на месте при его возгласе. Она знала нас как мистера и миссис Холлидей. Я вынужден был приветствовать репортера, узнавшего меня.

– Мистер Баффет! Меньше всего я ожидал вас увидеть здесь, – и, взяв его под руку, отвел в сторону, туда, где, по моему мнению, нас не могли слышать присутствующие.

– Я решил отдохнуть здесь от лондонской суеты...и не буду скрывать от вас, от прискучившей семейной жизни, – и без перехода задал мне вопрос:

– Я могу надеяться на вашу скромность, сэр?

– Можете быть уверены, что ни одна живая душа не узнает о нашей встрече. В свою очередь хотелось бы вас просить об одной услуге.

– Все что в моих силах, сэр!

– Отлично! – ответил я, – сейчас вы вернетесь к своей милой спутнице, и скажете ей, что ошиблись и приняли меня за другого человека.

– Я понял вас! – с воодушевлением ответил мистер Баффет, – вы здесь инкогнито занимаетесь очередным исследованием. Я сделаю то, о чем вы простите, но вы должны мне обещать, что первого меня посвятите в подробности после завершения дела.

Я вынужден был обещать ему это и вернулся к Ирэн. Она сидела за нашим столом со скучающим лицом, никак не подав вида, что встревожена этим происшествием.

– Все в порядке? – спросила она меня, выждав некоторое время.

– Не совсем, – ответил я, – но будем надеяться на то, что все присутствующие это пропустят мимо ушей.

– Это вряд ли, – сказала она, слегка покачав головой и указав жестом в сторону пани Швейковой, которая без нужды терла разнос, всем своим видом показывая, что произошедшее ее не касается. Как я тогда надеялся, что все так и есть на самом деле, и она хорошо слышала мистера

Баффета, который оповестил свою спутницу об ошибке. Все это побудило меня вспомнить об осторожности, о которой я практически забыл. Теперь гуляя или катаясь верхом, я периодически оглядывался, но по-прежнему ничего подозрительного не наблюдал. Но в один из дней нам по дороге повстречался незнакомый мужчина, который бы ничем не отличался от отдыхающего, если бы не его излишне пристальный взгляд. Он слишком внимательно разглядывал нас во время приветствия и обычного вопроса об отдыхе и состоянии нашего здоровья. Да и хозяйка наша стала вдруг излишне приветлива и суетлива. Я поведал обо всем замеченном Ирэн, она пыталась успокоить меня, сказав, что я излишне подозрителен и нам по-прежнему ничего не угрожает. Как мне хотелось в это верить! Все-таки меня не оставляло чувство тревоги. Однажды я предложил покинуть эти места, но в ответ она улыбнулась и, прижавшись ко мне, прошептала:

– Все же так хорошо, милый, давай не будем ничего менять.

Я до конца дней своих буду сожалеть о том, что не настоял на своем. Чуть позже я стал замечать все больше незнакомцев в нашем городке, и однажды я спросил у пани Швейковой:

– Скажите, а всегда в это время наблюдается наплыв отдыхающих?

– Да, господин Холлидей, иногда осенью бывает много приезжих, люди хотят видеть осень в наших местах. Она тут чрезвычайно красива.

В другое время ответ полностью удовлетворил бы меня, но только глаза ее в это время не были спокойными. Она как бы пыталась спрятать их от меня. Вновь я поделился своими подозрениями с Ирэн. На этот раз она более внимательно выслушала меня и пообещала сама обращать на все больше внимания. Ровно через три дня она сказала мне:

– Дорогой, не кажется тебе странным то, что когда мы собираемся прогуляться верхом, внезапно довольно-таки многие отдыхающие тоже изъявляют такое же желание, и

как правило, это одинокие мужчины. Тебе не кажется это необычным?

– Ты тоже это заметила? - в свою очередь спросил я, и сам же ответил:

– Это действительно странно. Скорее всего, нам все же придется покинуть это чудное место. Вопрос только один – когда?

– Если мы решили бежать, то медлить не стоит, – ответила она с решимостью в голосе.

– Согласен! Сборы наши времени много не займут, и утром после завтрака сделаем вид, что отправились на обычную верховую прогулку, сами же направимся в Австрию, благо она у нас под боком.

– Так и сделаем, – сказала Ирэн, обнимая меня, – у нас получится всё!

После ужина, поднявшись к себе в комнату, мы, боясь, что нас подслушивают, шепотом и знаками договорились, что возьмем с собой в дорогу. Решили ничего лишнего не брать, только оружие и деньги, хорошо, если бы с утра было пасмурно, тогда без подозрений можно было захватить теплую одежду.

Проснувшись, первым делом я посмотрел в окно - солнца не было.

– Отлично, – подумал я, – все складывается как нельзя лучше.

Позавтракав, я попросил нашу хозяйку приготовить лошадей для обычной прогулки.

– Конечно, конечно, господин Холидей. Все будет сделано, – засуетилась она.

Переодевшись в костюмы для прогулки, мы еще раз проверили, все ли мы взяли, и, убедившись, что все в порядке, спустились вниз, где нас уже ждала с корзинкой для пикника наша услужливая пани Швейкова. Кстати, я обратил внимание на то, что последнее время содержимое нашей корзины несколько увеличилось и стало разнообразнее. Поблагодарив хозяйку, мы направились на конюшню, где нас уже поджи-

дал конюх с готовыми для прогулки лошадьми. Как всегда я дал ему кое-какую мелочь, он помог Ирэн забраться в седло, и мы отправились в путь. Еще вечером мы решили добраться до нашей хижины, и там остаться на ночь, чтобы убедиться, кинутся ли нас разыскивать. Забыл сказать, что хижина стояла на склоне горы и оттуда открывался отличный вид на Нейдек, если бы вдруг в городе возникла какая-то суета, то это не осталось бы незамеченным нами.

* * *

На этом месте Холмс опять прервал свой рассказ. Поднявшись с кресла, он пересек комнату из угла в угол, остановился у камина и довольно долго смотрел на огонь. Затем, не отрывая глаз от пламени, он продолжил:

– Стоило нам заехать в лес, как вскоре мы услышали топот копыт за своей спиной. Оглянувшись, ярдах в пятидесяти от нас увидели мужчину, одетого для прогулки верхом.

– Может, просто отдыхающий? – мелькнула у меня мысль. Я старался не поддаваться излишней тревоге и заставил себя успокоиться. Наш неожиданный попутчик не отставал от нас и в то же время не стремился сократить дистанцию. Так длилось достаточно долго, и даже Ирэн оглянулась несколько раз, чтобы убедиться, следует ли за нами этот человек. В конце концов все это начало мне надоедать, и я решил прояснить ситуацию. Развернув свою лошадь, я направился к незнакомцу, Ирэн последовала за мной.

– Тебе лучше оставаться на месте, дорогая, - пытался остановить ее я.

– Я с тобой, – просто сказала она.

Я не стал настаивать, и мы вместе направились к нашему нежданному спутнику. Завидев наш маневр, незнакомец остановился и сунул руку за борт своего редингота. Конечно, это движение не укрылось от моего взора.

– Он вооружен и готов открыть огонь в случае чего, – мелькнуло в моей голове, – надо быть готовым ко всему.

Не торопясь, всем своим видом показывая, что нам не нужны неприятности, я в точности повторил его движение и нащупал рукоять своего револьвера. Подъехав на достаточно близкое расстояние, я задал незнакомцу вопрос:

– Прошу прощения, пан едет на прогулку, и наши маршруты совпали случайно?

– Можно бы сказать и так, мистер Холмс, но я не буду лукавить с вами, наши маршруты совпали не случайно, но я не намерен причинить ни малейшего вреда ни вам, сэр, ни вашей очаровательной спутнице.

Все было сказано в высшей степени вежливо и учтиво, но вот только при словах «ваша очаровательная спутница» на его лице явственно проявилась гаденькая ухмылка, и я подумал:

– Он провоцирует меня! – мне очень хотелось приблизиться к нему и отвесить увесистую пощечину, но дуэль не входила в мои планы.

– Было бы намного лучше для вас, сэр, если бы вы изменили свой маршрут и оставили нас в покое, – дал я ему, на мой взгляд, дельный совет.

– Вы же понимаете, мистер Холмс, что я на службе и не могу поступить таким образом, – ответил он мне, – давайте сделаем так: вы поедете со мной до первого полицейского участка и там мы с вами все, не торопясь, и обсудим. Как вам мое предложение?

И опять это гаденькое выражение! Признаться, оно меня начинало бесить.

– Вы очень рискуете, сэр, если будете настаивать на своем, – ответил я ему, крепче сжимая свой револьвер.

– Не заставляйте меня применять оружие, – воскликнул он, выхватывая свой пистолет.

Я оказался быстрее! Выхватив свой револьвер, я выстрелил в него, целясь в плечо, но спешка подвела меня. Явно было видно, что пуля вошла ему в грудь, он, покачнувшись в седле, сделал ответный выстрел, и я услышал глухой стон, который издала Ирэн.

– Боже мой! – мысленно воскликнул я.

Ее лошадь, испугавшись выстрелов, пустилась вскачь. Не медля ни секунды, я кинулся догонять Ирэн. Совсем быстро мне это удалось, схватив лошадь за уздечку, я остановил ее и взглянул на Ирэн. Она сидела бледная, с испуганными глазами, правой рукой зажимая рану на груди, из которой сочилась кровь. Вы знаете, доктор, я много видел смертей, ранений, увечий...не скажу, что виденное мною всегда оставляло меня равнодушным, конечно, это тем или иным образом волновало меня, но так, как в случае с Ирэн, было впервые. Горло мое не могло издать ни звука, я просто прижал ее к себе. Эта смелая женщина ответила на мои объятия, и, прижавшись ко мне, тихо произнесла:

– Все будет хорошо, милый... я такая счастливая с тобой... спасибо тебе за все.

– Держись, я тоже знаю, что все будет хорошо, – сказал я в свою очередь, – да и что я мог сказать еще в такой ситуации?

– Сейчас мы с тобой доберемся до нашей хижины, я тебя перевяжу, и ты обязательно поправишься, мы уедем с тобой в какую-нибудь богом забытую страну, и там будем счастливы до конца своих дней, – успокаивал ее я.

– Ты уверен в этом, Шерлок? Все так и будет, как ты говоришь? Пожалуйста, не обманывай меня, я очень хочу быть счастливой с тобой, – проговорила она уже слабеющим голосом.

– Конечно, милая, все так и будет. Нам лишь нужно как можно скорей добраться до хижины.

– Я верю тебе, дорогой, ты никогда меня не обманешь и не бросишь, знаю, будет все, как ты говоришь.

Силы оставляли ее, и я боялся, что она не сможет доехать до места... но я ошибался! В этом хрупком на вид теле царил сильный дух, и она смогла доехать! Правда, на месте она просто рухнула с седла в мои объятия. Занеся ее внутрь, уложил на койку, я расстегнул лиф ее наряда и, увидев место, куда вошла пуля, понял, что надежд на ее поправку практически

нет. Горевать было некогда. Я снял с себя рубаху, разорвал ее на ленты и как смог перевязал рану. Дыхание ее было тяжелым и прерывистым. Очевидно, пуля попала в легкое, и совсем скоро в углу ее рта появилась струйка крови, которая увеличивалась с каждой секундой, и совсем скоро кровь хлынула из горла, она вытянулась и затихла. Все было кончено.

* * *

На моего друга было больно смотреть. Его лицо отражало все муки, какие пришлось ему пережить. Он смотрел в одну точку, и без слов было понятно, что находится он сейчас мысленно далеко отсюда, где-то в лесах Богемии, в той хижине, там, где в один момент рухнули все его мечты о счастливой жизни с любимой женщиной. Я был бессилен ему помочь, никакие слова не смогли бы его утешить. А может, просто не мог подыскать их, поэтому я поднялся, тихо подошел к нему и молча положил руку на его плечо. Этот простой жест вывел его из забытья, он поднял голову и с благодарностью взглянул на меня. Все было понятно без слов, да и не нужны они были в этот момент.

– Спасибо, друг – просто сказал он. В ответ я лишь чуть крепче сжал его плечо. Мгновение позже я занял свое место. Надо было как-то вывести Холма из этого состояния, и я не придумал ничего лучше, как спросить его:

– Что вы намерены делать дальше?

– Не торопите меня, пожалуйста, доктор, – попросил он, – сейчас я продолжу свой рассказ.

И совсем скоро он продолжил:

– Наверное, не стоит говорить вам, что я испытывал в тот момент. По правде сказать, я и сам не смогу все это описать. Мое тогдашнее состояние можно назвать одним словом... ступор, прострация или еще как-то. У меня нет даже желания подыскивать подходящее слово. Не знаю, сколько прошло времени, я только заметил сквозь щели хижины, что начало светать. Мне хотелось оставаться с ней как мож-

но дольше, но в голове у меня начал созревать план мести, который я решил осуществить любой ценой. Выйдя наружу, я отправился в поисках подходящего места для последнего пристанища Ирэн. Таковое нашлось совсем рядом, возле молодой березы. Это было небольшое углубление в земле, которое я постарался расширить подручными средствами. Туда я и перенес свою Единственную Женщину, ту, которую я любил. Уложив ее в эту могилу, я поцеловал ее в последний раз. Мысленно попросил у нее прощения за то, что не оправдал ее надежд, и принялся засыпать землей. После всего я забросал все это место землей, засыпал опавшими листьями, наложил сверху сухих веток... одним словом, постарался сделать как можно незаметней место последнего ее пристанища. Вернувшись в хижину, собрал все ее окровавленные вещи. Я не хотел, чтобы враги знали, что ее нет в живых. Наши лошади паслись совсем рядом, видимо они что-то чувствовали, и при моем приближении с их стороны не было никакой попытки убежать или еще как-то противиться мне. Сев на свою лошадь, я взял за узду другую и отправился в соседний городок. Там сдал лошадей на один из постоянных дворов с просьбой вернуть их пани Швейковой. Хотя я и догадывался, что именно она являлась первопричиной случившегося, но подумал: пусть эти животные будут ей немым укором.

Видно, все силы тайной полиции были стянуты в Нейдек, и я без проблем сел в первый поезд, идущий за пределы страны, благополучно пересек границу, и вскоре был уже в Англии. Прямо с вокзала я отправился к Джеку Томпсону, тому, что изготовил для нас документы.

Взглянув на меня, Холмс спросил:

– Вы знаете, доктор, как трудно изготовить документы? – спросил меня он, и, не дожидаясь ответа, продолжил:

– Это очень кропотливая работа, сэр, требующая огромного внимания к мелочам и не меньшей сосредоточенности. И я был уверен, что мистер Томпсон иногда прибегает к кокаину, чтобы снять напряжение, а так как он очень неплохо

зарабатывал себе на жизнь своим ремеслом, то я решил, что этот порошок у него отличного качества. У меня и самого есть поставщик, но он мелкая сошка в этом деле, и я не знаю, умеет ли он держать язык за зубами. Мне хотелось выйти на того человека, который занимался крупными поставками на всю страну и даже на континент.

Постучав в дверь, я услышал все тот же, не совсем дружеский вопрос:

– Кого там черти принесли?!

– Все того же друга, мистер Томпсон, – ответил я, – это мистер Холмс.

Раздались звуки отпираемых запоров, и появился сам хозяин. Без лишних вопросов он посторонился и жестом пригласил меня войти. Войдя в комнату, так же жестом он предложил мне издавшие виды кресло, чем я и воспользовался. Только усевшись напротив, он задал вопрос:

– Надеюсь у вас все в порядке, мистер Холмс?

– Не совсем, мистер Томпсон, но сейчас мне бы не хотелось говорить об этом. Я, собственно, с просьбой.

Вы тоже достаточно хорошо знаете людей такого сорта, у них не принято задавать лишних вопросов, поэтому он продолжал молча смотреть на меня. Я не хотел заставлять его долго ждать, поэтому сказал напрямик:

– Мистер Томпсон, мне нужен ваш поставщик кокаина.

Его брови слегка приподнялись, и он в ответ задал вопрос:

– Почему вы решили, что я употребляю кокаин?

– Просто я уверен в этом, – ответил я без лишних объяснений.

– Вы правы как всегда, мистер Холмс, но почему-то я со своей стороны уверен, что вам нужен не мой поставщик, – в сообразительности ему было трудно отказать.

– Да, это так, – подтвердил я.

– Не нанесет ли вреда моя откровенность этому человеку, а заодно и мне? – спросил он.

– Можете быть в этом уверены. В данное время я не веду абсолютно никакого расследования, и это мое личное, частное дело.

После сказанного мистер Томпсон поднялся, подошел к своему рабочему столу, нашел на нем чистый лист бумаги и принялся что-то писать. Закончив, он вернулся ко мне и протянул этот клочок бумаги со словами:

– Я вам верю, мистер Холмс. Здесь имя и адрес самого крупного поставщика, но ради Бога, будьте осторожней, эти люди не очень приветствуют людей, которые ищут с ними встречи.

– Спасибо, мистер Томпсон, - с этими словами я поднялся с кресла.

– Будьте крайне осторожны, сэр – вновь он напомнил мне, открывая двери.

– Спасибо, я буду помнить ваш совет, – с этими словами покинул его жилище.

Вернувшись на свою конспиративную квартиру, я решил обдумать план своих действий. Это была та квартира, где мы спрятались с Ирэн. Стоило мне переступить ее порог, как воспоминания нахлынули на меня. Длилось это недолго, ведь я должен был воплотить свой план в жизнь, и мне хотелось сделать это как можно быстрее. Развернув клочок бумаги, что дал мне милейший Томпсон, я прочитал «Остин Кит», проживал это джентльмен в Фулхэме, на северном берегу Темзы.

– Что ж, недурно живет главный поставщик кокаина старушке Европе, – подумалось мне, тем более, что это традиционный район проживания наших епископов.

– Впрочем, меня это не касалось, – мой друг продолжил свой рассказ.

– Надо как следует выспаться, решил я. Добравшись до кровати, я просто рухнул в постель, и как только моя голова коснулась подушки, сон сразу окутал меня. Видно сказались все переживания, произошедшие со мной за последнее время. Проснулся я бодрым, свежим и полным решимости во-

плотить свой план именно сегодня. Воспользовавшись услугами кэбмена, я без труда добрался по нужному мне адресу. Дом представлял собой солидное здание эпохи Викторианства. У дверей стоял внушительной комплекции швейцар в отличной ливрее. Подумалось невольно, если с него снять его наряд, то можно было бы увидеть множество наколок, на эту мысль наводил его угрожающий вид. Скорее всего, он не только открывал двери посетителям, а по совмещению выполнял функции вышибалы, а может, и еще какие и похуже.

– Доброе утро, - обратился к нему.

– Здравствуйте, сэра – ответил он неожиданно приветливо, – могу я узнать, что привело вас сюда?

– Конечно, – в свою очередь сказал я ему, – мне хотелось бы видеть мистера Остина Кита.

– Вам придется подождать немного, я только узнаю, дома ли он. Как прикажете доложить? – спросил меня этот детина, сверля при этом взглядом.

– Доложите, что пришел мистер Холмс, мистер Шерлок Холмс, – ответил я, спокойно выдержав его взгляд.

– Одну минуту, сэра.

Ждать пришлось совсем недолго. Совсем скоро дверь открылась, и швейцар с улыбкой до ушей пригласил меня внутрь.

– Мистер Кит ждет вас. Я провожу вас в его кабинет, – теперь он был сама любезность.

Мы поднялись на второй этаж по дубовой лестнице. Дом внутри был отделан дубовыми панелями, что делало его очень солидным. Поднявшись за своим провожатым на второй этаж, я оказался перед дверью, которую он с готовностью распахнул для меня. Стоило мне переступить порог, как из-за стоявшего внутри кабинета стола поднялся человек, весьма солидной наружности, и направился ко мне со словами:

– Я прошу простить моего швейцара за то, что он заставил вас ждать, мистер Холмс, – лицо его излучало радушие и интерес, – он хороший работник, но, к сожалению, не чи-

тает газет, да это и не входит в его обязанности, – неожиданно он хохотнул.

– Джеймс! – обратился он к швейцару, – распорядитесь, пожалуйста, чтобы нам подали чай.

– Присаживайтесь, сэр, – сказал он, жестом указывая мне на одно из кресел для посетителей.

– Спасибо, мистер Кит, но от чая я, пожалуй, откажусь. Ограничен во времени, – мне не очень хотелось задерживаться.

– Чтобы я отпустил вас без глотка чая!? Это невозможно, сэр! Я настаиваю! – воскликнул он.

Мне не хотелось пререкаться, я просто ответил:

– Хорошо. Будь по-вашему.

Я обратил внимание на то, что во время этого разговора он практически не спускал с меня глаз, но должен заметить, что взгляд его при этом был не подозрительным, а скорее любопытным. Самое интересное – лицо его было очень располагающим к себе. Не знаю я, чем он занимается, то мог бы подумать, что передо мной отличный муж, глава семейства, и просто веселый и добрый человек.

– Что привело ко мне такого известного сыщика? Я уверен, что вы хорошо осведомлены о роде моей деятельности, и ваш визит, признаюсь, является для меня несколько неожиданным, – произнес он, оглядывая меня все с тем же любопытством, и затем добавил, – хочется думать, что не моя деятельность явилась причиной вашего визита.

– Да сэр, именно ваша деятельность и привела меня к вам, – ответил я, и, заметив его мгновенно насторожившийся взгляд, поспешил успокоить мистера Кита, – нет, нет, я пришел к вам не как сыщик, я хочу побеспокоить вас по личному и конфиденциальному делу.

Его лицо сразу приобрело прежнее радушие

– Но чем же я могу помочь вам, мистер Холмс!? – воскликнул он, и опять посерьезнев, добавил, – вы же понимаете, что информацию на своих клиентов я вам не выдам?

– Меня вообще не интересуют ваши клиенты, хотя я знаю, что это весьма и весьма известные особы, – сказал я с видом человека, полностью владевшего данными его клиентов, – меня интересует только один ваш очень давний клиент.

При этих словах мистер Кит вопросительно взглянул на меня, ожидая продолжения.

– Это король Богемии, – произнес я, глядя ему в глаза.

– Кто!? – воскликнул он, я добавил:

– Вы не ослышались, сэр, это король Богемии.

– Этот выживший из ума монарх кого-то ограбил или убил?

– В вашей шутке есть доля истины, сэр, – я не склонен был продолжать разговор в такой манере, – не вдаваясь в подробности, скажу вам: он виновен в смерти очень близкого мне человека. Очень близкого, мистер Кит.

В это время подали чай, и возникла пауза. Пока разливали чай и добавляли молоко, я наблюдал за моим собеседником. На его лице отражались недоумение и напряженная работа мысли. Наконец он оторвался от своего занятия и внимательно посмотрел на меня. Теперь передо мной было лицо человека дела.

– Знаете, сэр, вы сами того не зная, оказывали моим людям довольно-таки важные услуги, кому, я не стану говорить, но вы отводили от них серьезные подозрения, и только благодаря вам, они находятся на свободе... но я не знаю, чем я вам могу помочь. Знаете ли, покушения на монархов не мой профиль, – он пытался шутить.

– Нет, мистер Кит, я не попрошу посылать к нему ваших людей с целью его убийства, это будет слишком примитивно и опасно для нас обоих, – начал было я, но он, перебив меня, воскликнул:

– Тогда что же вы хотите от меня! Прошу прощения за мою несдержанность, – добавил он вежливо

– Нет, сэр, я хочу, чтобы в следующую партию кокаина, предназначенную для него, вы положили вот этот

пакетик, – сказал я, доставая из кармана заранее приготовленный мною сверток, – вам необязательно знать о его содержимом.

– Что вы мистер Холмс! Я даже не видел этого пакета! – сказал он с усмешкой.

– Значит, мы договорились? – спросил я его.

– В общих чертах, сэр, – сказал он, – но дело в том, что я теряю хорошего клиента.

– Я готов, насколько это в моих силах, компенсировать вам убытки, – поняв к чему он клонит, пытался успокоить его.

– Дело не в деньгах, мистер Холмс, вы видите, что я довольно-таки состоятельный человек, – сказал он, обводя рукой свой кабинет, – да и глупо было бы с моей стороны просить у вас денег. Вы владеете куда более лучшим капиталом, чем золото.

– Поясните, – попросил я его.

– Время от времени, – начал он, – меня и моих людей Скотланд Ярд пытается обвинить в тех преступлениях, которые мы не совершали, как вы догадываетесь, это очень облегчает им их работу. Так вот, когда-нибудь я попрошу вас об услуге. Хочу сразу успокоить вас, это произойдет тогда, когда я буду уверен в том, что я и мои люди ни к чему не причастны, я не буду просить вас идти против закона или своей совести.

– Хорошо, – ответил я. – Я помогу вам, если все будет так, как вы говорите. В противном случае...

– Люди моего круга умеют держать слово, – опять перебил он меня.

– Потом он поднес к глазам пакетик, что я ему передал, и произнес:

– Д-а-а-а, не умеет Его Величество выбирать себе врагов, – подытожил он задумчиво.

Я понял, что мы договорились, и встал для того, чтобы откланяться. Он поднялся со своего кресла и проводил меня до дверей, сказав на прощание:

– Я сделаю все, как вы просите, мистер Холмс, и хочу, чтобы вы в этом не сомневались.

– Спасибо. Я и не сомневаюсь, – ответил я и вышел.

Найдя свободный кэб, я отправился на нашу с вами квартиру на Бейкер-стрит. Вот и вся моя история, доктор, – так просто закончил свой рассказ Шерлок Холмс.

– Что я могу для вас сделать, дорогой друг? – спросил я его.

– Спасибо, Ватсон, мне ничего не требуется, только навещайте меня как прежде, – и чуть замаявшись, добавил, – надеюсь, вы теперь не будете видеть во мне преступника?

– Что вы Холмс!? – искренне воскликнул я. Будучи женатым и любящим свою жену, я хорошо понимал своего друга, его чувства и мотивы, что двигали им.

– Я так и думал, спасибо, друг, – при этих словах он пожал мою руку.

* * *

Шло время. Я внимательно просматривал газеты, и вот по истечении четырех недель в одной из центральных газет появилось объявление о кончине короля Богемии - Вильгельма Геттсрейх Сигизмунда фон Ормштейна. Эту новость я нашел и в других изданиях, все газеты печатали заключения медиков, которое гласило, что король скончался от кровоизлияния в мозг. Понимая, что эта новость не обошла вниманием моего друга, я сам не стал оповещать его, и в последствии мы никогда, ни единым словом не обмолвились о произошедшем. Мы оба хотели забыть эту историю, но по-прежнему иногда звучала скрипка моего друга, исполнявшего адажио соль-минор Баха.

СОДЕРЖАНИЕ

Доктор Ватсон и полковник Моран. <i>Повесть</i>	3
<i>Часть I</i> . Афганистан	7
<i>Часть II</i> . Индия	59
<i>Часть III</i> . Сокровища Александра	267
Любовь Холмса. <i>Повесть</i>	335